ДОКУМЕНТЫ

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА 1937-1939

МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ СССР
МИНИСТЕРСТВО ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ЧССР

ДОКУМЕНТЫ ПО ИСТОРИИ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА

1937—1939

Москва
Издательство политической литературы
1979

63.3(0)61
Д63

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

С советской стороны —
В. Ф. МАЛЬЦЕВ
(председатель)
А. П. БОНДАРЕНКО
М. М. ДЕЕВ
А. И. НЕДОРЕЗОВ
И. Д. ОСТОЯ-ОВСЯНЫЙ
С. И. ПРАСОЛОВ
С. Л. ТИХВИНСКИЙ

С чехословацкой стороны —
Д. СПАЧИЛ
(председатель)
П. СТРИЖЕНЕЦ
(заместитель
председателя)
Е. ГРОЗИЕНЧИК
Я. КАШЕ
В. КРАЛ
И. КРЕМПА
Я. МУСИЛЕК
Я. СТРАКА
Б. ШИМАЧЕК

Д63 **Документы** по истории мюнхенского сговора. 1937—1939 / М-во иностр. дел СССР, М-во иностр. дел ЧССР.— М.: Политиздат, 1979.— 471 с.

Д $\frac{11101-335}{079(02)-79}$ БЗ—45—8—79 0506000000

63.3(0)61
9(М)71

© ПОЛИТИЗДАТ, 1979 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть события, которые оставляют в истории глубокий след и долгое время служат уроком не только для тех, кто был их современником, но и для новых поколений. К их числу относятся события, связанные с мюнхенским соглашением 1938 г.

29 сентября 1938 г. в Мюнхене главы правительств Великобритании и Франции Чемберлен и Даладье подписали соглашение с фашистскими диктаторами Германии и Италии Гитлером и Муссолини о передаче значительной части Чехословацкой республики гитлеровской Германии.

Вошедшее в историю как символ позорного предательства, мюнхенское соглашение имело трагические последствия для Чехословацкой республики. Оно привело к ликвидации государственной самостоятельности Чехословакии и фашистскому порабощению чешского и словацкого народов.

Мюнхенский сговор стал кульминационным моментом в политике «умиротворения» фашистских агрессоров, проводившейся правящими кругами Англии и Франции при поддержке США. Цель этой политики заключалась в том, чтобы добиться сговора с агрессивными государствами, и в первую очередь с фашистской Германией, за счет стран Центральной и Юго-Восточной Европы, отвести от себя угрозу агрессии и направить ее на Восток — против Советского Союза. Характеризуя позицию западных держав того времени, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнев говорил: «Антисоветская направленность гитлеровской политики активно поддерживалась реакционными кругами Запада... Они бросали под ноги Гитлеру новые и новые жертвы, лелея надежду,

что он двинет свои полчища на Восток, против страны социализма. Сговор в Мюнхене, выдавший фашистской Германии Чехословакию, был наиболее позорным проявлением этого коварного замысла империалистов» *.

Западные державы полагали, что в Мюнхене ценой предательства Чехословакии им удалось договориться с Гитлером. Однако последующие события опрокинули эти расчеты. Ослепленные антисоветизмом, правящие круги западных держав фактически расчистили гитлеровской Германии путь к развязыванию второй мировой войны и оказались сами перед лицом фашистской агрессии.

О мюнхенском соглашении изданы документальные сборники и материалы, написано немало книг, мемуаров. Однако до сих пор не утихает идеологическая борьба вокруг трактовки этих событий. Современная буржуазная историография продолжает предпринимать настойчивые попытки оправдать мюнхенский сговор, исказить подлинные цели его организаторов, скрыть его роль как существенного звена в цепи событий, приведших к началу второй мировой войны.

Историография социалистических стран, и прежде всего СССР и ЧССР, внесла большой вклад в достоверное освещение истории мюнхенского соглашения, его причин, целей и последствий, разоблачила истинный характер политики «умиротворения» агрессоров, ее антисоветскую, антикоммунистическую направленность, раскрыла правду о виновниках второй мировой войны. Спустя 20 лет после мюнхенских событий, в сентябре 1958 г., министерства иностранных дел СССР и Чехословацкой Республики опубликовали совместный сборник «Новые документы из истории Мюнхена». Это небольшое по объему издание давно уже стало библиографической редкостью.

Настоящий сборник, выпускаемый в свет МИД СССР и МИД ЧССР по истечении 40 лет со времени подписания мюнхенского соглашения и в год 40-летия оккупации Чехословакии гитлеровской Германией и начала второй мировой войны, представляет собой наиболее полное собрание документов из советских и чехословацких архивов, многие из которых публикуются впервые.

---

* *Брежнев Л. И.* Ленинским курсом. Речи и статьи. М., 1970, т. 1, с. 122.

В сборнике содержатся убедительные доказательства предательства Чехословакии правящими кругами западных держав, которые шаг за шагом добивались сделки с агрессором за счет чехословацкого народа. Наибольшую активность проявляла при этом Англия. Правительство Чемберлена стремилось к соглашению с гитлеровской Германией с тем, чтобы добиться от нее обязательства не покушаться на Великобританию и ее колониальную империю. За это оно готово было удовлетворить требование Гитлера о признании Центральной и Восточной Европы «сферой влияния» фашистского рейха. Движимые страхом перед коммунизмом и растущим влиянием в мире Советского Союза, английские правящие круги пытались использовать нацистскую Германию в качестве ударной силы против первого в мире социалистического государства.

Английское правительство считало, что после удовлетворения притязаний Гитлера в отношении Судетской области откроется возможность для широкого соглашения с Германией. Поэтому оно, по сути дела, содействовало гитлеровской Германии в осуществлении ее захватнических планов, направленных против Чехословакии, имея в виду, однако, не доводить дело до войны, в которую могла бы быть втянута Франция, а за ней Англия.

Позиция французского правительства в связи с чехословацким кризисом в конечном итоге совпадала с английской позицией. Несмотря на то что агрессивные действия гитлеровской Германии представляли для Франции непосредственную опасность, французские правящие круги, руководствуясь теми же, что и Англия, недальновидными политическими расчетами, также проводили политику «умиротворения» агрессора. Правительство Даладье, пришедшее к власти в апреле 1938 г., проявляло полное безразличие к своему союзнику Чехословакии. Правда, время от времени под давлением общественности оно выступало с заявлениями о верности Франции заключенным договорам, однако его подлинные намерения были далеки от этих публичных деклараций. Франция поддержала инициативу Лондона об оказании сильного нажима на правительство Чехословакии, с тем чтобы постепенно склонить его к капитуляции перед территориальными требованиями Гитлера.

Из документов сборника видно, с каким цинизмом западные державы предавали интересы чехословацкого

народа и готовили сговор с агрессорами, нашедший свое завершение в подписании мюнхенского соглашения, которое было навязано Чехословакии под угрозой применения силы.

Правительство США официально не участвовало в мюнхенской конференции, но оно поощряло ее созыв и полностью одобрило ее решения.

Предательская роль западных держав в отношении Чехословакии проявилась и после Мюнхена. Английское и французское правительства не выполнили своих обязательств в отношении гарантии новых границ ЧСР. Полгода спустя, в марте 1939 г., гитлеровская Германия, не встретив сопротивления западных держав, захватила всю Чехословакию и ликвидировала ее государственную самостоятельность.

В трагические дни Мюнхена единственным государством, выступившим в защиту чехословацкого народа, был Советский Союз. Документы настоящего сборника свидетельствуют о последовательной и настойчивой политике КПСС и Советского правительства, направленной на создание коллективного фронта защиты мира и предотвращение агрессии.

Когда в марте 1938 г. после аншлюса Австрии возникла непосредственная угроза для Чехословакии, Советское правительство четко изложило свою позицию в отношении организации коллективных действий всех заинтересованных государств в защиту независимости ЧСР. Возможность обуздать агрессора в то время представлялась вполне реальной. Однако западные державы не поддержали советскую инициативу.

Позиция Советского Союза в период чехословацкого кризиса определялась также его интернациональным долгом, готовностью оказать помощь рабочему классу и трудящимся Чехословакии, спасти их от угрозы фашистского порабощения.

Советское правительство неоднократно заявляло о своей неизменной верности союзническому долгу в отношении Чехословакии. Оно выступало за то, чтобы обязательства, зафиксированные в трех двусторонних договорах о взаимопомощи, участниками которых являлись СССР, Франция и ЧСР, подкрепить и материализовать с помощью конкретных военных мероприятий по оказанию своевременной помощи Чехословакии. В мае 1938 г. народный комиссар иностранных дел СССР

М. М. Литвинов по поручению Советского правительства выдвинул предложение о проведении совещания французского, советского и чехословацкого генеральных штабов для обсуждения необходимых мер в защиту Чехословацкой республики.

В связи с дальнейшим обострением обстановки в Центральной Европе, вызванным военными приготовлениями в Германии, Советское правительство в начале сентября 1938 г. предложило широкую программу проведения неотложных мероприятий в целях обеспечения безопасности Чехословакии. Эта программа включала: немедленный созыв совещания СССР, Франции и Англии и опубликование от имени трех держав декларации с предупреждением, что в случае германской агрессии против Чехословакии последней будет оказана помощь; срочное обращение к Лиге наций на основании статьи 11 Устава для констатации факта угрозы германской агрессии в отношении Чехословакии; созыв совещания представителей генеральных штабов Советского Союза, Франции и Чехословакии для разрешения практических вопросов взаимодействия вооруженных сил трех государств в целях борьбы против агрессии. Выдвигая эти предложения, Советское правительство еще раз подтвердило, что исполнено решимости выполнить все обязательства по советско-чехословацкому договору, используя все доступные для этого пути. Советские предложения при условии их выполнения могли стать эффективным средством обуздания агрессора. Тем не менее и на этот раз правительства Франции и Англии отказались их поддержать.

Согласно советско-чехословацкому договору СССР должен был оказать Чехословакии помощь только в том случае, если ей будет оказана помощь со стороны Франции. Такая оговорка была включена в текст договора по настоянию Э. Бенеша. Однако Советское правительство было готово пойти дальше своих формальных договорных обязательств и оказать военную помощь ЧСР и без участия Франции при условии, что сама Чехословакия будет защищаться и попросит о советской помощи.

Советский Союз в период чехословацкого кризиса провел важные военно-мобилизационные мероприятия для обеспечения быстрой и эффективной помощи своему союзнику Чехословакии. Из документов сборника явствует, что мероприятия по повышению мобилизационной

и оперативной готовности Советской Армии охватили не только западные области, но и глубинные районы, вплоть до Волги и Урала. О них были поставлены в известность как чехословацкое, так и французское правительства.

Когда мюнхенское соглашение было подписано, Советское правительство решительно осудило эту позорную сделку, как незаконную с самого начала.

Правящие круги буржуазной Чехословакии, как видно из публикуемых документов, не захотели воспользоваться помощью Советского Союза. Чехословацкие буржуазные лидеры, и в первую очередь президент Бенеш, даже когда на карту была поставлена свобода и независимость чехословацкого государства, всеми своими действиями игнорировали решительную позицию СССР и рассматривали советско-чехословацкий договор о взаимопомощи лишь как козырь в торге с гитлеровской Германией. Они также игнорировали готовность своего народа с оружием в руках бороться против фашистской агрессии.

В своей внешней политике чехословацкое правительство продолжало всецело ориентироваться на Францию и Англию. Оказавшись перед выбором: либо опереться на народ и помощь Советского Союза и дать отпор агрессору, либо стать на путь капитуляции, правительство ЧСР предпочло последнее. В нарушение конституции и вопреки воле подавляющего большинства населения чехословацкие буржуазные лидеры согласились с мюнхенским диктатом империалистических держав. Они пожертвовали национальными интересами, отдав страну на произвол фашистской агрессии. Так в период Мюнхена проявилась предательская антинародная политика чехословацких правящих кругов, и прежде всего реакционной, профашистски настроенной буржуазии Чехословакии.

Единственной политической партией в Чехословакии, выступившей в тот период с четкой программой защиты республики от угрозы фашизма, была Коммунистическая партия. С трибуны парламента, на митингах трудящихся, на страницах своего органа «Руде право» руководители чехословацких коммунистов предупреждали о фашистской опасности, подвергали острой критике курс английского и французского правительств, выступали за союз с СССР, который они справедливо считали единственным надежным гарантом целостности и независи-

мости чехословацкого государства. КПЧ выступала с призывами к единству действий всех демократических сил страны перед лицом опасности, выражая готовность до конца защищать национальные интересы чехов и словаков.

Позиция Коммунистической партии Чехословакии находила широкую поддержку у чехословацкого народа. Помещенные в сборнике резолюции митингов и собраний, письма и телеграммы трудящихся Чехословакии свидетельствуют об их твердой решимости бороться против агрессора. Солидарность с чехословацким народом выражала прогрессивная общественность Европы и всего мира.

Чехословацкие коммунисты и после Мюнхена, в условиях оккупации, продолжали вести решительную борьбу с фашизмом, во время которой отдали свои жизни десятки тысяч членов КПЧ.

В результате разгрома германского фашизма во второй мировой войне странами антигитлеровской коалиции, главной силой которой являлся Советский Союз, были вновь восстановлены национальная независимость и суверенитет чехословацкого государства.

Объединенные усилия стран социалистического содружества в послевоенное время, направленные на то, чтобы добиться юридического признания недействительности мюнхенского соглашения, увенчались успехом. В договоре между ЧССР и ФРГ, подписанном 11 декабря 1973 г., мюнхенское соглашение объявляется ничтожным. Оценивая значение этого факта, Генеральный секретарь ЦК КПЧ, Президент ЧССР Г. Гусак в отчетном докладе на XV съезде КПЧ 12 апреля 1976 г. констатировал: «В договоре о взаимоотношениях между ЧССР и ФРГ был окончательно признан недействительным мюнхенский диктат 1938 г., навязанный Чехословакии под угрозой применения силы, и принято обязательство взаимно уважать территориальную целостность и нерушимость границ между Чехословакией и ФРГ» *.

Однако уроки Мюнхена актуальны до сих пор. Эти уроки говорят о том, что реакционные представители правящих кругов империалистических держав, исходя из своих узкоклассовых интересов, могут не задумываясь торговать суверенитетом других государств, идти на

* XV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, 12—16 апреля 1976 г. М., 1977, с. 86.

сделку с агрессором и принести в жертву мир, свободу и независимость народов. Уроки Мюнхена свидетельствуют о том, какую огромную опасность для дела всеобщего мира таит в себе политика антикоммунизма и антисоветизма, которая в истории всегда играла и играет на руку наиболее агрессивным, милитаристским и шовинистическим элементам.

Чехословацкий народ сделал свои выводы из трагических событий Мюнхена. Дружба и прочный союз с СССР и другими странами социалистического содружества являются надежной гарантией национальной независимости Чехословацкой Социалистической Республики. «Жизнь подтвердила прочность советско-чехословацкого союза,— говорится в совместном заявлении, подписанном Л. И. Брежневым и Г. Гусаком 2 июня 1978 г. во время визита партийно-правительственной делегации СССР в ЧССР,— который надежно служит делу защиты национальных интересов обеих стран, упрочения единства и сплоченности социалистического содружества, укрепления европейского и всеобщего мира» *.

* * *

Документы, включенные в сборник, охватывают период с ноября 1937 г. по март 1939 г. Многие документы публикуются впервые. В сборнике содержатся выступления руководящих деятелей Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства, а также Коммунистической партии Чехословакии, заявления и призывы КПЧ, документы переписки правительства СССР и правительства ЧСР с правительствами других стран, переписка Народного комиссариата иностранных дел СССР и министерства иностранных дел ЧСР со своими дипломатическими представительствами за границей, ноты, записи бесед, резолюции митингов и письма трудящихся Чехословакии и другие документы.

Документы расположены в сборнике в хронологическом порядке. В конце сборника помещены советские и чехословацкие официальные документы, относящиеся к периоду 1970—1974 гг. и касающиеся вопроса об аннулировании мюнхенского соглашения.

Документы воспроизводятся, как правило, полностью. Ряд документов публикуется с опущением некоторых

* Правда, 1978, 3 июня.

частей, не имеющих прямого отношения к теме издания; такие опущения обозначаются тремя точками в квадратных скобках. Различного рода служебные пометки на документах не воспроизводятся. Редакционная правка отдельных неточностей в тексте (пропуск букв, опечатки и другие орфографические погрешности), не имеющих смыслового значения, не оговаривается.

Тексты документов публикуются по экземплярам, хранящимся в советских и чехословацких архивах. При этом после текста документа указывается: «Печат. по арх.» (печатается по архиву). Если документ был ранее опубликован, то там же указывается название соответствующего издания. Документы, не имеющие ссылки на архив, печатаются по указанным изданиям.

Заголовки и расположение дат документов принадлежат редакции.

Издание снабжено примечаниями и указателем имен.

Работу по выявлению документов и подготовке сборника к печати, а также по составлению предисловия и научно-справочного аппарата выполнили:

с советской стороны — сотрудники Историко-дипломатического управления и IV Европейского отдела МИД СССР В. И. Гладнева, Ю. С. Дедов, Н. П. Павлова (руководитель), Р. В. Сушкина;

с чехословацкой стороны — сотрудники Архивно-документационного отдела и I Территориального отдела МИД ЧССР Т. Гладка, Э. Кубу, П. Стриженец (руководитель), И. Фурдик.

Вы помните, как в тяжелые дни позорной мюнхенской сделки только Советский Союз предложил реальную помощь Чехословакии. Но чехословацкая буржуазия предпочла национальную измену союзу со страной социализма. Чехословакия была расчленена и оккупирована гитлеровцами. Вырвать родину из неволи, отстоять ее единство и вернуть ей независимость — эти задачи легли на плечи трудящихся, и прежде всего рабочего класса Чехословакии и его авангарда — Коммунистической партии.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на митинге советско-чехословацкой дружбы в Москве 27 октября 1969 г.

Мы знаем, что в дружбе с Советским Союзом чехословацкий рабочий класс и его авангард — Коммунистическая партия всегда видели путь к обеспечению прочной независимости и свободы Чехословацкого государства. В трагические дни Мюнхена чехословацкие коммунисты призывали страну к прочной опоре на Советский Союз, который ясно продемонстрировал свою верность союзническому долгу. В годы испытаний второй мировой войны этот курс коммунистов стал ориентацией всего чехословацкого народа.

Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на митинге чехословацко-советской дружбы в Праге по случаю подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР 6 мая 1970 г.

Фашизм и война суровой страницей вписаны в историю наших народов. Позорный мюнхенский диктат, путем которого реакционные представители империалистических стран без нашего участия и вопреки воле нашего народа решили нашу судьбу, стал началом ликвидации республики, фашистского порабощения наших народов, самого тяжелого периода в нашей новейшей истории.

Ответственность за шестилетние страдания нашего народа несут также правящие круги чешской и словацкой буржуазии. Они отступали перед нажимом международной и внутренней реакции, отметали помощь, предложенную Советским Союзом, игнорировали голос народа, который был полон решимости не поддаваться агрессору и защищать республику. В итоге они капитулировали; многие из них довершили предательство национальных и государственных интересов, вступив в прямое сотрудничество с нацистами.

За близорукую политику реакционных кругов Запада вскоре расплатились и народы этих стран. Они стали жертвами фашистского нападения и должны были отчаянно сражаться за свою свободу и существование. Человечеству угрожала опасность, которой оно до сих пор не переживало.

На пути к полному осуществлению планов Гитлера стояла последняя крепость — надежда человечества, Советский Союз, подвергшийся тяжелым испытаниям. Нацистская Германия сосредоточила против него крупнейшую за всю историю войн агрессивную военную силу и военно-промышленный потенциал почти всей Европы.

Советский Союз, его героический народ и армия вынесли на своих плечах главную тяжесть второй мировой войны...

Коммунисты, которые еще до Мюнхена последовательно выступали в защиту республики от фашизма и никогда не признавали мюнхенский диктат, в ходе Сопротивления приносили наибольшие жертвы и, вопреки

всем преследованиям и террору, на весь период войны остались главной политически организованной антифашистской силой. Своей борьбой в это роковое для нашего народа время они доказали свой высокий патриотизм.

Чешские и словацкие коммунисты вели борьбу за объединение на основе революционной программы всего движения Сопротивления в единый мощный антифашистский поток. Борьбу за национальную свободу они неразрывно связывали с требованиями социального освобождения, стремились к тому, чтобы Чехословакия стала государством, где у власти находятся трудящиеся, которые осуществят глубокие общественные преобразования и сделают опорой своей безопасности союз и дружбу с Советским Союзом.

Из доклада Генерального секретаря ЦК КПЧ Г. Гусака на торжественном заседании в Праге, посвященном 30-летию Победы над фашизмом и 30-летию освобождения Чехословакии, 7 мая 1975 г.

1. Из речи депутата КПЧ К. Готвальда в палате депутатов Национального собрания ЧСР

30 ноября 1937 г.

[...] Сегодня уже многим стало ясно, что предоставлять свободу рук фашистским захватчикам в Абиссинии, Испании и Китае означает прямо подталкивать их к тому, чтобы они попытали свое разбойничье счастье и в других местах, в том числе в Чехословакии. И действительно, преступная уступчивость буржуазных демократических государств и их правительств по отношению к фашистским захватчикам уже приносит свои плоды и в том, что касается Чехословакии. Никогда еще гитлеровский третий рейх не вел себя в отношении Чехословакии столь дерзко и вызывающе, как сегодня. Из так называемого теплицкого инцидента [1], т. е., по существу, из ничего, Геббельс сделал событие мирового масштаба, превратив его чуть ли не в повод для интервенции.

И если сейчас Гитлер осмеливается обсуждать с английскими лордами вопрос о судьбе Чехословакии, да еще в том же тоне, в каком он обсуждает с ними вопрос о колониях, то действительно наступил такой момент, когда все честные люди Чехословакии должны понять, как далеко зашло дело, и действовать соответственно. [...]

К сожалению, иного взгляда придерживаются некоторые реакционные английские лорды. Совершенно очевидно, что прогитлеровски настроенная группа английских консерваторов несет наибольшую ответственность за то, что в Испании так долго бесчинствует итальянская и германская военщина. В последнее время в определенных кругах у нас стало модно буквально пресмыкаться перед разными английскими реакционными консерваторами. Дело приобретает такую окраску, словно от благосклонности этих господ зависит судьба Чехословакии. И за это их нужно еще благодарить. Если будут использованы те же методы, какие они применяют в отношении

Испании и Китая, то такие друзья нам дорого обойдутся. Однако, к счастью, английские профашистски настроенные консерваторы — это еще не английский народ, который отнюдь не в восторге от их политики и не одобряет ее, а если бы английская лейбористская партия проводила правильную, подлинно рабочую политику, то из Лондона подул бы совсем другой ветер и мы в Праге могли бы спать спокойнее.

Политика прогитлеровски настроенной группы английских консерваторов является политикой поощрения фашистских захватчиков. Пагубность этой политики мы особенно ясно чувствуем именно сейчас, когда в Лондоне о нас говорят без нас и когда несколько дней назад без нас говорил с Гитлером о нас достопочтенный лорд Галифакс [2]. Вот красноречивый пример того, как фашистский захватчик вознаграждается за счет третьего, и необходимо уяснить, что на сей раз этим третьим становится наша страна, Чехословакия. Сегодня речь идет уже не только об Абиссинии, Китае и Испании. Сегодня начинают торговать и нами, начинают ставить на карту и нас.

Мы еще не знаем, какую позицию займут или заняли в Лондоне французские министры, но, как показывает имеющийся опыт, следует серьезно опасаться того, что французские министры ради сохранения англо-французской дружбы весьма во многом пойдут на поводу у прогитлеровски настроенных английских лордов. Во всяком случае, так было уже не раз. И все же результаты и опыт учат, что это ошибочная политика. Совершенно очевидно, что англо-французское единство необходимо, но это должно быть единство против фашистских захватчиков, а не единство в их поощрении. Не менее очевидно и то, что Англия нужна Франции, однако в такой же степени и Франция нужна Англии, так как в конечном итоге Гитлер ставит задачу подорвать позиции Великобритании в мире. Поэтому любое английское правительство должно было бы добиваться того, чтобы правительство Франции решительно преградило путь политике дальнейших уступок, поощрений и вознаграждений фашистских поджигателей войны. [...]

Поскольку во внешнеполитическом плане наша республика становится объектом устремлений фашистского третьего рейха, то тем большую роль начинают играть политические отношения внутри нашего государства.

Пока еще не начали стрелять, но фронты обозначились уже настолько, что примерно видно, кто где будет стоять, когда положение станет критическим. Совершенно ясно, что Генлейн и его унтер-фюреры являются прямой агентурой третьего рейха. Не может быть никаких сомнений в их отношении к защите республики и демократии. Однако, с другой стороны, доказано, что реакция в чешском лагере, особенно представители правого крыла крупнейшей правительственной партии [3], хотела бы объединиться с гитлеровской генлейновской агентурой и с ее помощью осуществить правый переворот внутри страны, а во внешнеполитическом плане привести Чехословакию в подчинение Берлину. До такой степени, следовательно, за последние два года фронты уже определились. Необходимо сказать, что достаточно плохо уже то, что у нас в республике есть Генлейн. Однако гораздо хуже и опаснее то, что Генлейн смог найти себе союзников в чешской партии, и к тому же в ведущей правительственной партии. [...]

Печат. по изд.: *K. Gottwald.* Spisy, sv. VIII Praha 1953, str. 135—137, 139.

[1] Во время областного съезда судето-немецкой партии Генлейна в г. Теплице 17 октября 1937 г. группа депутатов этой партии во главе с К. Франком пыталась организовать античехословацкие выступления, в связи с чем была вынуждена вмешаться полиция.

[2] Имеется в виду визит в Германию лорда-председателя Совета Великобритании Э. Галифакса. Во время беседы с Гитлером в Оберзальцберге 19 ноября 1937 г. лорд Галифакс дал понять, что при условии сохранения целостности Британской империи английские правящие круги готовы предоставить Германии свободу рук в отношении Австрии, Чехословакии и Данцига. Он сделал лишь оговорку о том, чтобы эти намечаемые «изменения были произведены путем мирной эволюции». Галифакс заявил Гитлеру, что Германия может по праву считаться «бастионом Запада против большевизма».

[3] Речь идет о республиканской партии малоземельных крестьян, известной под названием аграрной партии.

2. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Германии в ЧСР

9 декабря 1937 г.

Я передал Эйзенлору информацию об эмигрантской печати. Просмотрев ее и увидев, что мы объявляем о принятии мер против эмигрантской печати unter der Vor-

aussetzung [1], что нечто подобное будет проведено и в Германии, он спросил, означает ли это, что тем самым мы выдвигаем условие, от выполнения которого зависят упомянутые действия. Я объяснил ему, что это не следует понимать таким образом. Мы хотим немедленно приступить к осуществлению объявленных мер против эмигрантской печати, но обращаем внимание на то, что вряд ли сможем все это провести, если в Германии против нас будет вновь развязана кампания в печати и если там ничего не будет предпринято для пресечения клеветнической античехословацкой пропаганды, направляемой нашими бывшими гражданами. (Г-н президент республики, которого я информировал об этой своей беседе 9 декабря, выразил полное согласие с моей позицией.)

В ходе дальнейшей беседы мы говорили в общих чертах о наших отношениях с Германией и о том, насколько и каким образом может повлиять на них наша политика в отношении немецкого меньшинства. Эйзенлор вновь подтвердил, что, несмотря на тот понятный интерес, который Германия проявляет к нашим немцам, она не хочет и не может вмешиваться в вопросы нашей политики в отношении меньшинств.

Затем посланник спросил меня, насколько верны сообщения о том, что во время визитов Дельбоса [2] вновь говорилось об оборонительном договоре Малой Антанты с Францией. Я сказал, что, по моему мнению, это исключено, так как ни мы, ни Франция на нем не настаиваем. Я признал, что идею такого пакта считаю похороненной. Эйзенлор с удовлетворением принял это к сведению, дав понять, что переговоры о таком пакте могли бы вновь обострить наши отношения с Германией.

Далее Эйзенлор обратился ко мне с вопросом о том, просили ли мы или будем просить о дополнении нашего гарантийного пакта с Францией. В своем выступлении я, по его словам, отрицал это, однако от нескольких находящихся здесь миссий он слышал, что о чем-то таком говорилось. Я еще раз подтвердил то, о чем говорил в своем выступлении, и довольно подробно объяснил, как у нас возникли соображения о необходимости дополнить наш пакт в обстановке, когда со всех сторон поступали сообщения о вторжении Германии в Чехословакию в связи с волнениями наших немцев. Взвесив эти соображения, мы пришли к убеждению, что расширение нашего пакта с Францией не является ни желательным,

ни необходимым. Поэтому ни о чем таком французов мы не просили. Для того, чтобы успокоить наше встревоженное общественное мнение, нам оказалось достаточным заявления Дельбоса в Лилле [3].

Перед уходом Эйзенлор спросил, продолжаем ли мы изучение просьбы Германии разрешить создание в Чехословакии политической организации граждан германского рейха. Я ответил утвердительно, сказав, что, по всей вероятности, будет найдено удовлетворительное решение.

Крофта

Печат. по арх.

[1] — при условии (*нем.*).

[2] В декабре 1937 г. министр иностранных дел Франции И. Дельбос посетил ряд государств Центральной и Восточной Европы, с которыми Франция имела союзные договоры. С 15 по 18 декабря он находился в Праге (см. док. № 5).

[3] Имеется в виду выступление Дельбоса 27 октября 1937 г. в Лилле на проходившем там 34-м ежегодном съезде партии радикал-социалистов, где он отметил, что советско-французский союзный договор и другие союзнические обязательства Франции сохраняют свою силу.

3. Из письма посланника ЧСР во Франции министру иностранных дел ЧСР

11 декабря 1937 г.

[...] Причиной, побудившей Чемберлена направить лорда Галифакса в Берлин, были его сомнения относительно Франции и ее способности проводить позитивную политику и сопротивляться тому, что происходит внутри страны. Чемберлен стремился рассеять эти сомнения, преследовал цель заключить с Германией «gentlemen's agreement» и хотел узнать, насколько сильным будет сопротивление Франции этому.

На Кэ д'Орсе знали, что в английском кабинете существуют значительные разногласия по вопросам внешней политики. Сэр Джон Саймон и сэр Самюэль Хор выступали за соглашение с Германией. Что касается сэра Джона Саймона, то он лишь продолжает свою политику, сущность которой он весьма красноречиво продемонстрировал, когда 18 июня 1935 г. заключил с Германией морское соглашение, предварительно не договорившись с Францией и даже не уведомив ее об этом. [...]

Кроме того, здесь была проведена акция против политики коллективной безопасности и альянсов. Во время проведения этой акции утверждалось, что французы лишь говорят о коллективной безопасности, а сами при этом проводят политику альянсов, доказательством чего являются альянсы Франции с Чехословакией и с Советской Россией. Они якобы направлены против Германии и служат причиной всех нынешних политических трудностей, беспокойства и напряженности в отношениях между Германией и Западной Европой. [...]

Леже не сомневается в честности лорда Галифакса, однако известно, что немцы проявляют понимание его точки зрения либо «ont feint de comprendre» [1], так что заявления лорда о том, что Англия не может не интересоваться делами на Востоке, были сделаны лишь ради красного словца, а в действительности Англия ради Востока не пошевелит и пальцем. Так как лорд Галифакс проявил сдержанность и оставил без ответа то, что ему было высказано Гитлером и другими немцами, в Берлине сложилось впечатление, что с Англией можно договориться. Поскольку Леже знал об этом, то к сообщению лорда Галифакса французы отнеслись с недоверием и подвергли его хотя и вежливому, но весьма тщательному допросу. [...]

С сердечным приветом преданный Вам

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S 49, 50, 51.

[1] — «создают видимость понимания» *(фр.)*.

4. Из речи сенатора от КПЧ Й. Юрана в сенате Национального собрания ЧСР

14 декабря 1937 г.

Нашу точку зрения по обсуждаемому государственному бюджету уже высказал тов. Готвальд в палате депутатов. Мы, коммунисты, голосуем против бюджета в целом из-за его антинародного характера, а также потому, что речь идет о бюджете правительства, к политике которого в целом у нас нет доверия. Однако мы видим разницу между правительством и республикой. Мы го-

лосуем за статью президента республики, давая тем самым понять, что твердо и решительно выступаем против внутренних и внешних врагов. Мы голосуем за статью министерства иностранных дел, чтобы подчеркнуть свою готовность поддержать ту часть внешней политики, которая подвергается нападкам реакции, т. е. политику мира, политику безопасности, политику добрых отношений с союзниками, и особенно с Советским Союзом. [...]

Вчера, например, депутат Неезхлеб-Марха, хотя и пытался разоблачить предательскую деятельность судето-немецких представителей на конференции в третьем рейхе [1], хотя и говорил о немцах, однако он не сказал, какого направления придерживаются эти немцы. Сделал он так потому, что ими могли быть немцы из судето-немецкой партии, т. е. партии, которой покровительствуют лидеры чешских аграриев и которую они хотят протащить в правительство.

Он говорил также о союзниках Чехословакии и называл при этом Малую Антанту и Францию. Однако он забыл о Советском Союзе, с которым Чехословакия имеет гораздо более далеко идущие союзнические обязательства на случай войны. Только Советский Союз дает Чехословакии гарантию, что в случае, если она подвергнется нападению, чехословацкое государство будет защищено.

Берлинские органы печати распространяли сообщения о большевизации Чехословакии, о советских аэродромах и о том, что Чехословакия вызывает беспокойство и провоцирует войну. К использованию подобных методов политической борьбы в Европе сейчас прибегают почти ежедневно.

Это неслыханные, буквально насильственные методы. В практику международной политической жизни их ввел именно фашизм. Они используются с целью как подготовки к военным действиям против стран, избранных в качестве объектов агрессивных устремлений, так и запугивания этих стран. Жертвы должны быть обработаны настолько основательно, чтобы сдались без борьбы. [...]

Печат. по арх.

[1] Речь идет о состоявшемся в Германии съезде немцев, живущих за границей, на котором судетские делегаты выступили с планами присоединения Судетской области к Германии.

5. Из письма полномочного представителя СССР[1] во Франции народному комиссару иностранных дел СССР

27 декабря 1937 г.

[...] Совершенно отличный от других визитов характер носил визит [Дельбоса] в Чехословакию. Этот визит у всех друзей коллективной безопасности, пожалуй, вызвал и наибольшее опасение. Чехословакия, в силу своего географического и внутриполитического положения, является одной из стран, наиболее заинтересованных в укреплении системы коллективной безопасности, в усилении Лиги наций и в эффективном противодействии агрессору. Чехословакия находится под самым непосредственным ударом Германии и в противоположность другим членам Малой Антанты не может питать надежд на то, чтобы найти с Германией модус вивенди, не пожертвовав частью своих суверенных прав или даже частью своей территории. У Чехословакии нет и не было к тому же никаких трений с Францией, если не считать за трения серьезную тревогу за судьбу франко-чехословацкого пакта или, точнее, неуверенность, выполнит ли Франция свои союзные обязательства. Визит Дельбоса в Чехословакию был бы поэтому оправдан и имел бы смысл лишь в том единственном случае, если бы Дельбос поехал туда с одной лишь миссией, с одной лишь простой задачей — рассеять у чехов их сомнение насчет Франции, поехал заявить, что Чехословакия может твердо рассчитывать на Францию и не должна поэтому поддаваться ни провокациям, ни запугиваниям со стороны Германии. Но этого-то как раз меньше всего и ожидали от визита Дельбоса. Все знали, что все турне Дельбоса и, следовательно, его визит в Чехословакию был заранее согласован с англичанами, никогда не проявлявшими особого интереса к Чехословакии и никогда полностью не признававшими к тому же правоту чехов в их споре с Германией, но самое главное, все знали, что визит в Чехословакию был вдвинут в рамки общего плана «умиротворения Европы», что обозначило и не могло не обозначить ничего иного, как нащупывание путей для подготовки соглашения с Германией. Одной из предпосылок для такого соглашения является «урегулирование чехословацкого вопроса», и всем было ясно, на кого в первую очередь будет оказано давление в этом вопросе.

Уже немедленно вслед за лондонской конференцией [2] распространились слухи, что Дельбос едет в Прагу с миссией воздействовать на чехов, чтобы те пошли на какие-то новые уступки судетским немцам. Этого, по сути дела, не отрицал и сам Дельбос, отводивший себе, правда, при этом лишь роль объективного передатчика мнения англичан (сам он не высказывался). Поскольку можно судить по данным, поступившим к нам от журналистов, сопровождавших Дельбоса в Прагу, он очень широко использовал там эту функцию советника. По всем данным вопрос о пределах чешских уступок (и о новых уступках) немецкому меньшинству стал центральным вопросом всех переговоров Дельбоса в Праге. Вопрос этот приобрел особую остроту в свете тех общих задач того туманного и неясного плана «умиротворения в Европе», одним из составных элементов которого является и все турне Дельбоса. [...]

Я. Суриц

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 374—375.

[1] До мая 1941 г. дипломатические представители СССР за границей официально именовались полномочными представителями (сокращенно — полпред.).

[2] 29—30 ноября 1937 г. премьер-министр Франции К. Шотан и министр иностранных дел И. Дельбос посетили Лондон, где они вели переговоры с английскими государственными деятелями о политике в отношении Чехословакии. Премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен заявил во время переговоров, что его страна «не должна быть втянута в войну из-за Чехословакии» и что в случае агрессии против ЧСР Англия должна «сохранить за собой свободу действий». Французские представители дали понять, что союзный договор Франции с ЧСР не вступит в силу, если Германия присоединит Судетскую область, не прибегая к открытой агрессии.

6. Из письма руководства КПЧ всем партийным организациям о заседании ЦК КПЧ 11—12 декабря 1937 г.

конец декабря 1937 г.

[...]

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Нет сомнений в том, что независимость Чехословакии уже сейчас поставлена на карту в игре великодержавных сил. События последнего времени показывают, что гит-

леровская Германия проблему Чехословакии ставит уже чрезвычайно остро. Тов. Готвальд в своем докладе осветил одно обстоятельство, которое вскоре после этого было подтверждено развитием событий. Нельзя думать, подчеркнул он, будто давление гитлеровской Германии на Чехословакию может осуществляться только в форме прямого, открытого военного нападения. Необходимо считаться также и с тем, что гитлеровская Германия, оказывая все более сильный нажим, используя дипломатический шантаж и лицемерно демонстрируя свое миролюбие, попытается добиться того, чтобы Чехословакия отказалась от сопротивления германскому фашизму и вступила на путь, который приведет к ее порабощению и установлению над ней гегемонии Берлина. На деле это означает сохранение непосредственной опасности того, что удастся заставить Чехословакию отойти от нынешней линии ее внешней политики и, по примеру Польши, Австрии и т. п., принудить ее к роковым уступкам перед агрессивностью Германии. Эта опасность нашла свое конкретное проявление в связи с визитом министра иностранных дел Франции Дельбоса в Чехословакию. Дельбос привез в Прагу советы английских консерваторов Чехословакии стать на путь соглашательства с гитлеровской Германией. По существу, дело должно дойти до прямых переговоров между ЧСР и Германией, при этом отстаивается мысль о допустимости двусторонних соглашений. Переговоры должны касаться соглашения о том, что чехословацкая и германская печать не будут предпринимать взаимных нападок, причем дело должно дойти не только до запрещения ряда газет немецкой антифашистской эмиграции на территории ЧСР, но и до прекращения антигитлеровских выступлений в чехословацкой печати. Кроме того, Чехословакия должна разрешить создание фашистской национал-социалистской организации граждан третьего рейха в отдельных районах ЧСР, причем эта организация должна быть подчинена непосредственно германскому посланнику в Праге. Наконец, чехословацкое правительство должно разрешить распространение в ЧСР книги Гитлера «Mein Kampf». Одновременно говорят об уступках Гитлеру в судето-немецком вопросе, в вопросе отношения к партии Генлейна. Генлейновцы рассчитывают на то, что с ними будут обсуждать вопросы внутриполитического характера, а чешская правая реакция надеется, что ей удастся провести партию Генлейна

в правительство с целью осуществить таким путем общий поворот вправо как внешней, так и внутренней политики Чехословакии. Следовательно, существует опасность того, что на Чехословакию будет оказано давление со всех сторон. Она подвергается давлению не только из Берлина и Рима. Очень опасный нажим на нее оказывают и английские консерваторы, которые стремятся к компромиссному соглашению с гитлеровской Германией и мечтают об осуществлении пакта четырех: Англии, Франции, Германии и Италии. При этом тяжесть таких компромиссов с гитлеровской Германией должны нести малые государства, и прежде всего Чехословакия, а Советский Союз должен быть отстранен от решения вопросов общеевропейской и центральноевропейской политики. Подобные планы английских консерваторов, которые Франция до сих пор поддерживает, оказывая разного рода услуги, означают дальнейшие уступки фашистским государствам, дальнейшую поддержку их агрессивности, их самонадеянности, дальнейший отход от решительной мирной политики.

Эта реальная опасность ставит перед трудящимися одну священную задачу: повышать бдительность в том, что касается чехословацкой внешней политики, и еще более активно вмешиваться в решение ее вопросов. Это означает, что необходимо выступить против опасности двустороннего соглашения Чехословакии с Германией, против уступок в вопросах антигитлеровской пропаганды, в вопросах антифашистской немецкой эмиграции, выступить против разрешения создания фашистской шпионской организации, против распространения гитлеровской «Mein Kampf» и т. д. Это означает, что мы должны решительно выступить против любых попыток заставить Чехословакию отойти от принципа коллективной безопасности и от Лиги наций. Это означает в первую очередь, что мы должны самым решительным образом выступить против любого ослабления союзнических связей с Советским Союзом. Сегодня наша главная задача состоит в том, чтобы Чехословакия, наоборот, насколько можно теснее примкнула к Советскому Союзу как своей единственной надежной опоре в борьбе за мир.

В области внутренней политики главной задачей является мобилизация самых широких масс трудящегося народа, всех антифашистов и демократов, противодействие любым уступкам партии Генлейна. Необходимо

заставить замолчать чешскую реакцию, готовящуюся к открытому сотрудничеству в правительстве с этой гитлеровской ирредентистской агентурой. При этом мы обращаем внимание на важное решение Центрального Комитета партии, который постановил, чтобы 18 февраля, в день, когда год назад было заключено соглашение между правительством и активистскими немецкими партиями, на территориях с преобладанием немецкого населения была организована широкая кампания собраний и выступлений. Этой кампанией партия намерена продемонстрировать, что она выступает против уступок Генлейну, но за учет требований немецкого народа, в том числе в вопросах демократической реформы управления областями с немецким населением в том смысле, как это предлагает парламентская группа коммунистов [1]. Мы призываем организации областей с чешским населением энергично готовиться к поддержке кампании 18 февраля в областях с немецким населением, принимая во внимание, что к этому дню из чешских областей в немецкие будут направлены делегации и из чешских городов и поселков участникам манифестаций в немецких областях будут посланы многочисленные приветствия, резолюции, телеграммы и т. п.

Что касается перспектив дальнейшего развития обстановки, то необходимо постоянно подчеркивать важность подготовки к защите республики и объединения народа в самой Чехословакии.

ЗАЩИТА РЕСПУБЛИКИ ЯВЛЯЕТСЯ СЕГОДНЯ САМОЙ АКТУАЛЬНОЙ ЗАДАЧЕЙ

Политика защиты республики, которую КПЧ проводит с VII съезда [2], была полностью подтверждена развитием событий. Партии во многих направлениях удалось оказать влияние на внутриполитическое развитие в плане действенной защиты республики. Безусловно, партия будет неустанно подчеркивать, что нынешняя коалиция с реакционными элементами тормозит проведение решительной политики защиты республики, защиты демократии. Все время существует опасность, что лагерь правых партий использует какие-либо временные конъюнктурные возможности и попытается добиться установления внутри страны более правого режима, который отказался бы от защиты республики, полностью капитулировав и подчинившись гитлеровскому иноземному фашизму.

Центральный Комитет, руководствуясь докладом тов. Готвальда, самым внимательным образом рассмотрел вопросы внутриполитического развития именно с точки зрения защиты республики. Итоги этого обсуждения отражены в важных декларациях. Центральный Комитет заявил, что КПЧ готова предпринять самые ответственные шаги, учитывая возрастающую опасность нападения на Чехословакию.

Революционный рабочий класс Чехословакии полон решимости по примеру рабочего класса Испании и Франции выполнить свой долг по защите республики. КПЧ готова взять на себя всю политическую ответственность, которая потребуется для защиты республики. Однако КПЧ считает необходимым от имени рабочего класса решительно поставить вопрос о внутреннем порядке в республике. Республику необходимо прежде всего избавить от предателей, работающих на Гитлера и иноземный фашизм. На заседании Центрального Комитета было приведено много доказательств того, как в Чехословакии активизируется деятельность различных открытых или тайных и конспиративных фашистских обществ, кружков, организаций и т. д. Да и чехословацкая реакция привыкает работать в подполье подобно французским кагулярам. В связи с этим Центральный Комитет партии ставит перед всеми организациями задачу воспитывать бдительность у рабочего класса и антифашистов, внимательно следить за деятельностью различных реакционных элементов, бороться против их враждебной пропаганды, разоблачать их тайное объединение, их тайное вооружение и т. д., а также разоблачать различные замаскированные подрывные мероприятия антикоминтерна [3]. Партия и ее парламентская фракция будут добиваться у правительства и соответствующих органов республики разгона заговорщического фашистского подполья и шпионских гитлеровских гнезд. Столь же категорически партия будет требовать решения вопроса об отношении к генлейновскому ирредентизму, сидоровскому сепаратизму и ирредентистской деятельности фашистских венгерских, закарпатских, польских и тому подобных партий. [...]

Руководство КПЧ

Печат. по изд.: «Na obranu republiky proti fasismu a válce». Praha 1955, str. 310—314.

[1] Из предложений КПЧ относительно решения вопроса о национальных меньшинствах следует упомянуть прежде всего меморандум ЦК КПЧ правительству Чехословацкой республики от 6 ноября 1936 г., о котором на заседании бюджетной комиссии палаты депутатов говорил 10 ноября 1936 г. депутат КПЧ Л. Копржива, а также выступление депутата КПЧ Б. Келера на пленарном заседании палаты депутатов Национального собрания ЧСР 1 декабря 1937 г.

[2] VII съезд КПЧ состоялся в Праге 11—14 апреля 1936 г.

[3] Имеется в виду так называемый «антикоминтерновский пакт», заключенный 25 ноября 1936 г. между Германией и Японией, к которому в ноябре 1937 г. присоединилась Италия.

7. Письмо посланника ЧСР в Австрии министру иностранных дел ЧСР

16 февраля 1938 г.

Ваше превосходительство господин министр!

Стремясь информировать Вас как можно скорее, направляю Вам запись моей беседы с посланником Горнбостлем о визите Шушнига к рейхсканцлеру Гитлеру 12 февраля. Беседа состоялась 16 февраля в 5 час. вечера. Приведенные здесь данные я использую позднее также в итоговой политической информации о положении в стране, к которой приложу и запись содержания своего вчерашнего телефонного сообщения.

По словам Горнбостля, 12 февраля Гитлер вел себя как невменяемый и страдающий манией величия человек, был все время крайне раздражителен, а иногда кричал как умалишенный. В этой обстановке Шушниг избрал в качестве наилучшей тактики отступление, тем более что Францию и Англию считают бессильными, а Рим из-за собственных забот не может оказать помощь Вене.

На вопрос, обратилась ли Вена к Парижу и Лондону, Горнбостль ответил, что она намеренно не сделала этого, поскольку тогда раздражение Гитлера возросло бы еще больше и здесь опасаются, что в припадке невменяемости он мог бы решиться и на применение силы.

На вопрос, говорилось ли что-либо о Чехословакии, Горнбостль сказал, что министр Шмидт в разговоре с ним не упоминал о Чехословакии, однако он, Горнбостль, знает, что Гитлер включает нас в тот же план и что сразу после Австрии настанет наша очередь.

После возвращения Шушнига в «Бальхаузе» состоялось совещание о дальнейших действиях, на котором было высказано также мнение, что Австрия должна была бы каким-либо способом дать резкий отпор. Однако, учи-

тывая положение, в котором находится Австрия, это мнение в результате дебатов было отвергнуто и признано более целесообразным пойти на уступки.

Бальхаузплатц убежден, что Гитлеру после внутренних перестановок 4 февраля [1] для укрепления своего престижа нужен был внешнеполитический успех, поэтому он был так груб в отношении Австрии. Сейчас в Вене опасаются относительно того, какие требования выдвинет Гитлер в будущем с целью ускорить разложение Австрии и сможет ли Австрия воспротивиться им хотя бы в такой мере, как в этот раз, ибо после успеха 12 февраля Гитлер осмелеет еще больше.

Австрийское правительство избрало тактику не раздражать Гитлера даже полемикой в печати и держаться внешне спокойно, что якобы рекомендуется и для заграницы, если даже Англия не может отважиться на большее, чем статьи в газетах, которые Австрии не помогут. Что касается западных держав, то в Вене царят чувства разочарования и горечи в связи с их позицией.

Завтра, 17 февраля, в 11 час. 30 мин. я буду принят новым министром иностранных дел д-ром Шмидтом, которого я спрошу главным образом о том, говорилось ли в Оберзальцберге о Чехословакии и что именно.

Примите, Ваше превосходительство господин министр, уверения в моем совершенном почтении и преданности.

Кюнцль-Изерский

Печат. по арх.

[1] 4 февраля 1938 г. Гитлер отдал распоряжение о реорганизации и персональных изменениях в армии и правительстве, и прежде всего в военном министерстве, министерстве хозяйства и министерстве иностранных дел Германии.

8. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

16 февраля 1938 г.

Вчера вечером, 15 февраля, после организованного для дипломатического корпуса обеда с участием правительства, я имел краткую беседу (7—10 минут) с рейхсканцлером Гитлером. Беседа состоялась в просторном овальном зале, который был предоставлен главам миссий государственным министром д-ром Мейснером. В действительности бесед было немного и в основном они были непродолжительные, кроме беседы французского посла,

непосредственно после которого я с Гитлером и разговаривал. Присутствовавшие дипломаты оживленно обсуждали коммюнике, опубликованное в связи с австро-германским соглашением, которое заведующий отделом печати министерства иностранных дел посланник Ашман принес после обеда и показывал главам миссий. Это коммюнике, как известно, было бессодержательным, в нем говорилось лишь о том, что соглашение от 11 июля 1936 г. будет в дальнейшем осуществляться на дружественной основе.

Выразив в учтивой форме благодарность за возможность по прошествии длительного времени напомнить о себе рейхсканцлеру, я упомянул о только что опубликованном коммюнике, которое, как мы надеемся, благоприятно повлияет на мирное развитие отношений. Рейхсканцлер, прервав меня на середине фразы, несколько минут говорил сам. Первые же его слова были о Чехословакии. «Конечно,— сказал он,— соглашение с Австрией является дальнейшим шагом на пути мирного упорядочения Европы, и я желал бы достижения дружественного взаимопонимания и с Чехословакией. При этом я надеюсь, что Чехословакия наконец начнет пересмотр своей политики по отношению к судетским немцам» («dass die Tschechoslowakei ihre Politik zu den Sudetendeutschen revidieren wird»). Затем, как это всегда случается с рейхсканцлером, последовал длинный поток объяснений относительно того, что необходимо еще более углублять отношения между соседними народами. Германия не хочет никого обидеть, Германия не хочет никоим образом затрагивать Чехословакию и не имеет против нее никаких враждебных намерений. Ведь он уже представил доказательство того, как можно успешно урегулировать отношения между соседями и при наличии напряженности, как это было с Польшей. В настоящее время дела с Польшей улажены. Нельзя сказать, что все препятствия устранены, но отдельные претензии сейчас улаживаются в духе дружественных отношений, развивающихся в правильном направлении.

Я прежде всего поблагодарил за высказанное желание улучшать отношения между нашими государствами и заметил, что в вопросе урегулирования наших внутренних отношений с немцами мы не встречаем должного понимания Германией того, что здесь речь идет о внутренней проблеме, которую нельзя решить сразу. Я обратил

внимание на то, что с обеих сторон были допущены ошибки, объясняющиеся новыми отношениями. Но я подчеркнул и то, что уже изменилось по сравнению с прошлым годом, а также то, что наше правительство проявляет добрую волю продолжать решение проблемы, однако для этого необходима атмосфера доверия с обеих сторон, не только у нас дома, но и в отношениях между двумя государствами. В этом смысле отношения у нас значительно улучшились, мы верим в стремление Германии к миру. После мировой войны в среде нашей общественности, естественно, царило определенное упоение от ее результатов. В последнее же время она все более разумно подходит к рассмотрению этих отношений и проявляет искреннее, серьезное желание развивать дружественное сближение с нашими немецкими соотечественниками, значение и цену которого мы хорошо осознаем.

Пускаться в более подробное и конкретное обсуждение каких-либо вопросов не позволила краткость беседы. Она закончилась, когда к нам подошел государственный министр д-р Мейснер и доложил об очередном посланнике для беседы.

Замечу, что рейхсканцлер в своих высказываниях не упоминал ни о каких «притеснениях» немцев или о чем-либо подобном, и в данном случае я счел неуместным высказывать какие-нибудь конкретные жалобы на германскую печать. О России также не упоминалось. Обычно во время встреч с рейхсканцлером нельзя говорить ни о приветливости, ни о неприветливости: Гитлер не улыбается и какая-либо любезность для него не характерна, но что он умеет хорошо, так это выражаться резко и сурово и засыпать упреками, в чем я сам убедился во время своих двух предыдущих бесед с ним. Ничего подобного на этот раз не было. Поэтому общее впечатление от беседы у меня сложилось хорошее, в ней нашло отражение стремление к улучшению отношений под влиянием, разумеется в определенной мере, прошлогодних секретных переговоров, которых рейхсканцлер касаться не хотел, а я — в данной ситуации — не мог. Ясно, по крайней мере, что улучшение отношений подразумевается только при условии «пересмотра политики по отношению к судетским немцам».

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх.

9. Из письма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

23 февраля 1938 г.

[...] Заявления, содержащиеся в речи Гитлера [1], являются лишь развитием того, о чем он говорил мне 15 февраля. Они, несомненно, звучат значительно более резко, чем это было во время беседы со мной. К данной части своего письма я даю следующие пояснения:

1. Хотя Гитлер и не называет Австрию и Чехословакию, он говорит о двух странах, граничащих с Германией, в которых проживает более 10 миллионов немцев. Эта цифра, согласно статистике, приводимой в национал-социалистских изданиях, складывается из 6,5 миллиона немцев в Австрии и 3,5 миллиона в Чехословакии. Характерно, что проблему обоих государств Гитлер произносит на одном дыхании, не принимая во внимание различие обоих этих случаев. Однако во время бесед, происходящих здесь в руководящих кругах, это различие в целом всегда признается и даже подчеркивается.

2. Таким образом, косвенно Гитлер дает понять, что в вопросе немецких меньшинств за границей оба эти случая он считает *первоочередными* и во всей своей речи нигде не говорит о количестве немцев, живущих в пограничных районах других государств. [...]

Д-р *Мастный*

Печат. по арх.

[1] Имеется в виду речь Гитлера в рейхстаге 20 февраля 1938 г., в которой содержалась открытая угроза агрессии в отношении Австрии и Чехословакии.

10. Из письма посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР

24 февраля 1938 г.

[...] В понедельник на заседании палаты депутатов, еще до начала дискуссии об отставке Идена, сэр Джон Саймон по поручению премьер-министра отвечал на вопросы внешнеполитического характера вместо министра иностранных дел. Его спросили также, сколько заверений с момента перемирия было дано Чехословакии о том, что Англия окажет ей помощь с целью сохранения ее не-

зависимости. (Одновременно аналогичный вопрос был задан и относительно Австрии.) Ответ сэра Джона гласил: «Правительство его величества имеет по отношению к Австрии и Чехословакии лишь такие обязательства, какие имеет каждый член Лиги наций по отношению к своим партнерам по данной организации. Никаких других особых гарантий ни той, ни другой стране правительство его величества не дало». На следующий вопрос, нужно ли это понимать так, что Англия не намерена выполнять общие гарантии (разумеется, имеются в виду гарантии, вытекающие из Пакта Лиги наций), сэр Джон реагировал лишь деланным непониманием. Недвусмысленным ответом на это была, однако, часть речи Чемберлена, посвященная Лиге наций, с которой он выступил уже на следующий день, во время обсуждения предложения лейбористов о вотуме недоверия правительству. Об этом речь пойдет ниже.

Еще одно изложение позиции английского правительства в отношении Чехословакии содержится в ответе на вопрос депутата Веджвуда о том, обратилось ли или собирается ли обратиться правительство к Советскому Союзу относительно возможности совместных или одновременных действий в чехословацком вопросе, или же такие шаги предпринимаются через Францию и Лигу наций. Сэр Джон ответил отрицательно, напомнив об ответе Идена от 17 февраля, где говорилось о самых дружеских чувствах, которые Англия всегда питала к чехословацкому народу, и о том, что Англия полностью в курсе соглашений, связывающих Чехословакию с другими державами, и сказал, что, по его мнению, ему пока нечего к этому добавить. Сэр Джон воздержался от ответа на следующий вопрос Веджвуда, не целесообразно ли, учитывая возросшую опасность ситуации в Чехословакии, теперь же обратиться к России и Франции с тем, чтобы договориться о действиях, если в будущем что-либо произойдет. [...]

Посланник
Ян Масарик

Печат. по арх.

11. Из письма временного поверенного в делах СССР в Германии в НКИД СССР

26 февраля 1938 г.

Речь Гитлера вам известна, обстоятельно комментировать ее ни к чему — она говорит сама за себя. Вся внешнеполитическая ее часть оказалась составленной именно в том духе, который нашел особо отчетливое выражение в факте замены Нейрата Риббентропом. Стремление акцентировать упор на политике «оси — треугольника», устранение элементов двойственности на Дальнем Востоке, исчерпывающе ясная позиция в Испании, уточнение антисоветской линии и т. п.— словом, все те моменты, по которым раньше в среде правящих кругов существовали кое-какие разногласия — причем руководителям рейхсвера, а также Шахту и Нейрату приписывалась умеряющая точка зрения,— оказались теперь полностью решенными в духе так называемой радикальной линии. И если в первые дни после 4 февраля [1] у берлинских оптимистов, которыми экс оффицио является большинство здешних глав миссий, была робкая надежда, что под влиянием внутренних затруднений Гитлер на время умерит внешнеполитический пыл, то сейчас этим надеждам нанесен чувствительный удар. По тем беседам, которые мне пришлось за эти дни иметь (французы, чехи, американцы), можно заключить, что прежний «оптимизм» в значительной степени испарился. Все сходятся на том, что по крайней мере на австрийском участке Гитлер будет действовать быстро и решительно. Насчет Австрии ни у кого иллюзий нет, и она считается обреченной. Не стану затруднять вас перечнем слухов, подкрепляющих эту точку зрения (приезд Зейс-Инкварта без согласования с Шушнигом и даже без предварительного уведомления последнего, командировки в Вену большого количества людей Гиммлера «на помощь» австрийской полиции, отправка в Австрию десяти с лишним тысяч военнообученных гитлеровцев под видом реэвакуации бывших эмигрантов и т. п.). Передают о надменно-презрительной манере, с которой Риббентроп отвел демарши Франсуа-Понсе и Гендерсона: первому он сказал, что Германия за происшедшие или эвентуальные события в Австрии ответственна в той же мере, как за события в любой стране, скажем Иране; второму он сказал, что германо-австрийские отношения — это семейное дело немецкого

народа, до которого посторонним нет дела. Я не проверял эти последние слухи из первоисточников, но один факт их существования является весьма красноречивым. Ледяное молчание, которым германская пресса встретила последнюю речь Шушнига, хотя и допустила ее передачу по радио, трезвон, поднятый по поводу «деятельности Коминтерна» и «подготовки» последним событий в Вене,— эти признаки говорят за то, что Гитлер не намерен медлить в осуществлении своей заветной мечты — присоединения Австрии под тем или иным соусом.

Что касается дальнейшего, то преобладает мнение, что следующим после Австрии объектом активности явится Чехословакия. Здешние чехи, вначале бодрившиеся, сейчас не скрывают своей нервозности: Мастный усиленно возится с местными генлейновцами, устраивая им прием, афишируя свое участие в их начинаниях на пользу «винтерхильфе»[2], Прага транслирует речь Гитлера; попытка выкупить в пограничной полосе для фортификационных сооружений некоторые земельные участки подданных рейха наталкивается на резкое вмешательство Берлина, и Прага уступает. Советник миссии, сообщивший мне это, с грустной иронией рассказал о своей беседе с одним из чиновников аусамта, который напомнил о том, что здешний дом чехословацкой миссии подлежит сносу в порядке реконструкции Берлина. На это советник ответил: «О да, конечно. Ведь этот дом, к сожалению, принадлежит не более как чехословацкому министру и находится в Берлине. Вот если бы он принадлежал немецкому гражданину Мюллеру и находился в приграничной полосе Чехословакии, то германское правительство, конечно, не допустило бы его сноса». Эта бессильная реплика лучше всего характеризует растерянность и уныние здешних чехословацких дипломатов, пытающихся в порядке конфиденциальной откровенности оправдывать свою уступчивость стремлением «напугать» Францию и Англию и привлечь к себе их внимание. Что касается методов гитлеризации Чехословакии, то здешние журналисты уже изощряются, саркастически предсказывая (пока в порядке парадокса) введение в состав чехословацкого правительства... Генлейна как представителя трехмиллионного населения, которое формально взято Гитлером под свое покровительство. Правда, подобные «предсказания» не носят еще характера серьезного политического

прогноза, а делаются в порядке самобичевания. Но, говорят подобные лица, разве ожидал кто-нибудь год тому назад, чтобы Шушниг согласился отдать ставленнику Гитлера министерство внутренних дел, полицию? Как бы то ни было, но формула Гитлера о протекторате над зарубежными немцами, в полном согласии с предсказаниями на эту тему (я сообщал о них еще в декабре на основании своей беседы с Доддом), оказалась провозглашенной с трибуны рейхстага. Трудно предполагать, чтобы Гитлер провозгласил ее без намерения подкреплять в случае необходимости на деле.

Менее ясно обстоит дело с немецкими меньшинствами в Польше и Литве. С одной стороны, Польша удостоилась известной любезности в речи Гитлера. Эта любезность касалась лишь данцигского вопроса и была приправлена довольно неуклюжим упоминанием о том, что тогда «во главе Польши стоял маршал, благодаря которому...» и т. д. Это последнее обстоятельство должно прозвучать некоторым диссонансом в ушах нынешних правителей Польши, о которых упомянуть Гитлер не счел нужным. В прессе почти ежедневно появляются ламентации о тех или иных стеснениях немецкого меньшинства в Польше, на которое, по существу, распространяется формула фюрера. Франсуа-Понсе довольно глухо говорил мне о серьезности разговоров, которые Бек вел в Берлине и, возможно, будет вести с Герингом во время охоты. Но если в отношении Польши непосредственно ожидать агрессии со стороны Германии пока не приходится, то в значительно худшем положении оказывается Литва. Не исключено поэтому, что беседы Геринга будут идти именно в этом направлении (Данциг — Мемель).

При всей остроте гитлеровских формулировок в отношении 10 млн. «зарубежных немцев» (т. е., по существу, в отношении Австрии и Чехословакии) ничего неожиданного в этом нет. Разговоры Гитлера с Муссолини, Галифаксом, Стоядиновичем неуклонно вращались вокруг этих вопросов, и разговоры об активизации политики Берлина в этом направлении (а также в отношении колоний) не умолкали начиная с сентября прошлого года (приезд Муссолини). Надо, однако, отметить, что события в Англии, отставка Идена, о неизбежности которой, как здесь говорят, Гитлер узнал до произнесения своей речи, повлияли на фюрера в том смысле, что он будто бы

решил смягчить некоторые особо острые формулировки, опустив, например, абзац о категорическом непризнании статьи Версальского договора, говорившей о лишении Германии ее колоний. Поскольку Галифакс в своей беседе с Гитлером возражал против подобного одностороннего аннулирования (об этом я, кажется, сообщал вам, излагая беседу с турком), фюрер теперь не захотел осложнять положения своего британского партнера, выходя особенно далеко из рамок тогдашней договоренности. Но, с другой стороны, «успех» в Англии, дополненный речью Чемберлена [3] и превзошедший наиболее оптимистические ожидания Берлина, явно опьянил гитлеровцев, побудив их к более интенсивной подготовке активных действий в целях скорейшего использования создавшейся благоприятной международной конъюнктуры. Слух о предстоящем удлинении срока военной службы от двух до двух с половиной или даже до трех лет, пока не подтвердившийся, достаточно характерен. Если он оправдается, то, как с горечью говорил мне мой собеседник, «мирный» состав германской армии будет немногим меньше состава французской армии в военное время. Почти несомненно, что на такое мероприятие, влекущее огромные дополнительные расходы, Германия сможет пойти лишь в случае решимости на конфликт или на блеф, граничащий с конфликтом. Слух этот, повторяю, пока не подтвердился, но заявление ген. Браухича (преемник Фрича) иностранным военным атташе о намерении Германии расширить состав армии намечает в общем ту же тенденцию, вытекающую в свою очередь из соответствующих разделов речи фюрера, в которой последний намечал предстоящее увеличение военных сил Германии. [...]

Г. Астахов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 89—92.

[1] См. док. № 7, прим. 1.

[2] — кампании «зимней помощи» (*нем.*).

[3] С упомянутой речью премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен выступил на заседании палаты общин английского парламента, состоявшемся 21—22 февраля 1938 г.; в ней нашла отражение британская политика «умиротворения» агрессора.

12. Из письма посланника ЧСР во Франции министру иностранных дел ЧСР

4 марта 1938 г.

[...] В субботу я обедал вместе с сенатором Беранже, который сказал мне совершенно откровенно, что как в сенатской комиссии по иностранным делам, так и на объединенном заседании комиссии по делам обороны были поставлены два вопроса о Чехословакии: имеет ли Франция твердое юридическое обязательство в отношении Чехословакии и имеет ли Франция возможность прийти Чехословакии на помощь. Что касается вопроса о твердом юридическом обязательстве в отношении Чехословакии, то сенатор Беранже заявил, что в его комиссии был выставлен тезис, что франко-чехословацкий договор о дружбе являлся составной частью Локарнского пакта, и так как последний перестал действовать, то как следствие этого франко-чехословацкий договор более не имеет обязательной силы. На это я возразил, сказав, что это более чем странный аргумент. Когда в первое время после заключения Локарнского договора Чехословакия добивалась участия в локарнских совещаниях великих держав и Бельгии, нам был дан ответ, что чехословацкий договор не является составной частью Локарнского соглашения и вследствие этого Чехословакия не имеет права участвовать в совещаниях. Теперь же нам начинают заявлять, что франко-чехословацкий договор как составная часть прекратившего свое действие Локарнского соглашения тоже потерял свою силу. Ведь прямо-таки невозможно говорить прямо противоположное тому, что нам говорили в течение нескольких лет после подписания Локарнского соглашения. Кроме того, франко-чехословацкий договор о дружбе существует самостоятельно, ибо он был заключен в 1924 г., и если даже Локарно уже не существовало бы, что является сомнительным утверждением, то франко-чехословацкий договор о дружбе продолжал бы все-таки существовать как самостоятельный договор. Сенатор Беранже выразил мне большую благодарность за такое изложение вопроса, ибо это дело было представлено у них совершенно иначе. Что касается второго вопроса, т. е. обязана ли Франция и имеет ли она возможность оказать Чехословакии военную помощь, то сенатор Беранже мне сказал, что в их комиссии развивали теорию о том, что Франция вообще не может прийти на помощь Чехословакии ввиду наличия линии Мажино и, чтобы

иметь возможность оказать помощь, Франция должна иметь возможность пройти через Италию. Я ответил, что в такой формулировке вопрос поставлен неправильно. Речь идет вовсе не о том, чтобы заниматься техническими изысканиями, каким именно образом Франция придет на помощь Чехословакии, а о том, готова ли Франция объявить войну Германии в случае нападения на Чехословакию. Чехословакия делает приготовления, чтобы иметь возможность выполнить свой долг, и она готова его выполнить. Если Франция не захочет защищаться в Европе в случае нападения на Чехословакию, то ни сама Чехословакия, ни Центральная Европа не смогут, конечно, защититься от Германии. Взаимная помощь, которую Франция и Чехословакия обещали друг другу, основана на том, что если одна договаривающаяся сторона подвергнется нападению, то другая будет вести войну против агрессора. Какая, кроме этого, будет технически оказана помощь — это дело солдат и будущего, ибо сейчас никто не может сказать, где и каким образом будет вестись война. Сенатор Беранже мне возразил, что эта точка зрения является для него новой и он усматривает в ней возможность достигнуть единодушия среди членов своей комиссии. Тем не менее он считает своей обязанностью обратить мое внимание на то, что в обоих названных и нами обсуждаемых вопросах члены французской комиссии по иностранным делам придерживаются того убеждения, что Франция без Англии ничего не могла бы сделать в Центральной Европе. Я ответил: я знаю, что в вопросах самообороны Франция и Англия зависят друг от друга. Однако если мне известно, что Франция нуждается в Англии, то я знаю также, что и Англия нуждается во Франции. Я знаю, например, что если бы речь зашла о самостоятельности Египта, то Англия не скажет, что она не может и не будет ничего делать для Египта без помощи Франции; Англия просто займет нужную ей позицию и будет действовать в убеждении, что Франция должна ей помочь. Подобно этому на Европейском континенте, где жизненные интересы имеются не у Англии, а у Франции, руководство и решение принадлежат Франции, а ни в коем случае не Англии. Если Франция заявит, что прямое или замаскированное нападение на Чехословакию означает войну с Францией, то Англия поддержит Францию как дипломатически, так и политически, ибо она заинтересована в том, чтобы Франция не

была ввергнута в войну с Германией. Одного этого было бы достаточно, чтобы избежать войны. Беранже не скрыл, что мои соображения с политической и дипломатической точки зрения являются совершенно правильными.

Второго марта (в среду) Дельбос сделал доклад в комиссии сената по иностранным делам. Снова имело место обсуждение франко-чехословацкого договора о дружбе. Бывший премьер-министр Лаваль задал вопрос: обязана ли Франция в случае нападения на Чехословакию прийти к ней на помощь. Председатель Беранже повторил при этом тот тезис, который я ему изложил 26 февраля. Что касается вопроса о помощи Чехословакии, сказал председательствующий Беранже, то он для Чехословакии и Франции заключается в том, хотят ли они защищать свою самостоятельность или нет. Если — да, то тогда, поскольку они взаимно связаны, они объявят войну тому агрессору, который напал бы на одну из них.

Интересно, что Дельбос не хотел, чтобы в коммюнике комиссии снова шла речь о верности Франции своим обязательствам; он хотел в коммюнике ограничиться указанием, что Франция в союзе с Англией будет проводить политику национальной безопасности и европейского мира. По настоянию председателя Беранже в коммюнике ясно разграничены 2 вопроса: продолжение тесного сотрудничества с Англией в проведении политики национальной безопасности и европейского мира и указание на то, что французское правительство останется верным подписанным им обязательствам.

Я хотел бы упомянуть, что бывший президент республики и член сенатской комиссии по иностранным делам Мильеран весьма сердечно и решительно выступил за безоговорочную защиту Чехословакии. Он сказал, что Франция еще никогда не нарушала данного ею слова и что кроме того для Франции является жизненным интересом, чтобы никто не сомневался в том, что Франция будет защищать самостоятельность Чехословакии с оружием в руках. В течение всей продолжительной дискуссии ни один сенатор ни прямо, ни косвенно не намекнул на то, что Франция не должна оставаться верной своим обязательствам в отношении Чехословакии.

С сердечным приветом Ваш

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1. М., 1948, с. 84—91.

13. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

8 марта 1938 г.

[...] Когда весной 1937 г. Чемберлен стал главой правительства и вплотную подошел к сложным проблемам британской внешней политики, которая сейчас, по существу, сводится к вопросу, «как защитить империю и сохранить мировые позиции Англии», то перед ним явно наметились два возможных пути. Первый путь — это путь действенного сопротивления агрессору (Германии, Италии, Японии) на базе Лиги наций и коллективной безопасности, что конкретно означает необходимость создания «оси» Лондон — Париж — Москва. Данный путь единственно надежен и эффективен, но он требует тесного сотрудничества с «большевиками». Иден этот путь принимал и, судя по моим последним беседам с ним, видимо, считал, что «западные демократии» в своем отступлении перед фашистскими агрессорами дошли до определенного рубежа, где они должны остановиться и твердо сказать: «До сих пор и не дальше». На данном рубеже Иден хотел окопаться, накопить силы, т. е. оживить Лигу наций и укрепить сотрудничество между Англией, Францией и СССР и затем постепенно перейти в наступление против агрессоров. Для Чемберлена, с его остро развитым «классовым самосознанием» британского буржуа, данный путь был немыслим. Он просто переварить не мог перспективы тесного сотрудничества «с Москвой». Но если премьер-министр отвергал только что указанный путь, то в нынешней чрезвычайно трудной для Великобритании обстановке он неизбежно должен был выбрать второй путь — путь прямой сделки с агрессором, что на практике должно было означать нечто весьма близкое к капитуляции перед агрессором. Чемберлен как раз и пошел этим вторым путем. Несомненно, что пока он старается подсластить себе и своей партии эту пилюлю разными соображениями успокоительного порядка. Он думает (как я это слышал из хороших источников), что Италия и Германия находятся в очень тяжелом положении и что поэтому ему удастся откупиться от них сравнительно дешевой ценой. Он склонен, далее, придавать преувеличенное значение роли Австрии как яблока раздора между Гитлером и Муссолини, используя которое легко будто бы чуть ли не взорвать «ось» Рим — Берлин.

Можно сильно сомневаться в правильности всех этих политических концепций Чемберлена, и, пожалуй, не столько потому, что он явно преувеличивает степень нынешних затруднений Германии и Италии, сколько потому, что как раз своей трусливой тактикой британский премьер-министр в чрезвычайной степени укрепляет позиции своих оппонентов и вместе с тем разжигает в них неумеренный аппетит. Есть много оснований полагать, что Чемберлен, в силу своей дипломатической неопытности, сильно недооценивает те трудности, которые стоят на пути соглашения с агрессорами. Есть много оснований думать, что британского премьера ждут крупные разочарования на избранном им пути. Отнюдь не исключена возможность, что в один несчастный для него день Чемберлен окажется в положении старухи у разбитого корыта, и если это случится, то к власти могут прийти уже совсем другие силы, которые логикой вещей будут вынуждены пойти на открытую борьбу с агрессором. Но все это пока лишь музыка будущего. Сейчас Чемберлен держит в своих руках руль государственного корабля, и ближайшие месяцы обещают быть полосой «нового эксперимента» в британской внешней политике. При этом надо ясно отдавать себе отчет в том, что премьер сделает все возможное и невозможное для достижения такого соглашения с Италией и Германией, которое можно было бы преподнести на блюде широким массам избирателей под видом «успеха». Ибо, как я уже вам не раз телеграфировал, Чемберлен поставил и свою репутацию, и судьбу своего кабинета на одну карту — карту сделки с агрессором. Если эта карта будет бита, он конченый человек, а консервативная партия окажется в судорогах величайших внутренних потрясений. [...]

С товарищеским приветом

Полномочный представитель СССР
в Великобритании
И. Майский

Печат. по арх.

14. Запись телефонного разговора посланника ЧСР в Германии с министром иностранных дел ЧСР

12 марта 1938 г.

12 марта в 9 часов утра посланник Мастный повторил по телефону министру Крофте свое сообщение о беседе, которую он имел 11 марта в 23 часа с Герингом на приеме, устроенном Герингом в честь г-жи Комнен. Посланник Мастный прибыл на прием с опозданием и подошел к столу Геринга, чтобы поздороваться с ним как хозяином приема. Геринг сразу же поднялся и чрезвычайно решительно заявил, что он дает честное слово, что акция в Австрии [1] является семейным делом немцев и у Чехословакии нет оснований для беспокойства. Наоборот, Германия намерена продолжать нынешнюю политику, направленную на улучшение взаимных отношений с Чехословакией.

Позднее, примерно в половине первого ночи, на том же приеме посланник Мастный снова говорил с Герингом и сказал ему, что уже сообщил в Прагу о его заявлении. Геринг в присутствии венгерского посланника сказал: «Ja, ich habe Ihnen bereits das Wort gegeben, ich wiederhole es und gebe Ihnen das Wort des Staatsoberhauptes. Und kann es Ihnen geben und kann Ihnen eine ganz offizielle Erklärung abgeben, weil mich der Führer zur Führung der obersten Staatsgeschäfte ermächtigt hat, er wird sich auf kurze Zeit zurückziehen» [2].

Далее он упомянул о вызывающих тревогу сообщениях о нашей мобилизации. Посланник Мастный заявил, что министр Крофта категорически опроверг все эти слухи.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 83.

[1] Речь идет о насильственном присоединении Австрии к Германии 12 марта 1938 г.

[2] «Да, я уже дал Вам слово, я повторяю это и даю Вам слово главы государства. Я могу его Вам дать и могу сделать Вам совершенно официальное заявление, поскольку я уполномочен фюрером руководить высшими государственными делами; он устранится от них на короткое время» (*нем.*).

15. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР

12 марта 1938 г.

Я позвонил секретарю Крофты Ине и спросил у него, какие новые сообщения имеются в МИД из Австрии. В ответ на этот вопрос Ина сказал мне, что Крофта хотел бы лично говорить со мной и просит приехать к нему.

Крофта встретил меня словами: «Я хотел бы информировать Вас о точке зрения чехословацкого правительства по вопросу об австрийских событиях». Далее Крофта сообщил следующее.

11 марта Геринг, по собственной инициативе, вызвал чехословацкого посланника в Берлине Мастного и заявил ему, что германское правительство считает необходимым в связи с событиями в Австрии заверить чехословацкое правительство в том, что Германия не имеет абсолютно никаких намерений выступить против Чехословакии. Никакой аналогии в будущих отношениях между Германией и Чехословакией с поведением Германии в отношении Австрии проводить нельзя, ибо то, что Германия сейчас предпринимает в отношении Австрии, является «фамилиенангелегенхейт» [1] двух ветвей единого немецкого народа. Поэтому введение германских войск на территорию Австрии не должно давать повода для беспокойства чехословацкому правительству. 12 марта утром Геринг вновь беседовал с Мастным и, заверив его еще раз в отсутствии у германского правительства каких бы то ни было враждебных намерений в отношении Чехословакии, обратил в то же время его внимание на то, что Германия рассматривала бы как провокационный акт по отношению к ней проведение мобилизации в Чехословакии. Аналогичные заявления сделал 12 марта Крофте германский посланник в Праге Эйзенлор. Эйзенлор сообщил также, что германским войскам, вошедшим в Австрию, дано указание не приближаться к чехословацким границам ближе, чем на 15 км.

Крофта отметил, что чехословацкое правительство в течение сегодняшней ночи и первой половины дня детально обсуждало создавшееся положение. Само собой разумеется, что чехословацкое правительство не имело и не имеет в виду объявить мобилизацию. Сведения о мобилизации, несомненно, распространяются самими немцами. Хотя заявлениям Геринга трудно верить и во

всяком случае нельзя на них положиться, чехословацкое правительство не может сейчас объявить всеобщую мобилизацию, ибо это усложнило бы лишь положение. Это не означает, конечно, что не принят целый ряд мер по усилению обороноспособности Чехословакии и укреплению армии.

В оценке возможности выступления Германии против Чехословакии чехословацкое правительство исходит из того, что непосредственной опасности вооруженного вторжения германских войск на чехословацкую территорию в настоящий момент нет. Здесь полагают, что, хотя успех Гитлера в Австрии, несомненно, вскружит ему голову, он все же не рискнет тут же броситься на Чехословакию, ибо здесь он встретит вооруженное сопротивление. Однако такая опасность на будущее время, когда Австрия будет полностью освоена, несмотря на заверения германского правительства, несомненно, является весьма реальной. Крофта заявил, что в этом случае Чехословакии необходимо будет получить помощь от всех своих союзников, и в частности со стороны СССР. Он заявил при этом, что Чехословакия уже теперь должна получить уверенность в том, что ей будет оказана помощь. Он добивается теперь поэтому, чтобы соответствующие правительства сделали заявления о своей позиции в вопросе о защите Чехословакии в случае нападения на нее. Крофта недвусмысленно намекал на то, что подобное заявление со стороны СССР было бы встречено с большим удовлетворением в Чехословакии. Он заметил при этом, что в настоящий момент не играет никакой роли позиция румынского правительства в технических вопросах оказания помощи (транзит через Румынию и др.). Крофта рассказал, что в беседе с английским посланником в Праге, которую он сегодня имел, он решительно поставил перед Англией вопрос о ее позиции по отношению к Чехословакии. Он заявил англичанам, что отсутствие уверенности в помощи извне может при нынешнем положении толкнуть Чехословакию на уступки Германии и на превращение Чехословакии в вассальное государство. Крофта заметил при этом, что он сознательно в своей беседе с английским посланником сгустил краски, дабы добиться желательной реакции в Лондоне.

Крофта заявил далее, что он обращает внимание представителей всех дружественных стран на то обстоятель-

ство, что положение Чехословакии после аншлюса значительно ухудшилось и что, хотя чехословацкое правительство сохраняет полное спокойствие и по-прежнему готово к мирному урегулированию своих отношений с Германией, опасность насильственного разрешения спорных вопросов со стороны Германии безусловно возросла.

М. Шапров

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 378—380.

[1] — «семейное дело» *(нем.)*.

16. Запись беседы посланника ЧСР в Великобритании с министром иностранных дел Великобритании [1]

12 марта 1938 г.

Беседу начал я: «В связи с событиями последних дней и Вашим ноябрьским визитом к Гитлеру [2], а также в связи с нынешними переговорами с Риббентропом скажите мне, пожалуйста, если можно, что Вы говорили о ЧСР. Мое правительство обеспокоено развитием событий».

Галифакс: «Когда я беседовал с Гитлером, не было и речи о нападении на Австрию. С Риббентропом я имел уже три встречи. Я разговаривал с ним чрезвычайно резко, я еще никогда так не говорил, однако боюсь, что это не имело соответствующего результата. Риббентроп утверждал, что происшедшее в Австрии было исторической необходимостью, это случилось бы, даже если бы не существовало Гитлера, и он очень удивлен, что такие трезво мыслящие люди, как англичане, не видят реальности германских действий. Он твердо надеется, что это не повлияет на дружественные англо-германские отношения. Я заявил, что это окажет очень глубокое воздействие и чрезвычайно затруднит переговоры и что для английского понимания крайне неприятен и неприемлем главным образом способ, посредством которого все было осуществлено. Есть у нас какие-либо гарантии, спросил я, что то же самое вы не осуществите завтра в Чехословакии, Дании или Литве?

Риббентроп ответил очень уклончиво, подчеркнув, что Австрию ни в каком отношении нельзя сравнивать с ЧСР, Данией, Литвой и т. д. Я, как и премьер-министр,

заявил, что мы избавились от иллюзий, разочарованы и обмануты. Кроме объявления войны — а на это, как Вы знаете, я не имел ни права, ни желания, ни возможности,— я сделал все, что возможно в человеческих силах, чтобы убедить Риббентропа, но результатами своих уговоров я не удовлетворен. Риббентроп заверял меня лишь в том, что Берлин не имеет агрессивных намерений в отношении ЧСР, и это заверение он повторил несколько раз».

Масарик: «Я абсолютно не верю заверениям Берлина. Он будет соблюдать их до тех пор, пока ему это выгодно, и ни минутой дольше».

Галифакс: «К сожалению, я согласен с Вами. Однако у меня есть основания полагать, что в обозримом будущем Берлину невыгодно нападать на вас. Заверяю Вас, что наши симпатии на вашей стороне, но сегодня я не могу дать Вам никаких твердых обещаний».

Масарик: «Я о них не просил, зная, что Вы их дать мне не можете, но настало время, когда вы должны каким-нибудь жестом показать, что вы на нашей стороне и признаете, что в течение 20 лет мы полностью соблюдаем все свои финансовые, политические и моральные обязательства. У меня, как и у всего нашего народа, сложилось впечатление, что вы всегда поддерживали Генлейна, был ли он прав или не прав, и мы это тяжело переживаем. Сегодня вы, может быть, поймете, что уступки Генлейну не изменят политики Берлина, которая направлена на достижение того же, что и накануне 1914 г.: Берлин—Багдад через Вену — Прагу — Бухарест и т. д. Если он захватит ЧСР, вы окажетесь в очень трудном положении, а многие государственные деятели у вас еще не сознают этого».

Галифакс: «За последние дни я очень многому научился, но не хочу полностью отказаться от всякой надежды на то, что когда-нибудь у нас с Германией все же состоится разговор».

Масарик: «Когда она овладеет Европой, тогда — да, а до этого с ней можно говорить лишь военным языком».

Галифакс: «Вы полагаете?»

Масарик: «Я уверен».

Галифакс: «Я новичок на своем посту, раньше на это смотрел лишь издали и еще тогда, когда ехал в Берхтесгаден, не понимал сложности положения, как понимаю его сегодня. Как мне стало известно, Геринг заверил Ма-

стного в том, что Германия ничего не имеет и не планирует против ЧСР. Какое значение Вы придаете этому заявлению?»

Масарик: «В настоящий момент это правда. Даже boa constrictor [3], когда он наестся, необходимо несколько недель для того, чтобы переварить съеденное, а вчерашний день можно назвать лукулловым пиром».

Галифакс: «К сожалению, Вы, по-видимому, правы. Вы говорили, что нуждаетесь в каком-либо жесте или моральной поддержке. Я с большим удовольствием помог бы вам, но только не знаю, как».

(В этот момент я подумал, что можно было бы каким-нибудь образом соединить заявление Геринга и заверения Эйзенлора.)

Масарик: «Делаю Вам конкретное предложение. Завтра я официально извещу Вас о заверениях Геринга и Эйзенлора, и одновременно наш посланник в Париже предпримет то же в отношении французского правительства. Вы мне официально сообщите, что выражаете удовлетворение по поводу этих заверений и вместе с французами осуществите в Берлине торжественный демарш Гитлеру или Герингу в том смысле, что вы принимаете к сведению заявления, сделанные немцами в наш адрес, принимаете их в качестве обязательств и что нарушение их в любом направлении имело бы громадные последствия».

Галифакс: «Считаю Вашу идею превосходной, и лично я уже сейчас с Вами согласен. Конечно, мне еще необходимо переговорить с Чемберленом, но я жду от Вас официального сообщения о заверениях Геринга.

И еще один вопрос. Я с большим интересом прочитал интервью Бенеша [4] и заявление Годжи [5]. Если бы немцы спровоцировали у вас беспорядки и затем направили к вам одну дивизию «для наведения порядка», если бы у них был примерно такой план, что бы вы делали?»

Масарик: «Стреляли бы».

На этом мы очень сердечно расстались.

Печат. по арх.

[1] Настоящая запись беседы приложена к письму посланника ЧСР в Великобритании Я. Масарика министру иностранных дел ЧСР К. Крофте от 14 марта 1938 г.

[2] См. док. № 1, прим. 2.

[3] — королевскому удаву *(лат.)*.

[4] Речь идет об интервью президента ЧСР Э. Бенеша, посвященном чехословацко-германским отношениям, которое было опубликовано в лондонской газете «Санди таймс» 7 марта 1938 г.

[5] Имеется в виду выступление председателя правительства ЧСР М. Годжи в Национальном собрании 1 марта 1938 г. (см. док. № 18).

17. Запись сотрудника политического отдела МИД ЧСР о телефонных разговорах с посланником Германии в ЧСР

12 марта 1938 г.

12 марта 1938 г. в 10 час. 50 мин. посланник д-р Эйзенлор позвонил д-ру Матейке.

Он квалифицировал позицию чехословацкой печати в целом как удовлетворительную, обратив внимание на единственное исключение — газету «Роте фане»[1], которая на первой странице в броском оформлении, искажая факты, подогревает старые небылицы о поджоге рейхстага. Посланник Эйзенлор просит конфисковать номер.

В 10 час. 52 мин. об этом был информирован легационный советник д-р Ина, с согласия которого советнику министерства д-ру Буттеру было поручено принять соответствующие меры. После обсуждения этого вопроса с министерством юстиции я сообщил посланнику Эйзенлору в 11 час. 05 мин., что «Роте фане» конфискована.

Д-р *Мат[ейка]*

Печат. по арх.

[1] Речь идет о еженедельной газете «Нордвест-бёмише роте фане» № 60 от 12 марта 1938 г., издаваемой КПЧ для граждан немецкой национальности, проживающих в северо-западных районах Чехии.

18. Письмо временного поверенного в делах СССР в ЧСР народному комиссару иностранных дел СССР

15 марта 1938 г.

Глубокоуважаемый Максим Максимович,

1 марта Годжа произнес в парламенте и сенате краткую речь, посвященную внешнеполитическим вопросам. Эта речь являлась прямым ответом на февральскую речь Гитлера. Заявив о желании Чехословакии поддерживать со всеми своими соседями добрососедские отношения и

урегулировать все спорные вопросы, Годжа достаточно энергично подчеркнул намерение правительства ни при каких условиях не допускать вмешательства во внутренние дела Чехословакии. Годжа указал, что судето-немецкий вопрос является одним из таких внутренних дел Чехословакии. В своей речи Годжа упомянул франко-чехословацкий договор и франко-советский пакт о взаимной помощи, указав, что они являются орудиями мира. Непосредственно о советско-чехословацком пакте Годжа ничего не сказал. Общий тон речи Годжи был достаточно решительным и категорическим. Правительственная декларация была принята поэтому всей левой частью коалиции с большим удовлетворением. Кроме партий правительственной коалиции за резолюцию, одобряющую речь Годжи в парламенте и сенате, голосовала партия народни съедноцени[1] (бывшие народные демократы), с представителями которой в течение нескольких недель уже ведутся переговоры о вступлении в правительственную коалицию.

Прения в парламенте и сенате по декларации Годжи происходили 8 и 9 марта. Особенно обратила на себя внимание речь представителя аграрной партии Жилки. Выразив согласие с декларацией правительства, он основную часть своей речи посвятил вопросу о необходимости преодолеть влияние «недемократических идеологий». В особенности Жилка предлагал развернуть борьбу против «культурного большевизма», причем он склонен был видеть в этом главную опасность для Европы. Наоборот, в идеологии фашистской Жилка отметил моменты позитивного характера.

Много откликов в прессе вызвала речь представителя партии народни съедноцени Ежека. Он выразил от имени своей партии одобрение нынешней внешнеполитической линии чехословацкого правительства. Газеты отметили, что в этом заявлении не было никаких оговорок по вопросу о чехословацко-советском пакте, что означает изменение позиции партии народни съедноцени в этом вопросе. Отмечают, что лишь смерть лидера этой партии Крамаржа дала возможность занять народни съедноцени трезвую позицию в вопросе об отношениях с СССР. Следует также отметить выступление представителя партии чешских католиков каноника Светлика. Как и прежде, католики ясно и решительно заявили, что они стоят за сохранение нынешней внешней политики Чехословакии,

за Лигу наций, за коллективную безопасность, за союз с Францией и с СССР, за отпор фашистской Германии. Особо следует остановиться на позиции социал-демократов. Представитель этой партии в сенате сенатор Модрачек заявил, что Чехословакия возлагает большие надежды на поведение своих союзников в случае нападения на Чехословакию. Со стороны Франции чехословацкая общественность получила за последнее время серьезные заверения в том, что Франция придет на помощь Чехословакии, в то время как Советский Союз молчит и никак не проявляет своего отношения к этому вопросу. Это выступление дало повод многим газетам, и в первую очередь аграрным, для помещения сообщений о том, что советско-чехословацкий пакт является лишь клочком бумаги и не имеет, по-видимому, никакой ценности.

В центре внимания всей страны за последние дни стоят события в Австрии. В первые часы после получения в Праге сообщения о германском вторжении в Австрию в стране царило буквально паническое настроение. Сейчас никаких следов паники или особой тревоги не заметно. Правда, установившееся спокойствие является скорее внешним и достаточно появиться каким-нибудь слухам (а слухи, даже самые фантастические, время от времени появляются), как тревога прорывается наружу. Необходимо отметить, что в самых широких кругах в наличии имеется решимость оборонять страну в случае германского нападения. Несмотря на то, что аграрная и фашистская пресса почти открыто пропагандируют пораженчество, армия и население настроены достаточно решительно. Все отдают себе отчет в том, что Чехословакия не сможет долго сама сдержать немецкий напор, но считают, что другие страны придут на помощь Чехословакии лишь в том случае, если будут уверены в том, что Чехословакия примет все меры к тому, чтобы защитить себя. Из бесед с отдельными журналистами и другими общественными деятелями я могу сделать вывод, что в стране проводятся некоторые оборонные меры, усиливается состав армии и т. д. Но правительство заинтересовано в том, чтобы сохранить это в абсолютной тайне, так как существует опасение, что Германия может использовать любой повод для вооруженного нападения на Чехословакию. Немцы уже дали понять, что мобилизационные меры в Чехословакии ими будут рассматриваться как «антигерманская провокация».

В связи с австрийскими событиями усилились разговоры по вопросу о позиции СССР в случае нападения на Чехословакию. Как Крофта, так и другие представители МИД в более или менее открытой форме говорили мне о желательности какого-нибудь заявления со стороны СССР. На эту же тему ежедневно можно найти замечания в прессе. В течение вчерашнего и сегодняшнего дня в полпредство звонили из редакций многих газет, спрашивая, нет ли каких-нибудь сообщений по этому вопросу из СССР. Сегодня к нам обратилось официальное Чешское Телеграфное Агентство с аналогичным вопросом. Редактор ЧТК заявил мне, что по Праге циркулируют слухи о том, что сегодня якобы тов. Сталин сделал в речи по радио заявление о позиции СССР в вопросе о Чехословакии. Все это свидетельствует о том, что здесь ожидают заявления со стороны СССР по вопросу, который является сейчас наиболее жгучим для Чехословакии. Может быть, это следовало бы сделать, хотя бы в виде статьи в «Известиях», которую ТАСС должен был бы по телеграфу передать в Чехословакию, как это обычно делается в случаях, когда в центральной прессе помещаются статьи по актуальным международным вопросам.

Из посылаемой записи беседы с Крофтой Вы увидите, что Крофта явно ждет ответа по этому вопросу.

С товарищеским приветом

Поверенный в делах СССР в ЧСР
М. Шапров

Печат. по арх.

[1] Партия национального объединения — реакционная партия профашистской ориентации.

19. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР

15 марта 1938 г.

Фирлингер зашел, по его словам, обменяться мнениями по поводу событий в Австрии. Посланник констатирует, что эти события создают для Чехословакии серьезную угрозу. Мало того, что Германия может теперь давить на Чехословакию и со стороны австрийской границы, не подлежит сомнению, что Гитлер начнет также

усиленно снабжать Венгрию вооружениями, чтобы и с этой стороны производить нажим на Чехословакию. Тем не менее, французское правительство заверяет Чехословакию, что в случае нападения Германии оно немедленно окажет помощь, предусмотренную чехословацко-французским договором. Фирлингер убежден, что столь твердые заверения даются Францией лишь потому, что французы заручились обещанием англичан также оказать противодействие Германии, если она нападет на Чехословакию.

На мое замечание, что позиция Чемберлена в чехословацком вопросе несколько подозрительна, ибо условием поддержки со стороны Англии он ставит урегулирование чехословацким правительством вопроса о судетских немцах, Фирлингер ответил, что согласен с моим мнением. Посланник добавил, что он учитывает и другую опасность. Ведь Гитлер может избегнуть открытого военного нападения на Чехословакию. Он может действовать через судетских немцев, организуя и вооружая их для внутренней борьбы с чехословацким правительством. Борьба эта легко может принять такие формы, при которых Гитлер объявит, что само чехословацкое правительство провоцирует его на вмешательство для защиты своих единоплеменников в Чехословакии. Дело может обойтись и без такого открытого вмешательства: в Чехословакии будут применены те же методы, к которым прибегают Италия и Германия в Испании. Внутренняя война будет происходить при участии «добровольцев», якобы стихийно стремящихся оказать помощь судетским немцам.

Фирлингер перешел тут же на лейтмотив своих разговоров с нами. По его мнению, обстановка повелительно требует, чтобы мы были «начеку» и держались ближе друг к другу. По словам Фирлингера, Кулондр, уезжающий в Париж, осведомился у него вчера, уверена ли Чехословакия, что чехословацко-советский пакт сохраняет свою силу и что СССР окажет помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Фирлингер ответил послу, что уверен в лояльном выполнении Советским Союзом своих договорных обязательств в отношении Чехословакии.

Я заметил посланнику, что решающее значение в поставленном Кулондром вопросе имеет позиция самой Франции. Если Франция под тем или иным предлогом

не уклонится от выполнения своих союзных обязательств в отношении Чехословакии, если она даст германскому агрессору прямой и действительный отпор, за ней волей-неволей вынуждена будет в том же направлении пойти в конце концов и Англия. Что касается Советского Союза, то никто и никогда не мог еще упрекнуть его в уклонении от принятых им на себя международных обязательств.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 15—17.

20. Из телеграммы посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

15 марта 1938 г.

[...] Я сообщил Потемкину то, что знал о заявлении Геринга и Нейрата по отношению к нам, и добавил, что, хотя непосредственная опасность и миновала, все же мы считаем давление со стороны Германии возможным. По договоренности с Кулондром, который уезжает только сегодня, я спросил Потемкина, можем ли мы, учитывая заверения Франции, положиться также на союзнический договор с СССР. Он ответил категорически положительно, прибавив, однако, что позиция самой Франции по отношению к СССР не достаточно искренна. [...]

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 382.

21. Листовка КПЧ «Твердость! Решимость! Единство!»

15 марта 1938 г.

Рабочие, трудящиеся, граждане и гражданки!

В ночь с 11 на 12 марта по соседству с Чехословакией было совершено неслыханное преступление — задушена независимость Австрии. Австрийский народ, который хотел путем голосования выразить свое нежелание присоединяться к третьему рейху, подвергся агрессии, и с по-

мощью методов и средств, которые найдут осуждение во всем мире, Австрии было навязано правительство свастики. Воинские части третьего рейха продвигаются в Австрию и оккупируют страну. Рабочие, антифашисты и все защитники независимости Австрии подвергаются арестам.

Народы всей Европы и всего мира переживают минуты глубокого потрясения. Они чувствуют, как ко всем странам Центральной Европы тянутся руки империалистических захватчиков. Они видят, как в результате оккупации Австрии и продвижения войск третьего рейха к Дунаю создается угроза миру и возрождается призрак новой страшной войны. Взгляды всех, кто хочет мира, кто возмущен насилием, совершаемым в Австрии, обращены к силам мира во всем мире, к защитникам международных договоров, к тем, кто понимает, что такое право и справедливость, что такое независимость стран, подвергшихся агрессии. Они призывают их: берегите мир, остановите агрессоров, защищайте международные договоры; пусть восторжествуют право и справедливость в отношении независимости Австрии, в отношении стран Центральной Европы!

Пусть наиболее решительно этот призыв прозвучит из Чехословакии. В грозную ночь с 11 на 12 марта народы Чехословакии узнали, на что способен фашизм. Они поняли, что каждая уступка ведет к катастрофе. Сейчас как никогда ясно, что Чехословакия может отстоять независимость и свободу, только проявив твердость и мужество. Те, кто поддался страху, кто хотел бы толкнуть Чехословакию на путь уступок и капитуляции, хоронят ее независимость, отдают ее народ на растерзание фашизму. И потому весь народ должен быть движим одним стремлением: стать в тысячу раз более осторожным к происка реакционных элементов, объединившихся с Гитлером, и в тысячу раз более бдительным и твердым по отношению к партии Генлейна, этой прямой агентуре третьего рейха.

Необходимо проявить в тысячу раз большую твердость и решительность в деле защиты независимости страны, в тысячу раз большую веру в себя, в силу народа Чехословакии, в могучих союзников республики. Сегодня по всей Чехословакии должен мощно прозвучать единый лозунг: Да здравствует независимая и свободная Чехословакия! Мы выстоим во что бы то ни стало! Кровь

и жизнь за свободу народов ЧСР! Долой капитулянтство и трусость!

Силу для защиты республики могут дать только объединенный рабочий класс и объединенный народ!

Вот почему в эти критические минуты мы обращаемся ко всем рабочим-социалистам, их организациям, к социалистическим партиям. Сегодня всех рабочих без различия сплачивает в едином строю одна идея — идея защиты независимости Чехословакии.

Верные рабочему классу и республике, мы хотим, чтобы дело защиты республики опиралось на единство действий. Поэтому мы обращаемся к руководству социалистических партий и предлагаем: пусть немедленно соберутся представители социалистических партий и коммунисты и обсудят вопрос о создании единого рабочего фронта для защиты республики! Пусть на заводах и на местах рабочие единодушно продемонстрируют свою решимость защищать республику и тем самым предостерегут всех реакционных капитулянтов. Пусть на заводах и на местах создаются совместные комитеты рабочих и демократических организаций, которые должны встать на защиту оказавшейся под угрозой республики.

Мы обращаемся также к профсоюзным организациям рабочих. Сегодня рабочие профсоюзы, объединяющие большую часть нашего рабочего класса, должны сплотить силы рабочих, мобилизовать их готовность, превратить все заводы республики в единый мощный бастион против атак международного фашизма и против интриг капитулянтов-реакционеров.

Наконец, мы обращаемся ко всем трудящимся и их организациям, ко всем демократическим партиям. Мы всем протягиваем руку во имя совместных действий в деле защиты республики. Мы призываем всех к готовности, призываем всех быть на страже.

Да здравствует единый фронт защиты республики и независимости Чехословакии! Объединенный рабочий класс, объединенный народ даст республике силу выдержать все, что бы ни случилось.

Коммунистическая партия
Чехословакии

Печат. по сб «Mnichov v dokumentech», díl II. Praha 1958, str. 73—74.

22. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

16 марта 1938 г.

На вопрос американских журналистов, что намерен предпринять СССР в случае нападения на ЧСР, Литвинов вчера заявил, что, само собой разумеется, СССР выполнит свои союзнические обязательства. На дальнейший вопрос, как СССР может оказать помощь, он ответил, что уж какой-нибудь коридор найдется. В связи с польско-литовским конфликтом Литвинов просил английского и американского послов обратить внимание Лондона и Вашингтона на серьезность создавшегося положения.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 18.

23. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

17 марта 1938 г.

Вчера во второй половине дня меня пригласил к себе статс-секретарь фон Макензен и информировал о том, что министерство иностранных дел Германии получило сообщение германской миссии в Праге, согласно которому германский военный атташе был приглашен в министерство национальной обороны, где ему было сообщено, что нами получены сведения о каких-то военных акциях и передвижениях вблизи чехословацких границ. (Более подробных сведений он не привел.) Министерство иностранных дел Германии, по его словам, сразу же выяснило ситуацию и уже информировало германскую миссию в Праге по данному вопросу. Соответствующее сообщение якобы уже передал в Прагу тайный советник граф Бисмарк, следовательно, несомненно, и посланник в Праге Эйзенлор уже вручил нашему министру иностранных дел заявление, которое является лишь новым подтверждением дававшихся нам ранее заверений в необоснованности нашего беспокойства. Таким образом, статс-секретарь считает нынешний инцидент официально улаженным. Однако сейчас, после встречи только что возвратившихся из Австрии рейхсканцлера Гитлера и

министра иностранных дел Риббентропа, он хочет еще раз специально заверить лично меня в том, что сообщения о каких-либо военных мероприятиях против Чехословакии являются, как об этом сказал сам Риббентроп, «ein heller Unsinn» [1].

Поблагодарив за эти заверения, я сказал, что у меня нет оснований сомневаться в них, ибо мы получили общие заверения от маршала Геринга, давшего честное слово к тому же еще и от имени главы государства. Однако беспокойство, возникшее после оккупации Австрии, приобрело такие размеры, что я просто не успеваю отвечать на вопросы, когда произойдет нападение на Чехословакию и не находимся ли мы непосредственно в преддверии войны. В ходе беседы статс-секретарь упомянул о том, что Германия сама информировала английского посла Гендерсона о заверениях, которые дали мне маршал Геринг и барон Нейрат, и что поэтому заявление Чемберлена в английском парламенте основано на официальных сведениях здешнего министерства иностранных дел.

Подчеркиваю это, т. к. сегодня и английский посол подтвердил мне, что он передал информацию в Лондон Галифаксу на основании своих личных бесед не только с Герингом и Нейратом, но и с рейхсканцлером. Гендерсон в связи с этим заметил, что, как ему сообщили депешей из Лондона, наш посланник Масарик также информировал Галифакса о заверениях, данных Герингом.

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх.

[1] — «полной бессмыслицей» *(нем.)*.

24. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в Великобритании, Франции, ЧСР и США

17 марта 1938 г.

Отдельной телеграммой вам передается интервью, которое я даю сегодня представителям печати. Вручите немедленно текст интервью МИДу с сопроводительной нотой приблизительно следующего содержания:

Имею честь обратить ваше внимание на приложенный при сем аутентичный текст заявления, сделанного сегодня представителям печати народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым, и сообщить, что изложенные в интервью взгляды определяют позицию Советского правительства в отношении актуальных международных проблем.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 127—128.

25. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям печати

17 марта 1938 г.

Вступив в Лигу наций в целях организованного сотрудничества с другими миролюбивыми государствами, Советское правительство не упускало ни одного подходящего случая для рекомендации наиболее эффективных гарантий мира, каковые оно видело в организации системы коллективной безопасности в рамках Лиги наций, а также региональных пактов о взаимной помощи против агрессоров. Советское правительство практически вступило на этот путь, заключив такой пакт с Францией и Чехословакией, пакт, не угрожающий при отсутствии агрессии ни одному государству.

Имевшие место в течение последних четырех лет нарушения международных обязательств по Пакту Лиги и по Парижскому договору Бриана — Келлога, нападения одних государств на другие давали повод Советскому правительству выявлять не только его отрицательное отношение к этим международным преступлениям, но и его готовность принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором. Советское правительство при этом предостерегало, что международная пассивность и безнаказанность агрессии в одном случае фатально повлекут за собой повторение и умножение таких случаев. События международной жизни, к сожалению, подтверждают правильность этих предостережений. Новое подтверждение они получили в совершенном

военном вторжении в Австрию и насильственном лишении австрийского народа его политической, экономической и культурной независимости.

Если случаи агрессии раньше имели место на более или менее отдаленных от Европы материках или на окраине Европы, где наряду с интересами жертвы агрессии были задеты интересы лишь нескольких ближайших стран, то на этот раз насилие совершено в центре Европы, создав несомненную опасность не только для отныне граничащих с агрессором 11 стран, но и для всех европейских государств, и не только европейских. Создана угроза пока территориальной неприкосновенности и, во всяком случае, политической, экономической и культурной независимости малых народов, неизбежное порабощение которых создаст, однако, предпосылки для нажима и даже для нападения и на крупные государства.

В первую очередь возникает угроза Чехословакии, а затем опасность, в силу заразительности агрессии, грозит разрастись в новые международные конфликты и уже сказывается в создавшемся тревожном положении на польско-литовской границе.

Нынешнее международное положение ставит перед всеми миролюбивыми государствами и в особенности великими державами вопрос об их ответственности за дальнейшие судьбы народов Европы, и не только Европы. В сознании Советским правительством его доли этой ответственности, в сознании им также обязательств, вытекающих для него из Устава Лиги, из пакта Бриана — Келлога и из договоров о взаимной помощи, заключенных им с Францией и Чехословакией, я могу от его имени заявить, что оно со своей стороны по-прежнему готово участвовать в коллективных действиях, которые были бы решены совместно с ним и которые имели бы целью приостановить дальнейшее развитие агрессии и устранение усилившейся опасности новой мировой бойни. Оно согласно приступить немедленно к обсуждению с другими державами в Лиге наций или вне ее практических мер, диктуемых обстоятельствами. Завтра может быть уже поздно, но сегодня время для этого еще не прошло, если все государства, в особенности великие державы, займут твердую недвусмысленную позицию в отношении проблемы коллективного спасения мира.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 65 (6532), 18 марта 1938 г.

26. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в ЧСР народному комиссару иностранных дел СССР

17 марта 1938 г.

Посетил Крофту и вручил ему при ноте Ваше интервью. Крофта заявил, что приветствует Ваше заявление. Он указал, что эта декларация сама по себе является значительной поддержкой для Чехословакии. Большой моральной поддержкой является и советская позиция по литовскому вопросу. Позиция СССР и Франции по отношению к Чехословакии и позиция СССР по литовскому вопросу значительно охладили пыл Германии, и положение Праги в настоящее время значительно улучшилось. Крофта заявил мне далее, что под влиянием событий настроение Румынии серьезно изменилось и Румыния якобы готова сейчас к усилению своих связей с Чехословакией и, по-видимому, также с Советским Союзом.

Шапров

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 23.

27. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР

18 марта 1938 г.

Осуский разъяснил мне тактику Чехословакии по вопросу английских гарантий. Когда французы (еще при Дельбосе) заговорили с ним о желательности установления по этому вопросу контакта с Англией, у него зародилось подозрение, не хотят ли французы уклониться от своего прямого и бесспорного обязательства по договору и поставить это обязательство в зависимость от английской гарантии. Этого Чехословакия, конечно, допустить не могла, и он, Осуский, поэтому заявил французам, что Чехословакия не может от Англии просить гарантий, которые Франция обязана ей предоставить независимо от того, какую позицию займет Англия. Если же Франция добьется перестраховки у Англии, это, конечно, хорошо, но это ее собственное дело. Блюм и Поль-Бонкур с этим согласились.

Сурц

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 136.

28. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции

20 марта 1938 г.

Оппозиционные партии и сторонники коллективной безопасности в Англии готовы до максимума использовать мою декларацию, но это дело облегчалось бы, если бы французское правительство заявило о поддержке советского предложения. В этом случае Чемберлен оказался бы в трудном положении [1], отчего выиграли бы силы, борющиеся против агрессоров. Это, безусловно, правильно. Я не питаю никаких иллюзий насчет конференции, но все же было бы полезно какое-либо заявление Поль-Бонкура или Блюма о готовности Франции принять участие в предложенном нами обсуждении актуальных европейских проблем. Однако Вы не должны добиваться этого в официальном порядке.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 138.

[1] Характеризуя позицию английского премьер-министра, полномочный представитель СССР в Великобритании И. М. Майский писал в НКИД СССР 18 марта 1938 г., что «Чемберлен относится к нашей инициативе крайне отрицательно, и если он окажется в состоянии продолжать свою нынешнюю линию, то британское правительство сделает все возможное для того, чтобы похоронить советское предложение».

29. Письмо участников манифестации трудящихся г. Кладно полномочному представителю СССР в ЧСР

20 марта 1938 г.

Просим Вас передать своему правительству, что 10 000 участников манифестации, состоявшейся в воскресенье 20 марта 1938 г. в Кладно, с радостью приветствуют заверение правительства СССР решительно защищать вместе с нами свободу и независимость Чехословакии.

Искренне благодарим за это проявление верности союзническим обязательствам и надеемся, что в братском союзе наше общее дело защиты мира победит!

Да здравствует великий и славный Союз Советских Социалистических Республик!

Печат. по сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 387.

30. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР

21 марта 1938 г.

У Крофты меня прежде всего интересовали вопросы внутреннего развития Чехословакии. Крофта с очень кислой миной говорил о том, что в среде так называемых немецких активистских партий, входящих в состав правительства, происходит явный распад[1]. Успех Гитлера в Австрии уже сам по себе был бы способен дать толчок к переходу реакционных элементов внутри этих партий к движению Генлейна. Кроме того, очень сильное действие производит устная «агитация шепотом», проводимая сейчас Генлейном. Она заключается в пускании слухов и угроз, обещающих всем немцам Чехословакии жестокую расправу с ними, если они останутся в рядах «изменников родины» и не перейдут к Генлейну. Вся старая практика Гитлера и уже ясно видная жестокость расправ в Австрии толкают так называемых активистов на путь страховки путем перехода к Генлейну. Крофта надеется, что все же найдется достаточно мужественных людей, которые останутся верны своим демократическим убеждениям. [...]

Крофта не склонен верить Гитлеру, но все же подчеркивает, что Геринг дважды торжественно заверял, что не дотронется до Чехословакии. Германия официально заявила о сохранении 15-километровой зоны вдоль чехословацких границ, в которую не будут вступать германские войска. Неофициально Геринг сообщал, что эта зона будет шириной в 30 км. Первые дни это так и было. Затем генеральный штаб получил определенные сведения, что германские войска снова концентрируются на баварской и саксонской границах. 16 и 17 и даже отчасти

еще 18 марта генеральный штаб не знал определенно, зачем происходит концентрация войск. Мнения в генеральном штабе разделились. Были и сторонники ответной мобилизации. Однако «благоразумие восторжествовало», и Крофта сегодня уже может сказать, что Чехословакия правильно поступила, не поддавшись провокации. Крофта считает, что сегодня прямое нападение уже исключено. В этой связи Крофта очень тепло благодарил за помощь, которую СССР уже оказал выступлением наркома Литвинова. Крофта говорил, что СССР прямо спас Литву от присоединения к Польше. Крофта в этом духе циркулярно информировал всех своих посланников в других странах. При этом Крофта спрашивал меня о деталях разговоров в Москве по литовскому вопросу. Он ссылался на отсутствие сведений из советского источника и на то, что в Праге получил распространение слух такого содержания: Литвинов вызывал ночью в 12 часов польского посла Гжибовского, который хорошо известен чехам, поскольку он шесть лет был посланником в Праге. Зная наглость Гжибовского, Крофта верит тому, что Гжибовский ответил отказом прийти. Слух говорит, что тогда Литвинов по телефону предупредил Гжибовского, что если Польша применит силу для решения своего спора с Литвой, то СССР не сможет остаться к этому равнодушен. На другой день утром Гжибовский был у Литвинова и пытался сделать вид, что такого разговора не существовало. На это Литвинов прямо спросил его, передал ли он вчерашний разговор в Варшаву. На увертки Гжибовского Литвинов прямо сказал ему: «Идите домой и передайте в Варшаву то, что я Вам сказал, а именно что если Польша применит силу в отношении Литвы, то СССР не оставит этого без последствий». На вопрос Гжибовского, что это значит, Литвинов ответил, что это значит война в Восточной Европе. Крофта с большим удовольствием добавлял, что Гжибовский ушел, «как облитый водой пудель». Увязывая с изложенным, Крофта в дипломатических, но достаточно ясных выражениях говорил, что Чехословакия, будучи уже благодарна за помощь, конечно, рассчитывает на то, что в решительную минуту СССР окажет и ей не менее существенную пользу и прямую помощь. Это не обозначает, что Крофта желал бы видеть Красную Армию на своей территории (однако не потому, что он боялся бы Красной Армии, как очень многие из его кол-

лег), но это обозначает, что сейчас действительно на Гитлера может действовать только сила, боязнь силы. Красную же Армию Гитлер боится, хотя и кричит о ней, что она разложена и не может действовать. Острой проблемой сейчас является, дескать, не сама война, а, так сказать, оценка ее перспектив, оценка сил, могущих участвовать в войне. Ясное слово Литвинова в целом, а в частности в отношении Чехословакии, стоило больше, чем мобилизация всей чехословацкой армии.

Я приблизительно на этом месте не вытерпел и сказал Крофте в дружеском тоне, обычном для наших разговоров, что мне его ход рассуждений некоторым образом не нравится. У меня остается впечатление какой-то апологии ничегонеделания для защиты от возможного нападения. Гитлера провоцировать, конечно, не нужно, Генлейна провоцировать тоже не следует, спокойствие терять не нужно, но вместе с этим вопрос защиты чехословацкой свободы и демократии является делом прежде всего самой Чехословакии. Франция, а за ней и СССР могут помочь Чехословакии. Однако понятие помощи имеет предпосылкой, что сама Чехословакия будет защищаться. Из рассказанного Крофтой я вижу только то, что народ, видимо, хочет защищаться, но не видно того, чтобы те, кто руководит народом, были полностью одного духа с ним. Крофта сам характеризовал настроение как такое, при котором оказалось возможным образование «лагеря перепуганных». Крофта сам отнес к этому лагерю чуть ли не подавляющее большинство партий нынешней коалиции. Крофта сам рассказывает о разнобое во мнениях генерального штаба, хотя и считает настроение офицерства хорошим. Наконец, я до сих пор ничего не слышал о том, что же делается практически на случай возможности неожиданного нападения.

Крофта реагировал на это довольно живо, уверяя, что сейчас не может быть другой задачи, как только выиграть время. Ссылаясь на мои знания чехословацких условий, он уверял, что Бенеш все последние годы готовился к ситуации, подобной сегодняшней. Это обозначает, что помимо воли Бенеша внутренний режим в Чехословакии не подвергнется изменению, а это значит, что он останется демократическим. Помимо воли Бенеша не произойдет никаких внешнеполитических сдвигов, а это значит: Лига наций, коллективная безопасность, Франция, СССР. После аншлюса не приходится сомневаться

в том, что Гитлер сделает какие-то предложения и Чехословакии. До сегодняшнего дня этого еще не произошло. Даже не проводится зондаж. С другой стороны, германский посланник Эйзенлор, всегда избегавший заострять судетский вопрос и делавший [из себя] друга Чехословакии, уже резко изменил свою тактику. Он стал заносчив вплоть до грубости и стал часто заговаривать о праве и справедливости в отношении судетских немцев. Как с ним держаться? Крофта терпеливо его слушает. Если эти рейды Эйзенлора превратятся в политические предложения, то я могу не сомневаться, что уже такой факт будет сообщен в первую очередь Франции и СССР. Что будет дальше? Чехословакия не сможет отказаться от разговоров, о чем Крофта много раз говорил мне и в более благоприятной обстановке. Но это не будет обозначать ни в какой мере готовность капитулировать перед Германией. В этом месте Крофта с сильным подчеркиванием заявил, что каждый чех отлично сознает гибель всякой надежды на самостоятельное государственное и национальное существование, если Чехословакии придется принять, хотя бы в завуалированном виде, требования, которые выставляет Генлейн и может выставить Гитлер, а поэтому они не будут приняты. Что касается «перепуганных», то они, к сожалению, существуют, они готовы продать свою родину, и задача заключается в том, чтобы не позволить им это сделать. Однако радикализм и здесь может привести к плохим последствиям. К сожалению, «перепуганных» нельзя просто исключить из политической жизни Чехословакии. Что касается военных мероприятий, то они все время принимались и принимаются, но так, чтобы они внешне не были заметны. Например, чехословацкие укрепления на германских границах построены, но они были без гарнизонов. Сейчас по ночам они пополняются. Я указал Крофте на то, что по австрийской границе у них нет укреплений. Крофта с сожалением признавал это и соглашался, что этот недостаток нужно быстро исправить.

Переходя к международным вопросам, Крофта сказал, что нужно стремиться укрепить фронт держав — защитников мира. С этой точки зрения его интересует, чем кончилась моя поездка в Бухарест, продолжаем ли мы считать Румынию возможным и желательным союзником для защиты от агрессии. Есть ли у нас «добрая воля»

сотрудничать с Румынией. Я ответил, что, конечно, есть, если Румыния может считаться годным партнером. Крофта уверял, что король сейчас страшно напуган аншлюсом. Хотя он и Гогенцоллерн, а может быть, именно поэтому, он не хотел бы стать под команду бывшего унтер-офицера и маляра по профессии. Однако в Румынии боятся раздражать Германию. Если бы удалось найти форму, при которой Румыния могла бы опереться на систему расширенных пактов взаимной помощи, то она это сделала бы. Однако Крофта тут же сам оговаривался, что исключительный страх перед СССР как государством и как носителем «коммунистической заразы» помешает Румынии пойти на прямое соглашение только с СССР. Румыны сейчас ищут [способа] посильнее опереться на Чехословакию и поддержать Чехословакию. Крофта охотно стал бы искать такой формы, которая оформила бы это стремление договорным способом с расширением базы взаимной помощи. На Югославию пока рассчитывать не приходится. У Стоядиновича производился зондаж, и тот довольно грубо ответил, что без Италии он не сделает ни шагу. Можно ли ставить себе задачу отрыва Италии от Германии, Крофта не знает прежде всего потому, что не видит ясно, чем кончится колебание в английской политике.

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 142—147.

[1] 22 марта 1938 г. из правительственной коалиции вышли союз немецких крестьян и немецкая партия мелких предпринимателей, а 24 марта — партия немецких христианских социалистов. Все три партии одновременно объединились с судето-немецкой партией Генлейна.

31. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

22 марта 1938 г.

Сегодня я был с ответным визитом у нового американского посла Кеннеди, человека, видимо, весьма близкого к Рузвельту, который в ходе разговора сообщил мне следующее:

1. По его впечатлению (а он в последние дни разговаривал и с Чемберленом, и с Галифаксом, и с Эллиотом, и с другими министрами), премьер 24-го в парламенте не скажет ничего нового, в частности не даст обязательств по гарантии Чехословакии. Политика Чемберлена, по словам Кеннеди,— это политика сделки с Германией и Италией за счет уступок со стороны Англии и от нее он не собирается отступать. Пожимая плечами, Кеннеди воскликнул: «Я не знаю, есть ли на свете что-либо такое, за что премьер готов был бы драться».

2. Английское правительство, по словам Кеннеди, сейчас прилагает все усилия к тому, чтобы удержать Францию от каких-либо действий, которые могли бы помешать Чемберлену проводить его политику не только по испанскому вопросу, но и в отношении Чехословакии. В частности, чтобы удержать французов от выполнения ими своих обязательств по франко-чехословацкому договору, английские правительственные круги («все они в один голос говорят»,— как выразился Кеннеди) усиленно втолковывают французам, что СССР не выполнит своих обязательств по чехословацко-советскому пакту. Я высмеял английскую инсинуацию и дал Кеннеди необходимые разъяснения, за которые он меня очень благодарил, ибо, как он сам мне признался, об СССР он имеет лишь весьма смутное представление. Не думаете ли вы, однако, что следовало бы принять какие-либо меры против британской пропаганды в Париже.

Майский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 147.

32. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

24 марта 1938 г.

1. Сегодня я получил из форин офиса ноту в ответ на интервью Литвинова, врученное мной Кадогану 17 марта. Нота, как и следовало ожидать, высказывается против созыва конференции группы миролюбивых держав для борьбы с агрессией. Британское правительство заявляет, что готово было бы принять участие в конферен-

ции всех европейских держав для разрешения проблемы, угрожающей миру, но такая конференция в настоящее время невозможна. Я посылаю текст ноты завтра с уходящей почтой, но если вы захотите ноту опубликовать с соответственными комментариями (что, на мой взгляд, следовало бы сделать), то я передам текст ноты через ТАСС. Срочно сообщите.

2. Сегодняшнее заседание парламента прошло более бледно, чем можно было ожидать. В нем как-то не чувствовалось подъема, напряжения. Декларация Чемберлена в общем соответствовала тем предварительным сведениям, о которых я вам сообщал. Для Испании остается невмешательство, какая-либо гарантия Чехословакии невозможна, автоматическое обязательство подтверждается лишь в отношении Франции и Бельгии на случай неспровоцированной агрессии. Правда, премьер наговорил довольно много хороших слов насчет Лиги наций (впрочем, тоже с осторожностью) и таким образом, конечно, через Ковенант [1], как будто намекнул на возможность британского вмешательства в случае опасности для Чехословакии, намекнул также на возможность британской помощи Франции в случае войны между ней и Германией из-за Чехословакии, но все это в таких расплывчатых тонах, что нужен микроскоп для выискивания чего-то нового в декларации Чемберлена. Премьер отверг также советское предложение о совместных действиях миролюбивых держав с той же мотивировкой, какая дана в полученной мной сегодня ноте. В итоге колебание минувших двух недель кончилось и внешнеполитическая линия британского правительства остается без перемен. Оппозиция (Эттли и Синклера) выступала довольно слабо. Черчилль произнес большую речь, в которой попробовал поймать Чемберлена на словах и весьма расширительно толковать те слабые сдвиги в сторону гарантий Чехословакии, которые имелись в декларации премьера. В некоторых своих частях речь Черчилля носила отражение нашей вчерашней беседы с ним. [...]

Полпред

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 149—150.

[1] — Лигу наций *(англ.)*.

33. Нота министра иностранных дел Великобритании полномочному представителю СССР в Великобритании

24 марта 1938 г.

Ваше превосходительство,

В дополнение к моей ноте от 22-го марта [1] имею честь поставить Ваше превосходительство в известность о том, что я уже прочел и рассмотрел с большим вниманием текст заявления, сделанного М. Литвиновым для представителей печати в Москве, перевод которого Вы столь любезно сообщили мне в Вашей ноте от 17 марта.

2. Отмечаю, что данное заявление может считаться представляющим точку зрения Советского правительства относительно настоящих международных проблем. Я полагаю, что существо предложения Советского правительства состоит в том, чтобы безотлагательно принять меры для проведения между заинтересованными правительствами обсуждения в целях определения практических мер, необходимых для того, чтобы приостановить дальнейшее развитие агрессии и противодействовать, насколько это возможно, возрастанию угрозы войны.

3. Правительство его величества тепло приветствовало бы созыв международной конференции, на которую, как это можно было бы ожидать, все европейские государства согласились бы послать своих представителей и на которой, следовательно, можно было бы обсудить дружеским образом и, возможно, окончательно урегулировать такие вопросы, которые, как это полагают, могли бы более всего представлять угрозу миру. Однако при существующих обстоятельствах такую конференцию, по-видимому, не представляется возможным организовать. Конференция, на которой присутствовали бы лишь некоторые из европейских держав и которая имела бы целью не столько обеспечение урегулирования неразрешенных проблем, сколько принятие согласованных действий против агрессии, не обязательно окажет, по мнению правительства его величества, благоприятное воздействие на перспективы европейского мира.

4. При этих обстоятельствах, будучи искренне признателен Советскому правительству за сообщение мне

его взглядов относительно наилучшего метода обеспечения сохранения мира, я сожалею, что правительство его величества не может согласиться во всем объеме с предложениями, выдвинутыми М. Литвиновым в своем заявлении, о котором идет речь. Взгляды правительства его величества дополнительно обсуждаются в парламенте, и Вы сможете заметить из соответствующих заявлений министров его величества, что, если и могут существовать различные взгляды на методы, которых надлежит придерживаться, тем не менее правительство его величества не в меньшей степени, чем Советское правительство, озабочено тем, чтобы отыскать эффективные средства укрепления дела мира.

Имею честь и пр.

За министра иностранных дел
К. У. Бакстер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. I. М., 1948, с. 102—106.

[1] В ноте от 22 марта 1938 г. МИД Великобритании подтвердил получение ноты полномочного представителя СССР в Великобритании от 17 марта 1938 г., при которой был препровожден текст заявления народного комиссара иностранных дел СССР.

34. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссии ЧСР во Франции

26 марта 1938 г.

На Ваш № 33 [1]. На вопрос Фирлингера о том, можем ли мы с учетом заверений Франции надеяться на советский договор, Потемкин дал категорический положительный ответ. Так же четко ответил Литвинов американским журналистам, что в случае нападения на ЧСР Союз выполнит свой союзнический долг.

Крофта

Печат. по арх.

[1] В телеграмме миссии ЧСР во Франции в МИД ЧСР от 23 марта 1938 г. за № 33 говорилось, что представители МИД Франции интересуются, как «вел себя СССР в отношении Чехословакии в условиях нынешнего кризиса».

35. Из письма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР

26 марта 1938 г.

[...] Перед правительством и огромным большинством страны, однако, во весь рост встал другой вопрос — как и какими средствами задержать дальнейшее наступление германской экспансии и как, в частности, отвести удар от Чехословакии, с которой Франция связана союзным договором. Надо отдать справедливость Блюму, что в вопросе об обязательствах по отношению к Чехословакии он не проявил никакого колебания.

Сразу же после образования своего кабинета он вызвал к себе Осуского [1] и поручил ему передать в Прагу, что французское правительство беспрекословно и твердо выполнит свои союзные обязательства, что об этом оно немедленно доводит до сведения Лондона и немедленно же огласит свое заявление в печати.

Блюм мне объяснил, что к этой форме гласности он намеренно прибег, чтобы, с одной стороны, об этом сразу стало известно в Германии («ни на минуту не оставить места сомнению, что Франция не потерпит насилия над Чехословакией»), а с другой стороны, чтобы поставить перед совершившимся фактом и те элементы в самой Франции, которые «способны предать и Чехословакию». Тут же Блюм мне рассказал и о своем демарше в Лондоне [2]. Он сказал, что лично ни на одну минуту не сомневается, что Англия вынуждена будет прийти Франции на помощь, если та будет втянута в конфликт из-за Чехословакии, но что самый этот конфликт (германское насилие) был бы предупрежден, если бы Англия об этом заранее заявила и испрошенную гарантию дала. Он знает, что на такие вещи англичане, а в особенности Чемберлен, охотно не идут, «но все же надежды не теряет». Его не обескуражило даже состоявшееся уже выступление Чемберлена в палате. «Англичане медленно раскачиваются», к тому же «чехи что-то напутали» и сами просили Чемберлена ограничиться в своей речи напоминанием о геринговских заверениях.

Приблизительно в том же духе мне об этом деле рассказал и Бонкур. Позиция правительства в этом вопросе не вызвала особых возражений даже со стороны оппозиции. Упрекать открыто правительство за то, что оно обязывается выполнить свои обязательства, никто не ре-

шался. Кое-кто, правда, ворчал, что не мешало бы предварительно испросить согласие парламента. Но этим дело ограничилось. [...]

Нерешительность французского правительства очень ярко сказалась в отношении к московскому демаршу [3]. Совершенно, конечно, естественно, что правительство, возглавляемое социалистами, не могло не высказать своей солидарности с предложениями, клонящими к укреплению и организации коллективной безопасности, к более эффективной организации борьбы с агрессорами.

Бонкур при вручении мною ему нашего документа поэтому не пожалел красивых фраз для восхваления нашей инициативы, но этим, по-видимому, дело и ограничилось. Насколько мне известно, дальше своего платонического коммюнике через Гавас [4] он не пошел. Возможно, что он произвел какой-то зондаж в Лондоне (об этом мне ничего не известно) и, получив оттуда расхолаживающий ответ (о характере его нетрудно догадаться после последнего выступления Чемберлена), решил больше ничего не предпринимать. В общественных кругах наше предложение вызвало бесспорный интерес, но все же недостаточный, не такой, на который оно имело право рассчитывать во Франции. Прежде всего, сравнительно слабо реагировала печать. Основная причина (если откинуть ряд привходящих моментов), по-моему, лежит в том, что наше предложение воспринято было как приглашение на новую конференцию, к которой здесь сейчас, вообще говоря, относятся с большим скептицизмом. Очень расхолаживающе подействовала и отрицательная реакция Вашингтона. Задавали себе вопрос: если и Америка выпадает, то из кого же в конце концов будет состоять конференция?

При всем скептицизме к практическим последствиям нашего демарша почти все приветствуют самый факт нашего выступления как свидетельство о том, что СССР по-прежнему живо интересуется проблемами коллективной безопасности, считает ее по-прежнему главнейшим рычагом своей внешней политики и далеко не склонен (как об этом здесь за последнее время частенько заговаривают) замкнуться в свою собственную скорлупу.

С товарищеским приветом

Я. Сурц

Печат. по арх.

[1] Визит состоялся 14 марта 1938 г.

[2] Сообщение, сделанное 14 марта 1938 г. премьер-министром Франции Л. Блюмом посланнику ЧСР во Франции Ш. Осускому, в тот же день было передано французским послом в Великобритании Ш. Корбеном МИД Великобритании.

[3] См. док. № 25.

[4] Французское агентство Гавас сообщило о посещении полпредом СССР во Франции Я. З. Сурицем министра иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкура и о вручении ему заявления М. М. Литвинова. Ж. Поль-Бонкур, согласно сообщению Гавас, «отметил интерес, с которым французское правительство относится к предложениям Советского правительства, продиктованным заботой о сохранении мира и отвечающим принципам советской политики».

36. Нота миссии ЧСР в СССР в НКИД СССР

27 марта 1938 г.

Правительство Союза ССР продало чехословацкой армии в течение 1937 г. 21 самолет СБ, без моторов.

В марте 1938 г. правительство Союза ССР согласилось продать чехословацкой армии еще 20 самолетов СБ на тех же условиях, т. е. без моторов.

Правительство Чехословацкой республики глубоко признательно за эту эффективную поддержку, оказываемую ему в нынешней столь важной обстановке.

Ввиду того, что ближайшие события могут вызвать крайнюю необходимость в дальнейшем увеличении вооружений чехословацких военно-воздушных сил, чехословацкая армия просит, не может ли правительство Союза ССР в течение сего года отпустить ей еще самолеты СБ без моторов и, в положительном случае, в каком количестве (20—40 или 60 аппаратов).

В случае благоприятного решения этой просьбы чехословацкий военный атташе обратился бы в обыкновенном порядке к надлежащим властям Союза ССР.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 391.

37. Из письма временного поверенного в делах СССР в Германии народному комиссару иностранных дел СССР

27 марта 1938 г.

[...] 1. Тем не менее опасность для Чехословакии представляется весьма актуальной. Немцы методично и уверенно разыгрывают там свой план действия пока исключительно через Генлейна и не вводя в игру себя непосредственно. Проведя объединение немецких партий под руководством Генлейна, раздробив через введенных туда своих агентов чешско-немецкую социал-демократию [1], они будут выдвигать устами Генлейна все новые требования, оставаясь сами как бы в тени и давая державам и самим чехам самые миролюбивые заверения. Предстоящее вооружение Венгрии и растущая агитация словаков ослабят положение Чехии на юге, поставят правительство Бенеша — Годжи перед рядом трудностей, в результате которых оно вынуждено будет капитулировать перед генлейновцами, удовлетворив полностью их требования и введя их в состав правительства. Далее в Чехословакии начнется «хаос», который даст основание немцам вкупе с венграми и поляками ввести туда войска без особого нарушения международного декорума и во всяком случае в форме, которая считается приемлемой для Лондона, а быть может, и для Парижа. Нетрудно понять, что расчеты немцев построены именно на таком приблизительно варианте захвата Чехословакии или по крайней мере ее судетских частей — без войны и без острого международного конфликта, к каковому Германия пока, по всем признакам, не готова и которого желает пока что избегнуть. Темп этой партии, начатой после захвата Австрии, достаточно быстр. Здешние пессимисты считают дело Праги безнадежно проигранным, предвидя, что вскоре Бенешу придется уйти, дабы не быть помехой «сближению» с Берлином. Говорят, что вернуть хотя бы часть судетских немцев на свою сторону Годже не удастся, даже если бы он подарил каждому немцу дом с автомобилем, так как Берлин тратит в Судетах столь большие деньги и ведет во всей Чехии столь интенсивную пропаганду, что справиться с ней, да еще в обстановке «демократизма», Прага не сможет. Чехословацкий посланник, понятно, пытается бодриться, но я не могу забыть, что и местный австриец бодрился до

последней минуты. Положение остается исключительно серьезным, события развиваются в очень быстром темпе, хотя, повторяю, немцы делают всю ставку на «безболезненный» захват Чехии силами внутреннего взрыва и не особенно лицемерят, когда говорят о своем нежелании войны. Изменение международной обстановки в неблагоприятном для Берлина смысле может поэтому заставить его повременить с проведением этого плана. [...]

Г. Астахов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 158—159.

[1] Против прежнего руководства немецкой социал-демократической партии в лице министра здравоохранения, физкультуры и спорта Л. Чеха выступила профашистская группировка во главе с В. Якшем, который в конце марта 1938 г. захватил руководство партией, что привело к отставке Л. Чеха и выходу немецких социал-демократов из состава правительства ЧСР.

38. Из записи беседы главы советской военной делегации в ЧСР с начальником главного штаба чехословацкой армии

28 марта 1938 г.

28 марта 1938 г. советскую военную делегацию в Чехословакии, возглавляемую маршалом Советского Союза Куликом, принял начальник генерального штаба чехословацкой армии армейский генерал Крейчи. Беседа носила дружеский и деловой характер. [...]

В беседе Крейчи остановился на своих впечатлениях о его пребывании у нас в Москве и на маневрах, где он встречался и разговаривал с народным комиссаром обороны маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Далее генерал Крейчи рассказал в общих словах о том, что у них в армии проводится большая напряженная работа по приведению в готовность на случай вторжения немцев. Генерал Крейчи в своей беседе с маршалом Куликом затронул вопрос, поможем ли мы им, если на них нападут немцы? Кулик заверил, что «помощь им будет оказана».

Во время беседы генерал Крейчи заявил, что чехословаки готовы ознакомить советскую военную делегацию со всеми имеющимися у них новшествами в военном деле

и что уже отдано распоряжение о показе этих новшеств, в интересах нашего общего дела, советской делегации. [...]

Записал пом. военного атташе СССР в Праге
майор *Кашуба*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 24—25.

39. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР

29 марта 1938 г.

Я вызвал Фирлингера, чтобы сообщить ему о нашем согласии продать Чехословакии в 1938 г. еще 20 самолетов типа СБ. Фирлингер выразил по этому поводу свою благодарность. В дальнейшей беседе, затронув внутреннее положение Чехословакии, Фирлингер отметил, что по примеру Гитлера Бек ставит вопрос о положении польского меньшинства в Чехословакии. Это меньшинство, по словам Фирлингера, не превышает 80 тыс. душ. Фирлингер просит, чтобы наша пресса осветила надлежащим образом притязания Бека на охрану польских меньшинств соседних стран, напомнив полякам, что в пределах самой Польши имеется 7 млн. украинского меньшинства. Постановка вопроса о правах этого меньшинства могла бы создать для польского правительства серьезные и даже опасные затруднения.

Я обещал Фирлингеру сообщить прессе выраженные им пожелания.

Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 161.

40. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

1 апреля 1938 г.

Бенеш считает, что Германия еще далеко не готова к серьезной войне. По его сведениям, оккупация Австрии выявила организационные, технические и материальные

недостатки армии очень большого размера. Гитлер знает, что Чехословакия будет защищаться. Бенеш заявляет, что его армия предана ему, подготовлена к войне и будет драться в полном единодушии со всем народом. Относительно Франции Бенеш говорил то, что сообщил мне Крофта [1]. Относительно Англии Бенеш сам предупреждал Францию, что не следует требовать прямых публичных обязательств прийти на помощь Чехословакии. Это противоречило бы всем английским традициям. Бенеш советовал только довести до сведения англичан, что намерена делать сама Франция. Анализируя речь Чемберлена, Бенеш говорил, что считает ее огромным шагом вперед в деле защиты европейского мира и фактическим обязательством вмешаться в войну на стороне Франции, когда та выступит на помощь Чехословакии. В помощи Франции Бенеш нисколько не сомневается. Сама Чехословакия ни о чем Англию не просила, но тоже довела до сведения, что на покушение на свою неприкосновенность ответит защитой с оружием в руках. В ответ Англия в прямой форме пытается «урегулировать внутренние чешско-немецкие отношения в рамках допустимого на основе чехословацкой конституции». Бенеш срочно готовит не только кодификацию меньшинственных законов, но и их значительное расширение, а также решительные перемены в практике их применения. Законы в некоторых случаях пойдут даже дальше аналогичных швейцарских и бельгийских, а в других случаях неопровержимо будет доказано, что Чехословакия сделала все возможное в пределах основ существующего строя. Бенеш подчеркивал в самой категорической форме, что при этом нет и не может быть речи о какой бы то ни было автономии Судетской области или ином самом малейшем изменении нынешней конституции. Я понял Бенеша так, что он вперед заручился согласием Англии считать судето-немецкий вопрос разрешенным, если Чехословакия действительно исчерпает свои конституционные возможности в духе расширения и осуществления прав немецких меньшинств в ее нынешних пределах. Переходя к внутреннему положению, Бенеш заявил прямо в боевом тоне, что ни Генлейн, ни аграрии, ни кто бы то ни было другой не вынудят у него роспуск парламента и новые выборы, что до тех пор, пока он президент, в Чехословакии не будет правительства без социалистов, а значит, и правительства с Генлейном, что в случае крайней нуж-

ды он через голову партийных вождей обратится к народу и армии, в поддержке которых он абсолютно уверен. Исключив таким образом возможность каких бы то ни было сомнений в своей личной линии поведения, Бенеш анализировал парламентскую возможность развития и фактическое положение вещей. Констатируя исключительную трусость социал-демократов, Бенеш хвалил чешских клерикалов и издевался над аграриями, которые никогда еще не принимали решений, сколько-нибудь возлагающих на них ответственность за судьбу государства. Поэтому Бенеш убежден, что для него не составит труда сохранить основы нынешней коалиции. Он обсуждает единственный вопрос, оставить ли в коалиции только чехов и словаков или удержать в ней и немецких социал-демократов. Немцы в составе правительства в лице одних социал-демократов вызывали бы много нареканий. Поэтому обсуждается также мысль о назначении одного-двух немцев беспартийных специалистов, но ни в коем случае не близких Генлейну. Решение еще не принято. Возвращаясь к моему сообщению о поездке в Москву через Бухарест, Бенеш сказал, что у него имеются противоречивые сведения о характере и значении перемен в румынском правительстве. Поэтому он еще ничего не может сказать. Однако он считает, что будет только полезно при всех условиях сказать румынам достаточно авторитетным образом, что двери для сотрудничества с СССР для Румынии открыты. Этим тогда Чехословакия и Франция воспользуются для давления. Основ сближения дискутировать не нужно, ибо они известны всем заинтересованным. Прощаясь, Бенеш просил передать в Москву его личный привет Литвинову, Ворошилову, Сталину.

Александровский

Печат. по арх.

[1] Во время беседы с полпредом СССР в Чехословакии 30 марта 1938 г. министр иностранных дел К. Крофта сказал, в частности, что французские представители несколько раз заявляли ему и Э. Бенешу, что «для Франции нападение на Чехословакию даже и в том случае, если оно произойдет только путем попытки произвести внутреннее восстание немцев, будет считаться казус белли». С. С. Александровский заявил Крофте, что Франция ничего не сообщала Советскому Союзу о своих намерениях в отношении Чехословакии.

41. Из письма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции

4 апреля 1938 г.

Дорогой Яков Захарович,

1. Несмотря на крайнюю напряженность международной обстановки, французское правительство не изменяет своей позиции нерешительности, бездеятельности и легковерия перед лицом событий, создающих непосредственную угрозу для общего мира и прямую опасность для самой Франции. Ни захват Австрии Германией, ни критическое положение Чехословакии, ни польский ультиматум Литве, ни появление новых германских и итальянских войск на самой испано-французской границе, ни, наконец, вызывающие заявления Муссолини, грозящего Европе великой войной,— не заставили французов встрепенуться, одуматься и что-либо предпринять, хотя бы для самозащиты. По-прежнему, словно некое заклинание, твердят они свою формулу «невмешательства». Как и раньше, не отрывают глаз от Англии, в которой видят единственную надежную защиту. По-старому не хотят понять, что первое же проявление решимости, твердости и независимости французской внешней политики, как это было при Луи Барту, могло бы немедленно образумить зарвавшихся агрессоров, напомнить Англии об опасности ее собственной изоляции и ободрить к борьбе за мир все здоровые силы демократической Европы. Поль-Бонкур, от которого можно было бы ожидать больше смелости и самостоятельности, по существу, продолжает линию Дельбоса. Призывы Ллойд Джорджа, явившегося в Париж для агитации в пользу активного сопротивления великих держав Европы воинствующему фашизму, остаются гласом вопиющего в пустыне. Несравненно больше внимания и сочувствия вызывает Черчилль, настойчиво предупреждающий Францию против помощи Испании и слишком ясно дающий понять, что Англии не по пути с французским правительством Народного фронта. Формы ради делаются запоздалые дипломатические представления в Берлине после свершившегося захвата Австрии войсками Гитлера. Лишь скрепя сердце, по настоянию Бенеша подтверждается давно всем известное, но, к сожалению, оставляющее лазейки для Гитлера, обязательство — оказать помощь Чехословакии, если она подверг-

нется открытому нападению Германии. Серьезного противодействия не оказывается и Польше, совершающей свой наездннческий наскок на Литву. Лишь бессильно разводя руками, признает Франсуа-Понсе в разговоре с нашим поверенным в делах в Берлине, что Польша явно помогает Гитлеру в его действиях, направленных против Чехословакии. Сами французы не предпринимают ничего. Они хотят, чтобы за них действовали другие. И вот с величайшим бесстыдством дают они кое-кому понять, что Советский Союз при желании мог бы сделать для Испании значительно больше. Поль-Бонкур через посланника Чесяно убеждает румын помочь Чехословакии, разрешив советским войскам пройти через их территорию. А Кулондр и Леже заговаривают с Вами о том, в чем может выразиться наша помощь Чехословакии.

С такими людьми, с подобным правительством Франция неизбежно дойдет до катастрофы. Спасти ее может лишь крутой поворот всей ее политики. Когда он совершится и наступит ли еще? Во всяком случае, этого не произойдет ни при правительстве Блюма, ни при вероятном кабинете Даладье. Вывести Францию на путь внешней политики возрождения сможет лишь организованная демократия страны, способная твердой рукой подавить сопротивление нынешних «хозяев» Франции и призвать к союзу с собой все живое в Европе, готовое отразить натиск фашизма.

2. В свете трусливой и пассивной внешней политики нынешнего французского правительства особенно тревожным представляется положение Чехословакии.

Правда, в последних разговорах т. Александровского с Бенешем и Крофтой оба собеседника полпреда старались его заверить, что стране их не угрожает непосредственная опасность. Однако у Бенеша оптимизм является, как известно, его физиологической особенностью. Что касается Крофты, то он служит лишь рупором нынешнего президента республики. Так или иначе, Бенеш пытался доказывать Александровскому, что Германия еще не готова к серьезной войне. Зато чехословацкая армия предана родине и президенту и будет мужественно драться за отечество. Франция, конечно, окажет Чехословакии военную поддержку. Для Англии огромным шагом вперед представляется заявление Чемберлена, что она не оставит Францию без своей помощи. В плане коллективной защиты Чехословакии против фашистской агрес-

сии весьма значительную роль может сыграть и Румыния. По мнению Бенеша, предоставление Красной Армии свободного прохода через румынскую территорию имело бы решающее значение для обуздания Германии. Поэтому Франция и даже Англия должны соответствующим образом воздействовать на румынское правительство, дабы склонить его к согласию на эвентуальное открытие своей границы перед Красной Армией. Тот же неизлечимый оптимизм сказывается в оценке Бенешем и Крофтой и внутреннего положения Чехословакии. Бенеш категорически заверяет, что оппозиционным элементам не удастся ни провести Генлейна в состав правительства, ни добиться образования кабинета без участия социалистов. В случае нужды Бенеш апеллирует к народу и обратится за поддержкой к армии, которая ему предана. Об автономии, требуемой партией Генлейна для судетских немцев, не может быть и речи. Правительство Бенеша не пойдет дальше тех уступок в пользу немецкого меньшинства, которые допускаются действующей конституцией. Крофта зашел так далеко, что уверял т. Александровского, будто Франция гарантирует свою помощь Чехословакии даже в том случае, если генлейновцы выступят против правительства собственными силами, не опираясь на германскую интервенцию.

Излишне доказывать крайнюю неубедительность всех этих рассуждений. Оппозиция лихорадочно мобилизует и консолидирует свои силы в Чехословакии. Объединенный немецкий фронт вступает в коалицию с аграриями, реакционной партией Крамаржа, шовинистическими и клерикальными элементами словаков [1]. Генлейновцы открыто выбрасывают лозунг сепаратизма. Небезызвестный Каганек, связанный с Беком и Розенбергом и ныне редактирующий центральный орган аграриев «Венков», ведет бешеную агитацию за смену правительства. Не исключено, что в ближайшем будущем мы будем свидетелями серьезнейших внутренних осложнений в Чехословакии. Нечего и думать, чтобы французское правительство пришло на помощь своему союзнику. Если бы даже Чехословакия подверглась открытому нападению Гитлера, помощь Франции могла бы свестись к «символической» мобилизации Францией армии на восточной границе по линии Мюлуз — Страсбург — Метц. Как раз против этой линии немцами возведены после ремилитаризации Рейнской зоны самые мощные оборони-

тельные укрепления. Они ставят неодолимую преграду перед французами и обрекают их в лучшем случае на позиционную войну. Повторяю, этот «лучший случай» представляется мне весьма маловероятным. [...]

С товарищеским приветом

В. Потемкин

Печат. по арх.

[1] В феврале и марте 1938 г. судето-немецкая партия, объединив все немецкие партии Чехословакии, вела переговоры о совместных координированных действиях с аграрной партией, партией национального объединения, словацкой народной партией Глинки и другими реакционными элементами.

42. Письмо Центрального комитета Союза друзей СССР в Чехословакии министру иностранных дел ЧСР

15 апреля 1938 г.

Господин министр!

Чрезвычайное заседание Центрального комитета Союза друзей СССР в Чехословакии, состоявшееся 30 марта с. г. при участии чешских, словацких и немецких деятелей Центрального комитета, единодушно приняло решение торжественно заверить Вас в непоколебимой решимости, твердой и преданной воле всех друзей СССР в Чехословакии всеми силами защищать государственную независимость Чехословацкой республики и неприкосновенность ее границ против любого внутреннего и внешнего врага, защищать демократические порядки Чехословацкой республики как основу успешного и счастливого развития в будущем и твердо поддерживать чехословацко-советский договор о взаимной помощи в случае нападения, обеспечивающий Чехословакии верную и эффективную помощь великой Советской страны мира и социализма.

Примите, господин министр, уверения в нашем глубоком почтении

Д-р *Б. Врбенский*

Печат. по сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 400—401.

43. Из письма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Китае [1]

17 апреля 1938 г.

[...] 1. Основным событием международной политики за последнее время является решительный поворот Англии в пользу соглашения с агрессорами после отставки Идена. В результате этого поворота мы стоим уже перед фактом англо-итальянского соглашения, значение которого для всего международного положения гораздо больше, чем это вытекает из его довольно незначительного материального содержания. Оно не только ликвидирует целый этап острых разногласий и конфликтов между этими странами, но и несомненно окажет влияние на поведение Англии и Италии в отношении других держав и вообще отразится на всей международной ситуации. [...]

3. Заключение соглашения с Италией укрепит еще больше взятый Чемберленом курс во внешней политике Англии, усилит нажим Англии в том же направлении на Францию и приведет к заключению англо-германского соглашения. При оппортунизме Чемберлена Германия сумеет, вероятно, добиться от него выгодного для себя соглашения. За обещание Англии фактически не вмешиваться в отношения Германии с другими европейскими государствами, кроме Франции и Бельгии, Гитлер, вероятно, согласится повременить с получением колоний. Известное заявление Чемберлена в отношении Чехословакии уже было первым серьезным шагом к соглашению с Германией. С тех пор Англия оказывает давление на Чехословакию, настаивая перед ней на уступках Германии. Нам достоверно известно, что готовится англо-французское «посредничество» между Чехословакией и Германией, посредничество, которое, вероятно, сведется к совместному нажиму на Чехословакию, с тем чтобы заставить ее пойти на далеко идущие уступки Германии. В этой ситуации Гитлеру нет нужды торопиться с насильственными мерами разрешения чехословацкой проблемы.

4. Усиление Германии и ее сотрудничество с Италией, упомянутый выше поворот в английской политике, всеобщая во Франции боязнь войны и прежде всего страх перед революцией правых кругов французской буржуазии в связи с обострением классовых противоречий во Фран-

ции и событиями в Испании усиливают также и во Франции стремление пойти, вслед за Англией, по пути сближения с агрессорами. Правая французская печать, и в том числе такой орган, как «Тан», не стесняется выступать за последние дни против выполнения Францией своих союзнических обязательств в отношении Чехословакии в случае нападения на нее Германии. Если ничто не остановит этой эволюции, реакционная французская буржуазия низведет Францию в положение второстепенной державы, которая не только получит в число своих соседей третьего агрессора со стороны Пиренеев, но и потеряет все свои связи в Европе, ибо, конечно, после предательства ею Чехословакии никто с нею в будущем не будет заключать новых союзных договоров. Реакционная буржуазия Франции являет миру еще более разительный, чем в Англии, пример предательства национальных интересов своей страны под давлением животного страха перед революцией. [...]

С товарищеским приветом

Б. Стомоняков

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 200—202.

[1] Это письмо с кратким обзором международного положения было направлено по просьбе полпреда СССР в Китае И. Т. Луганца-Орельского.

44. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

19 апреля 1938 г.

[...] В понедельник 14 марта я договорился о встрече с новым министром иностранных дел Поль-Бонкуром. Узнав об этом, премьер-министр Блюм попросил, чтобы мы все трое встретились у него в совете министров. Я попросил министра Поль-Бонкура немедленно сообщить в Лондон, что Франция свое обязательство в отношении Чехословакии выполнит и готова воевать, если последняя подвергнется агрессии. Я высказал мнение, что Англия будет сотрудничать с Францией, когда увидит, что иначе дело может дойти до войны, в которую окажется втянутой и Англия. В связи с этим Блюм пообещал в своем правительственном заявлении говорить о Чехословакии ясно и решительно, а Поль-Бонкур под

впечатлением нашего разговора в тот же вечер поручил Корбену сообщить английскому правительству, что в случае прямой или косвенной агрессии со стороны Германии Франция окажет Чехословакии «aide immédiate, efficace et intégrale»[1], даже если она останется в одиночестве. Одновременно была достигнута договоренность о созыве постоянного комитета национальной обороны с целью изучения технических вопросов, связанных с предоставлением помощи Чехословакии. После этого, однако, отдельные лица в газетах и парламенте упрекали Блюма и Поль-Бонкура, что они приняли меня раньше, чем правительство было представлено депутатам.

Министр Поль-Бонкур регулярно через короткие промежутки времени поручал Корбену вновь и вновь подчеркивать перед английским правительством желание и готовность Парижа идти на помощь Чехословакии в случае нападения на нее. Эти обращения повторялись с целью создать благоприятные условия для заявления Чемберлена, запланированного на 17 марта. Когда стало известно, что 24 марта Чемберлен еще раз выступит по вопросу о внешней политике[2], эти обращения Поль-Бонкура стали еще более настойчивыми. Теперь уже трижды в день Корбен обращался в форин офис по поручению Поль-Бонкура, оказавшего в это трудное время неоценимые услуги Чехословакии. Согласно сообщениям Кэ д'Орсе, подготовленный текст выступления Чемберлена до вечера 23 марта носил менее ясный и менее решительный характер; только после последних шагов Корбена Чемберлен согласился на текст более твердый и решительный по содержанию. В своем письме (с грифом «конфиденциально») № 394 от 4 апреля я отмечал, что речь Чемберлена от 24 марта приобрела свой истинный смысл и законченную форму в ноте, врученной министру Поль-Бонкуру в тот же день английским послом Фиппсом, которая, будучи более сдержанной в выражениях, по духу идет значительно дальше, чем речь премьера, в том, что касается заинтересованности Англии в Чехословакии.

В результате английское правительство сообщило правительству Франции, что оно полностью сознает важность чехословацкого вопроса для Европы так, как его ставит французское правительство, и высказало пожелание, чтобы Франция и Англия совместно изучили вопрос, касающийся судетских немцев, а также вопрос англо-

французского военного сотрудничества, на случай если Англия будет втянута в войну вследствие предоставления срочной помощи Чехословакии со стороны Франции. Это будет обсуждаться на предстоящей англо-французской конференции в Лондоне 28—29 апреля.

В воскресенье 10 апреля было сформировано правительство Даладье. Пост министра иностранных дел в нем был поручен Жоржу Бонне, который уже в понедельник, 11 апреля, заявил мне, что с уходом Поль-Бонкура в политике Франции относительно Чехословакии ничто не меняется и меня, единственного посланника, он пригласил к себе сразу же в день своего назначения на пост министра иностранных дел, чтобы показать всему миру, что политика Франции нисколько не изменилась.

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 114—115.

[1] — «немедленную, действенную и всестороннюю помощь» *(фр.)*.
[2] Имеется в виду выступление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин английского парламента.

45. Из телеграммы посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

23 апреля 1938 г.

Лично для господина министра Крофты.

В Кремле состоялось совещание, на котором присутствовали Сталин, Молотов, Ворошилов, Литвинов и Каганович. После доклада Александровского о политическом положении в Чехословакии было решено: СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословакии. Для этого он располагает всеми необходимыми средствами. Состояние армии и авиации позволяет это сделать. Ворошилов настроен весьма оптимистически. Желание оказать действенную помощь будет здесь всегда, пока Чехословакия не откажется от проведения демократической политики. Александровский был уполномочен передать это господину президенту Бенешу. [...]

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 26.

46. Из доклада Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского р-на г. Москвы о международном положении

26 апреля 1938 г.

[...] Возвратимся к Европе. Несколько слов о Франции. Советским Союзом заключен с Францией пакт о взаимопомощи 2 мая 1935 г., во второй статье которого сказано: «В случае, если в условиях, предусмотренных в статье 15, параграф 7 Устава Лиги наций, СССР или Франция явились бы, несмотря на искренне мирные намерения обеих стран, предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, Франция и взаимно СССР окажут друг другу немедленно помощь и поддержку».

Как видите, взаимные обязательства довольно определенны.

Но в этой статье есть маленькая оговорка, в которой указывается, как этот пакт применяется. Когда наступит момент приведения в действие второй статьи пакта, заинтересованная сторона должна обратиться предварительно в Совет Лиги наций за помощью против агрессора. Если Совет не согласится оказать помощь стороне, подвергшейся нападению, то Франция или СССР имеют право самостоятельно оказать помощь друг другу. Для большей ясности я изложил своими словами статью 15, параграф 7 Устава Лиги наций.

Пакт о взаимопомощи в его применении на практике связан со сложной процедурой.

Пакт, заключенный нами с Чехословацкой республикой, отличается лишь тем, что, как указано в протоколе, подписанном при заключении советско-чехословацкого договора, «одновременно оба правительства признают, что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними, лишь поскольку при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне, жертве нападения, будет оказана со стороны Франции». Иначе говоря, пакт, заключенный нами с Чехословакией, аналогичен французскому пакту. Но тут есть оговорка, что Чехословакии мы помогаем в том случае, если ей помогает Франция, и, наоборот, Чехословакия нам будет помогать в том случае, если нам бу-

дет помогать Франция. Разумеется, пакт не запрещает каждой из сторон прийти на помощь, не дожидаясь Франции. [...]

Печат. по изд.: *М. И. Калинин.* О международном положении. М., 1938, с. 13—14.

47. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР

27 апреля 1938 г.

Фирлингер начал с благодарности за оказанное ему содействие в оформлении продажи Чехословакии 40 самолетов в текущем году[1]. Весьма удовлетворен посланник и тем, что первый платеж по этой продаже отсрочен чехословакам месяца на три-четыре. Вслед за тем Фирлингер сообщил, что Александровский информировал его о позиции, которую занимает Советское правительство в чехословацком вопросе. По словам Фирлингера, он уже сообщил в Прагу о том, что, если бы правительство СССР было запрошено об этой позиции, оно не отказалось бы совместно с Францией и Чехословакией обсудить вопрос об обеспечении внешней безопасности последней против возможной агрессии. Фирлингер утверждает, что такая позиция правительства СССР весьма ободряет чехословаков. Огромное значение придает ей и Кулондр. Однако в данный момент приходится признать, что решающую важность имеет линия, которой будет держаться Англия в вопросе о Чехословакии. Если в Лондоне Даладье и Бонне получат заверения[2], что Англия поддержит Францию в случае необходимости для последней оказать помощь Чехословакии против германского агрессора, Гитлер не осмелится напасть на Чехословакию. Иное положение создастся, если Чемберлен станет убеждать Францию ничем не раздражать Германию, с которой-де Англия надеется договориться. Французы не посмеют занять в чехословацком вопросе самостоятельную позицию, и это будет учтено Гитлером как обстоятельство, обеспечивающее безнаказанность его действий против Чехословакии. В этом случае Чехословакия может оказаться в полном одиночестве, лицом к лицу с гитлеровской Германией и с ее судетской агентурой. Конечно, по мнению Фирлингера, и при таких условиях

чехословацкая демократия будет с оружием в руках защищаться против немцев. Однако без поддержки Франции и СССР ее положение будет весьма тяжелым.

Фирлингер добавил, что, по его сведениям, последнее заявление Генлейна[3], в частности его требование, чтобы Чехословакия пересмотрела свою внешнюю политику, произвело в Лондоне «отрезвляющее» впечатление. Насколько оно устойчиво, сказать очень трудно.

В заключение беседы Фирлингер коснулся англо-итальянского соглашения и переговоров Франции с Италией[4]. Заминку в последних он объясняет давлением из Берлина и обещаниями Гитлера в случае заключения военного союза Германии с Италией оказать содействие получению последней таких территориальных приобретений, как французская Савойя, Ницца, Корсика, Тунис, Марокко и пр.

На мой вопрос, чем вызвано было заявление чехословацкого правительства о признании Виктора-Эммануила III королем и императором, Фирлингер ответил, что произошло это неожиданно для него самого. Он считает такой шаг ошибочным. Объясняет он его тем, что Бенеш хотел угодить не столько Муссолини, сколько Англии, чтобы расположить ее в пользу Чехословакии, судьба которой будет в значительной степени зависеть от направления предстоящих лондонских переговоров.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 29—31.

[1] См. док. № 36, 39.

[2] Речь идет о предстоявших англо-французских переговорах в Лондоне (см. док. № 51, прим. 1).

[3] В своем выступлении 24 апреля 1938 г. на съезде судето-немецкой партии в Карловых Варах К. Генлейн потребовал изменения чехословацкой внешней политики и ее переориентации на Германию. Одновременно он изложил так называемую карловарскую программу, содержавшую 8 пунктов требований судето-немецкой партии к чехословацкому правительству. Основными пунктами было предоставление территориальной и административной автономии судетским немцам, а также предоставление свободы для пропаганды нацистской идеологии. Карловарские требования были неприемлемы для чехословацкого правительства, так как их осуществление означало нарушение территориальной и административной целостности государства.

[4] 16 апреля 1938 г. было подписано англо-итальянское соглашение, в котором Англия признала захват Эфиопии Италией. Аналогичные переговоры с Италией вела Франция в середине апреля 1938 г. в Риме.

48. Из телеграммы посланника ЧСР в Великобритании министру иностранных дел ЧСР

28 апреля 1938 г.

Сегодня английский военный министр [1] в строго доверительном порядке изложил руководящим представителям печати США свое мнение по вопросу внешнеполитического положения. О Чехословакии он говорил весьма пессимистически. Ничто якобы не может спасти Чехословакию от немецкого господства, которое может быть достигнуто и без прямого нападения. Дословно он сказал: судьба Чехословакии предрешена. Германия насытится в Центральной Европе раньше, чем Запад помешает ей, начав новую войну. Раньше, чем демократические государства решатся оказать сопротивление, к Германской империи будут присоединены меньшинства в ЧСР и в других странах. Когда агрессивность Германии выйдет за пределы Европы и перекинется за моря, тогда начнется война. Чехословакия якобы не может обороняться, поскольку ее южная граница не защищена, а Франция и СССР якобы не могут оказать помощи. [...]

Масарик

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 32.

[1] Л. Хор-Белиша.

49. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР

29 апреля 1938 г.

Осуский рассказал мне, что как Даладье, так и Бонне ему твердо обещали добиваться в Лондоне, чтобы английское правительство вместе с Парижем признали выработанную Прагой и изложенную в переданных меморандумах [1] программу урегулирования немецкого вопроса справедливой и содержащей «максимум уступок, на которые может идти суверенное государство». Прага не добивается от Лондона каких-либо иных обязательств и гарантий, полагая, что поддержка Англией ее программы явится уже «политической платформой», достаточной, чтобы не анкуражировать Гитлера и удержать его от

авантюр. Осуский далее очень пространно доказывал, что сила сопротивления Чехословакии гораздо значительней, чем это думают, что, в частности, граница с Австрией в предвидении аншлюса давно уже хорошо защищена. Чехословакия, сказал Осуский, смотрит на союзников лишь как на секундантов в борьбе, главный удар которой (в особенности в первые дни) ей придется принять только на себя. Вот почему, в частности, Прага никогда не ставила перед французами вопрос о посылке живой силы. Единственное, чего чехи требовали,— это объявление в этом случае войны Германии. Чехи уверены, что, выдержав и отразив атаки немцев в первые дни, они и так будут иметь на своей стороне «больше демократических стран».

Осуский ознакомил меня с содержанием меморандума, врученного им французам.

Сурић

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 223.

[1] Имеются в виду меморандумы аналогичного содержания, переданные правительством ЧСР правительствам Великобритании и Франции 26 апреля 1938 г. (см. док. № 54).

50. «Майская клятва», зачитанная на первомайских манифестациях КПЧ

1 мая 1938 г.

Мы, рабочие и трудящиеся, собравшиеся 1 мая на митинг Коммунистической партии Чехословакии,

клянемся:

что бесстрашно и мужественно встанем на защиту мира для своей родины, на защиту демократических прав, во имя независимости республики, против любых выступлений фашизма внутри страны и вне ее;

что, верные великим идеалам рабочего класса, мы будем сражаться за равноправие и братский союз всех народов республики, за счастливое социалистическое будущее.

С твердой верой в наших могучих союзников, социалистический Советский Союз и Францию Народного фронта, мы стоим на страже перед лицом предательства пораженцев, готовы от любого врага защищать мирный

пакт с нашими союзниками, эту гарантию нашей свободы.

Клянемся сделать все, что в наших силах, во имя поддержки освободительной борьбы наших братьев в Испании и Китае. Если потребуется, мы так же единодушно, так же смело, так же самоотверженно, как и они, отдадим свои жизни за свободу.

Призываем всех, кто хочет мира и свободы:

Объединяйтесь с нами во имя совместной борьбы и общей победы!

Печат. по сб. «Mnichov v dokumentech», díl II. Praha 1958, str. 76.

51. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Великобритании

4 мая 1938 г.

Дорогой Иван Михайлович,

1. Сведения, сообщенные Вам о переговорах[1] Корбеном, в общем совпадают с теми, которые тов. Суриц получил непосредственно от Бонне. Относительно Испании я уже передал Вам телеграфно те подробности, которые сообщил Бонне. Детальнее он рассказывал о споре по поводу Чехословакии. Чемберлен с самого начала категорически заявил, что Англия не может гарантировать теперешний статус-кво Чехословакии даже при уступках, на которые Бенеш пошел в своем меморандуме. Чемберлен понимает позицию французов, разделяет даже их чувства по отношению к германским насильникам, но не желает ввязываться в войну из-за Чехословакии, без всякой притом пользы для нее самой, так как она будет раздавлена в первые же дни войны, прежде чем к ней придут на помощь. Необходимо дать понять Бенешу, чтобы он не питал никаких иллюзий на возможность соглашения на базе его меморандума и что требуются более далеко идущие жертвы. «Нужно его убедить, что условия, при которых создавалась Чехословакия, сейчас радикально изменились».

На вопрос Бонне, готова ли Англия вывести немцев из состояния неизвестности относительно ее дальнейшей позиции в том случае, если уступки чехов будут признаны достаточными и максимальными и все же немцами

будут отвергнуты, англичане потребовали несколько времени для размышления и потом заявили, что согласны взять на себя посредничество в Берлине на базе «вновь выработанной платформы» и в случае отклонения ее немцами заявят, что в этих условиях попытка разрешить спор войной вызовет не только выступление Франции, но и возможное выступление со стороны Англии. По мнению Бонне, уступки, которых добивается Чемберлен, недалеки от требований Гитлера и должны свестись к устройству Чехословакии на федеративных началах.

2. Считаю невыясненным окончательно вопрос о разговорах касательно СССР. В то время как Корбен говорил Вам, что СССР был упомянут лишь попутно в отношении его возможной помощи Чехословакии, Бонне заверяет, будто бы он сделал какое-то заявление о ценности сотрудничества с СССР, которое не встретило никаких замечаний. Даладье при этом будто бы дал очень высокую оценку Красной Армии на основании данных французского генерального штаба. [...]

М. Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 408—409.

[1] 28—29 апреля 1938 г. в Лондоне состоялись англо-французские переговоры по вопросу об отношении к Чехословакии. Н. Чемберлен заявил, что Англия не намерена оказывать помощь Чехословакии и что чехословацкому правительству «надо очень ясно дать понять», что оно должно приложить все силы, чтобы достигнуть соглашения с судето-немецкой партией. Согласно принятому решению, английское правительство, выступая в роли посредника, должно было сообщить Германии, что оно «делает все возможное, чтобы добиться мирного решения» судетской проблемы, и просило чехословацкое правительство «внести в это свой вклад». Одновременно английское и французское правительства договорились предпринять демарш в Праге, чтобы «обеспечить максимум уступок» со стороны Чехословакии.

52. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

5 мая 1938 г.

Имевшиеся у меня тесные контакты по случаю 1 Мая дают основание полагать, что идея эффективной помощи ЧСР в случае нападения становится очень популярной в кругах интеллигенции, рабочих и военных. Это является

не только следствием целенаправленной работы партии и правительства, но и выражением спонтанных симпатий к чехословацкой демократии. Наша умеренная, спокойная внешняя политика находит понимание. Вместе с тем какое-либо заискивание перед фашистской Италией или Испанией общественным мнением не будет принято. 1 Мая прошло спокойно, при обычном многочисленном участии и хорошем настроении всех слоев. В области промышленности и сельского хозяйства в последнее время достигнут существенный прогресс.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 410.

53. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии в НКИД СССР

6 мая 1938 г.

Мне конфиденциально сообщили из американского дипломатического источника следующее: в Праге французский и английский посланники производят параллельный демарш [1], рекомендуя Бенешу договориться с судетскими немцами и предупреждая, что поддержка Франции и Англии Чехословакии мыслима лишь при известных условиях. В точности эта формула не расшифровывается, но, очевидно, имеются в виду известные уступки Праги Генлейну. В дополнение к этому английский посол произведет соответствующий демарш в Берлине [2], надеясь выяснить минимум германских требований в судетском вопросе. Он объяснит немцам, что Англия считает нужным сделать все возможное, чтобы предупредить войну, и с этой целью производит демарши как в Берлине, так и в Праге. Кроме того, англичане надеются убедить Муссолини, чтобы последний дал Гитлеру совет не стремиться к захвату всей Чехословакии, а ограничиться Судетской областью. Насколько я мог понять, на подобной платформе англичане рассчитывают помирить Берлин с Прагой. Мой собеседник (американский советник), ссылаясь на своих военных, считает, что стратегическая ценность судетских районов значительно снизилась после захвата Австрии, граница с которой чехами не укреплена и откуда немцы могут легко захватить Прагу,

оставив Судеты в стороне. Он не считает поэтому исключенным согласие Бенеша на подобную сделку. Области со смешанным населением можно поделить на основе обмена населения по турецко-греческому образцу, о чем уже говорил Геринг.

Поверенный в делах

Печат. по врх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 232—233.

[1] 7 мая 1938 г. французский и английский посланники в Праге В. де Лакруа и Б. Ньютон предприняли демарш у министра иностранных дел ЧСР К. Крофты, потребовав максимума уступок со стороны чехословацкого правительства в отношении претензий судето-немецкой партии. Посланники заявили, что лишь при этом условии Чехословакия может рассчитывать на помощь Франции и Англии в деле защиты республики.

[2] 7 мая 1938 г. посол Великобритании в Германии Н. Гендерсон информировал МИД Германии о содержании демарша, предпринятого в тот же день французским и британским посланниками в Праге (см. док. № 62).

54. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

10 мая 1938 г.

Чехословацкий меморандум Франции и Англии содержал перечисление мероприятий по расширению в рамках существующей конституции Чехословакии прав судетских немцев, как-то: применение немецкого языка наравне с чешским на железных дорогах и в целом ряде центральных учреждений, передача ряда школ в руки немцев, организация в школьных советах при самоуправлениях немецких секций, доведение процента немцев в составе чиновничества до 22-х, выделение в рамках госбюджета сумм на культурное обслуживание немцев тоже в размере 22% к соответствующей статье бюджета и т. п. Меморандум кончался категорическим заявлением, что никакой автономии Судет Чехословакия допустить не может. Чемберлен заявил Даладье, что все эти мероприятия недостаточны для решения вопроса о чехословацко-немецких взаимоотношениях.

Английский посланник Ньютон сделал Крофте устное представление [1], сводящееся к следующим трем пунктам:

1. Именем английского правительства обратил внимание на серьезную опасность войны в Средней Европе и на желательность избежать ее в интересах всей Европы и ее мирного развития.

2. Долго говорил о стратегическом положении Чехословакии, считая его безнадежным после аншлюса. Буквально заявил, что Чехословакия не может сопротивляться Германии даже и тот короткий срок, который был бы необходим для организации помощи со стороны Франции, а возможно, и Англии. Чехословакия будет оккупирована значительно раньше, чем получит помощь или чем разгорится общая европейская война. Крайне интересны дальнейшие выводы, характер угроз и запугивания. Ньютон заявил, что и в случае вынужденной, но победоносной войны друзей оккупированной Чехословакии последняя не может рассчитывать на восстановление своей государственности в ныне существующих границах. На вопрос о помощи СССР Ньютон ограничился буквально одной фразой и отклонил всякие уточнения. Он сказал: «По многим и разным причинам Чехословакия не может рассчитывать на помощь СССР». Останавливаясь на утверждении, что Англия могла бы решительностью своего поведения предотвратить агрессию Германии, а тем и войну, Ньютон заявил, что Англия в данное время не может вести европейскую войну. Поэтому ведущее к этому прямое обязательство было бы блефом, который легко разоблачить и который английская общественность никогда не приняла бы и не простила своему правительству. Поэтому Англия остается на точке зрения, сформулированной Чемберленом, но «не исключает возможности своего активного участия в решениях на какой-то позднейшей стадии».

3. Ньютон довольно пространно говорил поэтому о необходимости сделать максимальные уступки судетским немцам и «избежать совместных величайших усилий при возможности столкновения с Германией». По словам Крофты, никаких конкретных советов Ньютон не давал, а только старался внушить необходимость жертв со стороны Чехословакии. Однако Ньютон все же буквально сказал, что «Чехословакия должна привыкнуть к мысли о том, что она является не национальной страной, а страной национальностей». Я спрашивал Крофту, не является ли это завуалированным требованием перестройки государства на федеративных началах. Крофта категорически

отрицал, указывая, что даже Чемберлен в своем публичном выступлении [2] исходил из рамок нынешней конституции Чехословакии, которая исключает не только федерацию, но и какую бы то ни было территориальную автономию. Крофта заверял, что об уступках может быть речь только на базе конституции и Англия это твердо знает.

Французский посланник де Лакруа одновременно сделал аналогичное представление [3], но с той разницей, что не подчеркивал тяжесть стратегического положения Чехословакии, не подвергал сомнению вопрос о помощи Франции и СССР, а в отношении судетских немцев рекомендовал буквально «максимум уступок, исходящих из предпосылки интегральности существующих границ и государственного строя».

Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 242—243.

[1] Речь идет о демарше Б. Ньютона 7 мая 1938 г.

[2] Имеется в виду выступление премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин английского парламента 14 апреля 1938 г.

[3] Речь идет о демарше В. де Лакруа 7 мая 1938 г.

55. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

11 мая 1938 г.

У меня был вчера на завтраке сэр Горас Вильсон, который занимает сейчас пост главного секретаря Чемберлена и фактически является творцом внешней политики, проводимой в настоящее время премьером. Я хорошо знаю Вильсона, ибо в свое время вел с ним переговоры об англо-советском торговом договоре. Мы имели с ним откровенный разговор на внешнеполитическую тему, из которого отмечу два следующих момента:

«Пакт четырех» — основная идея Чемберлена, но он не является в ней догматиком. По словам Вильсона, премьер — сугубый практик, деляга, который не любит теорий и старается делать то, что в данный момент кажется ему нужным, а главное, достижимым. Сейчас Чемберлен поставил перед собою задачу «замирения Европы» через соглашения с Италией и Германией. Он стремится

к ее осуществлению, причем начал с Италии, а не с Германии потому, что считал, что на этом конце «оси» больше шансов добиться быстрых положительных результатов. Теперь на очереди Германия. Британское посредничество в чехословацком вопросе является пробой. По исходу его будет видно, можно ли рассчитывать на вероятность общего соглашения с Берлином в ближайшем будущем. Чемберлен вполне считается с возможностью германской экспансии в Центральной и Юго-Восточной Европе и даже с возможностью поглощения Германией (в той или иной форме) ряда небольших центральноевропейских и Балканских государств. Однако он полагает, что это меньшее зло, чем война с Германией в непосредственном будущем. Премьер рассчитывает, что процесс поглощения должен занять сравнительно много времени и Англия пока хорошо вооружится. Сверх того — и это особенно успокаивает Чемберлена — создание большого, пестрого конгломерата стран и народов под гегемонией Германии с его внутренним национальным, экономическим, политическим и другими процессами ввело бы в игру различные «смягчающие влияния», разбило бы нынешнюю монолитность германского режима и в конечном счете привело бы к изменению этого режима и к общей эволюции германской внешней политики в более умеренном направлении. Правда, все это потребовало бы значительного количества времени — 10—15 лет, не меньше. Но премьер рассчитывает, что таков естественный и при данных обстоятельствах, с британской точки зрения, наименее невыгодный ход вещей. Таковы настроения Чемберлена сейчас. Это не исключает того, что его настроения и расчеты могли бы измениться, если бы выяснилось, что «пакт четырех» оказывается неосуществимым. [...]

Полпред

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 246—247.

56. Из письма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

13 мая 1938 г.

Во время сегодняшнего визита к Потемкину я говорил об англо-французском вмешательстве в вопрос меньшинства и о готовящихся уступках с нашей стороны в

смысле Вашей циркулярной депеши[1]. Потемкин высказал свои сомнения относительно политики Англии. По его мнению, либо английское правительство не хочет раскрыть свои истинные замыслы в отношении нас, либо между Прагой и Лондоном существует какое-то недопонимание. Действительным намерением Чемберлена, после достижения соглашения с Римом, является также подписание соглашения и с Берлином, а в конечном итоге пакта четырех великих держав. Поэтому Лондон попрежнему будет идти на уступки Германии в Центральной Европе, надеясь, что удовлетворение Германии приведет наконец к ее умиротворению. В результате поглощения или подчинения стольких новых национальных элементов в Центральной и Юго-Восточной Европе, по мнению Англии, в Германии возникнут новые сложные политические проблемы, с которыми ей не удастся справиться. Одновременно будет усиливаться антагонизм между Германией и Италией, вынужденной искать дружбы с Югославией и другими Балканскими государствами. В определенных гражданских кругах Франции уже сегодня царит пораженческое настроение, которое может быть использовано в решающий момент. На этом, по словам Потемкина, также строится политика Англии, которая и по отношению к Японии пошла на попятный и даже поддерживает ее агрессию, о чем свидетельствует соглашение по вопросу о китайских пошлинах. [...]

Фирлингер

Печат. по арх.

[1] Имеется в виду телеграмма министра иностранных дел ЧСР К. Крофты от 12 мая 1938 г., в которой сообщалось о содержании англо-французского демарша, предпринятого 7 мая 1938 г.

57. Из телеграммы народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы

14 мая 1938 г.

Вчера ко мне приходил Бонне. Он очень озабочен сведениями, идущими из Чехословакий и Германии. Английский посол в Берлине заявил вчера Риббентропу, что Англия и Франция оказывают давление на Чехословакию

в сторону уступок немцам и что желательно такое же давление Гитлера на генлейновцев, но что если во время ведущихся переговоров Германия прибегнет к силе, то они должны считаться с европейской войной, от которой Англия не сможет оставаться в стороне. Риббентроп ответил, что Гитлер войны не желает, но что если во время предстоящих муниципальных выборов в Чехословакии произойдет столкновение, то Германия вынуждена будет прийти на помощь своим судетским братьям. Бонне считает, что критический момент может наступить в течение ближайших трех месяцев. Франция объявит мобилизацию, и вот он спрашивает, какую помощь окажет Чехословакии Советский Союз. Поляки и румыны заявляют, что ни в коем случае не пропустят Красную Армию. Я ему ответил, что мы, естественно, не можем оказать достаточное дипломатическое воздействие на лимитрофные страны, а что касается военных мер, то я не компетентен их обсуждать. Я думаю, что военные мероприятия должны были обсуждаться совместно с чехами. Бонне указывал, что Франция имеет в Москве своего военного атташе, который мог бы обсудить вопрос с нашим генштабом. Я ответил, что в Москве нет ни французского, ни чехословацкого генштабов. Бонне подтвердил мне сообщение нашего римского полпредства о сдержанном отношении Чиано к дальнейшим переговорам с Францией. Вновь рассказывая о лондонских переговорах, Бонне говорил, что мы преувеличиваем неприязненное отношение к нам Англии.

Сегодня я был с ответным визитом у Галифакса. Он подтвердил мне версию о демарше британского посла в Берлине[1]. Он говорил о двух очагах опасности в Европе — испанском и чехословацком. Он верит Муссолини, что тот лишь заинтересован в победе Франко и готов будет уйти из Испании. Большую озабоченность внушает Галифаксу чехословацкий вопрос. Он спрашивал меня, как я смотрю на положение. Я в ответ раскритиковал тактику Англии за все последние годы — при Саймоне, Идене и в настоящее время — и изложил ему нашу концепцию коллективной безопасности, осуществление которой спасло бы Абиссинию, Австрию, Чехословакию и Китай. Он внимательно выслушал меня, признал силу моей аргументации и сказал, что над ней стоит поразмыслить. На мой вопрос, известно ли ему коммюнике, данное во время визита Идена в Москву[2], Галифакс ответил, что он

содержание не помнит, но что, если там говорится о дружеских отношениях, это сохраняет силу по настоящее время. [...]

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 262—263.

[1] См. док. № 53, прим. 2.
[2] Визит лорда-хранителя печати Великобритании А. Идена состоялся в марте 1935 г.

58. Из телеграммы постоянного делегата ЧСР в Лиге наций в МИД ЧСР

15 мая 1938 г.

Настроение у основных делегаций сегодня несколько лучше, чем вчера. Как считают здесь многие, в Берлине начинают понимать, что нападение на ЧСР означало бы войну. Я имел длительную беседу с Ингрэмом. По его мнению, у Лондона нет уверенности, что Гитлер будет a priori стремиться к присоединению судето-немецкой территории. Он полагает, что для Германии вопрос в первую очередь заключается в том, чтобы лишить ЧСР возможности самостоятельно решать проблемы своей внешней политики и, с целью обеспечения прогерманской ориентации Чехословакии, добиться гарантии такого положения судетских немцев, при котором они в любое время могли бы угрожать нам отделением законным путем. Будучи убежден, что Гитлер хочет добиться этого без войны, Ингрэм, однако, опасается его неожиданной реакции на инцидент, который может произойти у нас. У меня сложилось впечатление, что, понимая опасность предоставления судетским немцам территориальной автономии, Лондон тем не менее полон решимости требовать от нас все новых и новых уступок в надежде, что можно будет удовлетворить Генлейна, хотя он не знает как.

Затем я беседовал с Бонне. Сообщив ему о вчерашнем ответе Литвинова [1], я охарактеризовал этот ответ как требование провести переговоры между представителями генеральных штабов. Хотя реакция Бонне была неопределенной, однако она дает основания полагать, что Литвинов обратился с подобным предложением и к Франции.

На мой вопрос, как нам действовать, Бонне после длительного раздумья заявил следующее: В настоящее время Англия, безусловно, на нашей стороне. [...]

Гейдрих

Печат. по арх.

[1] 14 мая 1938 г. состоялась беседа М. М. Литвинова с постоянным делегатом ЧСР в Лиге наций А. Гейдрихом. Гейдрих сообщал в МИД ЧСР: «Литвинов полагает, что Берлин угроз не испугается, потому что не верит, что Франция выполнит свои обязательства и что Англия примет ее сторону. На вопрос, что предпринял бы СССР, если бы Германия напала на ЧСР, а Франция выполнила бы свои обязательства, он сказал, что мы до сих пор от СССР ничего не просили. Когда я указал ему на разговоры Фирлингера с ним и с Потемкиным, он сказал, что речь идет о вопросах, которые не могут дискутироваться между дипломатами, а только между военными».

59. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с президентом ЧСР

18 мая 1938 г.

[...] Чехословакию Франция спрашивала об уровне ее взаимоотношений с СССР и об отношении к возможности их дальнейшего развития (было понятно, что речь идет о военных взаимоотношениях). На это Бенеш ответил, что взаимоотношения развиваются, и Чехословакия отнесется с полным одобрением ко всякому дальнейшему развитию в контакте с Францией. В самой Москве предполагалось поставить вопрос о размерах и практических путях и средствах для оказания взаимной помощи в рамках и на основе договоров о взаимной помощи между СССР, Францией и Чехословакией. Французские посланники в Праге и Москве выехали с такими инструкциями на руках, но тем временем правительство Блюма — Бонкура пало, и на их место пришли Даладье — Бонне. Французский посланник в Варшаве Ноэль задержался в Париже, пережил там падение и приход к власти нового правительства, а потому получил еще в Париже новые инструкции и вернулся в Варшаву с тем, чтобы «ни о чем поляков не спрашивать».

Бенеш на мой вопрос опровергал слух о том, что Германия прямо предупреждала Францию, что будет считать провокацией «всякое дальнейшее развитие франко-советского договора». Отрицал Бенеш и то, чтобы Англия вы-

сказалась против изложенного выше характера активизации французской внешней политики. Линия поведения Даладье — Бонне может, дескать, казаться значительно иной, чем у Блюма — Бонкура, только по внешности. По существу же Даладье правильно поставил главное ударение на первом этапе того же самого пути к организации защиты от агрессии. Этим первым этапом не может не быть Англия. Даладье не был первым из французов, заявившим Англии со всей определенностью, что Франция будет защищать Чехословакию в случае непровоцированного нападения на нее [1]. Но Даладье удалось достигнуть того, что Англия произвела в Берлине демарш исторического значения [2]. Бенеш говорил здесь о том, что английский демарш в Берлине нужно оценить очень высоко. Бенеш якобы сам не ожидал того, чтобы Англия на данном этапе пошла так далеко, как это было в действительности. Точных формулировок мне Бенеш не сообщил, но общее впечатление создавалось такое, что Англия будто бы заявила в Берлине в духе известного выступления Чемберлена, в котором он говорил о возможности вмешательства Англии в среднеевропейские дела и без того, чтобы Англия предварительно брала на себя какие-нибудь точные обязательства по защите Чехословакии от агрессии.

Затем Бенеш говорил относительно того, что путь, намеченный, было, Блюмом— Бонкуром, был бы не совсем правильным и для Чехословакии. СССР, Франция и Чехословакия, конечно, должны договориться между собой о размерах и способах взаимной помощи, но об этом должны бы говорить между собой Франция и СССР. Вернее, Франция должна говорить за себя и за Чехословакию. Поскольку между этими тремя странами нет общих границ и поскольку Чехословакия лежит в центре, для нее особенно затруднительно уточнять некоторые вопросы. Возьмем простой пример. Как должна попасть Красная Армия в Чехословакию? Скажем, через румынскую территорию. Румыния — союзник Чехословакии по Малой Антанте. Втягивать Румынию в подобный разговор на данном этапе прямо опасно. Сегодня ей еще нельзя настолько доверять. Договариваться же за спиной Румынии на тему об использовании румынской территории для Бенеша было бы нежелательно, если не сказать прямо опасно, для будущего Чехословакии. Франция же могла бы поговорить на такую тему с СССР. Другая возмож-

ность — территория Польши. Разговор Чехословакии с СССР на эту тему едва ли был бы желателен для Франции. В частности, французский генеральный штаб все-таки считается с польской военной силой, хотя бы только в негативном смысле, как выразился Бенеш. Этим он хотел сказать, что французский генеральный штаб стремится минимум удержать Польшу от выступления на стороне Германии, в случае войны в Европе. Однако сама Франция, по мнению Бенеша, могла бы говорить с СССР и на эту тему. Отсюда Бенеш делал вывод, что в дальнейшем будет только правильно, если разговор на подобные темы будет вести с СССР Франция за себя и Чехословакию. [...]

Дойдя до Германии, Бенеш, частично отвечая на мои вопросы, частично по своей инициативе, утверждал в очень категорической форме, что, по его сведениям, Германия в данное время не только не может, но и не хочет произвести прямое нападение на Чехословакию или на кого бы то ни было другого в Средней Европе. Не хочет настолько, что сама в лице рейхсвера и Вильгельмштрассе сильно боится провокации экстремистских элементов в Германии и в Судетской области. Это якобы достоверно известно Бенешу, и он в этом категорически заверяет. Германия не может напасть прежде всего в силу своей неподготовленности в военном, техническом и экономическом отношении. Аншлюс, несмотря на то, что он произошел без единого выстрела, ярко обнаружил эту неподготовленность. Аншлюс не разрешил ни одной из внутренних проблем Германии, не создал лучших экономических и технических предпосылок для ведения войны большого стиля. Что касается стратегических предпосылок, то Бенеш в очень уверенном тоне говорил, что и они не того характера, чтобы считать задачу нападения на Чехословакию серьезно облегченной. Германия не может сомневаться в том, что Чехословакия окажет решительное сопротивление в случае нападения на ее территорию. Бенеш в очень твердом тоне заявлял, что он и весь чехословацкий народ поставят все на карту и будут драться за каждую пядь земли. В кабинете Бенеша висит большая карта Чехословакии. Он подвел меня к ней и, показывая на карте, говорил следующее.

Стратегический план Чехословакии сводится к тому, чтобы не допустить вторжения неприятеля в Чехословакию с севера или с юга. Сеть укреплений вдоль северной

границы прекрасна, и там «ничего не может случиться». Сеть укреплений вдоль южных границ закончена и требует дополнений лишь на Словакии к югу от Годонина. Это скоро будет готово. Следовательно, возможность нападения дана лишь в направлении с запада на восток. В этом направлении и будет отступать чехословацкая армия, дерясь за каждый шаг. Сообразно этому построены три основных оборонительных линии. Первая линия находится на реке Влтаве, причем Прагу армия будет защищать всеми силами. Вторая линия проходит поперек Чехословакии по так называемому Чешско-Моравскому плоскогорью. Третья линия расположена приблизительно по моравско-словацкой границе, вернее уже в Моравской Словакии. Даже если Чехословакии не будет оказана помощь, она в состоянии драться, отступая на восток, три и даже четыре месяца. Чехословакия не защищена укреплениями против Польши и Венгрии? Этого и не нужно. Бенеш думает, что Польша не осмелится напасть на Чехословакию, потому что у Польши слишком большая граница с СССР, для которого тогда не будет проблемой, каким образом оказать помощь Чехословакии. Венгрия в военном отношении для Чехословакии — не проблема вообще, и в частности, в силу существования Малой Антанты. Бенеш подчеркнул, что последний Совет Малой Антанты [3] обнаружил полную готовность не только Румынии, но и Югославии оказать немедленную военную помощь в случае нападения Венгрии на одного из членов Малой Антанты, и в частности, на Чехословакию.

Дальше Бенеш предлагал представить себе самое худшее: Чехословакия оставлена без помощи, и Германия более или менее быстро разбивает ее армию. «Тогда,— говорил Бенеш,— можете быть уверены, что мы все-таки будем драться, пробиваясь на восток, для соединения с Красной Армией. Вся моя забота будет направлена на сохранение армии или хотя бы ее частей, которые унесут с собой чехословацкую независимость, будут драться в рядах чужих армий и снова вернутся победителями на свою родину. Если понадобится, чехи не посчитаются для спасения своей армии ни с какими чужими границами и территориями. «Случай» Чехословакии не может не стать «случаем» общеевропейским».

Переходя к вопросу о ближайших задачах, Бенеш говорил, что сегодня еще возможно неожиданное воздушное

нападение на Прагу. Однако он рассчитывает, что в ближайшем будущем и эта возможность будет исключена соответствующими военно-техническими мероприятиями. Он снова повторил, что при всех условиях Чехословакия будет отчаянно драться в случае прямого нападения на ее нынешнюю территорию.

Многие подозревают Чехословакию в готовности капитулировать перед Германией и, в частности, готовы видеть капитуляцию в разговорах о возможном соглашении с Германией. На это Бенеш заявляет, что он не откажется заключить политический договор с Германией и в рамках билатеральной системы Гитлера, если нечто подобное окажется приемлемым для Гитлера. Однако он сделает это только «при наличии гарантов и свидетелей». Это обозначает, что он готов заключить договор с Германией при условии своего союза с Францией и СССР [4], которые и будут гарантами, и с ведома и одобрения Англии, которой он отводит роль «свидетеля» перед Европой и историей, на случай, если договор окажется для Германии потом «клочком бумаги». Но об этом сейчас нет речи, и если речь пойдет, то он своевременно известит об этом своих гарантов, т. е. Францию и СССР. [...]

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 420—423.

[1] Декларации французского правительства о верности союзническому договору с ЧСР были лишь маневром, рассчитанным на то, чтобы обмануть демократическую общественность. Фактические решения Франции относительно Чехословакии расходились с этими декларациями.

[2] См. док. № 53, прим. 2.

[3] На заседании Постоянного совета Малой Антанты, проходившем 4—5 мая 1938 г. в Синае, представители Румынии и Югославии заявили, в частности, что вопрос о немецком меньшинстве является внутренним делом Чехословакии и что союзные обязательства Малой Антанты не касаются возможного чехословацко-германского конфликта.

[4] Сущность своей внешнеполитической ориентации президент ЧСР Э. Бенеш ясно выразил в беседе с посланником Великобритании в ЧСР Б. Ньютоном. Последний в своей телеграмме в Лондон от 18 мая 1938 г. сообщал, что Бенеш совершенно серьезно сказал: «Отношения Чехословакии с Россией всегда имели и будут иметь второстепенное значение, которое зависит от позиции Франции и Великобритании. Нынешний союз Чехословакии с Россией полностью зависит от франко-русского договора, однако если Западная Европа утратит интерес к России, то Чехословакия его тоже утратит.

Он повторил, что его страна всегда будет следовать за Западной Европой и будет связана с Западной, а не Восточной Европой. Любые связи с Россией будут осуществляться только через Западную Европу, и Чехословакия не будет орудием русской политики. Таковы всегда были принципы политики президента Масарика и его собственной политики и таковыми они останутся».

60. Из речи Генерального секретаря КПЧ К. Готвальда на предвыборном собрании КПЧ в Праге-Либне

18 мая 1938 г.

[...] Паникеры и пораженцы в Чехословакии рисуют наше международное положение в самых черных красках: ради нас, мол, никто и пальцем не пошевелит, все уже заранее потеряно, лучше и не защищаться. В тот же барабан бьют открытые сторонники третьей империи. В листовках, привезенных из третьей империи, написанных на скверном чешском языке, говорится, будто ради нас и пальцем никто не пошевелит. Враг очень хорошо знает, в чем дело, он знает, в чем сила Чехословакии, что ей придает твердость, что делает нападение на Чехословакию рискованным предприятием: это — союз с Францией и особенно с Советским Союзом. Поэтому враг кричит: «Не верьте, сдавайтесь!» И чешские реакционеры бьют в тот же барабан. Но в действительности дело обстоит совсем иначе, чем этого желают Генлейн, чешская реакция и господа из третьей империи.

Международное положение Чехословакии прочно потому, что она опирается на Францию и особенно на Советский Союз. Реакция пытается распространить о Советском Союзе мнение, что он не может оказать реальную помощь в деле защиты независимости Чехословакии. Однако до сих пор Советский Союз все свои обязательства и договоры выполнял. Между Советским Союзом и Чехословакией существует договор о взаимопомощи. Советский Союз выполнит этот договор до последней буквы. Если же кто и говорит, что у Советского Союза нет общей границы ни с нами, ни с третьей империей, то на это есть ясный ответ: до сих пор Советский Союз всегда находил путь к выполнению своих обязательств, и в данном случае он найдет этот путь.

Другой вопрос — придет ли нам на помощь Франция, в которой все-таки правят капиталисты. Франция придет

нам на помощь, но отнюдь не из-за наших прекрасных глаз, а потому, что это в ее собственных интересах. Чехословакия является камнем преткновения на пути агрессоров, которые пытаются убрать его с дороги. Тот, кто этот камень устранит, будет господствовать в Центральной Европе, а это создаст угрозу положению Франции в Европе. Еще Бисмарк сказал, что, кто владеет Чехией, тот владеет Европой. Если империалистическая держава захватит Чехословацкую республику, то Франция сойдет на положение второразрядного государства и будет открыт путь для экспансии против всех. Исходя из своей государственной точки зрения Советскому Союзу нечего особенно этого бояться: он всегда сумеет дать отпор. Но этого должна бояться Франция, и поэтому она придет нам на помощь.

А как обстоит дело с Англией? Там определенная часть влиятельных капиталистов и лордов охотнее всего занималась бы дележом чужого имущества. Они знают, что Гитлер жаждет колоний, что эти колонии они должны были бы отдать сами, и думают, что было бы неплохо, если бы он взял то, что им не принадлежит, хотя бы такую страну, как Чехословакия. Однако уже теперь ясно, что, чем больше требований третьей империи будет удовлетворено, тем больше будет ее аппетит. Предположим, Гитлер захватит Чехословакию. Английские лорды думают, что потом он двинется на Украину. Но там уже однажды немцы были и так бежали, что Вильгельм II остановился только в Дорне. Третья империя захватила бы Польшу и Венгрию, а так как Украина оказалась бы орешком потверже, то в конце концов счет был бы предъявлен господам в Лондоне. Поэтому в Лондоне тоже говорят, что рискованно выдавать Чехословакию. Таким образом, собственные интересы диктуют западным друзьям Чехословакии не допустить того, чтобы она пала. Все это, конечно, имеет силу при одном условии: что мы сами не положим голову на плаху.

В свете этого становится ясной роль объединения чешских тузов, толкающих страну к катастрофе. Панская коалиция прикладывает усилия к тому, чтобы Чехословакия капитулировала. Они хотят оторвать ЧСР от Советского Союза и от Франции. Ясно, что этим они помогают осуществлению планов третьей империи.

Они хотят протащить Генлейна в правительство, хотят с его помощью установить реакционный правый ре-

жим, хотят сначала выставить за двери совета министров социалистов, а потом вместе с коммунистами бросить их в концентрационные лагери.

Разумеется, нельзя обойти молчанием и ответственность тех, кто хотя и ругает реакцию, выступает против нее в печати, но не делает из всего происходящего необходимых выводов. Я говорю об ответственности социалистических партий за создавшуюся обстановку. Это их уступки реакции способствовали возникновению теперешних трудностей. Я хочу привести всего один пример из событий последнего времени. 18 февраля 1937 г. с немецкими правительственными партиями было заключено соглашение о том, что немцам по справедливости будет дано все, что они могут рассчитывать получить, что им дадут права и возможность жить должным образом. В действительности же всегда, когда при выполнении этого соглашения делалось полшага вперед, одновременно делалось четыре шага назад. Социалисты говорят, что это якобы произошло по вине аграриев. А теперь перед лицом всего мира, под угрозой всевозможных вмешательств быстро пишется статут о национальностях. Если бы полтора года тому назад поступили так, как предлагали коммунисты, если бы правительство сделало это по собственной инициативе, на нашей шее не висел бы теперь Генлейн. Никто в мире не может понять нерешительность чехословацкого правительства. Один раз оно что-то разрешит, потом это же запретит, потом снова разрешит и т. д., как это было с запрещением собраний и празднования 1 Мая. Понятно, когда это делает реакция, желая создать в мире впечатление нерешительности, впечатление, что чехословацкое правительство не знает, чего оно хочет. Однако непонятно, почему это нравится социалистам и демократам, находящимся в правительстве.

Социалисты потому не могут решительно выступать в правительстве, что они продолжают сохранять раскол в рядах рабочего класса. Благодаря этому реакция поднимает голову. Если бы социалисты не ставили препятствий на пути стихийно создающегося единства, если бы они опирались на объединенный трудовой народ, реакция оказалась бы бессильной. За это большую ответственность несут лидеры социалистических партий, которые как будто бы нарочно не хотят ничему научиться на опыте Германии и Австрии.

Что необходимо в настоящее время? В первую очередь, необходимо создать единство рабочего класса для защиты независимости республики и демократии. Рабочий класс призван возглавить защиту республики. Одна часть буржуазии хочет республику продать, другая, демократическая часть колеблется. Единственная сила, которая может сплотить вокруг себя весь народ, за исключением горстки изменников,— это рабочий класс. Для этого, однако, необходимо единство.

Во-вторых, необходимо создать боевой фронт всех национальностей Чехословакии для защиты ее самостоятельности. Мы видим, что тот, кто хочет разделить Чехословакию, одновременно разжигает в народе шовинистические настроения. Но в Чехословакии живут не только чехи и словаки. Здесь живут немцы и украинцы, поляки и венгры. И все эти национальности заинтересованы в том, чтобы не попасть под иго фашизма. Десятки тысяч людей, терроризируемых Генлейном, при правильной политике примкнули бы к демократии. Существующий режим, который льет воду на мельницу Генлейна, должен быть изменен.

В-третьих, народу нужно дать свободу и хлеб. Народ многое выдержит и может быть героическим и самоотверженным, когда речь идет о существовании свободы, но струны нельзя натягивать слишком сильно. За 20 лет буржуазия нагребла многие миллиарды. Теперь, когда речь идет о защите независимости, она не хочет дать ничего. Разумеется, если она не даст добровольно, ее может заставить сделать это сплоченный народ.

В-четвертых, необходимо энергично рассчитаться с пораженцами и изменниками. Поэтому нужно, чтобы состав правительства соответствовал интересам народа и республики. Необходимо создать правительство действительной защиты республики. Выполнение этих требований обеспечит Чехословакии независимость и создаст гарантию того, что она не достанется врагу.

Когда я недавно приехал из-за границы, меня спрашивали многие, как будут поступать наши друзья. На это я могу ответить только одно: они нас не выдадут, если мы сами не сдадимся! Когда это будет известно агрессору, он десять раз подумает, прежде чем на нас напасть. Только так можно спасти мир и республику.

И это также будет решаться на выборах. Поэтому необходимо, чтобы пораженцы были разбиты и чтобы побе-

дили коммунисты, самые последовательные борцы за независимость республики, самые последовательные противники капитулянтов и изменников.

Печат. по изд.: *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 511—514.

61. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

19 мая 1938 г.

В последние дни мы получаем сообщения об определенной подготовке германской армии на случай военного конфликта с Чехословакией. Согласно этим сообщениям, начальник генерального штаба Бек якобы признал, что во время проведения аншлюса выявились многие недостатки военно-технического характера, которые в случае, если бы Австрия оказала сопротивление, вызвали бы серьезные трудности, поскольку захват Австрии произошел в результате неожиданного приказа рейхсканцлера, не позволившего выполнить задачи точно и в надлежащее время. Армия, как и прежде, против всякой авантюристической акции, какой она считала бы, в частности, нападение на Чехословакию. Но поскольку в сложившейся здесь известной обстановке нельзя исключать какое-либо неожиданное решение рейхсканцлера и в отношении Чехословакии, то в настоящее время принимаются серьезные меры к тому, чтобы армия в подобном случае была готова к немедленным действиям.

Согласно этим сообщениям, вновь распространяются слухи о том, что в национал-социалистской партии подумывают о возможном ударе, который осуществили бы формирования СС или СА; первое из этих формирований особенно прекрасно организовано и дисциплинировано и состоит в основном из элементов, фанатически преданных национал-социалистским лозунгам. В указанных кругах высказывается мнение, что в случае проведения подобной «операции по оказанию помощи притесняемым братьям» без собственной армии в узком смысле слова Франция не получила бы «casus foederis». В связи с этими сообщениями или слухами упоминается имя Гиммлера, который якобы в случае необходимости возьмет дело в свои руки даже вопреки воле армии.

Д-р *Мастный*

Печат. по арх.

62. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

19 мая 1938 г.

1. Телеграммой № 518/38 от 7 мая я сообщал о посредническом вмешательстве, которое осуществил в тот же день английский посол сэр Нэвиль Гендерсон в министерстве иностранных дел у заведующего политическим отделом, заместителя статс-секретаря Вермана. Гендерсон прежде всего информировал министерство иностранных дел о посредничестве, которое в тот же день предприняли английский и французский посланники в Праге, и, кроме того, высказал предположение или скорее надежду, что и берлинское правительство окажет воздействие на судетских немцев. Как я уже докладывал г-ну министру иностранных дел 9 мая в Праге, английский посол, согласно инструкциям из Лондона, должен был посетить маршала Геринга, но он решил (и я думаю, тактически правильно) предпринять демарш в министерстве иностранных дел, поскольку отсутствующий министр иностранных дел мог бы, вероятно, почувствовать себя уязвленным в связи с тем, что его ведомство было обойдено. Заместитель статс-секретаря Верман принял этот демарш к сведению с тем, чтобы передать его министру Риббентропу по возвращении последнего из Рима, а пока, по словам Гендерсона, он может сказать лишь, что этот вопрос является внутренним делом чехословацкого правительства, а также Генлейна и его партии. На вопрос Гендерсона, дало ли германское правительство какие-либо указания Генлейну, Верман уклончиво ответил, что Генлейну не было дано никаких «точных» советов. Тем самым он косвенно признал, что какие-то указания были даны. (По-видимому, Генлейн во время своего последнего визита в Берлин был здесь действительно значительно активнее, чем когда-либо ранее. Думаю, однако, что официальные круги, ответственные за руководство внешней политикой, были более осторожны и сдержанны, чем национал-социалистская партия. Прежде всего, очевидно, это относится к клике Кребса и Юнга, которая пользуется симпатией и покровительством со стороны министерств внутренних дел и пропаганды. Конечно, это всего лишь предположения, проверить которые невозможно.)

2. В телеграмме № 580/38 от 18 мая я информировал о новом шаге английского посла, который 11 мая нанес

визит непосредственно Риббентропу, информировав его еще раз о предпринятом в Праге посредничестве и выразив надежду, что Берлин также окажет влияние на судетских немцев. Английский посол во время моего визита к нему 17 мая настойчиво подчеркивал, что Риббентроп не отверг посредничество, не утверждал, что речь идет о вопросе, вмешательства в который Германия не допустит; скорее наоборот, он ответил, что сердечно приветствует интерес Англии в судето-немецком вопросе и был бы признателен, если бы Гендерсон и в дальнейшем информировал его о развитии этого вопроса. Германия не намерена решать его путем применения силы, но она вынуждена будет вмешаться в его решение силой оружия в том случае, если в Чехословакии прольется кровь немцев, которым Германия обязана предоставить защиту и помощь. Если в этом случае Франция осуществит вооруженное вмешательство, Германия будет считать Францию агрессором. Риббентроп в общих словах пообещал, что Германия окажет влияние с целью успокоить судетских немцев. Назвав карловарские требования разумными и умеренными, Риббентроп говорил о них в целом как об основе для переговоров, не квалифицируя их при этом как минимальные. Но он прямо говорил о том, что наше правительство и главным образом президент Бенеш намеренно затягивают решение вопроса и тем самым продлевают состояние напряженности, которое тем не менее уже несколько ослабло.

Гендерсон сказал, что считает заявление Риббентропа искренним проявлением стремления решить судето-немецкий вопрос действительно мирным путем, и высказался в том смысле, что впечатление, которое сложилось у него из беседы, было еще более благоприятным, чем он об этом информировал Лондон, желая пока еще оставить для себя возможность выработать окончательное мнение. Но уже сейчас он считает, что если Чехословакия действительно без дальнейших проволочек пойдет на существенные уступки,— разумеется, до крайней допустимой меры, не нарушая суверенитета и государственной независимости,— то положение будет спасено. Однако, с другой стороны, он верит и в то, что в случае кровопролития (Blutbad), о котором, по его словам, Риббентроп упоминал в ходе беседы по меньшей мере четыре или пять раз, Германия действительно немедленно осуществит вооруженное вмешательство. (Это

последнее, как известно, уже давно вызывает у меня серьезные опасения, о чем я буду вновь и вновь напоминать, которые в нынешней ситуации стали еще более вероятными, чем до аншлюса.)

3. В ответ на разъяснения Гендерсона, в которых во время этой моей беседы с ним повторялось лишь все то, что было известно раньше, я рассказал ему о положении у нас, каким я видел его во время моего последнего визита в Прагу. Я просил его срочно информировать свое правительство о совершенной необоснованности оскорбительного обвинения в умышленном затягивании переговоров или даже каких-то спекуляциях с нашей стороны на войне с Германией. Именно этим серьезным стремлением пойти навстречу выраженным нам пожеланиям английского и французского правительств должно руководствоваться наше правительство для того, чтобы не экспериментировать, а решать окончательно. Что допустимо в условиях диктатуры, то недопустимо в демократическом государстве, и вопрос необходимо решить таким образом, чтобы он имел подготовленную почву в парламенте с психологической и юридической точки зрения. Судетские немцы сами требовали проведения выборов уже сейчас, в мае, и сами создали такую ситуацию. Я рассказал ему о том, как у нас с территории Германии ведется подрывная работа и организуются провокации, которые к тому же поддерживаются кампанией в берлинских газетах; в этой кампании, несмотря на всяческие заверения, вновь и вновь проявляется ненависть к Чехословакии. Если министерство иностранных дел и руководящие деятели заверяют, что у Германии нет враждебных намерений против Чехословакии, то об этом ничего не знает читатель ежедневных газет. Народ пребывает в неведении и волен делать выводы о том, что после Австрии таким же образом наступает черед Чехословакии. Характерно также, что из печати известно, что английский посол информировал Берлин о демарше в Праге, однако при этом совсем не сообщается о выраженной им надежде, что Берлин также будет способствовать мирному решению вопроса. Гендерсон во всем со мной согласился, и особенно в том, что касается подогревания атмосферы беспокойства у нас, но он заявляет, что нельзя из престижных соображений Германии заходить слишком далеко, и опасается, что решению самого вопроса был бы нанесен

ущерб, если бы его визитам и обращениям в министерстве иностранных дел придавался характер какого-то «демарша», будь то здесь, в Берлине, или в Праге. Во всяком случае, он заверил меня, что будет самым внимательным образом следить за дальнейшим развитием данного вопроса.

4. Английский посол был вполне доволен результатами своей беседы с Риббентропом и даже высказался обнадеживающе в отношении дальнейшего развития судето-немецкого вопроса, разумеется, при условии, что у нас будут проведены прямые и удовлетворительные переговоры с Генлейном, о пребывании которого до вчерашнего дня он пока не имел подробных сообщений из Лондона. Французский посол, напротив, ничему не верит и о своем мнении он сообщил в Париж в донесении, которое прочитал мне и содержание которого правильно отражает телеграмма нашего парижского посланника от 14 мая.

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх.

63. Телеграмма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

21 мая 1938 г.

После беседы со статс-секретарем Вейцзекером, о содержании которой я доложил по телефону, сегодня, в пятницу, в 7 часов вечера меня пригласил Риббентроп и попросил сообщить правительству следующее:

1) что он с растущим беспокойством следит за все новыми притеснениями судетских немцев, запретами их собраний и случаями насилий, о которых он как раз сегодня получил новые сообщения. Поэтому он обращает наше внимание на известные заявления Гитлера, что Германия не потерпит притеснения немцев за границей, и напоминает, что в Германии — 75 миллионов немцев, готовых выступить в любой момент;

2) что он не может примириться с тем, что в Праге наше правительство продолжает давать другим государствам ложные сообщения о концентрации войск, и особо подчеркивает, что распространение таких сообщений могло бы привести к их осуществлению и к действительной концентрации вооруженных сил против ЧСР [1].

Я указал, что в этом виновата здешняя печать, создающая атмосферу беспокойства и угроз, напомнил о провокациях, листовках и т. д. С противозаконными действиями мириться нельзя, однако наши органы чрезвычайно терпеливы, каждый перегиб наказывается. Доказательством нашей доброй воли является стремление как можно быстрее урегулировать национальный статут. Наше правительство использует все средства с целью разрядить обстановку, того же мы требуем от Германии. Наше правительство не распространяет никаких ложных сведений, но оно считает своим долгом обратить внимание правительства Германии на их распространение и просит лишь предоставить информацию с тем, чтобы успокоить общественность. Наше правительство охотно выступило с подобными заверениями во время аншлюса, когда появились сообщения о нашей мобилизации. Нынешние сообщения возникли не в ЧСР, а в Германии, где народ под влиянием германской печати говорит о намерениях, враждебных ЧСР. Риббентроп сказал, что он принял меры воздействия на печать, однако далее дискуссия с ним стала совершенно невозможной, так как он лишь вновь и вновь повторял свои заявления.

Мастный

Печат. по арх.

[1] 19 мая 1938 г. чехословацкая разведывательная служба получила информацию о концентрации германских войск на границе с Чехословакией. Опасаясь, чтобы во время предстоящих муниципальных выборов не был спровоцирован инцидент, который мог бы послужить поводом для нападения Германии на ЧСР, правительство провело 20 мая мобилизацию одного призывного возраста и сразу же информировало Францию и Великобританию о концентрации германских войск. В связи с этим английский посол в Германии Н. Гендерсон немедленно предпринял демарш в Берлине и потребовал информации.

64. Заявление КПЧ, опубликованное в газете «Руде право»

21 мая 1938 г.

Сознавая серьезность момента, Коммунистическая партия Чехословакии заявляет:

Мы одобряем и полностью поддерживаем все мероприятия, направленные на обеспечение безопасности, целостности и независимости республики.

Мы призываем весь народ сохранять спокойствие, порядок, хладнокровие и дисциплину.

Мы обращаемся к рабочему классу и всем трудящимся города и деревни с призывом создать прочное и нерушимое единство независимо от политической и национальной принадлежности.

Мы призываем все нации республики отбросить в сторону все, что их разделяет, встать единым фронтом на защиту мира и своего отечества.

Мы призываем все политические партии и всех деятелей подчинить свои партийные интересы общим интересам: сохранению мира, безопасности, целостности и независимости республики.

Мы заявляем о своей непоколебимой воле действовать и идти вместе со всеми, кто полон решимости защищать республику.

Мы призываем всех коммунистов, все наши организации действовать и поступать всюду подобным образом.

Коммунисты Чехословакии, будьте в первых рядах защитников республики!

Центральный Комитет
Коммунистической партии
Чехословакии

Печат. по изд.: *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. 1, М., 1957, с. 515.

65. Из телеграммы посланника ЧСР во Франции министру иностранных дел ЧСР

22 мая 1938 г.

Сегодня вечером мне позвонил Бонне и сказал, что он получил сообщение о том, что Чехословакия мобилизовала два призывных возраста. У него был английский посланник и спросил, информировало ли чехословацкое правительство Францию, прежде чем приступило к мобилизации. Он добавил, что мобилизация в Чехословакии может оправдать мобилизацию в Германии. Бонне ответил, что речь идет не о мобилизации против немцев, а о мерах по поддержанию порядка во время выборов. Бонне сказал мне, что он надеется, что Чехословакия не будет продолжать мобилизацию. Я ответил, что речь идет не о мобилизации, а лишь о досрочном призыве на

военные сборы не двух, а только одного призывного возраста с целью поддержания порядка во время выборов. Бонне принял к сведению, что речь идет только об одном призывном возрасте и только о поддержании порядка во время выборов, и просил, чтобы мы сообщили об этом в печати Франции и других стран. Далее он спросил о двух убитых. Я сказал, что, по моим сведениям, полиция вынуждена защищаться от лиц, распространяющих листовки. К кровопролитию привел несчастный случай. Правительство немедленно распорядилось начать следствие, было принято решение строго наказать тех, кто не выполнил его распоряжений. Бонне просил немедленно широко осветить это в печати. Он сказал мне, что Риббентроп был сильно возмущен, когда сегодня его посетил Гендерсон [1]. Риббентроп сказал ему, что немецкая кровь проливается в Чехословакии и что семьдесят пять миллионов немцев поднимутся как один человек на ее защиту. Бонне заявил мне, что в наших интересах успокоить волнение. Добавляю, что, как сообщил по телефону Понсе, в Берлине наблюдается большое волнение и что нужно быть готовым к самому худшему. Французская миссия в Лондоне сообщила, что известие о том, что Генлейн отказался от предложения вести переговоры с Годжей, произвело в Лондоне неблагоприятное впечатление.

Американский посланник сказал мне, что мы стоим на грани войны, которая уничтожит всю Европу, что это самое подходящее время для Германии, поскольку Польша и Румыния якобы выступят с войной против России, а Италия, выждав некоторое время, присоединится к Германии. Англия в первый период всеми силами будет стремиться избежать участия в войне. Чехословакия и Франция останутся якобы одни. Чехословакия будет защищаться, пока не вмешается Венгрия. Я сказал, что не верю в то, что Германия могла бы сегодня по своей воле развязать войну, которая длилась бы долго. Он ответил мне, что я ошибаюсь. [...]

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 38—40.

[1] Английский посол в Берлине Н. Гендерсон заявил 21 мая 1938 г. министру иностранных дел Германии И. Риббентропу, что в случае германской агрессии против Чехословакии и вмешательства

Франции на стороне Чехословакии английское правительство «не может гарантировать, что обстоятельства не вынудят его вмешаться».

Однако на другой день английскому послу в Париже Э. Фиппсу была дана директива разъяснить французскому правительству, что это заявление не означает, что правительство Англии намерено предпринять совместные с ним военные действия в защиту Чехословакии. Фиппс должен был также заявить, что Франция не должна предпринимать без согласования с Англией никаких действий, могущих привести к войне. Министр иностранных дел Франции Ж. Бонне заверил Фиппса, что французское правительство не намерено ничего предпринимать «без подробной консультации» с английским правительством. Если же Чехословакия будет «проявлять неблагоразумие, французское правительство может заявить, что Франция считает себя свободной от своих обязательств».

66. Из записи беседы заведующего политическим отделом МИД ЧСР с посланником Германии в ЧСР

25 мая 1938 г.

[...] Посланник перешел затем к событиям последних дней и сказал, что никак не может понять, каким образом, собственно, дело дошло до кризиса. Неожиданно, заявил он, стали говорить о передвижениях 8—10 германских дивизий в направлении чехословацкой границы. Это является чистым вымыслом уже по той простой причине, что столь значительное передвижение войск невозможно провести тайно. Откуда появились эти сообщения? Посланник полагает, что хотя чехословацкий генеральный штаб и был bona fide [1], однако он попался на удочку своих тайных информаторов. Затем чехословацкое правительство взбудоражило весь мир, основываясь на полностью ложных сведениях; Англия вынуждена была спасать положение, а Германия выглядит теперь перед всеми как нарушитель мира. Опасность была предотвращена, потому что германское правительство сохраняло спокойствие и не ответило тем же на чехословацкие военные мероприятия, однако «eine tiefe Verstimmung» [2] остается.

Я ответил, что мобилизация резервистов одного призывного возраста была проведена не в ответ на упомянутые передвижения германских войск, а лишь в целях безопасности для обеспечения внутреннего спокойствия и порядка. Г-н Эйзенлор заметил, что такую трактовку, в конце концов, можно было бы официально отстаивать,

однако в субботу в высших официальных кругах Чехословакии ему было дано совершенно иное разъяснение. Так, прежде всего г-н генерал Крейчи сказал германскому военному атташе буквально, что речь идет об ответе на передвижения германских войск. [...]

Д-р *Крно*

Печат. по арх.

[1] — добросовестным *(лат.)*.
[2] — «сильное раздражение» *(нем.)*.

67. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР

25 мая 1938 г.

У меня был сегодня Фирлингер, которому я с некоторым опозданием выразил одобрение мероприятиям чехословацкого правительства [1]. Ознакомил я его также со своими женевскими разговорами [2], поскольку они касаются Чехословакии.

Говорил со мною на эту тему Бонне приблизительно в таком порядке:

В течение ближайших трех месяцев в германо-чехословацких отношениях должен наступить кризис, в связи с чем Франция объявит мобилизацию. Что же намерен сделать СССР? Я ответил, что эта проблема как будто предвиделась еще при заключении советско-чехословацкого пакта, тем не менее до сих пор Франция не проявляла интереса к возможным нашим действиям. Если Бонне имеет в виду дипломатическую сторону дела, то ему известно, какие государства отделяют нас от Германии и Чехословакии. Это — Прибалтика, Польша и Румыния. Бонне также должно быть известно, что нашего воздействия на эти страны недостаточно, чтобы они позволили нам оказать содействие Чехословакии. Очевидно, требуются более сильные дипломатические меры давления, в которых должны участвовать и другие государства. Поскольку же Бонне имеет в виду военные мероприятия, то я, не будучи военным, ничего не могу ему сказать. На мой взгляд, вопрос должен обсуждаться совместно с представителями французского, советского и чехословацкого генштабов. На замечание Бонне, что в

Москве имеется французский военный атташе, который связан с нашим генштабом, я ему ответил, что, к сожалению, в Москве нет ни французского, ни чехословацкого генштабов. Бонне, вздыхая, заявил, что Польша и Румыния решительно сопротивляются пропуску наших войск, и на этом разговор наш прекратился.

Галифакс констатировал лишь, что очагами опасности в Европе являются Испания и Чехословакия. Он меня ознакомил с представлениями, сделанными британским послом в Берлине [3], и спрашивал, как я смотрю на положение и что, по-моему, надо было бы предпринять. Я ему напомнил о советской декларации [4], которая была доведена до сведения его правительства и где намечались те действия, которые мы считали единственно способными обеспечить мир. Я откровенно раскритиковал всю тактику Англии в отношении Германии и, в частности, разъяснил, что Англия делает большую ошибку, принимая гитлеровские мотивировки как в испанском, так и в чехословацком вопросах за чистую монету. Англия делает вид, как будто дело действительно лишь в правах судетских немцев и что стоит эти права расширить, как опасность может быть устранена. На самом же деле Гитлеру также мало дела до судетских, как и до тирольских немцев; речь идет о завоевании земель, а также стратегических и экономических позиций в Европе. Такие аппетиты не могут быть удовлетворены путем расширения прав судетских немцев. В дальнейшем я развивал перед Галифаксом перспективы развития Европы, в случае необуздания Гитлера, указав, конечно, на опасность, которая создастся через известное время для Великобритании. Галифакс сказал, что он подумает над моей аргументацией и что он признает за нею известную силу убедительности.

С Комненом я имел несколько бесед, но он, делая общие декларации о желании развития дружественных отношений, от конкретных тем уклонялся. Он несколько раз повторил о необходимости скорейшего приезда нашего полпреда, который мог бы следить за развитием внешней политики Румынии. Смысл этого был тот, что в настоящий момент Румыния ничего предлагать нам не может, но могут наступить обстоятельства, когда она к нам обратится, а для этого должен быть наш представитель в Бухаресте. Он также сказал, что румынская политика слишком далеко отступила от позиции, кото-

рую занимал в свое время Титулеску, чтобы можно было сразу прыгнуть вперед, и что для того, чтобы пройти то же расстояние, требуется время. Он конфиденциально рассказывал мне, что Стоядинович в Синае обязался выступить против Венгрии в случае ее совместного наступления с Германией на Чехословакию.

М. Литвинов

Нас несколько озабочивает игнорирование Румынией нашего приглашения авиационных экспертов для обсуждения организации авиалинии Москва — Прага, несмотря на то, что мы ясно дали понять нашу готовность на этот раз учесть румынские пожелания. Я подозреваю здесь вмешательство Польши, стремящейся, во-первых, сорвать нашу связь с Чехословакией и с Европой, а во-вторых, вынудить нас к заключению воздушного соглашения с Польшей. Такое же подозрение высказал здесь и Фирлингер. Вам следует поговорить с Крофтой, указать ему на особую важность в нынешних обстоятельствах установления воздушной связи с Прагой и предложить ему нажать на румын и убедить их срочно выехать в Москву.

Только что ознакомился с Вашей длинной телеграммой о беседе с Бенешем [5]. Могу лишь сказать, что он неизменно верен своему оптимизму. В частности, я продолжаю сомневаться в заключении действительного союза между Англией и Францией. Подробнее останавливаться на заявлениях Бенеша не позволяет время, ибо уже запечатывается почта.

М. Л.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 41—45.

[1] Имеется в виду мобилизация одного призывного возраста, проведенная 20 мая 1938 г.
[2] См. док. № 57.
[3] См. док. № 53, прим. 2, док. № 62.
[4] См. док. № 25.
[5] См. док. № 59.

68. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

25 мая 1938 г.

Только для господина министра Крофты. Я имел беседу с Литвиновым, который приветствует энергичные меры, проведенные в нашей стране, и политику правительства. Он с большим интересом продолжает следить за развитием событий. В Женеве у него состоялась беседа с Бонне, которая произвела на него весьма неопределенное впечатление. Бонне спросил его, что́ СССР намерен сделать для ЧСР. По его словам, Литвинов ответил, что скорее это он должен спросить о намерениях Франции. СССР может оказать военную помощь лишь через чужую территорию, однако он не имеет влияния на соответствующие государства, поэтому или Франция должна вмешаться, прежде всего в Варшаве, или должны быть осуществлены коллективные шаги. Что касается военных операций, то французский генеральный штаб должен выступить с инициативой, а каких-либо переговоров французского военного атташе в Москве недостаточно. Бонне сказал также, что Франция могла бы объявить мобилизацию. По мнению Литвинова, этого мало. В беседе с Литвиновым Галифакс заявил, что ЧСР и Испания доставляют ему заботы. Беда состоит в том, сказал Литвинов, что Англия принимает за чистую монету все утверждения Гитлера, подлинные же его намерения совершенно иные. На вопрос Галифакса, как СССР хочет помочь ЧСР, Литвинов ответил, что СССР готов договориться об этом в смысле своего предложения о коллективных гарантиях мира, которое Англия оставила без ответа. Можно было бы также подумать о совместном демарше Англии, Франции, а также СССР в Берлине. Литвинов весьма пессимистично обрисовал Галифаксу возможные перспективы развития обстановки в условиях проведения политики уступок, которая обернется против Англии. Галифакс обещал подумать об этом. Сегодня Ворошилов принял Гусака. Он искренне говорил о полной готовности СССР к сотрудничеству. Гусак сегодня возвращается в Прагу.

Фирлингер

Печат. по арх.

69. Из заявления чехословацкой профсоюзной делегации, посетившей СССР в связи с первомайскими торжествами

28 мая 1938 г.

[...] Мы убедились в том, что Красная Армия является наилучшей армией по технической оснащенности. Она полна решимости защищать не только свою социалистическую родину, но и мир, прогресс и будущее социализма во всем мире.

Мы гордимся тем, что эта армия является нашим союзником. Мы горды и счастливы тем, что нам неоднократно была предоставлена возможность убедиться, что за дружественными чехословацко-советскими соглашениями вместе с руководителями Советского правительства и Красной Армии непоколебимо стоит рядом весь советский народ. Мы благодарны М. И. Калинину за его заверение об оказании дружеской помощи в случае нападения на Чехословакию.

Мы желаем своим социалистическим советским друзьям самых больших успехов в их дальнейшей работе. Мы обещаем, что будем и далее повсюду укреплять дружественные чехословацко-советские связи и дадим по рукам всем, кто захотел бы их разорвать. Мы обещаем, что сделаем все необходимое для того, чтобы сплотить всех рабочих и прогрессивные силы у себя в стране и во всем мире с тем, чтобы рабочему классу и всему прогрессивному человечеству во главе с Советским Союзом удалось сохранить мир и культуру и открыть двери в социалистическое завтра.

Печат. по сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 435.

70. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР

30 мая 1938 г.

Выполняя телеграфное поручение наркома, посетил Крофту и спросил, известно ли ему о том, что патриарх Мирон договорился в Варшаве о совместном противо-

действии Польши и Румынии всякой попытке нашей Красной Армии оказать Чехословакии в случае необходимости помощь. Я добавил, что такое польско-румынское соглашение должно принять конкретные формы в переговорах польского и румынского генштабов.

В ответ Крофта сообщил мне, что слухи о какой-то подготовке румын и поляков к решению этого вопроса доходили и до него. Однако в той категорической форме, которую употребил я, он с этими слухами еще не встречался. Еще во время заседания Совета Лиги наций у Крофты были сведения, что Румыния заявляла в Варшаве и Берлине, что не допустит прохождения Красной Армии по своей территории ни при каких условиях. Крофта поручал тогда своему чиновнику в Женеве посланнику Гейдриху проверить у Комнена, что означают эти слухи. Комнен в очень категорической форме заверил, что нигде таких заявлений не делал и слухи эти не имеют никаких оснований. Что же касается отношения Комнена к этому вопросу, то Комнен дал понять Гейдриху, что Румыния по соображениям общеевропейской ситуации в данное время не могла бы принять на себя прямые обязательства пропустить Красную Армию при всех условиях. Крофта добавлял от себя, что Чехословакия и не просила бы Румынию о таком согласии авансом на все возможные случаи, потому что понимает, что ни внутреннее, ни внешнее положение Румынии не позволяет ей брать подобных обязательств. С чехословацкой точки зрения, на ближайшее время было бы достаточно держать этот вопрос открытым вплоть до момента реальной необходимости его разрешения или до момента общего улучшения и уточнения советско-румынских взаимоотношений. Именно поэтому ответ Комнена тогда вполне удовлетворил Крофту, потому что Комнен дал понять Гейдриху, что он тоже хотел бы оставить вопрос открытым с учетом возможной необходимости таких его практических решений, которые открывали бы в будущем дорогу для оказания помощи Чехословакии со стороны СССР. Комнен при этом предвидел возможность другой, чем сегодня, общеевропейской ситуации в смысле более ясного распределения и расстановки сил борющихся сторон. Позднее Крофта произвел проверку и через своего посланника в Бухаресте Веверку. Ответ был того же характера: вопрос щекотливый, не может

быть заранее решен, должен оставаться открытым именно с целью оставить для Чехословакии возможность его благоприятного решения в случае действительной необходимости.

Крофта неохотно допускал возможность, что румыны теперь как бы «закрыли» этот вопрос в ущерб чехословацким интересам, но все же признавал, что это возможно, поскольку и ему не нравится поездка начальника румынского генштаба в Варшаву. Если бы этой поездки не было, то он не придал бы никакого значения поездке и разговорам патриарха Мирона, потому что достаточно знает патриарха и уверен, что тот не способен вести сколько-нибудь серьезные внешнеполитические переговоры. Теперь же Крофта снова будет проверять, что делают румыны в действительности, но при этой проверке не будет ссылаться на нас как на источник своих сведений о задаче поездки начальника румынского генштаба в Варшаву.

Поскольку речь шла, по существу, о вопросе об оказании помощи Чехословакии, Крофта сказал, что Фирлингер информировал его об инициативе Кулондра [1], сводящейся к постановке вопроса об уточнении характера и рода совместных действий Франции, СССР и Чехословакии в случае возможного нападения Германии на Чехословакию. Я задал вопрос об отношении Крофты к этой инициативе. Крофта ответил, что ждал такого вопроса, но не имел времени подготовиться к ответу, потому что это вопрос исключительной важности и он сможет ответить на него точно лишь в согласии с прямыми указаниями президента Бенеша, которых он еще не получил. Что касается личного мнения самого Крофты, то он весьма приветствует и одобряет факт такой французской инициативы, ибо без нее Чехословакия не могла бы поднимать ряд практических вопросов в этой области. Чехословакия не может быть инициатором, не может выступать раньше Франции. Формально это невозможно, потому что советско-чехословацкий договор и приведение его в действие зависят от приведения в действие франко-чехословацкого союзного договора. Если бы Франция молчала, то и Чехословакия должна была бы формально молчать. По существу, Чехословакия тоже не могла бы пойти против намерений Франции, ибо намерения выражаются не только тем, что говорится, но и тем, о чем умалчивается. Теперь же, поскольку Франция заго-

рила, то Чехословакия вслед за ней охотно пойдет на любой разговор, потому что исключительно высоко ценит ту помощь, которую СССР уже оказывает Чехословакии и еще может оказать в дальнейшем. Здесь Крофта несколько раз и в довольно теплых выражениях высказывал прямую благодарность за ту спокойную и твердую поддержку, которую он чувствовал за последнее критическое время со стороны СССР. Уверенность в том, что СССР совершенно серьезно и без всяких колебаний намеревается и готовится оказать помощь Чехословакии, в случае действительной нужды, действует очень успокоительно и ободряюще на Чехословакию. [...]

Я спрашивал Крофту, что говорил Ньютон о судетском вопросе. Поскольку Крофта мялся, я подтолкнул его указанием на то, что в Праге ходят слухи, будто бы посланник в Англии Ян Масарик привез какие-то англо-германские предложения для урегулирования чехословацко-германских взаимоотношений. Говорят об учреждении международной комиссии для разрешения споров и инцидентов с судетскими немцами. Крофта в самой решительной форме опровергал, говоря, что Масарик не привез абсолютно никаких предложений. Однако Крофта не сказал и в дальнейшем, с чем же приезжал Масарик. Крофта не совсем охотно сказал, что Ньютон действительно зондировал у него опять-таки якобы в личном порядке, как он отнесется к общей идее создания такого инструмента, который своим международным характером и бесспорной объективностью мог бы исключать всяческие заподозривания и обвинения Чехословакии в угнетении судетских немцев и создании конфликтов с Германией. Слова «международная комиссия» или какая-нибудь комиссия наблюдателей при этом вовсе не употреблялись. Крофта якобы ответил Ньютону, что тот смешивает два рода вопросов. Один род вопросов — пограничные и иные инциденты между Чехословакией и Германией вроде, например, перелетов границы аэропланами или других нарушений границ. Крофта сомневается в том, что Германия согласится передать разрешение подобных инцидентов какой бы то ни было международной комиссии. Другой род вопросов — это инциденты на чехословацкой территории с чехословацкими гражданами, судетскими немцами. До такого рода инцидентов нет никакого дела ни Германии, ни другим странам, и они

поэтому не подлежат никаким международным решениям, являясь внутренним чехословацким делом. Первое впечатление было такое, что Крофта этим как бы исчерпал вопрос. Однако, отвечая дальше на мои вопросы о положении дела с нацменьшинственным кодексом[2], Крофта стал рассуждать уже от себя на ту тему, что инцидентов с судетскими немцами было за последнюю неделю мало, а вчерашние выборы протекали так же относительно спокойно, как и в предыдущее воскресенье. Несмотря на это, инцидентов следует ожидать и в будущем. Поэтому для чехов было бы хорошо, если бы для убеждения европейского общественного мнения в их правоте и невиновности в разных столкновениях был бы найден способ объективного и неопровержимого доказательства этого. Если бы можно было организовать нечто подобное, то положение Чехословакии улучшилось бы.

Меня такой ход рассуждений Крофты несколько обеспокоил, и я стал говорить ему, что, по моему убеждению, он поддается влиянию пустой иллюзии. Чехословакия должна понимать, что для Гитлера вопрос о судетских немцах является только удобным предлогом для агрессии, целью которой является прямое подчинение Чехословакии Гитлеру, лишение ее самостоятельности. Плох тот врач, который надеется на пользу от лечения симптомов, а не причины болезни. Какие объективные свидетельства ни предъявляй, Гитлер из-за этого не остановится в осуществлении своих агрессивных планов. Что же касается общественного мнения Европы, то демократическое общественное мнение и без того знает, что Чехословакия вовсе не угнетает судетских немцев. Пытаться же убедить «общественное мнение» сознательных агрессоров — безнадежное занятие. Крофта возражал мне в том духе, что он не собирается убеждать Германию в своей правоте. Он ставит себе задачу, во-первых, отнять у Гитлера судетский повод к агрессии, а во-вторых, убедить хочет английское общественное мнение в своей правоте, поскольку там существуют сомнения и неопределенные настроения из-за простого незнания фактического положения вещей. Я соглашался с тем, что у агрессора нужно отнимать существующие поводы и по возможности не давать новых для развития его агрессии, но подчеркивал, что при этом решающим должно быть ясное сознание, что речь идет именно о поводах, устранение

которых вовсе не решает вопроса в целом. Без ясности такого сознания легко можно потерять границу допустимого в поисках за устранением поводов. Легко попасть в положение, которое фактически вовсе не устранит опасность агрессии, но зато может ослабить, а то и отнять силу сопротивления Чехословакии разным агрессивным намерениям. Гитлер обжегся на своем намерении взять Чехословакию лобовым ударом. Он пока обжегся и на намерении взорвать Чехословакию изнутри в связи с коммунальными выборами. Почему ему теперь не попробовать запутать ее в сети сложной и, по существу, ненужной системы каких-то доказательств невиновности Чехословакии в инцидентах с судетскими немцами, когда Гитлеру никаких доказательств права или вины совсем не нужно для осуществления его агрессии. Если Чехословакия будет слабой или нерешительной, то Гитлер ее съест под любым предлогом, а то и без предлога. Если она будет сильной и решительной, то никакой предлог Гитлеру не поможет. В моем представлении учреждение любой международной комиссии и под любым соусом на территории Чехословакии обозначало бы ограничение суверенитета, ущерб авторитету правительства и такое ослабление силы сопротивления, которое не оплатится якобы объективным свидетельством чешской невиновности. Крофта как бы соглашался с этим, но продолжал говорить, что его заботой остается задача поисков средств и способов отнимать у Гитлера предлоги к агрессии и одновременно убеждать Европу, что дело идет именно об агрессии, в проявлении которой чехи вовсе не виноваты. В этих поисках Крофта себя якобы ограничивает прежде всего интересами государства в целом. Поэтому нет и не было речи о каких бы то ни было наблюдателях. В частности, заведующий отделом Средней Европы английского министерства Стрэнг приезжал сюда вовсе не в качестве наблюдателя, а для личной информации и для информации посланника Ньютона. Сейчас он уже уехал, был в Берлине, находится в Париже. Слухи о том, что Ян Масарик приехал с какими-то предложениями, просто ложные. Слухи об учреждении международной комиссии тоже неверные. Зондаж Ньютона ни к чему не обязывает. Слухи о предложении Германии наряду с международной комиссией учредить в Судетской области международную полицию (в ответ на мой подсказ о наличии таких слухов) уже абсолютно не со-

ответствуют действительности. Об этом не только нет, но и вообще не может быть речи. В этом Крофта заверяет самым категорическим образом. [...]

С. Александровский,
Полпред СССР в Чехословакии

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 294—299.

[1] 29 мая 1938 г. посол Франции в СССР Р. Кулондр посетил заместителя народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкина и сообщил, что в Париже назрела мысль о необходимости договориться с СССР и ЧСР о совместных действиях в случае нападения Германии. То же сообщение Р. Кулондр сделал в доверительном порядке посланнику ЧСР в СССР З. Фирлингеру.

[2] Речь идет о проекте так называемого статута национальных меньшинств в ЧСР. Проект был разработан правительственной комиссией в духе апрельского меморандума чехословацкого правительства и постоянно расширялся по мере роста требований судето-немецкой партии Генлейна.

71. Телеграмма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

2 июня 1938 г.

Сегодня, после инцидента в Хебе[1], здесь возобновилась резкая кампания против ЧСР, которая вызвала в журналистских кругах новую волну страха перед острым кризисом. По мнению французского посла, Германия прилагает все усилия для того, чтобы Англия поставила нам в качестве условия немедленное принятие предложения судето-немецкой партии, указав, что иначе она утратит интерес к судьбе ЧСР. Прошу информировать меня о ходе пражских переговоров[2].

Мастный

Печат. по арх.

[1] Имеется в виду стычка в одной из пивных г. Хеба 1 июня 1938 г., в ходе которой были легко ранены два судетских немца.

[2] Речь идет о переговорах чехословацкого правительства с партией Генлейна о решении судето-немецкого вопроса, начатых председателем правительства М. Годжей 1 апреля 1938 г.

72. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР временному поверенному в делах СССР во Франции [1]

5 июня 1938 г. [2]

Посетите Бонне или Леже и передайте им следующее:

Польша не скрывает своих намерений использовать возможное наступление Германии на Чехословакию для отторжения в свою пользу части чехословацкой территории. Такое вмешательство Польши будет прямой помощью Германии и совместным с нею наступлением на Чехословакию. Мы хотели бы знать заранее, будет ли Франция, в случае нашего решения помешать интервенции Польши, считать себя союзницей Польши в смысле франко-польского союзного договора.

Я нисколько не опасаюсь проникновения в печать слухов о Вашем демарше, который уже сам по себе может несколько удерживать Польшу от осуществления своих агрессивных замыслов.

Добивайтесь, однако, ясного ответа Франции и сообщите его. Упомяните, что этот запрос Вы делаете по поручению Советского правительства [3].

М. Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 52—53.

[1] Е. В. Гиршфельду.

[2] Копия настоящей телеграммы была направлена в тот же день в полпредство СССР в Чехословакии для информации чехословацкого правительства.

[3] Временный поверенный в делах СССР во Франции посетил министра иностранных дел Франции Ж. Бонне 7 июня 1938 г. и изложил ему содержание данной телеграммы. Бонне сначала заявил, что Франция не будет считать себя связанной в таком случае франко-польским договором, однако затем, указав на «важность и сложность» проблемы, обещал дать ответ после «изучения» при следующем свидании. Бонне вновь подчеркнул отрицательную позицию Польши относительно прохода советских войск и даже перелета советских самолетов через Польшу.

73. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

7 июня 1938 г.

В шифртелеграмме за № 75 я писал о демарше, предпринятом английским послом Фиппсом в среду 1 июня перед министром иностранных дел Жоржем Бонне. Де-

марш касался ответа премьер-министра Годжи депутату Кундту[1], в котором премьер-министр должен был сказать, что до конца недели сообщит Кундту, считает ли он переданные им требования судетских немцев подходящей основой для переговоров. Посол Фиппс сказал министру Бонне, что лорд Галифакс удивлен тем, что требования судетских немцев, как изложил их в последний раз Генлейн в Лондоне[2], в Праге не считают подходящей основой для переговоров. Это якобы удивляет английское правительство, так как все, кто беседовал с Генлейном во время его последнего пребывания в Лондоне, считают его требования, сформулированные в Лондоне, приемлемой основой для переговоров. Посол Фиппс был уполномочен лордом Галифаксом обратиться к французскому правительству с просьбой предпринять с английским правительством совместный демарш перед президентом ЧСР для того, чтобы от имени правительств Англии и Франции выразить удивление по поводу того, что чехословацкое правительство не желает вести переговоры с судетскими немцами на основе программы, изложенной Генлейном в Лондоне и предложенной депутатом Кундтом премьер-министру Годже. В совместном демарше посланники Англии и Франции должны были обратить внимание президента ЧСР на то, что если чехословацкое правительство будет продолжать действовать таким образом, то оно потеряет симпатии, которые завоевало у народов этих стран. [...]

Я беседовал по этому делу с министром Бонне в субботу 4 июня. Бонне сообщил мне, что Алексис Леже передал ему о нашем разговоре и что он отказался выступить с совместным демаршем в Праге. Однако он предупреждал меня, что англичане сильно раздражены и что это раздражение направляется против президента республики.

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 54—55.

[1] Председатель парламентской фракции судето-немецкой партии Э. Кундт вел переговоры с правительством ЧСР о статуте национальных меньшинств.

[2] Имеется в виду визит в Лондон лидера судето-немецкой партии К. Генлейна, состоявшийся 12—14 мая 1938 г. Во время визита Генлейн вел переговоры с главным дипломатическим советником при

министре иностранных дел Великобритании Р. Ванситтартом и представителями либеральной и консервативной партий А. Синклером и У. Черчиллем.

74. Из письма посланника ЧСР во Франции президенту ЧСР

8 июня 1938 г.

В дополнение к устному отчету, сделанному мной 25 мая в Праге о разговоре посла Кулондра с министром Бонне и с генеральным секретарем Алексисом Леже, посылаю Вам следующую информацию.

29 мая на мой вопрос относительно его разговоров с послом Кулондром министр Бонне ответил, что последний уже вернулся в Москву, что Советы хотят, чтобы Франция открыто укрепила с ними свой пакт. Бонне заметил, что он не желает, чтобы Чехословакия подверглась дальнейшему нажиму из-за Советской России. Поэтому он не хочет, чтобы Чехословакия была втянута в какие-либо франко-советские переговоры. Бонне уполномочил Кулондра выяснить в Москве, чего там хотят и что могут, и потребовал сделать это очень тактично.

Генеральный секретарь Алексис Леже сказал мне 30 мая, что поездка Кулондра в Париж ничего не изменила во французской политике по отношению к Советской России ни в позитивном, ни в негативном смысле. Министр Бонне будто бы согласен, чтобы чехословацкий военный атташе в Москве конкретно узнал, что Россия могла бы и хотела сделать в пользу Чехословакии, если бы последняя подверглась нападению. Такую же задачу получит и французский военный атташе в Москве. Это вполне нормально, так как это является обычной функцией военных атташе. Леже не желает, чтобы делалось что-то большее, ибо если дело пойдет дальше, то это скажется на внутренней политике Франции, где по этому вопросу существуют сильные противоречия между правыми и левыми.

Наконец, в субботу 4 июня я разговаривал об этом с Массигли, который сказал мне, что события последних дней между Берлином и Прагой отодвинули в сторону вопрос о Советской России просто потому, что для него не осталось времени. Он считает, что единственно правильным методом являются двусторонние переговоры, т. е. франко-советские и русско-чехословацкие перего-

воры. Массигли сказал, что было бы плохо, если бы речь шла о каких-либо общих франко-русско-чехословацких переговорах, которые могли бы быть истолкованы как некий заговор против Германии. [...]

С сердечным приветом преданный Вам

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 447.

75. Из сообщения Тржебичского районного управления президиуму Брненского земского управления

8 июня 1938 г.

[...] Затем выступил депутат Климент, который доказывал, что только благодаря коммунистам правительство заняло такую решительную позицию против готовящегося нападения Германии на Чехословакию. Затем он говорил о строительстве Советской России, о силе и вооруженности Красной Армии, которую он видел во время майских торжеств в Москве. Он обвинил аграрную и живностенскую партии, а также национальное объединение в том, что они распространяют в нашем народе пораженческие настроения. Необходимо ликвидировать фашистскую реакцию и укрепить республику, отдать на выборах свой голос Коммунистической партии. Необходимо создать единый фронт борьбы против наступающего фашизма извне и против пораженческого фашизма, действующего изнутри.

В 21 час. 29 мин. слово взял депутат Готвальд, который доказывал, что последние события за рубежом и в нашей стране подтвердили, что коммунисты всегда были правы, когда требовали союза с Советской Россией и разрядки обстановки в Судетской области, когда они заявляли, что наши друзья нас не оставят, если мы докажем свою решимость защищаться. Он сказал, что больше всего нам вредит агитация реакционных кругов, настроенных против союза с Советской Россией.

События последних трех недель показали, что правы были мы, а не реакция. Необходимо и в дальнейшем призывать народ к бдительности против планов фашистских партий, которые хотели бы променять союз с Францией

Народного фронта и Советской Россией на зависимость от Берлина. Необходимо и в дальнейшем идти по пути, указанному 21 мая, а этого можно добиться только объединением действий рабочих партий.

«Я заявляю, что ввиду занятой нами решительной позиции, нападение на Чехословацкую республику стало невозможным, а если бы оно и произошло, то на помощь нам придет Красная Армия, если мы сами проявим решимость защищаться». Этими словами оратор закончил свое выступление в 22 час. 34 мин., после чего Антонин Калина, контролер и член муниципалитета Тржебича, закрыл собрание, призвав отдать на воскресных выборах свои голоса Коммунистической партии.

После исполнения «Интернационала» участники собрания спокойно разошлись.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 446.

76. Из телеграммы министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в странах Европы, в Турции и США

12 июня 1938 г.

Во время последнего кризиса Англия и Франция успешно предпринимали в Берлине дипломатические шаги в нашу пользу. Наши военные мероприятия своей оперативностью и быстротой усилили их воздействие и произвели на весь мир благоприятное впечатление. Указывайте на то, что, заботясь о нас, Англия и Франция защищают себя и свои интересы в Центральной Европе. Предположения, что Берлин можно успокоить разрешением судетонемецкого вопроса, поддерживают постоянный интерес западных держав к состоянию переговоров с нашими немцами. В Лондоне Генлейн изложил английским политикам свои требования более трезво, чем дома. Поэтому Англия и Франция считают их приемлемыми для обсуждения и советуют побыстрее договориться. Правительство готовит подробное законодательное урегулирование национальных вопросов. Правительственные и судетонемецкие эксперты-юристы приступили к специальному рассмотрению генлейновских предложений и правительственного проекта. Политические переговоры представи-

телей судето-немецкой партии и премьер-министра ведутся параллельно [1]. На этой неделе будут также проходить переговоры с представителями польского и венгерского меньшинств и с немецкими социал-демократами. Для споров международного характера, которые могут возникнуть между нами и Германией, Англия рекомендовала создать смешанную следственную комиссию. Наше правительство не возражало, так как это отвечало духу нашего договора об арбитраже с Германией [2]. Это не осуществилось, так как Берлин отказался. Мы удовлетворили желание Англии допустить наблюдателей для объективного расследования внутренних инцидентов, которые могли бы подстрекать Германию к вмешательству. Задача наблюдателей заключается в том, чтобы получить от наших местных органов объективную информацию. Два наблюдателя были уже прикомандированы к английскому военному атташе.

В течение недели, которая предшествовала последнему воскресному дню выборов, Германия развязала против нас бешеную кампанию в печати и по радио. Имеющие место инциденты безгранично преувеличиваются, выдумываются случаи угнетения и преследования наших немцев, наши военные мероприятия изображаются как агрессивные планы, направленные против Германии, выдумывается опасность большевизации, которая угрожает судетским немцам и всей Европе, используются безответственные мероприятия Глинки [3] и предложения об автономии, против которых премьер-министр объявил в Братиславе решительную борьбу. Этой кампанией Берлин хочет поддержать генлейновцев и лишить нас симпатии Запада, наших соседей и союзников. Безосновательными утверждениями о том, что наши высшие органы откладывают решение вопросов о меньшинствах, оперирует немецкая пропаганда и на Западе. [...]

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 56—58.

[1] 7 июня 1938 г. представители судето-иемецкой партии передали председателю правительства ЧСР М. Годже меморандум, в котором повторялись требования, содержавшиеся в карловарской программе. Меморандум должен был стать основой июньских переговоров между чехословацким правительством и представителями судето-немецкой партии. Однако вскоре переговоры были прерваны, так как

генлейновцы постоянно повышали свои требования и искусственно вызывали новые разногласия.

[2] Подписан 16 октября 1925 г.

[3] Имеется в виду крупная демонстрация за предоставление автономии Словакии, организованная словацкой народной партией Глинки в Братиславе 4 июня 1938 г.

77. Запись телефонного разговора начальника канцелярии министра иностранных дел ЧСР с посланником ЧСР в Германии

17 июня 1938 г.

По указанию г-на министра д-ра К. Крофты 17 июня 1938 г. в 10 час. 45 мин. я позвонил посланнику д-ру Мастному и сказал следующее:

Г-ну министру Крофте в совете министров был сделан запрос относительно того, что предпринималось с нашей стороны в связи с последней речью министра Гесса[1]. Г-н министр желает знать, каково Ваше мнение, а также каким образом Вы намерены действовать в данном вопросе.

Г-н посланник Мастный ответил, что пока он ничего не предпринимал. Угрозы, содержащиеся в речи Гесса, аналогичны тем, которые высказывались перед проведением плебисцита в Австрии. Это проводится в рамках всей кампании.

Я обратил внимание г-на посланника на то, что, по мнению Праги, существует различие между выступлением заместителя рейхсканцлера и кампанией в печати. В своей речи министр Гесс заявил, что мы являемся нарушителями мира в Европе, что спокойствие не наступит, пока мы не будем устранены, и что мы не способны поддержать порядок в государстве.

Г-н посланник ответил, что он лишь вчера вечером возвратился в Берлин и в ближайшее время будет добиваться приема у статс-секретаря и, как только будет принят, сделает данный вопрос предметом беседы. Он просит лишь не сообщать в печати о каком-либо протесте с его стороны, как это однажды произошло с газетным сообщением о протесте Эйзенлора в Праге. Такое сообщение следует дать по возможности только после его беседы со статс-секретарем.

Д-р *Ина*

Печат. по арх.

[1] Выступление состоялось 12 июня 1938 г.

78. Из письма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

18 июня 1938 г.

9-го дня текущего месяца во время приема, который посол Дэвис с супругой дали перед своим отъездом из Москвы, я разговаривал с Литвиновым о Чехословакии. К нашему разговору присоединился Кулондр, что придало разговору более общий характер. Был затронут, в частности, вопрос об отношении Франции к полякам. Поскольку Литвинов в присутствии Кулондра был вынужден говорить по-французски, а вокруг стоящие гости стали прислушиваться, то мы отошли в сторону, что естественно, еще больше возбудило всеобщее внимание, в особенности присутствующих журналистов и немецких дипломатов, тем более, что разговор значительно затянулся.

Литвинов явно проявил свое согласие с более решительной позицией Франции по отношению к полякам, а Кулондр при этом ему усердно поддакивал. Литвинов упомянул также о том, что он запросил Париж, каким было бы поведение Франции, если бы Польша напала на Чехословакию, а Советский Союз предоставил бы Чехословакии свою помощь. Литвинов полагает, что тон определенной части польской печати по отношению к Чехословакии сейчас несравненно более агрессивный и что из ее высказываний можно судить о том, что Польша действительно вынашивает агрессивные планы, которые проявляются также в концентрации воинских частей на чехословацких границах. Поэтому Польше нужно дать понять, что она не может играть с огнем. Кулондр высказал мнение, что в случае нападения Польши на Чехословакию франко-польский пакт автоматически стал бы недействительным. В этой связи Кулондр снова подчеркнул стремление Парижа узнать, какой будет политика Польши в случае нападения Германии на Чехословакию.

К сожалению, до настоящего времени из Варшавы не удалось получить ничего иного, кроме абсолютно нейтрального заявления, что, конечно, недостаточно. Польша особенно будет сопротивляться проходу Советской Армии через ее территорию. На этот счет у Парижа якобы нет никаких иллюзий, так как поляки им сказали об этом еще раз и весьма категорически и снова это под-

тверждают. По каждому советскому самолету, который попытается перелететь через польскую территорию, поляки откроют огонь.

Что касается прохода через Румынию, продолжал Кулондр, то в Париже считают, что для армии эта дорога чересчур длинна и трудна. Было установлено, что коммуникации находятся в плохом состоянии. Комнен недавно, во время критических майских дней, ясно заявил германскому посланнику в Бухаресте Фабрициусу о том, что Румыния в случае европейского конфликта всегда будет на стороне Франции, и даже якобы попросил, чтобы тот поехал в Берлин и передал это заявление своему правительству. Но что касается прохода русской армии через Румынию, то по этому вопросу король Кароль остается до сих пор «intraitable» [1]. Конечно, вопрос был бы поставлен совершенно иначе в случае действительного конфликта, когда уже Франция будет проводить мобилизацию. Литвинов также скептически отнесся к возможности легкого получения согласия от румынского правительства на проход Советской Армии, имея в виду влияние Варшавы на Румынию. Он хотел бы знать, какое значение имеет визит патриарха Кристи и генерала Ионеску в Варшаву, заключено ли в действительности какое-либо военное соглашение. Литвинов указал также на трудности, которые Румыния чинит перелетам наших коммерческих самолетов, что он также объясняет нажимом Варшавы.

Хотя и было объявлено о приезде румынских посредников в Москву, но прибудут они только в конце июня. По мнению Литвинова, в данной обстановке очень важна возможность прохода советских войск через Румынию, не говоря уже о немедленной помощи авиацией. Необходимо иметь прочную связь с территорией Чехословакии. Я выразил свое согласие и добавил, что наилучшим решением был бы, конечно, проход через Польшу, но в данной ситуации необходимо постоянно иметь в виду возможность прохода через Румынию. Особенно на более позднем этапе войны, когда возникла бы необходимость задуматься об эвакуации из чешских областей (это пессимистическая гипотеза), то можно было бы продолжить войну, опираясь на Карпаты, при условии наличия связи с Советским Союзом. Я указал также на пример Бельгии и Сербии, которые и после эвакуации со всей своей территории могли продолжать участвовать в войне и в

конце концов победили. Литвинов живо со мной согласился, сославшись на заверение, которое он в свое время получил от президента Бенеша. [...]

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 449—451.

[1] — «непреклонным» *(фр.)*.

79. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР

25 июня 1938 г.

Выступая перед избирателями в Ленинграде с речью о международном положении [1], я сказал о советско-чехословацком пакте следующее: «Наши пакты с Францией и Чехословакией, помимо оказания помощи в случае войны, имеют также целью предотвращение или уменьшение самой опасности войны в определенных частях Европы. Перед лицом угрозы, нависшей теперь над Чехословакией, всему миру должно быть ясно, что советско-чехословацкий пакт эту свою функцию выполняет, что он является наиболее, если не единственно крупным фактором, разряжающим атмосферу вокруг Чехословакии. Необходимо сказать, что, обещая помощь жертве агрессии, Советское правительство не использует эту помощь в качестве средства давления на эту жертву с тем, чтобы побудить ее капитулировать перед агрессором и действовать таким образом, чтобы какая-либо помощь ей была излишней. Наша общая политика мира заставляет нас, естественно, желать, чтобы конфликты, возникающие у Чехословакии с ее соседями, разрешались мирным путем, но мы строго воздерживаемся от каких-либо непрошеных советов чехословацкому правительству, ибо мы верим в его миролюбие и считаем, что оно само является судьей в вопросах, касающихся внутреннего устройства своего государства, что оно само найдет разумные пределы уступок, совместимых с престижем, суверенитетом и независимостью государства, что в международном разрезе Чехословакия является обороняющейся стороной и что ответственность за последствия во всяком случае будет

нести сторона нападающая». Передайте это Бенешу и скажите ему, что этими словами я точно определил наше отношение к чехословацко-германскому конфликту. Скажите ему также, что для проведения этой политики нам очень важно иметь за собой общественное мнение нашей страны, на которое, однако, весьма неблагоприятно влияют такие факты, как фактическое признание чехословацким правительством Франко и другие подобные факты.

М. Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 59—60.

[1] Выступление состоялось 23 июня 1938 г.

80. Письмо посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

25 июня 1938 г.

В газете «Ордр» (умеренно правого направления) 24 июня опубликована заметка под заголовком «Неверный маневр, г-н Бенеш и подлинная опасность.— Не забывайте, что враги наших врагов — наши друзья!» В заметке, написанной якобы специальным корреспондентом (инициалы G. H.), говорится:

«Нет ничего более полезного, мудрого и разумного, чем то, что Лондон и Париж направили и продолжают направлять пражскому правительству советы об умеренности и осторожности. Необходимо, чтобы эти советы не выходили за рамки здравого смысла. Однако мы опасаемся, что гг. Бенеш и Годжа в последнее время — вероятно, под нажимом своих франко-английских друзей — предприняли некоторые неловкие шаги, которые могут в скором времени оказаться опасными. Когда чешское правительство принимает против коммунистов все необходимые меры, которые представляются целесообразными в обычное время, мы ничего не имеем против. Однако сегодня это нечто совершенно другое. Если Лондон и даже Париж посылают Праге указания такого рода, мы не колеблясь говорим им, что они глубоко ошибаются.

Сегодня нет больших патриотов, чем коммунисты, никто не борется с гитлеризмом больше, чем редакторы «Руде право» — пражской «Юманите». Чинить им препятствия и неприятности не только неразумно, но и несправ-

ведливо, в момент военной угрозы старые споры должны быть забыты. Левый фронт — правый фронт — это только лозунги, которые уже не имеют смысла. Коммунисты это поняли. Рабочие в Чехии готовы сражаться за свою страну, за свою родину. Зачем же относиться к ним строго из-за старых споров? Зачем подвергать цензуре статьи в их журналах, которые в Париже были бы опубликованы как совершенно безвредные и которые в целом призывают к мобилизации и сопротивлению возможному вторжению на их территорию, с тем чтобы не допустить того, что произошло с Австрией?

Позвольте Вам сказать, г-н Бенеш, это неверный маневр. Враги Ваших врагов — Ваши друзья. Не забывайте об этом, если Вы хотите, чтобы перед лицом гитлеровской угрозы Чехословакия была неизменно единой и могла ей противостоять».

В коммунистической «Юманите» от 25 июня Габриэль Пери в статье, озаглавленной «Совет руководителям Праги — Не трогайте «Руде право»!», разбирает тот же вопрос, что и вчерашний номер «Ордр». «Вплоть до сегодняшнего дня мы ограничивались только публикацией — без комментариев — сообщений, которые доходили до нас в этой связи из Праги. Однако сейчас необходимо говорить ясно, ибо если мы промолчим, то окажем чехословацкой демократии плохую услугу.

Существует опасность, что газета «Руде право», центральный орган Коммунистической партии Чехословакии, будет запрещена. Это ошеломляющее сообщение появилось четыре дня назад в европейской печати. Сообщение, к сожалению, соответствует действительности».

В статье затем приводятся выдержки и вся заключительная часть комментария, опубликованного в «Руде право» под заголовком «Пример Австрии — предостережение для судетских немцев». Далее «Юманите» продолжает:

«Посмотрите, что написал коммунистический журналист. Посмотрите, что по приказу г-на Чемберлена г-н Годжа запрещает публиковать в Чехословакии.

Мы решительно заявляем, что такие действия недопустимы. Необходимо, чтобы в Чехословакии знали, что с этими действиями нельзя согласиться.

Нас могут спросить: Во что вы вмешиваетесь? Разве г-н Годжа не имеет права установить в своей стране режим, который он считает наилучшим?

Мы отвечаем: Этот вопрос является нашим делом, он интересует нас. Опасность запрещения «Руде право» связана с международной политикой. Друзья Чехословакии обязаны обратить внимание чехословацких руководителей на то, что если они перейдут от угроз к действиям, то совершат ошибку с далеко идущими последствиями. Необходимо сказать прямо: Чехословакия, как, впрочем, и все остальные европейские демократии, не сможет защищаться против фашизма, если она отдалит от себя пролетариат и его наиболее беззаветно преданную часть, объединенную в Коммунистической партии. Может быть, чехословацкие руководители думают, что они смогут обеспечить оборону страны, изолировав при этом партию, которая занимает второе место в столице? Или они забыли трагический пример Австрии? Забыли о кризисе 21 мая? Почему же г-н Бенеш не вспомнит, что 21 мая именно наша партия первой призвала своих членов поддержать решение правительства? Почему же он забыл о серьезном заявлении Клемента Готвальда, которое он сделал в тот день: «Коммунисты будут в первых рядах защитников республики!»?

Именно в «Руде право» читали чехословацкие пролетарии этот документ. В «Руде право», которую вы хотите запретить,— какое же это ослепление, какая готовность к самоубийству!

Да позволят нам сказать чехословацкому правительству и представляющему его в Париже тонкому и смелому дипломату г-ну Штефану Осускому: этот вопрос касается не только его страны, он непосредственно затрагивает и нас, французов. Мы считаем независимость Чехословакии главным условием безопасности Франции.

Г-н полномочный министр, Вы, безусловно, знаете о пропаганде, которая ведется здесь против вашей страны, знаете о брошюрах, которые здесь печатаются, и о речах, которые произносятся. Вы знаете, что написал г-н Бартелеми и как гитлеровские агенты использовали в Чехословакии его нелепые высказывания. Читали Вы, разумеется, и венскую речь. Вам, безусловно, известно, что именно мы, коммунисты, стоим в первых рядах борцов против этой зловредной агитации, а за это нас удостаивают оскорблениями. Вы знаете, что именно мы познакомили французов с вашей страной и пробудили любовь к ней; что именно Морису Торезу восторженно рукоплескали тысячи рабочих, когда он говорил о славных тради-

циях вашей страны и о Яне Гусе. Все это Вам известно, и Вы, несомненно, информировали об этом свое правительство. А сказали ли Вы своему правительству: «Наши самые ревностные сторонники во Франции, которые не допустят, чтобы французское правительство не выполнило своих обязательств,— это коммунисты, французские друзья «Руде право»!»

Может быть, Вы думаете, что ваше правительство окажет добрую услугу независимости Чехословакии, возбудив гнев своих лучших защитников во Франции ради того, чтобы добиться симпатии прогермански настроенных английских лордов?

Месяц тому назад, в один из майских дней, г-н Бенеш дал мне аудиенцию на Градчанах. Я напомнил президенту республики об известной позиции Французской коммунистической партии по проблемам Центральной Европы.

Я сказал ему, что дружба, связывающая Чехословацкую республику и Францию, черпает свою силу в демократических массах.

А так часто оскорбляемый нашими фашистами президент Эдуард Бенеш, который больше, чем кто-либо другой, призван оценить важность народного движения, мне просто ответил: «Я это знаю».

Мы были бы рады, если бы он не забыл об этом!

Посягать на «Руде право» — это значит покушаться на свободу Чехословакии и на мир».

Осуский

Печат. по арх.

81. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

27 июня 1938 г.

Президент продержал меня 4 часа, подробно рассказывая о ходе событий начиная с 20 мая и о своих намерениях. Этим путем передаю только самое важное. Бенеш по-прежнему заверял, что войны не хочет, готов к ряду уступок, но ни при каких условиях не поступится абсолютно ничем, что может сколько-нибудь затронуть не только самостоятельность, но даже престиж суверенности государства. В этой связи Бенеш в исключительно доверительном порядке сообщил, что ему надоели советы анг-

личан и французов. Поэтому он недавно вызывал английского, а затем французского посланников[1] и заявил им со всей определенностью, что он может, а чего не может сделать для судетских немцев, и дал понять, что всякие советы сверх указанных им возможностей бесполезны. О переговорах с генлейновцами заверяет, что уступки будут в рамках уже существующих законов, что они не удовлетворят Генлейна, но правительство с этим считается и принудит Генлейна уважать законы. Крофта вчера прислал мне меморандум по этому вопросу, который вышлем почтой. Из внешнеполитических вопросов Бенеш особо обращает внимание на Польшу. Ссылаясь на наш запрос в Париже о том, будет ли Франция считать Польшу союзником, если СССР примет меры в случае нападения Польши на Чехословакию, Бенеш утверждал, что в связи с нашим запросом между Францией и Польшей завязался и продолжается разговор для уточнения взаимных обязательств. Франция требует ясности. При этом Бенеш в исключительно определенной форме заверил, что для Франции больше нет и не может быть вопроса об изменении взаимоотношений с СССР и еще меньше о замене Москвы Варшавой. Наоборот, франко-польские разговоры, по мнению Бенеша, могут дать результат только в двух направлениях: либо Варшава признает своей обязанностью в случае нападения на Чехословакию помогать ей вместе с Парижем и Москвой, либо она сама будет нейтральной, но разрешит проход Красной Армии по своей территории. Сейчас еще нет, но в недалеком будущем может создаться обстановка для какой-нибудь новой инициативы в духе Восточного пакта или иного коллективного договора о безопасности. Бенеш думает так, исходя из уверенности, что не только Польша, но и вся Европа, включая Англию, получила респект перед предупреждающим войну действием франко-советско-чехословацкого договора о взаимной помощи. Речью наркома Литвинова в Ленинграде Бенеш очень доволен, особенно в части, прямо касающейся договора с Чехословакией.

Александровский

Печат. по арх.

[1] Очевидно, имеются в виду беседы президента ЧСР Э. Бенеша с французским посланником В. де Лакруа и английским посланником Б. Ньютоном соответственно 8 и 11 июня 1938 г., во время которых

президент информировал их о ходе переговоров чехословацкого правительства с представителями судето-немецкой партии и указал на неприемлемость некоторых их требований. Бенеш назвал нереальным, в частности, требование генлейновцев о создании органа самоуправления (фолькстага), в котором были бы представлены только немцы, живущие в любом месте республики, и никакие другие национальности. Далее президент выразил свое несогласие с мнением, существовавшим в Париже и особенно в Лондоне, будто чехословацкое правительство и, в частности, он, Бенеш, намеренно затягивают решение судетского вопроса.

82. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

15 июля 1938 г.

Сегодня посетил английского посла, возвратившегося вчера после недельного пребывания в Лондоне. Беседа не дала ничего существенно нового. Как и прежде, посол призывает к ускорению переговоров с генлейновцами и обращает внимание на опасность политики затягивания, тем более что, согласно последним сообщениям, полученным им из Праги, в переговорах возникли трудности. Я не мог заверить его в обратном, но указывал, что кампания в германской прессе сама затруднила ход переговоров. Я обратил также его внимание на новые тревожные сообщения о намерениях Германии, в частности о планах экстремистов из СС и СА. Гендерсон по-прежнему считает, что Германия недостаточно подготовлена и не собирается нападать, однако она может пойти на такой риск, если переговоры провалятся и если судетские немцы вызовут в Чехословакии серьезный кровавый инцидент. Гендерсон настойчиво подчеркивал, что в случае конфликта французы своими действиями, которые, как он предполагает, будут предприняты, не смогут оказать Чехословакии действенной помощи. Он указал на огромную силу и организацию германской армии, которая свалит Чехословакию раньше, чем можно будет подумать о действительной помощи.

При этом он отмечает, что, несмотря на все те большие симпатии, которые Англия питает к Чехословакии, нельзя рассчитывать на ее прямое участие в случае возникновения конфликта.

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 152–153.

83. Из письма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

21 июля 1938 г.

[...] Решением совета министров от 1 апреля с. г. была упразднена чехословацкая миссия в Вене. Германская печать сопроводила этот факт, так же как и факт упразднения французского и английского посольств, примечанием, что это является признанием фактического положения и что формального признания аншлюса de jure этими государствами нельзя было ожидать, так как они объявляли себя гарантами независимости Австрии.

Если в истекший период Чехословакия находилась в центре внимания всего мира, то тем более она была объектом немецких нападок. В связи с судето-немецким вопросом Германия развязала кампанию, которая по своим масштабам, тону и продолжительности превзошла все, что до сих пор встречалось в этой области. От предвзятых аргументов давно минувших времен до раздувания инцидентов и самых незначительных случаев в кабачках — все использовала германская пропаганда для распространения утверждений, что Чехословакия, которой с помощью силы правит чешское меньшинство, существует незаконно и является главным источником угрозы всеобщему миру. Кампания служит образцом практического осуществления положений главы 6 «Mein Kampf» о пропаганде.

В этой кампании принимали участие не только вся германская печать и находящаяся под влиянием Германии иностранная печать, в ней участвовали также официальные лица рейха. Наиболее значительными выступлениями были: речь Геринга 1 мая, речь заместителя фюрера министра Гесса 12 июня в Штеттине, в которой Чехословакию, «источник опасности», предупреждали, а над Англией, как «ангелом мира», иронизировали. Однако в целом эта речь была своего рода сигналом к отбою после наибольшего напряжения.

В речи в Краловце 18 июня министр д-р Геббельс в связи с судето-немецким вопросом заявил, что нельзя допустить, чтобы постоянно провоцировали 75-миллионный народ; он предостерег также определенные круги за границей, чтобы они не поощряли Прагу, а призвали ее к порядку.

Министр д-р Фрик угрожал (также в Краловце) применить более суровые средства, если не помогут письменные протесты против чехословацких оплошностей, имея при этом в виду главным образом будто бы имевший место пролет чехословацкого самолета над вокзалом Лам.

Д-р Геббельс не забыл даже в своей речи 21 июня, в день солнцестояния, направленной против евреев, указать на притеснения «3,5 миллиона» и заявить, что нельзя постоянно делить один народ на части.

Наиболее дикий разгул кампании приходится на время осуществления Чехословакией военных мероприятий, которые здесь осуждают как мобилизацию и которые были вызваны угрожающими передвижениями германских воинских частей и напряженностью в судето-немецких районах республики. Эти передвижения были предметом демарша английского и французского послов в Берлине 20 мая, во время которого угрозы в адрес Чехословакии были высказаны самим министром иностранных дел. Они прозвучали и во время состоявшегося в тот же день визита чехословацкого посланника.

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх.

84. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланнику ЧСР во Франции

21 июля 1938 г.

Лондон через Ньютона предложил направить к нам лицо, не зависящее от английского правительства, чтобы оно рассмотрело наш спор с генлейновцами и в случае необходимости было посредником [1]. Об этом предложении можно было бы подумать, оговорив при этом, что это будет не арбитр, а только дружественный советник. Но прежде чем мы решим обратиться к Лондону с просьбой направить такого советника, мы хотим знать мнение французского правительства. Попытайтесь его узнать как можно скорее, так как Лондон требует быстрого ответа. Разумеется, Лондон, а также и мы желаем сохранить все в полной тайне [2].

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 61.

[1] Предложение было передано 20 июля 1938 г.

[2] 23 июля 1938 г. министр иностранных дел Франции Ж. Бонне ответил положительно на вопрос посланника Чехословакии во Франции Ш. Осуского, должно ли чехословацкое правительство принять английское предложение.

85. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

22 июля 1938 г.

[...] Начиная со вторника германское посольство в Париже и его каналы распространяют сообщения о том, что Германия готова вести переговоры с Францией и Англией и договориться с ними, но в чехословацком вопросе Гитлер не пойдет ни на какие уступки. Поскольку таким образом Чехословакию представляют в качестве препятствия на пути этой новой германской инициативы, то не только во французской и английской печати, но и во французских политических кругах с вечера среды начинают вновь проявляться античехословацкие настроения. Я не скрываю своей уверенности, что, когда Германия твердо убедится в том, что ее предположения относительно Франции и Англии не осуществились, она будет искать выход и из своей политики в отношении Чехословакии. Когда затем она перенесет свою политику относительно Чехословакии в область отношений с Англией и Францией, то это будет иметь, с одной стороны, положительные, а с другой стороны — отрицательные моменты. Если бы чехословацкое правительство уже разрешило судетский вопрос, то перенесение чехословацко-германских отношений в область международной политики было бы только выгодно. Однако, поскольку этот вопрос в Чехословакии пока не разрешен, существует опасность, и, я бы сказал, совершенно очевидная, что урегулирование взаимоотношений внутри Чехословакии станет объектом компенсационной торговли в переговорах Германии с Англией и Францией. Англичане и французы, поскольку они поддерживали и защищали нас, будут присваивать себе право рекомендовать нам, как мы в Чехословакии должны решить этот вопрос. Вот почему следует ожидать, что нажим Англии и Франции на Чехословакию будет становиться тем более сильным и значительным, чем решительнее Германия будет ставить урегулирование судетского вопроса условием возвращения Германии к

политике переговоров с Францией и Англией. Вот почему я считаю, что для чехословацкой дипломатии и политики наступают трудные времена.

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 158—159.

86. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланнику ЧСР в Великобритании

26 июля 1938 г.

Сегодня вечером после совещания Бонне и Леже сказали, что было бы ошибкой, если бы Чехословакия не приняла английского предложения[1] или приняла бы его в форме, которую можно было бы толковать как уклончивую. Поэтому они советуют, чтобы Прага не ставила никаких условий, а указала пункты, по которым она не согласна с судетскими немцами. Они считают, что это является самым действенным средством избежать маневра с плебисцитом[2] и исключить Германию из спора. Леже считает принятие английского предложения столь выгодным, что опасается, как бы Германия не испортила все дело. Поэтому якобы мы не должны давать ей ни возможности, ни предлога. Осуский просил, чтобы Франция потребовала от Англии информировать ее о деятельности Ренсимена и чтобы последний не высказывался окончательно, предварительно не поставив об этом в известность Францию. Добавляю, что, согласно информации Бонне, мысль о нейтрализации Чехословакии исходит от Невиля Гендерсона. Бонне даст указание Корбену просить Галифакса, чтобы он оставил в покое эту идею и не осложнял бы дело.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 62—63.

[1] Имеется в виду предложение о направлении в Чехословакию миссии Ренсимена.

[2] Плебисцит в Судетской области по вопросу о том, останется ли эта область частью территории ЧСР или присоединится к Германии, был одним из средств нажима британского правительства на чехословацкое правительство при решении судетского вопроса. Осуществление плебисцита фактически означало бы отторжение от ЧСР

пограничных районов, так как голосование проходило бы в условиях запугивания и жестокого террора со стороны профашистски настроенного немецкого населения, руководимого судето-немецкой партией, в отношении чехов и демократически настроенных немцев.

87. Из письма полномочного представителя СССР во Франции народному комиссару иностранных дел СССР

27 июля 1938 г.

[...] В гораздо большей степени, чем испанская, чехословацкая проблема в глазах французов является неотъемлемой частью общеевропейской проблемы и, в частности, важнейшей для Франции проблемы ее взаимоотношений с Германией. Французские политические деятели прекрасно понимают, что в Чехословакии решаются сейчас судьбы послеверсальского передела мира. Они отдают себе отчет, что отпадение к Германии Судетской области и расчленение Чехословакии обеспечат за Германией захват решающих стратегических позиций при будущей войне и гегемонное положение во всей Центральной Европе. На этот счет расхождений здесь нет. Но расхождения начинаются с момента, когда ставятся практические вопросы о том, как и какими средствами отбиться от этой угрозы. Огромное большинство французов сходятся на том, что теперешняя Франция, при ее уровне вооружений и промышленности, с ее низким потенциалом населения, уже не способна выдержать единоборство с гитлеровской Германией и не сможет сама, без помощи со стороны, помешать движению германской лавины на Чехословакию. Отсюда и поиски союзников, и здесь-то и источник всех расхождений. Нормальная и простая логика как будто подсказывает (на такой точке зрения и стоят «советофилы» от коммунистов до Рейно), что таким естественным союзником является, в первую очередь, СССР. СССР, говорил Рейно, «располагает тем, чего нет у Англии и что особенно понадобится при войне с Германией,— мощной сухопутной армией». СССР, по признанию самого генштаба, обладает одной из самых сильных, если не самой сильной, авиацией в мире. И тем не менее — и это факт бесспорный — теперешнее правительство меньше всего свою чехословацкую политику строит в расчете на помощь СССР. Ни одно решение, ко-

торое до сих пор принималось по чехословацкому вопросу (будь то в Лондоне или Париже), ни разу с нами предварительно не обсуждалось и не согласовывалось и доводилось до нашего сведения (и то не всегда) лишь постфактум. Несмотря на наличие советско-французского пакта, на наличие параллельных пактов с Чехословакией, взаимно между собой связанных и друг друга дополняющих, руководители французской внешней политики ни разу по-серьезному (если не считать обрывочных разговоров Бонне) не предложили приступить к совместному и практическому обсуждению вопроса, вытекающего из наших пактов.

Упреки наших друзей (которые предпринимаются, конечно, без всякого воздействия с нашей стороны) Даладье обычно отводит аргументами самого разнообразного характера применительно к собеседнику и в зависимости от того, к какому лагерю последний принадлежит. Если упреки исходят от коммуниста, то Даладье имеет смелость заявить, что помощь со стороны СССР настолько бесспорна, что дипломатии здесь вообще нечего делать. «Нам незачем стучаться и в без того открытую дверь». По совершенно иному и гораздо более правдиво он свою тактику игнорирования СССР (он это, впрочем, отрицает, а говорит обычно об «осторожности») излагает наседающим на него членам его собственного кабинета. В центре всех его объяснений неизменно первое место, почти всегда, занимает Англия. Англичане не возражают против пакта с СССР, никогда не предпринимали попыток его торпедировать («да и он, Даладье, это и не позволил бы»), но они неоднократно высказывали предположение, что афиширование пакта может затруднить их мирную акцию и т. д. Почти все мои собеседники меня заверяли, что сам Даладье очень трезво расценивает силы СССР, при случае старается это привить и англичанам, но что при всем том он советскую помощь все же, в силу отсутствия общей границы и т. д., считает «журавлем в небе», ради которого боится упустить «английскую синицу». Мандель и Рейно, которые собираются, как я Вам уже телеграфировал, дать бой по этому вопросу в кабинете, внушали мне, что стоит нам дать понять Даладье, что он рискует потерять нашу дружбу, как он «прибежит к вам на четвереньках».

Бесспорно, однако, одно. Сейчас Даладье как с единственно реальным союзником считается только с одной

Англией. Он исходит из того, что Англия близка, под рукой, что она до сих пор пользуется ореолом сильнейшей страны в мире, обладает несметными ресурсами, а главное, внушает немцам уважение и страх. Такая оценка, впрочем, разделяется огромным большинством французских государственных деятелей, и недаром сотрудничество с Англией является наиболее стабильным и наиболее устойчивым элементом во всей системе французской внешней политики последнего времени. Сменявшие друг друга кабинеты в центре своей внешней политики неизменно ставили сотрудничество с Англией. Блюм приписывает себе заслугу первородства этой дружбы. Даладье — что ему удалось эту дружбу еще более укрепить и придать ей характер военного сотрудничества.

Второй своей заслугой Даладье считал (не знаю, считает ли и сейчас), что он «отвоевал Англию для Чехословакии». Так он и Бонне, по крайней мере, изображали результаты своего лондонского визита. Они оба говорили, что лондонские апрельские решения кладут конец спекуляциям Берлина «незаинтересованностью» Англии в Чехословакии. В лондонском соглашении и в предусмотренной им процедуре они главный акцент ставили на тех заявлениях, которые англичане собираются сделать в Берлине, и намеренно обходили (багателизировали) предстоящие совместные демарши в Праге. Я далек от того, чтобы совершенно отрицать значение английских демаршей в Берлине. Для меня нет сомнения, что наряду с мобилизацией чешской армии (что сыграло, конечно, главную роль), наряду с учетом союзных договоров, имеющихся у Чехословакии, отрезвляющее воздействие на немцев в майские дни, несомненно, сыграли и английские представления, и англо-французское сотрудничество. Но уже вскоре стали все явственнее и явственнее выступать отрицательные для чехов стороны этого сотрудничества. Англия включилась в «общий фронт», несомненно, для того, чтобы помешать войне между Германией и Чехословакией. Здесь она была вполне искренней, но Англия меньше всего была расположена не только воевать за Чехословакию (такого «расположения» нет и у Франции), но и бороться против требований, предъявляемых судетами к чехам. Весь тактический план англичан и был построен на том, чтобы добиться у Праги мирным путем того, чего Гитлер добивается силой. Англичане полно-

стью разделяли взгляд немцев на Чехословакию как на «искусственное новообразование», сложившееся в послеверсальский период при совершенно иной расстановке сил, рассматривали судетов не как «меньшинство», а как отдельную нацию, искусственно вкрапленную в чужое государство. Неудивительно поэтому, что и англичане не признавали достаточными те уступки, на которые все время соглашался Бенеш, и толкали его (в несколько завуалированной, правда, форме) к предоставлению судетам политической автономии. Так далеко французы не могли, не порвав со своими собственнымн интересами, следовать за англичанами. И они добивались от Бенеша крайних уступок, но все же боялись переступить границу, которая отделяет уступки от полной капитуляции.

На этой почве и начались июньские разногласия между французами и англичанами, нашедшие свое отражение в переписке между Чемберленом и Даладье[1]. От немцев, конечно, все это не укрылось, и тогда-то, вероятно, и оживились н «путчистские» настроения, разжигавшиеся экстремистами типа Гиммлера, к которым, по всем данным, примкнул и Геринг. Наряду с отчаянной свистопляской в печати против чехов предприняты были и подозрительные мероприятия на границе. Не исключено, что все это проделывалось намеренно, чтобы увеличить панику в Париже и усилить давление на него и Прагу со стороны Лондона.

В пользу второго предположения говорит и то паломничество, которое было предпринято немцами и судетами в Лондон, где искусно прививалась мысль, что вину за неурегулированность и затягивание кризиса несут чехи, и где требования судетов намеренно притушевывались и подносились английской общественности в значительно смягченном виде. К моменту приезда в Париж Галифакса[2] основные черты нового англо-французского компромисса по чехословацкому вопросу уже были намечены. Было уже решено вновь и торжественно подтвердить, что апрельское соглашение остается в силе. Это позволило Даладье выступить со своей известной декларацией[3]. Уже в этой декларации отразились и заигрывания, которые начались с Берлином (пассаж о миролюбии Гитлера). Но только в Париже, при последних переговорах с Галифаксом, с особой отчетливостью и яркостью выступили контуры всего нового английского плана и кор-

ни, тянущиеся от него к Берлину. Если подытожить результаты парижских разговоров по этому вопросу, то они могут быть сведены к следующим положениям:

1. Галифакс обязался повторить свой «нажим» на Берлин.

2. Галифакс настоял, чтобы Прага воздержалась от проведения через парламент статута о немецких меньшинствах до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение с генлейновцами.

3. Чтобы «облегчить» это соглашение, Галифакс навязал Праге «советчика» и арбитра в лице Ренсимена [4].

4. Галифакс обещал никаких шагов без предварительного и взаимного соглашения с Парижем не предпринимать.

5. На случай неудачи соглашения между Прагой и генлейновцами Галифакс держит про запас свой план «нейтрализации» [5].

Сопоставляя все эти решения с проникшими сведениями о визите Видемана к Галифаксу [6] и последующим свиданием Дирксена с Чемберленом [7], не трудно установить, что все парижские решения прошли под знаком удовлетворения желаний Берлина. Совет Праге не вносить статута национальностей в парламент до тех пор, пока не будет достигнуто соглашение, равносильный приказу во что бы то ни стало и любой ценой договориться с судетами, был прямо подсказан Видеманом. Нет никакого сомнения, что и посылка англичанами посредника явилась результатом такой же договоренности с Берлином. [...]

С товарищеским приветом

Я. Сурц

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 396—400.

[1] Обмен письмами состоялся 18 июля 1938 г.

[2] Министр иностранных дел Великобритании Э. Галифакс находился в Париже с 19 по 27 июля 1938 г. в составе лиц, сопровождавших короля Великобритании Георга VI.

[3] 12 июля 1938 г. премьер-министр Франции Э. Даладье заявил, что французские союзнические обязательства в отношении ЧСР «непоколебимы и священны». Однако уже 17 июля правительство Франции выступило с заявлением о том, что вопрос о национальных меньшинствах должен быть решен, и потребовало фактически принятия всех претензий Генлейна. При этом оно подчеркнуло, что если Чехословакия не пойдет на эти уступки, то Франция должна будет пересмотреть свою политику в отношении ее.

[4] 25 июля 1938 г. чехословацкое правительство приняло английское предложение о назначении «независимого посредника» в переговорах с представителями судето-немецкой партии (см. док. № 84). Таким посредником был назначен лорд Ренсимен.

[5] Стремясь добиться отмены договоров о взаимопомощи, заключенных ЧСР с Францией и СССР, Галифакс 25 мая 1938 г. предложил английскому правительству идею создания из ЧСР нейтрального государства по типу Швейцарии. Тем самым союзнические договоры автоматически прекратили бы свое действие.

[6] В июле 1938 г. в Лоидон с секретной миссией приезжал адъютант Гитлера капитан Ф. Видеман. 18 июля состоялась его встреча с Галифаксом.

[7] Беседа между премьер-министром Великобритании Н. Чемберлеином и германским послом в Лондоне Г. Дирксеном состоялась 22 июля 1938 г. Чемберлен заявил, что английское правительство готовит планы, которые удовлетворят Германию в случае, если переговоры чехословацкого правительства с судето-немецкой партией о статуте национальных меньшинств окажутся безрезультатными.

88. Запись беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с начальником канцелярии министра иностранных дел ЧСР

28 июля 1938 г.

Я зашел к Ине поздравить его с новым чином посланника. Разговор сразу перешел на злобу дня — предстоящий приезд лорда Ренсимена. Ина повторил всю аргументацию, известную мне из разговора с Крофтой. Более свободно, чем Крофта, Ина говорил о том, что этот шаг будет иметь для Чехословакии исключительно тяжелые последствия. Ина не сомневается в том, что Ренсимен будет советовать дать автономию и вообще стараться организовать своими советами фактическую, но бескровную капитуляцию Чехословакии перед Германией. На мой вопрос о цели Ина прямо сказал, что у него есть основание подозревать Англию в стараниях снова создать нечто похожее на то, что предполагалось сделать путем заключения «пакта четырех». Ина считает, что не только в Париже, но и раньше, в связи с обменом письмами Даладье — Чемберлен, уже говорилось о воскрешении «пакта четырех». Этой задаче служит английская настойчивость улучшить взаимоотношения с Италией. Франция оказывает весьма слабое сопротивление даже в вопросе о добровольцах в Испании. Англия, видимо, соглашается не вводить в действие джентльмен-агримент до начала отвода добровольцев из Испании, но вместе с тем, видимо, не склонна дожидаться, пока Франция тоже договорится с Италией. Перед лицом такой угрозы ны-

нешнее французское правительство может легко сдать ряд позиций и оказаться втянутым в сферу практических разговоров о «пакте четырех». С другой стороны, Англия рассчитывает «пактом четырех» «надеть ярмо на шею Германии» в том смысле, что рассчитывает на роль арбитра в рамках «пакта четырех» и по германским притязаниям. Ей важно, чтобы Германия еще некоторое время молчала о колониях. Но для этого надо чем-то заплатить Германии в Европе. Чехословакия будет такой разменной монетой.

Ина дальше подтвердил, что у чехословацкого правительства имеются уступки по судетскому вопросу, на которые оно теперь будет наталкивать Ренсимена. Сюда относятся: дальнейшее расширение прав немцев по языковому закону, уступки по нацменьшинственному статуту в бюджетно-финансовой области и увеличение процентных норм нацменьшинств в снемах и некоторые другие.

Дальше разговор коснулся фактического положения в Судетской области и поведения генлейновцев, терроризирующих демократические слои населения. Я позволил себе рассказать известные мне вопиющие случаи генлейновского террора и покритиковать линию поведения министерства внутренних дел. Ина знает и понимает все это, но разводит руками. Роль аграриев ясна каждому, но в нынешней обстановке нет совершенно никакой возможности рисковать еще и внутренними передрягами в коалиции. И без того закулисная борьба и внутриправительственные взаимоотношения достигли высокой степени напряжения. Тем не менее Ина остается оптимистом, ибо делает безоговорочную ставку на Бенеша, в которого верит.

С. Александровский,
Полпред СССР в Чехословакии

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 405—406.

89. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР

2 августа 1938 г.

Получил некоторые дополнительные сведения относительно миссии Ренсимена. Выдвинув свой проект посылки Ренсимена, англичане просили французское прави-

тельство воздействовать на Прагу. Когда Бонне имел по этому поводу разговор с Осуским, то последний по поручению Праги задал вопрос, предупредив, что от ответа на него зависит и позиция Праги. Он спросил, ограничивается ли заинтересованность Франции в чехословацких делах лишь наличием договора о взаимопомощи, или Франция признает, что Чехословакия и ее судьба непосредственно задевают политические и военные интересы самой Франции. Когда Бонне заверил в последнем, то Осуский потребовал, чтобы в своем ответе Лондону Бонне отметил те лимиты уступок, за границу которых, и по мнению Франции, Прага не может и не должна переходить, а именно:

1. Должна быть сохранена территориальная целостность Чехословакии.

2. Ее внешняя политическая свобода и независимость (нерушимость ее договоров).

3. Не должна быть ослаблена ее оборона (неприкосновенность армии).

В ноте от 26 июля Бонне все это и сформулировал, «резервировав, таким образом, свободу действий Франции». По требованию Праги в той же ноте был «окончательно и официально» отвергнут и проект о нейтрализации. Прага на этом настаивала; там справедливо опасались, что в случае неудачи миссии Ренсимена Лондон может вернуться к этому проекту. Как мне далее удалось выяснить, предложения о созыве конференции четырех держав по чехословацкому вопросу до сих пор не делалось, но в совете министров принято решение: в случае его поступления ответить отказом.

Сурiц

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 414—415.

90. Заявление депутатов КПЧ в Национальном собрании ЧСР

2 августа 1938 г.

В эти дни народ Чехословакии очень обеспокоен, наблюдая попытки дать возможность вмешиваться во внутренние дела Чехословакии некоторым великим державам, оказывающим нажим на проведение мероприятий,

которые серьезно затронули бы суверенитет и целостность республики.

Народ Чехословакии хочет мира. Но он отвергает утверждения о том, будто бы угроза европейскому миру создалась из-за неуступчивости Чехословакии в решении национальной проблемы. Угроза миру в Европе возникла не из-за нерешенности национального вопроса в Чехословакии, а из-за действий фашистских агрессоров и их планов овладения Чехословакией, Придунайской областью и Балканами.

Как никто не верит тому, что японские агрессоры вторглись в Китай для того, чтобы «навязать ему мир», как любому известно, что иностранные интервенты в Испании заинтересованы в природных богатствах и захвате стратегически важных областей Испании, так и в отношении Чехословакии разговоры о национальной проблеме являются только прикрытием истинных захватнических пангерманских планов.

Все, кто утверждает, что хотят в интересах мира своими советами и нажимом воздействовать на Чехословакию, должны были бы произвести нажим там, где действительно существует очаг опасности,— в местонахождении фашистских военных агрессоров.

Чешский и словацкий народы решат свои отношения с другими [населяющими страну] народами сами, они достигнут дружественного сосуществования с ними лучше всего тем, что будут осуществлены справедливые языковые, культурные, экономические и социальные требования этих народов. Огромное большинство народов Чехословакии выступает против того, чтобы генлейновская агентура германского фашизма была допущена к власти. Выполнение требований, содержащихся в меморандуме генлейновской партии, означало бы растерзание республики на части, признание господства германского фашизма над Чехословакией, конец ее самостоятельности.

Народ Чехословакии, который 21 мая не позволил запугать себя открытыми военными угрозами, не подчинится и теперь нажиму и проведению таких мероприятий, которые в нынешней обстановке дали бы фашистскому агрессору и его агентам возможность осуществления их агрессивных планов.

Мы предостерегаем от любых переговоров о так называемой нейтрализации Чехословакии, которая означа-

ла бы отказ от друзей и сдачу на милость и немилость врагов. Точно так же мы предостерегаем от стремлений заключить «пакт четырех», который означал бы решение наших внутренних дел без нашего участия, диктат четырех великих держав, в том числе Италии и Германии, и отстранение СССР.

Чехословакия является самостоятельным государством, и только ее народ имеет право решать судьбу своей страны. Он не подчинится ни шантажу и нажиму со стороны агрессора, ни унизительным советам, от кого бы они ни исходили.

Мы знаем, что эту нашу точку зрения полностью понимают широкие демократические массы за границей, в особенности народы Франции и Англии. Мы благодарны за весомые выступления на международной арене, которые за последние недели оказали поддержку справедливому делу Чехословакии, в последний раз — на большом конгрессе РУП, международной организации в защиту мира в Париже.

Мы одобряем последнее выступление министра иностранных дел СССР Литвинова [1], которое подтверждает, что наш самый сильный и самый надежный союзник не хочет вмешиваться и давать нам советы по вопросам, касающимся как решения национальной проблемы, так и любого другого нашего внутреннего вопроса.

Чехословакия не является колонией или доминионом какой-либо великой державы, а направление посредников, которые должны вести переговоры с генлейновскими государственными изменниками как с равноправным партнером правительства, подрывает только авторитет правительства и усиливает неуступчивость ирредентистских элементов.

Издание генлейновской партией брошюры [2], объявляющей предложения правительства совершенно недостаточными, а также письмо депутата Кундта председателю правительства, в котором поставлен вопрос, являются ли после приезда лорда Ренсимена действительными предложения правительства,— все это свидетельствует о том, что генлейновская партия чувствует поддержку своим притязаниям и полагает, что наступила благоприятная обстановка для того, чтобы достигнуть выполнения своих далеко идущих требований.

Народ Чехословакии хочет, чтобы правительство не нарушало суверенитета и целостности республики, не

делало никаких уступок, которые были бы использованы фашистскими ирредентистами для внутреннего разложения и захвата республики.

Политика правительства не должна ослаблять боевой решимости народа защищать республику. Народ не допустит, чтобы в правительство вошли чехословацкие зейсинкварты.

Решительное выступление Чехословакии 21 мая укрепило ее независимость, оказало большую услугу делу мира, вынудило уже перешедшего в атаку агрессора к отступлению.

К сожалению, после 21 мая был упущен благоприятный момент, когда следовало действовать решительно, дать народным массам нечешских национальностей самые широкие права, совместимые с целостностью республики, и одновременно решительно покончить с террором и изменническими действиями ирредентистских подстрекателей.

В этот серьезный момент мы вновь повторяем наш призыв от 21 мая. Сейчас необходимо полное и нераздельное единство всех тех, кто верен делу защиты республики, необходимо единство чехов и словаков, а также немецких, венгерских, польских демократических слоев, всего народа Закарпатья, которым так же, как и чехам и словакам, угрожает агрессия фашизма.

Народ Чехословакии, готовый ко всем жертвам во имя защиты республики, будет начеку, чтобы защищать мир, суверенитет, целостность и демократический характер республики.

И впредь для нас действителен лозунг «Не сдадимся, будем защищаться во что бы то ни было!».

Печат. по сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 469—470.

[1] См. док. № 79.

[2] Была издана после состоявшихся 27—31 июля 1938 г. переговоров лидеров судето-немецкой партии с Гитлером; в брошюре был отвергнут проект статута национальных меньшинств, предложенный чехословацким правительством.

91. Письмо посланника ЧСР в Германии министру иностранных дел ЧСР

4 августа 1938 г.

Глубокоуважаемый господин министр!

Сообщения о пересечении чехословацкими самолетами границ Германии в районе Кладска в день приезда лорда Ренсимена в Прагу вновь вызвали здесь в печати и радио самые резкие выпады против нас, которые создают атмосферу беспокойства также в дипломатическом корпусе. «Brandstifter am Werk»[1] — так называется передовая в сегодняшнем номере «Фелькишер беобахтер», а издаваемая в Эссене «Национал цайтунг», являющаяся органом Геринга, угрожает, что «Германия не позволит Чехословакии продолжать серию провокаций». Эта газета усматривает в новом факте пересечения германских границ доказательство того, что у нас имеются «безответственные шовинисты, действующие без ведома правительства». Очевидно, что любой даже самый незначительный инцидент в Чехословакии будет здесь безжалостно использован против нас и весьма серьезно накалит настроение общественности как раз во время пребывания в Праге лорда Ренсимена.

Сегодня из надежного источника мне стало известно следующее. В военных кругах Геринг недавно говорил, что при аншлюсе Австрии Германия упустила возможность присоединить и судетскую территорию. В то время западные державы и пальцем бы не шевельнули. Однако Германия не может ждать, пока вооружится Англия, и по возможности воспользуется первым же случаем для «решения» чехословацкого вопроса. Но фюрер уже убедился в том, якобы продолжал Геринг, что теперь мало присоединения и судетской территории для того, чтобы в Центральной Европе наступило спокойствие. Его планы идут гораздо дальше. Если Германия будет располагать 3000 самолетов, а это произойдет осенью, она пройдет через Чехословакию и Венгрию к Черному морю. Геринг будто бы намекнул, что война может начаться приблизительно в первой половине октября и что западные державы не рискнут вести зимнюю войну.

Считаю своим долгом сообщить Вам, господин министр, об этих высказываниях Геринга, поскольку они соответствуют здешнему общему настроению, и ссылаюсь на свою политическую информацию о беседе с француз-

ским послом Франсуа-Понсе. Следует, пожалуй, добавить, что право принятия всех окончательных решений оставляет за собой фюрер.

Выражаю искреннее уважение и сердечно приветствую Вас, глубокоуважаемый господин министр.

Преданный Вам

д-р *Мастный*

Печат. по арх.

[1] — «Поджигатели за работой» *(нем.)*.

92. Призыв и клятва участников манифестации в г. Немецки Брод [1]

7 августа 1938 г.

Призыв и клятва

участников манифестации трудящихся с Чешско-Моравского плоскогорья, состоявшейся 7 августа 1938 г. на площади в г. Немецки Брод:

Мы полностью осознаем серьезность нынешнего периода, понимаем, что для республики наступил решающий момент. Мы знаем, что над нами нависла угроза, что речь идет о независимости и целостности ЧСР.

Мы желаем мира. Однако мы отвергаем утверждения, будто мир в Европе оказался под угрозой в результате неуступчивости Чехословакии в решении национальной проблемы. Миру угрожают фашистские агрессоры, их планы захвата Чехословакии, бассейна Дуная и Балкан.

Мы, участники манифестации, требуем, чтобы правительство не уступало ни в чем, что касается суверенитета и целостности республики, не шло ни на какие уступки, которые могли бы быть использованы фашистскими ирредентистами лишь для внутреннего разложения и захвата республики.

В этот серьезный момент мы вновь повторяем свой призыв: необходимо полное единство всех без исключения, кто верен делу защиты республики, делу единства чехов и словаков, так же как и демократических слоев немцев, венгров, поляков, всех народов Закарпатской Украины, для которых фашистская агрессия представляет собой такую же угрозу, как для чехов и словаков.

Поэтому мы призываем: «Единым фронтом встанем на защиту республики!»

Мы, участники манифестации, заявляем: мы хотим и готовы защищать демократию и республику, мы полны решимости принести любые жертвы во имя защиты республики, мы по-прежнему будем на страже ради сохранения мира, суверенитета, целостности и демократического характера республики.

Наш лозунг: Не сдадимся, будем защищаться, что бы ни случилось!

Мы твердо убеждены, что бок о бок с нашими союзниками — французской армией и Красной Армией Советского Союза, опираясь на демократические силы всего мира, мы отразим нападение. Мы уверены, что республика не падет! Республика выстоит! Республика победит!

Через Чешско-Моравское плоскогорье враг не пройдет. Об этом мы позаботимся и в этом торжественно клянемся:

КЛЯНЕМСЯ

Печат. по арх.

[1] Документ был направлен президенту ЧСР Э. Бенешу областным секретариатом КПЧ в г. Немецки Брод.

93. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с президентом ЧСР

16 августа 1938 г.

[...] Затем Бенеш спрашивал меня, что я думаю о международном положении Чехословакии. Я осторожно ответил, что жду информации об этом от Бенеша, потому что с момента обострения положения решать возникающие проблемы взялись Англия и Франция без нашего участия, полностью игнорируя нас даже в смысле информации. Бенеш быстро реагировал на это репликой, что СССР фактически один из главных участников в решении европейских вопросов, но что тактически было только выгодно для всех и для самого СССР не выдвигаться в данной обстановке на передний план. Бенеш спрашивал, что я думаю об этом. Я ответил, что Бенеш прав в том смысле, что борьба против постепенной ликвидации послевоенных мирных договоров является в первую очередь, конечно, делом созидателей системы этих договоров, и главным образом Англии и Франции. Мы не являемся участниками этих договоров и непосредственно в них не заинтересованы. Однако мы заинтересованы в

сохранении мира и не раз доказывали, что готовы сотрудничать для этой цели. Но если нашего сотрудничества не ищут, то мы и не навязываемся. Бенеш несколько забеспокоился и заговорил о том, что заинтересованность СССР и его право на участие в решении вопросов европейского мира никем не подвергается сомнению. Чехословакия во всех своих действиях исходит из предпосылки именно такого участия СССР в делах Европы и ни разу не отступила от этого принципиального положения, потому что она знает, какую роль играет для нее СССР и какую роль может сыграть Чехословакия для СССР. Я успокоил Бенеша тем, что прямо сказал, что мы, понятно, заинтересованы в сохранении независимости Чехословакии и в противодействии завоевательным планам какой бы то ни было державы в Европе. В силу нашего понимания целей и задач борьбы с ростом агрессии мы, понятно, не остаемся в стороне от каждого события в Европе. Думаю, что мы уже оказали существенную помощь Чехословакии и без ее просьбы о том. Мне достаточно для этого сослаться на речь наркома Литвинова, в которой он подчеркивал, что для нас Чехословакия сама достаточно компетентна для решения своих внутренних вопросов. Именно поэтому я и ответил на вопрос Бенеша о суждении по поводу положения Чехословакии, что жду информации от него, как от компетентного источника.

После этого Бенеш прямо перешел к вопросу о Рейсимене. Он заявил, что согласие на миссию Рейсимена является единственным вопросом, о котором я не был информирован заблаговременно, но только по техническим причинам. В первый момент английское предложение действительно звучало как предложение арбитража. Оно было отклонено. После этого на Чехословакию стала нажимать Франция, в том смысле, что требовала учета своей заинтересованности в английском сотрудничестве. Раздавались голоса, что Чехословакия сознательно гонит Европу на войну из-за своих интересов. Бенеша прямо обвинили в желании вызвать превентивную войну. Франция прямо заявила, что принятием миссии Рейсимена Англия будет ангажирована и что в этом заключается главная задача ее политики.

Бенеш должен был учесть это и согласился при условии, что миссия Рейсимена будет публично лишена всякого характера арбитража. Бенеш уже может сказать,

что Рейсимен ничего не приемлемого для Чехословакии советовать не будет[1]. Приехал он без плана и добросовестно изучает вопрос. Он уже видит, что у Чехословакии есть добрая воля сделать какие угодно уступки, не нарушающие основ ее существования. Еще важнее то, что Рейсимен уже констатировал, что генлейновцы действуют во всем исключительно по указке из Берлина. Рейсимен делает отсюда вывод, что спор о правах судетских немцев только предлог, а по существу спор идет между Прагой и Берлином о всем комплексе их взаимоотношений. Рейсимен понимает, что такой спор не будет решаться на основании его советов. Если Рейсимену останется время и возможность что-нибудь советовать, то его советы будут двигаться в рамках внутренней судето-немецкой проблемы и будут приемлемы, но не в рамках чехословацко-германских взаимоотношений. Между прочим, завтра генлейновцы должны дать окончательный ответ, согласны ли они вести переговоры на базе правительственных проектов, в частности, на базе проекта об административной реформе. Если они откажутся, то этим настанет тот момент, когда Рейсимен сможет оказать помощь своими советами. Однако Рейсимен и в этом случае не будет торопиться больше, чем того будут требовать обстоятельства. Если и советы Рейсимена не удовлетворят судетских немцев, то это будет обозначать дальнейшее напряжение, относительно которого Бенеш риторически задавал вопрос, сколько же времени может продолжаться такое напряжение и к чему оно может привести. Здесь явно остается много свободного места для любых, в том числе и насильственных, способов решения.

Бенеш тут же утешался соображениями на ту тему, что тогда Англия и Франция, получив тем временем многочисленные доказательства, так сказать, невиновности Чехословакии в существующем напряжении, потеряют, наконец, терпение и дружно прикрикнут на Германию, чтобы она прекратила свои вечные угрозы войной и не создавала напряжения искусственным раздуванием не существующих преступлений чехов против немцев. Бенеш снова подчеркивал, что обстановка весьма серьезна и в ней достаточно искры для того, чтобы вспыхнул пожар. Однако он снова думает, что Германия едва ли действительно готова к большой войне против Англии, Франции и СССР.

В этой связи Бенеш впадал в несколько меланхолический тон и рассуждал на тему о том, что в политике, конечно, нет сантиментов. Если он рассчитывает на подобного рода ход событий, то вовсе не потому, чтобы Англия и Франция хотели только из принципа оказать помощь Чехословакии. Это просто будет являться их собственным интересом. Расправа с Чехословакией до весны, когда в основном будут завершены английские и французские вооружения, обозначала бы такое резкое усиление Германии, по сравнению с которым их вооружения снова оказались бы отставшими, не достигшими своей цели. Поэтому они не дадут уже теперь съесть Чехословакию.

Несколько меняя тон, Бенеш совершенно то же самое говорил и о своем расчете на помощь со стороны СССР. Он на нее рассчитывает не столько в силу наших договорных отношений, сколько в силу прямой и ясной заинтересованности СССР в существовании Чехословакии. Я вставил — демократической Чехословакии. Бенеш с одобрением принял это и продолжал в том духе, что если бы все его ожидания на мирную разрядку атмосферы вокруг Чехословакии не оправдались, или если бы наступила какая-нибудь неожиданность внешнего или внутриполитического характера, то он от своих принципов не отступит и будет продолжать руководствоваться принципом защиты независимости страны и ее демократического устройства во что бы то ни стало.

Здесь Бенеш ссылался на прекрасное настроение чехословацкого народа, который как один пойдет на призыв защищать свою родину. На вопрос я подтвердил Бенешу, что и у меня такое же благоприятное впечатление относительно действительно народных настроений и осторожно вставил, что за последнее время правительство теряет в популярности, и народные надежды связываются исключительно с именем Бенеша. Бенеш согласен, что сейчас ситуация во много раз сложнее и ответственней, но это не значит, что и в данных условиях нельзя будет защищать свои принципы. Практически это обозначает, что в судето-немецком вопросе остается действительной старая точка зрения. Автономия или что-либо подобное не приемлемы для Чехословакии. Если из переговоров ничего не выйдет, то соответствующие законы будут проведены через парламент. В крайнем случае, послушание судетских немцев законам республики бу-

дет вынуждено силой. Чехословацкой уступчивости есть предел.

Я шутя спросил, а есть ли предел английской уступчивости. Бенеш разводил руками и, полуотвечая, говорил, что Англия пугает выдвижением требования плебисцита для судетских немцев. Бенеш этой угрозы не боится, потому что Чехословакия не единственная страна, в отношении которой было допущено применение права народов на самоопределение. Если бы такой вопрос был серьезно поставлен, то Бенеш мог бы ответить контрвопросом — почему плебисцит должен быть применен только к Чехословакии. Почему не предлагается применить его к таким странам, где национальные меньшинства находятся в явно и безусловно худшем положении, чем в Чехословакии. Пускай тогда плебисцит будет применен для решения судьбы украинцев, белорусов и литовцев в Польше, хорватов и словенцев в Югославии, венгров в Румынии и т. д. Эти народы охотно подхватят такого рода лозунг, но Европа едва ли захочет развязывать такое движение.

Что еще может произойти? Нейтрализация? Бенеш заявляет, что никто и никогда официально не ставил этот вопрос перед Чехословакией. Был только зондаж. Впервые идея была высказана в Лондоне Корбену непосредственно после 21 мая. Франция не ответила на этот зондаж. Во время Сокольского слета (2—6 июня) Леон Блюм, якобы по своей инициативе, зондировал этот вопрос у Бенеша. Бенеш ответил, что прежде всего хочет знать, что понимается под нейтрализацией. Во-вторых, он хочет знать, кто будет гарантами. В-третьих, он дал понять, что если гарантами будут Франция, Англия, Германия и СССР, то весь мир будет это приветствовать как новую форму осуществления коллективной безопасности. Без этого — разговор беспредметен. Наконец, в Париже, во время поездки туда английского короля, Фиппс все-таки выступил с этим предложением, но Франция прямо заявила, что считает вопрос не дискутабельным. Никаких других разговоров больше не было. Я сказал, что, по моим сведениям, разговор был все-таки более обстоятельным. Так, например, вопрос о гарантах все-таки обсуждался. Предположительно гарантами назывались Франция, Германия и СССР, но при этом выдвигалось условие отказа Франции и Чехословакии от пактов о взаимной помощи с СССР. Бенеш очень опре-

деленно ответил, что слышит об этом впервые и вопрос в такой плоскости никто перед ним и не пытался ставить, даже в зондажном порядке. Он вообще не видит смысла в такой постановке вопроса. Ему было бы еще понятно, если бы выдвигался вопрос об отказе Чехословакии от пакта с СССР под предлогом, что она в нем не нуждается, поскольку получает гарантии нейтралитета. Но при чем тут Франция? Нетрудно понять, что отказ Франции от пакта с СССР означал бы лишь увеличение ее зависимости от других держав. Пакт с СССР очень ценен для Франции. Еще ценнее он для Чехословакии, и Бенеш заверяет, что дорожит действием, которое он уже оказывает на положение Чехословакии в Европе. Лучше будет для всех, если он не придет в еще большее действие, но отказаться от такой возможности Чехословакия не имеет никакого желания.

После этого Бенеш довольно коротко и в довольно общих выражениях сказал, что продолжает считать весьма необходимым практический контакт между нами, например, типа тех взаимоотношений, которые установились со шкодовскими заводами. В этой области крупнейшее значение имеет возможность создания и поддержания такого рода реальных связей между СССР и Чехословакией, которые не могли бы быть нарушены событиями любого характера. Территории наших стран разделены значительными пространствами, но мы должны постараться возможно тесно связать их. Поскольку Бенеш явно говорил об авиации, я вставил короткую ссылку на то, что гражданская линия Прага — Москва сорвалась из-за румын. Бенеш взял это на заметку. [...]

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 474—477.

[1] Эта оценка президентом ЧСР Э. Бенешем миссии Ренсимена не соответствовала действительности. Лорд Ренсимен во время своего пребывания в ЧСР (3 августа — 15 сентября 1938 г.), по существу, открыто вмешивался во внутренние дела Чехословакии и стремился поставить на один уровень правительство ЧСР и судето-немецкую партию. Он сразу же стал добиваться от чехословацкого правительства, чтобы оно вело переговоры с генлейновцами на базе карловарской программы. Сам Ренсимен следующим образом характеризовал свою роль в Праге: «Я поддерживаю с правительством Чехословакии любопытные, единственные в своем роде отношения... Я немного меньше, чем диктатор, и больше, чем советник».

94. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

17 августа 1938 г.

[...] 2. Далее Галифакс спросил меня, что я думаю о положении в Центральной Европе. Это дало мне повод изложить нашу точку зрения на европейскую ситуацию. В частности, я указал (в соответствии с вашими директивами, полученными в Москве), что СССР все больше разочаровывается в политике Англии и Франции, что он считает эту политику слабой и близорукой, способной лишь поощрять агрессора к дальнейшим «прыжкам», и что тем самым на западные страны ложится ответственность приближения и развязывания новой мировой войны. Прекрасной иллюстрацией к только что мною сказанному является Чехословакия. Все, что Англия и Франция делали по этому поводу в последнее время, по существу, сводится к попыткам обуздать не агрессора, а жертву агрессии и что Прагу и Берлин они меряют разными мерами. В Праге англо-французы говорят столь громким голосом, что это не без основания воспринимается чехами как явная несправедливость, а в Берлине же говорят столь тихим голосом, что Гитлер игнорирует все их демарши. Мы не можем сочувствовать такой политике и считаем, что судьба Чехословакии в первую очередь зависит от того, сумеют ли Англия и Франция в этот критический час занять твердую позицию против агрессора. Я ожидал, что Галифакс будет энергично возражать, однако, к моему удивлению, он и на этот раз не сделал ни малейшей попытки защищать линию английского правительства. Наоборот, от всего его поведения и некоторых замечаний получалось впечатление, что он согласен если не со всем, то со значительной частью того, что я говорил. Я спросил Галифакса, что он сам думает о Чехословакии. Галифакс ответил, что считает положение очень серьезным, что сообщения Ренсимена («два частных письма ко мне», как выразился Галифакс) мало утешительны, ибо тот считает достижение какого-либо компромисса между сторонами делом чрезвычайно трудным, и что он сам тоже мало надеется на возможность соглашения между чехами и судетскими немцами. Правда, по самым последним сведениям от Ренсимена, генлейновцы как будто начинают проявлять некоторую склонность к сговору с чехословацким прави-

тельством, однако все в конечном счете зависит от Гитлера. На мой дальнейший вопрос, каковы сведения форин офиса из Берлина, Галифакс ответил, что сведения эти довольно противоречивы и неясны, однако все информаторы сходятся на том, что решение находится исключительно в руках фюрера, поведение же последнего сейчас является весьма загадочным. Торопливые маневры вызывают явное беспокойство в Англии и особенно во Франции; ему, Галифаксу, они тоже не нравятся, но сделать в настоящий момент какой-либо прогноз в отношении ближайшего будущего он не решается. [...]

Майский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 436—437.

95. Резолюция Союза рабочих металлообрабатывающей промышленности района Прага-Смихов, направленная президенту ЧСР

20 августа 1938 г.

На общем собрании Союза рабочих металлообрабатывающей промышленности района Смихова, состоявшемся 20 августа 1938 г., члены Союза единодушно, как и 21 мая, заявили о своей верности защите целостности республики. Тот день показал, что когда весь народ решительно выступил на защиту независимости республики всеми средствами, то симпатии всего демократического мира были на нашей стороне.

Сегодня целостность республики вновь подвергается серьезной опасности, прежде всего в результате различных дипломатических маневров. Фальшивым миролюбием фашистские агрессоры хотят достичь того, чего им не удалось добиться 21 мая путем применения силы. На чехословацкое правительство оказывается давление с тем, чтобы оно пошло навстречу требованиям генлейновцев об автономии, что на деле означало бы раскол республики.

В отношении этих интриг собрание заявляет: Мы хотим мира со всеми, но это должен быть почетный и свободный мир. Мы не потерпим, чтобы кто-либо вмешивался в наши внутренние дела и добивался так называемой нейтрализации ЧСР и лишения республики

союзнических договоров с Советским Союзом и Францией, чтобы нас принуждали сдать позиции в управлении страной генлейновским государственным изменникам.

Мы требуем, чтобы были выполнены справедливые экономические, социальные и языковые требования как немецкого народа, так и представителей других национальностей и чтобы при рассмотрении национальных требований в первую очередь учитывались нужды широких слоев трудящихся. Но именно поэтому мы требуем, чтобы чехословацкое правительство твердо и решительно, как и 21 мая, выступило против всех генлейновских раскольников и ирредентистов.

Заверяем Вас, господин президент, и все чехословацкое правительство, что мы твердо и решительно в едином строю стоим на защите независимости республики и готовы на любые жертвы.

Мы никогда не допустим, чтобы нашим национальным статутом стал капитулянтский пакт с Генлейном, и, несмотря на любой нажим, не допустим, чтобы Генлейн был введен в состав правительства. Мы готовы всеми средствами воспрепятствовать тому, чтобы в ЧСР повторилась история с Зейс-Инквартом. Нас не сломило насилие, нас также не сломят коварство и интриги.

Мы заявляем: Мы не сдадимся! Твердо выстоим, что бы ни случилось!

Союз рабочих металлообрабатывающей промышленности ЧСР
Район Смихов
Долейш Франтишек, секретарь
Старец Йозеф, председатель

Печат. по арх.

96. Из донесения полицейского управления г. Либерец в министерство внутренних дел ЧСР [1]

21 августа 1938 г.

Вчера вечером (20 августа) 2 члена группы лорда Ренсимена гг. Пето и Гуэткин проехали в 19 часов через Либерец в Гейницы. В тот же день они посетили курорт Либверда, где их приветствовал управляющий курортом и представил им местных функционеров судето-немецкой партии и вновь избранного бургомистра курорта Либ-

верда. Сегодня в 13 час. 15 мин. они прибыли на автомобиле с номером Р-25. 617 в гостиницу «Золотой лев» в Либерце и там пообедали. Затем в сопровождении районного руководителя судето-немецкой партии Поцша, бургомистра Либерца Рона, редактора журнала «Ди цайт» Ваны, профессора Шольца (городского служащего) и английского консула в Либерце отправились на ярмарку, где их возгласами «Sieg Heil» приветствовали около 400 членов судето-немецкой партии; таким же приветствием им ответили члены судето-немецкой партии (полностью или частично одетые в униформу), сопровождавшие группу. Член группы лорда Ренсимена секретарь Миллер (прибывшая в Либерец сегодня утром скорым поездом) ответила на приветствие выкриком «Heil».

Группа и сопровождавшие ее лица осмотрели бо́льшую часть немецкой экспозиции, не уделив внимания чешской, затем осмотрели школу им. Рудольфа в Либерце и отбыли в Катержинки под Либерцем, где им были показаны две сгоревшие фабрики (в руинах), одна из которых сгорела примерно месяц назад. Обе фабрики не работают уже около 10 лет.

Организация программы пребывания группы, ее встреча членами судето-немецкой партии, ответ на немецкое приветствие, отсутствие интереса к чешской экспозиции на ярмарке и т. д. были неблагоприятно расценены чешской общественностью. Однако явных проявлений недовольства или инцидентов не было.

Около 17 часов группа выехала в Прагу. [...]

Печат. по арх.

[1] Копия донесения была направлена в МИД ЧСР.

97. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в ЧСР и Германии

22 августа 1938 г.

Сегодня перед своим отъездом в Штутгарт и Нюрнберг мне нанес прощальный визит германский посол. Он усиленно стремился свести разговор к чехословацкой проблеме, пытаясь выяснить настроения Чехословакии, Англии, Франции и СССР. У меня создалось впечатле-

ние, что он имел специальное задание от своего правительства. Поэтому я твердо говорил ему, что чехословацкий народ как один человек будет бороться за свою независимость, что Франция в случае нападения на Чехословакию выступит против Германии, что Англия, хочет ли этого Чемберлен или нет, не сможет оставить Францию без помощи и что мы также выполним свои обязательства перед Чехословакией.

М. Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 66.

98. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с министрами иностранных дел Румынии и Югославии

24 августа 1938 г.

По пути из Любляны на о. Блед в поезде в воскресенье 21 августа министр Комнен информировал г-на министра Крофту о сообщении, которое ему якобы на основе циркуляра берлинского министерства иностранных дел сделал германский посланник в Бухаресте Фабрициус. Он заявил Комнену приблизительно следующее: Германия не хочет войны, однако она не может равнодушно смотреть на то, как в Чехословакии обращаются с судетскими немцами. Германия якобы ожидает, что судето-немецкий вопрос будет решен положительно, но если пражское правительство не удовлетворит все требования немцев, живущих в ЧСР, то Германия вынуждена будет оказать им всестороннюю помощь. Фабрициус добавил к этому сообщению, что если Франция выступит в защиту Чехословакии, то вся ответственность за последствия ляжет на нее.

Когда в понедельник 22 августа этот вопрос обсуждался на о. Блед министрами Малой Антанты [1], Стояданович подтвердил, что несколько дней назад подобное заявление сделал ему также германский посланник фон Геерен, но без дополнения о Франции. У Стояновича создалось впечатление, что это была умышленная угроза.

Г-н министр Крофта информировал по данному вопросу присутствовавшего на о. Блед французского посланника в Белграде, который обещал немедленно сообщить об этом в Париж.

Одновременно о сообщениях Фабрициуса и фон Геерена информирует также наша миссия в Париже, а в Лондон, Берн, Брюссель, Гаагу, Копенгаген и Варшаву направлены запросы с целью выяснить, не делали ли там германские посланники подобных заявлений.

Д-р *Ина*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 200.

[1] Заседание Постоянного совета Малой Антанты на о. Блед состоялось 21—23 августа 1938 г.

99. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

24 августа 1938 г.

Французский посол, пригласивший меня вчера на ужин, весь вечер убеждал меня, что Гитлер готовит военное нападение на Чехословакию и намерен осуществить его вероятнее всего во второй половине сентября или в начале октября. Гитлеру нельзя верить, как бы торжественно ни провозглашал он свое миролюбие. Это настоящий человеконенавистник, жаждущий отомстить за 21 мая. Финансово-экономическое положение Германии с каждым днем становится все хуже. Четырехлетний план Геринга безнадежен. Недовольство в народе растет. Уже сегодня видно, что режим испытывает значительные трудности. Именно нападение на Чехословакию должно стать выходом из этого положения. Кампания против Чехословакии не преследует цель оказать давление на урегулирование вопроса с судетскими немцами, она проводится Германией исключительно как подготовка к тому, чтобы снять с себя ответственность. Направляемая из Берлина подрывная работа, которая проводится в Чехословакии, имеет целью вызвать гражданскую войну и затем спровоцировать призывы генлейновцев о помощи и необходимости «операции по спасению». Гитлер намерен довести урегулирование с судетскими немцами ad absurdum. Акция Ренсимена не может достичь цели. При этом Гитлер убежден, что Англия не вступит в войну ради Чехословакии. Германия понимает, что при нынешнем положении она не может слишком долго откладывать свои намерения и поэтому ей необходимо действовать как можно быстрее. Нападение, оче-

видно, будет осуществлено огромными силами. Чехословакия, по мнению Понсе, не сможет сопротивляться более двух недель и потерпит поражение раньше, чем Франция сможет оказать какую-либо действенную помощь. Однако если Чехословакия будет обороняться в течение месяца, то это приведет к мировой войне, в ходе которой Чехословакия будет разбита и уничтожена раньше, чем будут проведены какие-либо крупные акции.

В нынешней ситуации у Чехословакии есть только один разумный путь к сохранению нерушимости границ — это не играть на руку Германии, не идти в западню, а сделать максимальные уступки судетским немцам путем признания равноправия всех национальностей, предоставить немцам такую автономию, которую бы признал или рекомендовал лорд Ренсимен. Только в этом случае можно рассчитывать на Англию и только так можно расстроить планы Гитлера, вероятнее всего лишить его возможности в войне искать выход из положения, которое начинает расшатывать его режим. Худшее, что может постигнуть Гитлера,— это его падение в условиях мира. Действительно, генералы отговаривают Гитлера от войны, действительно, значительное большинство народа не желает войны и боится ее, но лишь потому, что боится Англии. Однако как только эта боязнь отпадет — а именно к этому стремится режим,— то и армия будет вынуждена согласиться с решением Гитлера, о чем позаботятся Геринг и Риббентроп, и солдаты послушно пойдут на осуществление этой молниеносной акции. Положение в высшей степени опасно, и поэтому необходимо, чтобы уже в ближайшие дни было достигнуто какое-либо урегулирование или еще до открытия съезда в Нюрнберге были приняты возможные предложения лорда Ренсимена.

Я воспроизвожу высказывания французского посла, с которыми далеко не во всем согласен, однако я полностью согласен с тем, что еще до открытия съезда в Нюрнберге нужно в принципе принять возможные предложения лорда Ренсимена, ибо, по моему мнению, только таким путем можно убедить Англию более решительно выступить на нашей стороне, иначе довольно быстро может разразиться катастрофа, которую Франсуа-Понсе в отличие от меня считает абсолютно неизбежной и близкой. Различие во мнениях, таким образом, состоит в следующем: я считаю, что Гитлер пока еще не пришел

к окончательному решению, однако он готовится в случае необходимости нанести удар в любой момент, между тем французский посол убежден, как он заявляет, что нападение произойдет в любом случае в сентябре или в октябре, если в результате своевременных энергичных и быстрых действий у Гитлера не будет вырвана инициатива. При этом Франсуа-Понсе не слишком склонен верить, что само по себе присутствие лорда Ренсимена в Чехословакии дает какие-либо гарантии безопасности. Он как раз считает, что призыв о помощи со стороны судетских немцев может вызвать вмешательство Германии. В остальном, что касается моих взглядов, я ссылаюсь на свои прежние сообщения.

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 197—198.

100. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР во Франции и Великобритании

25 августа 1938 г.

И в Москве фон Шуленбург говорил с Потемкиным и Литвиновым точно так же, как Фабрициус и фон Геерен [1]. Если бы переговоры Ренсимена окончились неудачей, то война неизбежна, и Германия не будет виновата в этом. Явно умышленно он заметил по этому поводу, что во время конфликта на Дальнем Востоке Риббентроп заявил японскому посланнику, что «антикоминтерновский пакт» не является военным договором. По мнению Литвинова, Шуленбургу было поручено выяснить, как бы отнеслись Москва, Париж и Лондон к нападению на Чехословакию. Литвинов посоветовал ему, чтобы Берлин оставил в покое Чехословакию, так как она будет защищаться, Франция окажет ей помощь, СССР полон решимости выполнить свои обязательства по отношению к ней до последней буквы, и Англия, даже против воли Чемберлена, вынуждена будет энергично вмешаться.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 479.

[1] См. док. № 98.

101. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании народному комиссару иностранных дел СССР

26 августа 1938 г.

Сегодня Масарик сообщил мне следующее. Вчера Галифакс имел разговор с Камбоном и спросил последнего, как французское правительство смотрит на положение в Центральной Европе. Камбон ответил (правда, от своего лично имени), что французское правительство рассматривает это положение как исключительно серьезное. На дальнейший вопрос Галифакса, что французское правительство стало бы делать в случае нападения Германии на Чехословакию, Камбон ответил, что, хотя трудно предсказывать будущее, он все-таки склонен думать так: в течение нескольких дней после того, как пушки загремят в Центральной Европе, во Франции будет происходить внутренняя борьба, левые будут отстаивать вмешательство, правые (которые, как заметил Камбон, ведут сейчас совершенно изменническую линию) будут доказывать, что Франция должна сохранять спокойствие. В конечном счете восторжествуют все-таки первые, и Франция выполнит свои обязательства в отношении Чехословакии. В свою очередь Камбон спросил, что Галифакс думает о ситуации. Галифакс ответил, что британское правительство тоже считает положение в Центральной Европе исключительно серьезным и остается при тех декларациях, которые были сделаны 24 марта (речь Чемберлена) и 21 мая (заявление Гендерсона Риббентропу). Британское правительство готово повторить еще раз свои прежние декларации и, может быть, это сделает, хотя Галифакс сильно сомневается, чтобы на нынешней стадии развития словесные заявления имели какой-либо практический эффект. Далее Галифакс сообщил Камбону, что на протяжении последних месяцев британское правительство сделало два демарша в Берлине[1]. В первый раз в момент отъезда Ренсимена в Прагу, требуя прекращения античешской агитации в Германии, дабы создать более благоприятную атмосферу для его посреднических усилий. Во второй раз — в самом начале германских маневров, причем Гендерсон указал на большое беспокойство, вызываемое в Англии их размерами и обстановкой. Галифакс заметил, что, очевидно, Франции и Англии придется пойти на дальнейшие уступки Франко,

чтобы «не дать Муссолини нового повода для усиления своей агрессии в Испании» и чтобы удержать его от выступления на стороне Германии в случае осложнений в Чехословакии.

2. Немецкий посланник в Румынии Фабрициус в соответствии с инструкциями, полученными им из Берлина, заявил Комнену, что Германия не хочет войны из-за Чехословакии, но что тем не менее она не может дольше переносить притеснений, испытываемых немцами в Чехословакии, и решила оказать им помощь всеми доступными средствами. Если Франция вмешается, то на нее, а не на Германию падает ответственность за последствия. Немецкий посланник в Белграде сделал аналогичное заявление Стоядиновичу, лишь опустив замечание, касающееся Франции. Эти сведения получены Годжей официально из Бухареста и Белграда.

3. Годжа сегодня сообщил Масарику, что Шуленбург был у Литвинова и сделал ему примерно такое же заявление, как то, которое было сделано немецкими посланниками в Белграде и Бухаресте. В ответ Литвинов сказал, что Германии следует оставить Чехословакию в покое, что в случае насильственных действий Германии против Чехословакии чехи окажут вооруженное сопротивление и получат поддержку Франции и СССР и что в конечном счете в борьбу будет вовлечена также Англия. Передаю то, что слышал от Масарика, не ручаясь, конечно, за полную достоверность того, что он передает. В этой связи Масарик очень просил передать Вам, что какое-либо открытое заявление со стороны Советского правительства в настоящий момент о своей готовности выполнить обязательство по чехословацко-советскому пакту имело бы громадное значение и сильно укрепило бы решимость Франции прийти на помощь Чехословакии.

4. На только что закончившейся конференции Малой Антанты Комнен обратился к чехословацкому правительству с просьбой выступить посредником между Румынией и СССР в целях улучшения отношений между ними. Комнен заверял, что румынское правительство очень хочет добрых отношений со своим восточным соседом. Стоядинович в связи с этим заявил, что он поддерживает просьбу Комнена и что Югославия будто бы не считает возможным в нынешней обстановке вести антисоветскую политику.

5. Рыдз-Смиглы и Сосновский договорились о совместной работе. В результате можно будто бы ожидать ухода Бека в недалеком будущем. Масарик утверждал, что получил эту информацию из очень хорошего источника.

Майский

Печат. по арх.

[1] 2 июля и 11 августа 1938 г.

102. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

27 августа 1938 г.

Потемкин весьма скептически смотрит на политику Франции, подозревая Даладье в том, что тот умышленно вызывает внутренние конфликты для того, чтобы Франция в критический момент не была бы обязанной подвергать себя опасности из-за Чехословакии. Я сказал, что это мнение слишком пессимистично. Потемкин заверил меня, что обмен мнениями между штабами они будут поддерживать.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 481.

103. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

29 августа 1938 г.

Чилстон сказал мне, что недавно он вновь выяснял, какие действия предпримет СССР в случае конфликта, и получил очень позитивный ответ, что СССР свои обязательства выполнит. Он чрезвычайно тепло говорил о ЧСР. По его мнению, в случае германской агрессии вспыхнет всеобщий конфликт. Он посоветовал Галифаксу сблизиться с Москвой как с искренним поборником мира, но при этом сетует на кампанию в советской печати против Англии.

Фирлингер

Печат. по арх.

104. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР

29 августа 1938 г.

Пайяр зашел ко мне со следующими вопросами:

1. Посольству поручено выяснить, достоверны ли сведения, будто бы одновременно с известными демаршами посланников Германии в Бухаресте и Бледе Шуленбург сообщил Литвинову о вероятности вооруженного конфликта между Германией и Чехословакией, причем предупредил, что в случае, если Франция выступит на помощь чехословакам, Германия будет рассматривать это выступление как невызванную агрессию.

Я ответил, что официального демарша со стороны Шуленбурга не было. В разговоре с т. Литвиновым, перед своим отъездом, посол высказывал некоторые опасения касательно опасности войны. При этом он осведомился, как могут повести себя чехословаки и французы. Тов. Литвинов счел целесообразным выразить уверенность, что чехословаки будут защищаться, что Франция придет к ним на помощь и что СССР в этом случае, естественно, выполнит свои договорные обязательства. Я добавил к этому, что до разговора с т. Литвиновым Шуленбург беседовал и со мной на ту же тему, отнюдь не давая понять, что он выполняет поручение своего правительства. В этой беседе посол не ставил вопроса о линии поведения Чехословакии и Франции. Он лишь высказывал убеждение, что в случае, если Чехословакия вынудит Германию выступить против нее, нельзя будет рассматривать это выступление как невызванную агрессию. Этим разговоры с Шуленбургом и ограничились. Таким образом, ничто не дает основания усматривать в них какой-либо официальный демарш.

2. Пайяр сообщил, что имеет поручение Бонне ознакомить НКИД с информацией Корбена касательно оценки миссии Ренсимена некоторыми политическими кругами Англии, не принадлежащими к группе Чемберлена. В частности, Бонне просил обратить внимание на позицию Идена в данном вопросе. Пайяр предложил мне ознакомиться с текстом донесения Корбена, где воспроизводится разговор французского посла с Иденом о миссии Ренсимена. Из прочитанного мною текста явствует, что Иден высказывает полное одобрение как самой идее

английского посредничества, так и выбору человека для этой роли. Иден добавляет, что, посылая Ренсимена в Прагу, Англия тем самым втягивается в дела Средней Европы и, таким образом, становится активным фактором международной мирной политики.

3. Пайяр выразил надежду, что Гитлер не решится начинать серьезную войну из-за Чехословакии. По этому поводу я заметил, что позиция Гитлера зависит не только от его настроений, но и от реального учета возможности противодействия его агрессивным замыслам со стороны самой Чехословакии и других стран, заинтересованных в защите европейского мира. Пайяр выразил согласие с этим мнением, подчеркнув, что Германия чувствует себя связанной в Европе и потому, по-видимому, не обнадеживала Японию относительно своей эвентуальной поддержки в случае превращения дальневосточного пограничного конфликта в настоящую войну между СССР и Японией. Я подтвердил эту мысль, отметив, что Шуленбург не скрывал более чем осторожной позиции, занятой Риббентропом в вопросе о вооруженной помощи Германии японцам в случае советско-японской войны. [...]

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 456—457.

105. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

29 августа 1938 г.

1. Ванситтарт спрашивал меня о нынешних внешнеполитических настроениях Москвы, и я изложил ему несколько подробнее то, что дней 12 назад изложил Галифаксу (о растущем разочаровании внешней политикой Англии и Франции и т. д.). Ванситтарт был очень обеспокоен и стал доказывать, что не следует отчаиваться в «западных демократиях», что англичане, в частности, народ медлительный, что логика вещей толкает Великобританию к сотрудничеству с Францией и СССР в борьбе против германских угроз и что если СССР и Англия стали бы на точку зрения «изоляции», то они тем самым отдали бы Европейский континент на съедение Гитлеру. Это в конечном счете ударило бы по ним самим. Я от-

ветил, что если события действительно пойдут тем путем, которого боится Ванситтарт, то ответственность за это в первую голову ляжет на Англию. СССР был и остается сторонником коллективной безопасности, а Великобритания на протяжении последних трех лет (в особенности же с марта текущего года) только тем и занимается, что наносит один за другим удары Лиге наций и коллективной безопасности. Ванситтарт возразил, что в Англии сейчас происходят важные внутренние процессы и что надо дать им время созреть. По-видимому, он имел в виду рост антигерманских настроений в стране, в том числе даже в тех кругах, которые еще недавно являлись проводниками англо-германского сближения. [...]

Майский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 460.

106. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

31 августа 1938 г.

Вся информация, которую получает французское министерство иностранных дел, а особенно информация из Германии, сходится в том, что германские лидеры готовятся предпринять решительные действия и вмешательство в середине сентября; об этом можно судить не только по высказываниям руководящих деятелей по чехословацкому вопросу, но и по военным приготовлениям, которые всемерно форсируются. Попытаюсь сделать краткий обзор отдельных сообщений и событий за прошлую неделю, подтверждающих эту точку зрения.

Сообщения Кэ д'Орсе, полученные из английских источников, указывают, что Гитлер намерен окончательно разрешить судето-немецкий вопрос до конца сентября и заставил рейхсвер согласиться на решение вопроса силой оружия. Поскольку, однако, рейхсвер опасается, что конфликт не удастся ограничить Чехословакией и Германией и может вспыхнуть европейский и даже мировой пожар, в котором Германия потерпит поражение, рейхсвер ищет выход и способ уладить дело так, чтобы нападение на Чехословакию можно было преподнести как помощь и защиту судетских немцев, которых чехословацкое правительство и население притесняют и жестоко

преследуют. Таким образом, судя по аналогичным сообщениям, которые Кэ д'Орсе получает с разных сторон и из разных источников, Германия разработала доктрину и тезис о неспровоцированном нападении на Чехословакию и все свои нынешние действия подчиняет этой доктрине. Согласно некоторым сообщениям из Берлина, у Кэ д'Орсе есть основания полагать, что немцы намерены всеми силами попытаться организовать в ЧСР агитацию и вызвать там беспорядки, чтобы затем в нужный момент судетские немцы попросили Гитлера о помощи и вмешательстве.

Однажды Геринг в беседе с французским послом Франсуа-Понсе высказал свое убеждение в том, что после того, как Ренсимен предложит свое посредничество и план решения судетского вопроса, Чехословакия определенно допустит какие-либо ошибки, которые Германия сможет использовать затем для соответствующих и решительных действий против нее, тем более что Англия не будет серьезно защищать Чехословакию. [...]

Осуский

Печат. по арх.

107. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР

1 сентября 1938 г.

Французский поверенный в делах Пайяр, попросивший по телефону, чтобы я принял его немедленно, явился ко мне со следующим официальным сообщением.

26 августа Бонне сделал нашему полпреду во Франции весьма важные заявления касательно положения Чехословакии и относительно позиции, занимаемой в этом вопросе французским правительством. Бонне убежден, что полпред уже передал в Москву содержание этого разговора. Тем не менее, он счел целесообразным поручить французскому посольству в Москве непосредственно и в официальной форме повторить НКИД свои заявления.

Положение, создавшееся вокруг Чехословакии, Бонне оценивает как критическое. Военные приготовления Германии свидетельствуют о ее готовности к вооруженному конфликту. Французское правительство достаточно ясно

определило свою позицию в отношении Чехословакии, которой угрожает нападение со стороны Германии. Эта позиция была четко сформулирована в публичных выступлениях Даладье[1], официально подтверждена в Берлине французским послом Понсе и совсем недавно указана начальником французской военной авиации Вюйеменом в его разговоре с Герингом[2]. Французский и чехословацкий генеральные штабы весьма озабочены создавшимся положением и совещаются об эвентуальном согласовании своих оперативных действий. Возникает настоятельная необходимость выяснить, каким способом мог бы СССР оказать свою помощь Чехословакии в случае нападения на нее Германии?

На последней сессии Совета Лиги наций Бонне ставил уже этот вопрос перед М. М. Литвиновым. Народный комиссар ответил, что Советский Союз выполнит свои договорные обязательства в отношении Чехословакии. Нарком добавил, что, поскольку вопрос об оказании Советским Союзом помощи Чехословакии упирается в позицию Румынии и Польши, французскому правительству надлежит оказать воздействие на этих своих союзниц и обеспечить беспрепятственный пропуск ими советских вооруженных сил.

В связи с этим Бонне поручил посольству информировать наркома, что попытки французского правительства оказать упомянутое воздействие на Польшу и Румынию не дали положительного результата. Особенно категорический характер имели возражения со стороны Польши. При таких условиях Бонне возвращается к своему вопросу: на какую помощь со стороны СССР могла бы рассчитывать Чехословакия, если принять во внимание затруднения, имеющиеся со стороны Румынии и Польши[3]. Бонне добавляет, что рассчитывает на скорейший ответ, ибо обстановка требует немедленных решений. Он не думает, чтобы для такого ответа необходима была консультация технического характера, так как поставленный им вопрос прежде всего имеет политическое значение.

Я заявил Пайяру, что сделанное им сообщение будет немедленно доведено до сведения правительства СССР.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 67—69.

[1] См. док. № 87.

[2] Начальник генерального штаба военно-воздушных сил Франции Ж. Вюйемен на приеме у Геринга 18 августа 1938 г. заявил, что в случае нападения Германии на ЧСР Франция должна будет выполнить свои обязательства.

[3] По поводу этой беседы заместитель наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкин писал полпреду СССР в Праге, что министр иностранных дел Франции Ж. Бонне особое ударение делал на «затруднениях, которые военная помощь Советского Союза Чехословакии встретила бы со стороны Польши и Румынии», и что, по-видимому, он рассчитывает получить от Советского правительства «такой ответ, которым французское правительство могло бы воспользоваться для оправдания своего собственного уклонения от помощи Чехословакии».

108. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР [1]

2 сентября 1938 г.

Французский поверенный в делах Пайяр по поручению Бонне поставил мне сегодня официально вопрос, на какую помощь со стороны СССР может рассчитывать Чехословакия, учитывая затруднения, имеющиеся со стороны Польши и Румынии. Я напомнил Пайяру, что Франция обязана помогать Чехословакии независимо от нашей помощи, в то время как наша помощь обусловлена французской, и что поэтому мы имеем большее право интересоваться помощью Франции. К этому я добавил, что при условии оказания помощи Францией мы исполнены решимости выполнить все наши обязательства по советско-чехословацкому пакту, используя все доступные нам для этого пути. Если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии. Это и предусматривается советско-чехословацким пактом. Во всяком случае, такое решение Лиги облегчит наши действия. Ввиду того, что аппарат Лиги наций может быть пущен в ход очень медленно, было бы, по нашему мнению, необходимым теперь же предпринять необходимые меры, на что в случае наличия угрозы войны дает право ст. 11 Устава Лиги. На высказанное Пайяром сомнение в возможности единогласного решения я сказал, что даже решение большинства будет иметь огромное моральное значение, в осо-

бенности если с большинством стала бы согласна и сама Румыния.

Что касается определения конкретной помощи, мы считаем для этого необходимым созвать совещание представителей советской, французской и чехословацкой армий. Трудно представить себе общую защиту Чехословакии тремя государствами без предварительного обсуждения практических мер их военными экспертами. Мы готовы участвовать в таком совещании.

Необходимо, однако, использовать все средства предупреждения военного столкновения, а для этого мы сейчас же после аншлюса Австрии рекомендовали созвать совещание представителей государств, заинтересованных в сохранении мира. Мы считаем, что в настоящий момент такое совещание с участием Англии, Франции и СССР и вынесение общей декларации, которая, несомненно, получит моральную поддержку со стороны Рузвельта, имеет больше шансов удержать Гитлера от военной авантюры, чем всякие другие меры. Необходимо, однако, действовать быстро, прежде чем Гитлер окончательно ангажируется.

Информируйте Крофту о вышеизложенном.

М. Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 70—72.

[1] Копии телеграммы были направлены в полпредства СССР в Великобритании и Франции. Нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов дал указание полпреду СССР во Франции ознакомить министра иностранных дел Франции Ж. Бонне с содержанием данной телеграммы, так как не был уверен в точности передачи беседы Ж. Пайяром.

109. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР

3 сентября 1938 г.

Ваша телеграмма от 2 сентября. Бонне уехал. Вернется лишь в понедельник. Постараюсь его в тот же день повидать и все ему передать.

Из очень солидного источника я знаю, что всякий раз, когда в кабинете подымается вопрос об установлении с нами действенного контакта по чехословацкому вопросу, в частности по линии военных штабов, высказывались

опасения, что это будет встречено недружелюбно в Лондоне. Один из министров (я не знаю кто, но полагаю, что Шотан) говорил на совете, что из бесед с ответственными англичанами он вынес определенное впечатление, что они больше всего боятся интервенции СССР в европейские дела из опасения, что успех советского оружия может проложить дорогу коммунизму в Центральную Европу. Тем не менее на последнем заседании кабинета группа министров настояла, чтобы контакт с нами был установлен, и в результате их давления и явился демарш Пайяра. Я вполне допускаю, что, предприняв под давлением этот демарш, Бонне втайне рассчитывал, что мы дадим ответ отрицательный или, во всяком случае, способный вооружить его доводами против контакта. Вот почему я особо приветствую ответ, который дал Литвинов, и прошу разрешения ознакомить с ним и некоторых других членов кабинета.

Сурић

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 477.

110. Из телеграммы полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

3 сентября 1938 г.

[...] Яковлев доставил мне телеграмму наркома о демарше Пайяра уже к Бенешу. Я его ознакомил с содержанием. Бенеш подчеркнул, что рассчитывает, согласно пакту о взаимной помощи, на автоматически наступающую немедленную помощь СССР в случае оказания помощи Францией. Он выражался осторожно, но из повторных упоминаний о решении Франции немедленно мобилизовать в случае нападения и из упоминания о соразмерности помощи можно было вывести заключение, что Бенеш ждет тогда мобилизации и со стороны СССР. Дальше Бенеш заметил, что он в свое время говорил Литвинову и Титулеску, что договор с Румынией о пропуске Красной Армии через ее территорию уже имеется в форме соответствующего постановления в Статуте Лиги наций, к которой принадлежат все три заинтересованные страны. Нужно ли уже приводить в действие механику, он должен еще подумать. Бенеш, понятно, за

практическое сотрудничество военных специалистов и будет его приветствовать в какой угодно форме. Он подумает над всем комплексом возникших вопросов и еще вернется к сделанному мной сообщению. Был сегодня также у Крофты, который принял сообщение к сведению без всякой реакции.

Александровский

Печат. по арх.

111. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

3 сентября 1938 г.

Пайяр информировал меня о демарше. В целом его сообщение совпадает с моей информацией. У него сложилось хорошее впечатление, и он считает предложение Литвинова искренним, однако возникает вопрос, получит ли оно в случае внесения большинство в Совете. Вторым вариантом предложения Литвинова могла бы быть его первоначальная идея совместного совещания держав. Литвинов резко осудил нерешительность Франции в военных вопросах, в связи с чем Пайяр сослался также, в частности, на заявление Вюйемена Герингу, о котором здесь не знали. Я дал понять Чилстону, что Литвинов предлагает провести переговоры в Женеве, то же сделал и Пайяр. Чилстон попросил Литвинова о встрече.

Фирлингер

Печат. по арх.

112. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании заместителю народного комиссара иностранных дел СССР

5 сентября 1938 г.

1. Сегодня видел Корбена, причем из разговора выяснилось, что Париж ему ничего не сообщил о разговоре Литвинова с Пайяром 2 сентября. Чрезвычайно странно также, что, несмотря на французскую болтливость, в английскую печать почти ничего не просочилось об этом разговоре. Единственная краткая телеграмма из Парижа на данную тему, передающая ту часть беседы, которая касается заявления Литвинова о решимости СССР выпол-

нить свои обязательства по советско-чехословацкому пакту при условии выполнения своих обязательств Францией, вчера появилась в «Санди таймс». В сегодняшней понедельничной печати нет ни звука о разговоре 2 сентября. Создается впечатление, что французское правительство хочет замолчать беседу и таким путем свести до минимума ее непосредственный политический эффект. Срочно сообщите, не считаете ли Вы целесообразным продвинуть в здешнюю прессу ту часть беседы, которая касается выполнения нами своих обязательств и консультации миролюбивых держав в развитие интервью Литвинова от 17 марта.

2. Со слов форин офиса Корбен сообщил, что в чехословацком вопросе все пока без перемен. Положение остается чрезвычайно серьезным. Форин офис будто бы до сих пор не получил полного отчета о беседе Эштон-Гуэткина с Генлейном и о контрпредложениях Генлейна[1]. Общее впечатление форин офиса, однако, таково: Генлейн будет настаивать на своей карловарской программе (по существу, если не по форме), а чехословацкое правительство — на своем третьем варианте[2]. Задача состоит в том, чтобы найти между ними линию приемлемого компромисса. Корбен выражал недовольство неясностью позиции британского правительства. Лично он убежден, что настроение членов кабинета фактически гораздо более благоприятно для Франции и Чехословакии, чем они это хотят открыто показать. Тем не менее отсутствие твердого и ясного заявления со стороны Англии в сильнейшей степени увеличивает опасность войны. По сведениям Корбена, в Берлине господствует уверенность, что Англия и Франция не рискнут воспрепятствовать военному выступлению Германии против Чехословакии. Корбен вновь подтвердил, что Франция выполнит все свои обязательства в отношении Чехословакии.

3. Имею точные сведения, что на последнем заседании кабинета 30 августа хотя никаких решений о ближайших действиях не было принято, тем не менее было констатировано, что все члены правительства, кроме одного (вероятно, Кингсли Вуд — министр авиации), считают неизбежным вмешательство Англии в войну, могущую возникнуть в случае германской агрессии против Чехословакии.

Майский

Печат. по арх.

[1] Беседа состоялась 4 сентября 1938 г. в г. Аш после встречи Генлейна с Гитлером в Берхтесгадене. Лидер судетских немцев продолжал настаивать на полном осуществлении карловарской программы.

[2] В своем так называемом третьем плане чехословацкое правительство в значительной степени шло навстречу требованиям генлейновцев, но делало еще попытку сохранить целостность государства. 2 сентября 1938 г. этот план был официально отвергнут судетонемецкой партией.

113. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР

5 сентября 1938 г.

Пайяр сказал, что зашел ко мне после встречи с Фирлингером. Последний передал ему содержание моих сообщений о заявлении, сделанном наркомом в ответ на вопрос, официально поставленный перед ним Пайяром по поручению Бонне. В передаче Фирлингера имелись пункты, которые Пайяру хотелось бы еще уточнить, дабы внести в понимание ответа наркома полную ясность. Пункты эти следующие:

1. Нарком указывал на желательность, в случае угрозы нападения Германии на Чехословакию, немедленного созыва Совета Лиги наций согласно ст. 11 Устава. Пайяр вспоминает, что он указал наркому на сомнительность единодушного решения Совета по вопросу о признании Германии агрессором. На это нарком возразил, что достаточно было бы положительного решения большинства, чтобы произвести надлежащее воздействие на международное общественное мнение и, быть может, заставить Румынию и Польшу изменить свою нынешнюю позицию в отношении советской помощи Чехословакии. Пайяр спросил, правильно ли он воспроизвел эту часть заявления наркома?

Я ответил, что он совершенно точно изложил сущность ответа, данного ему наркомом по этому вопросу. Я добавил, что и в Париж, и в Прагу мы телеграфно передали как вопрос французского правительства, так и ответное наше заявление. Пайяр выразил по этому поводу свое удовлетворение.

2. Для предупреждения военного конфликта правительство СССР предлагает созыв совещания трех держав — СССР, Франции и Англии. Пайяр хотел бы знать, возможно ли организовать такое совещание в Женеве во время сессии Совета или Ассамблеи Лиги?

Я ответил, что это совещание трех держав предлагалось правительством СССР без уточнения места и времени. Мы считаем, что о том и другом легко было бы договориться, если бы имелось принципиальное согласие всех трех держав на организацию упомянутого совещания.

3. По вопросу о конкретных формах помощи Чехословакии в ответе Советского правительства предлагался созыв совещания представителей генштабов Франции, СССР и Чехословакии. Пайяр осведомляется, представляем ли мы себе такое совещание с непременным и единовременным участием представителей всех трех поименованных стран?

Я ответил, что точный смысл нашего ответа именно таков. Я должен сказать, что с трудом мог бы себе объяснить, почему было бы предпочтительнее вместо совещания соответствующих представителей трех стран ограничиться попарными консультациями.

4. Пайяр спросил, какую позицию занял бы СССР, если бы Чехословакия подверглась нападению Польши? Я напомнил Пайяру, что точно такой же вопрос применительно к позиции Франции мы ставили французскому правительству. Мы знаем, что Франция обязана по договору оказывать помощь Чехословакии против любого агрессора. Что касается СССР, то формально условия советско-чехословацкого пакта не обязывают нас к оказанию помощи Чехословакии в случае нападения на нее Польши. Само собой разумеется, что, не принимая на себя формально обязательства такой помощи, СССР вовсе не лишил себя тем самым права принимать по своему усмотрению то или иное решение, если Польша нападет на Чехословакию.

Пайяр спросил, кого из глав иностранных миссий в Москве мы осведомили о запросе французского правительства и данном на него ответе.

Я сказал, что такую информацию я дал только Фирлингеру. Если бы к нам обратился английский посол, я счел бы целесообразным сообщить и ему о вышеупомянутых переговорах. Пайяр полностью с этим согласился. Что касается Румынии и Польши, то он высказался за то, чтобы не посвящать их в это дело.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 73—75.

114. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в Великобритании, Франции и СССР

6 сентября 1938 г.

Комитет политических министров на вчерашнем заседании у президента республики принял текст окончательного предложения, которое является ответом на последние возражения судето-немецкой партии [1]. Правительство делает дальнейшие значительные уступки. В сущности это означает принятие наибольшей части требований, содержащихся в шести карловарских пунктах. Большая часть требований, содержащихся в седьмом пункте, удовлетворена; и в последнем пункте, в вопросе о юридическом лице национальности, мы практически идем навстречу. Таким образом, ни один из карловарских пунктов не остается не затронутым. Проведено настоящее равноправие, принят принцип создания областей с широкими административными полномочиями. Сегодня вечером или завтра утром дело будет передано судето-немецкой партии и наверно будет опубликовано коммюнике с кратким обзором всего его содержания. Все документы, касающиеся дела, вместе с объяснениями получите завтра авиапочтой. Президент республики говорил с де Лакруа и обратил его внимание на далеко идущие уступки, о которых сегодня еще нельзя сказать, не затруднят ли они внутреннее развитие государства и не ослабят ли они его. Однако нажим Англии и Франции был таков, что нельзя было ему противостоять; в интересах Франции и Чехословакии является то, чтобы они внимательно следили за дальнейшим развитием и противостояли возможным опасным последствиям. Поэтому президент республики настойчиво требовал, чтобы сейчас Франция полностью и без компромисса встала на точку зрения Чехословакии, чтобы она прежде всего обратилась в Лондон и защищала там не только Чехословакию, но также и свои интересы в соответствии с нотой, которую Бонне направил в Лондон по вопросу миссии Ренсимена [2].

Ясно, что дело не во внутриполитических вопросах, а в борьбе между Берлином и Прагой. В случае, если и сейчас Франция не поймет ситуацию, это будет иметь тяжелые последствия для дальнейшего развития Европы.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 76—77.

[1] 5 сентября 1938 г. чехословацким правительством был принят так называемый четвертый план решения судето-немецкого вопроса. По существу, он означал принятие требований судето-немецкой партии об автономии, содержавшихся в карловарской программе. Основные положения этого плана стали известны общественности из печати лишь 8 сентября 1938 г.

[2] 30 августа 1938 г. министр иностранных дел Франции Ж. Бонне поручил французскому послу в Великобритании Ш. Корбену сообщить министру иностранных дел Великобритании Э. Галифаксу, что французское правительство высоко ценит позицию Англии, однако считает, что значение миссии Ренсимена с каждым днем уменьшается.

115. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

7 сентября 1938 г.

Вызывал к себе Бенеш и сообщил, что Англия и Франция производят бешеный нажим с прямыми угрозами оставить Чехословакию на произвол Гитлера. На угрозу плебисцита Бенеш ответил, что для него плебисцит — это война. Была бурная сцена с Ньютоном, Ренсименом и французом де Лакруа [1]. Бенеш считает свои уступки последними и сам высказывает сомнение, уж не зашел ли он слишком далеко. Он еще не знает, удовлетворит ли Англию сделанное, и сомневается, примет ли уступки Генлейн. Утверждает, что уступки еще не нарушают рамки существующей конституции, но сам же подчеркивает, что при уточнении соответствующих законов рамки легко будут нарушены, что приведет к острой борьбе в парламенте, где у правительства тогда не будет большинства. Наибольшую опасность представляет вопрос о разграничении компетенции в области законодательства между общегосударственными и кантональными парламентами. Бенеш сознает, что его уступки повлекут за собой еще большую, чем теперь, гитлеризацию немецких и смешанных районов Чехословакии. Несмотря на все, намерен обороняться и не выпускать из рук армию, жандармерию, финансы и заграничную политику, которая остается без изменений. В случае прямого нападения намерен воевать, для чего вчера и сегодня приняли меры совместно с генеральным штабом. Какие именно, не сказал, за исключением общих замечаний, что в подготовке ударение ставится на этнографически чешской территории, что не обозначает готовности сдать Судетскую область

без боя, а скорее наоборот. Просил заверить, что готов на крайние жертвы для сохранения мира, но сейчас это от него уже не зависит. Никакого совместного коммюнике с Генлейном не будет. Бенеш отказался от первоначального намерения и не будет выступать по радио до речи Гитлера. За коалиционную партию он спокоен, но несколько опасается, чтобы масса не потеряла терпение раньше конца нюрнбергского съезда. Считает, что речь Гитлера, что бы он ни сказал, принесет успокоение. Просил передать в ответ на прошлое мое сообщение ему о французских вопросах в Москве по поводу помощи в случае нападения Германии, что Франция приняла практические меры для разработки технических проблем. Бенеш не знает точно, но думает, что Кулондр получил соответствующие инструкции. По поводу применения ст. 11 Статута Лиги наций полагает, что нужно присмотреться к обстановке, которая будет в Женеве, и тогда решить, имеет ли смысл. Крофта получит нужные инструкции.

Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 480—481.

[1] 2 сентября 1938 г. в беседе с президентом ЧСР Э. Бенешем лорд Ренсимен предупредил, что если перед Чехословакией встанет проблема выбора между принятием карловарской программы и войной, то президент не должен питать никаких иллюзий относительно того, какой будет позиция Великобритании. Подобного рода заявления президенту Бенешу в последующие дни были сделаны французским и английским посланниками в Праге.

116. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланникам ЧСР во Франции и Великобритании

7 сентября 1938 г.

Г-н президент сообщает для вашего сведения.

1. Предложения, с которыми правительство обратилось к судето-немецкой партии, были приняты под непреодолимым нажимом Англии и Франции. Являясь с политической точки зрения, а иногда и по форме чрезмерным и ошибочным, он, по-видимому, приведет к пагубным последствиям. В будущем указанные предложения могут оказать отрицательное воздействие на развитие

республики, и особенно на ее внутреннее развитие. Необходимо напрячь все силы, чтобы этого не произошло, чтобы воспрепятствовать этому всюду, где только представится возможность. В предложениях не содержится ничего, что в нормальных условиях могло бы создать угрозу государству. Однако при нынешнем положении ими могут злоупотребить. Следовательно, с трудностями еще далеко не покончено.

2. Президент обратил внимание посланника де Лакруа на ответственность Англии и Франции за дальнейшее развитие и подчеркнул, что это могло бы поставить под угрозу мощь, боеспособность и мобилизационные возможности государства. Впрочем, он указывал на это неоднократно и в условиях осуществлявшегося ранее нажима и настаивал, чтобы все было доведено до сведения правительства. На этот раз он также потребовал, чтобы Париж предпринял демарш в Лондоне. В последнее время на все вышесказанное обращалось также внимание английского посланника и лорда Ренсимена.

3. Президент предоставляет вам настоящую информацию, чтобы вы могли использовать ее по своему усмотрению в своих беседах.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Mnichov v dokumentech», dil I. Praha 1958, str. 100—101.

117. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Великобритании в СССР

8 сентября 1938 г.

[...] 2. В дальнейшей беседе Чилстон коснулся положения в Центральной Европе и вновь выразил свои опасения насчет возможности войны Гитлера против Чехословакии. Я сообщил послу о только что полученных сведениях относительно внезапного отказа генлейновцев удовлетвориться теми уступками, которые сделаны были для них правительством Бенеша в последние дни и которые уже были признаны ими приемлемыми[1]. Чилстон выразил крайнее беспокойство за дальнейшее развитие событий в Центральной Европе, сетуя, что судьба мира на всем континенте зависит в настоящее время от каприза одного человека.

Чилстон упомянул, что, по английским сведениям, германская армия далеко не представляет собой столь грозной силы, о какой кричат гитлеровцы. Как техническое оснащение, так и людской состав и, в особенности, моральное состояние вооруженных сил Германии оставляют желать очень много лучшего.

Что касается Франции, то, по мнению Чилстона, она вовсе не расположена воевать. Естественно, что это должно учитываться и в Чехословакии, и в СССР.

В. Потемкин

Печат. по арх.

[1] Поскольку чехословацкое правительство в своем четвертом плане уже пошло на удовлетворение требований генлейновцев, судето-немецкая партия изменила свою тактику и под предлогом спровоцированного конфликта в Моравской Остраве прервала 7 сентября переговоры с правительством.

118. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

8 сентября 1938 г.

1. Сегодня Галифакс пригласил меня к себе и просил передать его извинение т. Литвинову по поводу того, что центральноевропейский кризис делает для Галифакса невозможным сейчас отправиться в Женеву. Он надеется, однако, несколько позднее побывать на Ассамблее и тогда непременно повидается с Литвиновым, так как хочет с ним поговорить по различным вопросам. До приезда Галифакса британскую делегацию будет возглавлять лорд де ла Варр (хранитель печати, национал-лейборист, друг Идена).

2. Далее Галифакс перешел к центральноевропейским делам и высказал опасение, что Генлейн отвергнет «четвертый план» чехословацкого правительства. Я саркастически заметил, что вчерашняя передовица «Таймс» (с предложением передать Судетскую область Германии), вероятно, сыграет свою роль в подготовке такого решения Гитлера. Галифакс с максимально доступной ему горячностью (хотя это значит не очень много) заявил, что передовица «Таймс» достойна глубокого сожаления, что она совсем не отражает мнений английского правительства, что кабинет уже опубликовал вчера соответственное опровержение и что Гендерсону и Ньютону

даны инструкции разъяснить Берлину и Праге совершенно частный характер выступления «Таймс». При этом Галифакс как-то наивно прибавил: «Беда в том, что никто не верит нашим опровержениям». Я спросил, не собирается ли английское правительство в какой-либо более убедительной форме отмежеваться от передовицы «Таймс», но Галифакс дал понять, что пока ничего подобного не предполагается.

3. Насколько несерьезны только что цитированные заявления Галифакса, выяснилось спустя несколько мгновений. Я в упор поставил вопрос, считает ли британское правительство, что «четвертый план» есть предел, дальше которого чехословацкое правительство не может и не должно идти. Галифакс стал сразу же расплывчат и неясен и в конце концов заявил, что «четвертый план» представляет несомненно «большой шаг вперед». На мой дальнейший вопрос, допускает ли британское правительство возможность еще новых уступок немцам сверх «четвертого плана», Галифакс нашелся только ответить, что Англия была и остается заинтересованной в «мирном урегулировании» центральноевропейской проблемы. Какой ценой? — продолжал я. Галифакс неопределенно развел руками и заметил, что цена определяется обстоятельствами. Я вновь спросил: что будет делать британское правительство, если немцы категорически отвергнут «четвертый план» и вообще не захотят вести переговоры с чехами? Галифакс ответил буквально следующее: «Надо будет использовать все ресурсы, которыми располагает человечество, для того чтобы убедить обе стороны возобновить переговоры».

4. Так как я довольно крепко атаковал эту капитулянтскую позицию, то Галифакс спросил, как мы мыслим себе борьбу с центральноевропейской опасностью. Я вкратце развил наш взгляд на методы борьбы с агрессией. Галифакс поинтересовался подробностями недавнего разговора Литвинова с Пайяром, о котором он уже имел сведения (по-видимому, от Чилстона и французов). Я удовлетворил любопытство Галифакса. Он подумал немного и сказал, что теперь вполне понимает советскую точку зрения, однако ничем не выразил своего отношения к ней. Общее мое впечатление от сегодняшнего разговора с Галифаксом сводится к тому, что британское правительство не хочет сделать ничего эффективного для защиты Чехословакии и что передовица «Таймс» являет-

ся пробным шаром для определения общественной реакции внутри и вне Англии к подобного рода плану. Ванситтарт, которого я также сегодня видел, настроен несколько оптимистичнее, но, признаться, после моей сегодняшней беседы с Галифаксом я не жду от британского правительства каких-либо энергичных действий, если, конечно, на сцене не появятся какие-либо новые мощные факторы, способные совершенно изменить ситуацию.

Майский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 483—484.

119. Из речи Генерального секретаря КПЧ К. Готвальда на манифестации жителей Праги на Славянском острове

9 сентября 1938 г.

Товарищи!

Мы переживаем чрезвычайно серьезный момент. Можно сказать, что республика стоит на распутье. Развитие событий в ближайшие дни определит, быть может надолго, ее судьбу, судьбу всех нас. Чтобы разобраться в потоке известий и событий, чтобы понять сущность того, что происходит и что поставлено на карту, чтобы дать правильный ответ на вопрос, чего необходимо избежать и что нужно делать, мы должны посмотреть в корень вещей.

Существуют деятели, которые стремятся представить дело так, будто речь идет об урегулировании отношений между чехами и немцами в Чехословакии. Однако такое изображение существа дела ошибочно. В действительности на повестке дня стоит не вопрос о национальных взаимоотношениях в Чехословакии, а вопрос о существовании Чехословакии как независимого и демократического государства, а также вопрос о национальном существовании чехов и словаков. А этот вопрос о существовании Чехословакии опять-таки связан с проблемой господства известных империалистических сил в Европе и во всем мире.

Всем нам известный империализм, выступающий под знаком свастики, стремится, прежде всего, к политическому господству в Европе. В данный момент его экспансия направлена на юго-восток, в Центральную Европу, в Дунайский бассейн, на Балканы. О том, какие бесцеремонные методы он использует для достижения этой цели,

свидетельствует оккупация Австрии. На пути этой хищнической экспансии стоит Чехословакия. Поэтому усилия фашистского империализма сосредоточиваются теперь на устранении этого препятствия, чтобы освободить себе путь к Венгрии и Румынии, зажать в клещи Польшу, чтобы стать, таким образом, хозяином в Европе, обрушиться на Францию, и, наконец, начать с Англией битву за мировое господство. Всякий, кто не поражен слепотой, должен видеть, что сущность проблемы заключена именно в этом, а не в новом урегулировании национальных отношений в Чехословакии. Национальное положение судетских немцев — это лишь предлог, жалкая ширма для прикрытия стремлений фашистского империализма к мировому господству. Если мы поймем эту основную проблему, нам будет легче потом найти ответ на вопрос, что должны делать Чехословакия и мир и чего они должны избегать.

Бесспорно, враг охотнее всего рассек бы наш гордиев узел мечом, охотнее всего он применил бы против нас «австрийский» метод. Если он не сделал этого до сих пор, так не потому, что у него нет такого желания, а просто потому, что в этом случае он слишком многим бы рисковал, в определенных условиях — даже и собственной головой.

Что же до сих пор удерживало врага от прямого нападения на нас? Прежде всего, наша твердая воля и способность защищаться. Защищаться любой ценой, всеми средствами. Защищаться руками и ногами. Биться за каждое дерево, за каждый рубеж. Биться за каждый дом, за каждую деревню. Враг знал и знает, что путь к Праге для него не будет простой прогулкой. Он знает, что нас не взять голыми руками. Он знает, что мы сможем и одни продержаться, по крайней мере до прихода помощи от друзей и союзников. Итак, наша твердая воля и способность защищаться являются первой причиной, почему враг до сих пор не решился прямо напасть на нас.

Второй причиной является тот факт, что мы не одиноки. В случае нападения на нас Франция обязана по договору прийти нам на помощь. Советский Союз всегда вплоть до последней буквы выполнял свои обязательства, и мы можем дать голову на отсечение, что он нас не оставит. Англия имеет обязательства по отношению к Франции, и ее собственные насущные интересы диктуют ей встать рядом с Францией, если та будет вынуждена взяться за оружие. [...]

Намерение предоставить генлейновцам важные позиции в управлении страной объясняют и оправдывают разными причинами. Говорят, что это делается под нажимом Англии. Несомненно, английское правительство вразрез с общественным мнением Англии оказывает давление на Прагу, с тем чтобы она как можно больше пошла навстречу ультимативным требованиям Генлейна. Об английских лордах известно, что они щедры и великодушны, когда раздают то, что им не принадлежит. Но, в конце концов, Прага сама должна решать, что отвечает интересам республики, что для нее приемлемо, а что нет. И если бы Прага твердо стояла на своей позиции и сказала этим многоуважаемым господам: господа, есть границы, которые мы не можем, слышите, не можем перейти, не совершив самоубийства,— то после этого и господа лорды должны были бы волей-неволей признать это и соответственно поступить. Кое-кто говорит, что Англия предоставила бы агрессору свободу действий против нас, если мы полностью, на все сто процентов, не удовлетворим требования английских лордов. Это неправда. Англия просто не смогла бы остаться в стороне, она должна была бы защитить нас не ради наших прекрасных глаз, а ради своих собственных интересов. Все это в еще большей степени относится к Франции. Правда, Франция в настоящее время идет в фарватере английской политики. Однако, случись самое худшее, она должна будет выступить, если не захочет скатиться до положения второразрядной державы и если ей самой не захочется подвергнуться в скором времени опасности нападения превосходящих сил агрессора.

Кое-кто, в свою очередь, ссылается на Советский Союз. Мол, в договоре о взаимной помощи существует оговорка о том, что помощь Советского Союза обусловлена помощью Франции. Да, такая оговорка там есть. Но кто ее желал иметь в договоре? Отнюдь не Советский Союз. Эта оговорка была включена в договор под нажимом реакционных кругов Чехословакии, которые и теперь еще стыдятся Советского Союза, нашего самого верного союзника. Одним словом, неверно ссылаться на то, что наши друзья и союзники оставят нас, если мы не уступим нажиму английских лордов и не дадим Генлейну всего, чего он желает. Правда такова: если Прага будет тверда, то это будет импонировать и Лондону.

Говорят: с чертом свяжешься — добра не жди. Это можно сказать и о генлейновцах. Им до сих пор шли навстречу, а какая от этого была польза? Была проведена большая амнистия. Было освобождено несколько сот крупных и мелких шпионов. А теперь генлейновцы открыто и в крупном масштабе организуют антигосударственные вылазки. Прошли выборы, генлейновцы захватили в свои руки большинство немецких общин, старосты которых теперь публично заявляют, что в этих общинах они будут управлять не по чехословацким законам, а по законам третьей империи о местной власти. Были и такие случаи, когда генлейновские старосты отказывались выполнять указания районных властей о вывешивании официальных объявлений о военной подготовке. Была разрешена ФС, это подобие гитлеровских СА. А сейчас они организуют массовую переброску через границу контрабандного оружия для вооружения ФС. Был подготовлен первый проект национального статута. Генлейновцы его отвергли. Им этого было мало, они хотели большего. Был подготовлен второй проект — о реформе местного самоуправления. Генлейновцы бросили его под стол. Они хотели большего. Был подготовлен третий проект, который генлейновцы снова отвергли. Они желали еще большего. Сейчас им сделано четвертое предложение, о котором говорят, что оно, по существу, удовлетворяет карловарские требования. А что же генлейновцы? Они уже заявили, что карловарские требования являются лишь первым, а не последним их словом. Это значит, что после их выполнения генлейновцы захотят еще большего. Они уже кричат, что чехи должны уйти из Судет. По соседству с нами уже сейчас доказывают, что Прага, собственно говоря, немецкий город, что она когда-то входила в состав Германской империи. Генлейновцы теперь устраивают нелегальные демонстрации и орут о плебисците и присоединении к империи. Переговоры о четвертом предложении они, собственно, прервали под совершенно наглым предлогом. Подумайте только: генлейновцы прервали переговоры якобы потому, что одного из их депутатов, некоего Мая, ударили тростью по спине, когда он шел во главе запрещенной демонстрации, направленной против заключения в тюрьму нескольких генлейновцев [1]. И знаете за что? За то, что они занимались массовой контрабандой оружия к нам через границу. И эта партия позволяет себе еще та-

кую наглость — отвергать одно за другим предложения правительства.

Таким образом, нет ни малейшей уверенности, что генлейновцы удовлетворятся четвертым предложением. Вероятнее всего, они будут шантажировать и дальше. А если они получат все, чего хотят сегодня, то где гарантия тому, что они не придут завтра с новыми, еще более наглыми требованиями? Тот, у кого есть хоть капля политического чутья, должен на основе имеющегося опыта неизбежно считаться с этим. Короче говоря, генлейновский обжора обладает огромным аппетитом. Если ему вовремя не надеть намордник, он способен со временем проглотить все. В этом отношении в настоящее время ни у кого не должно быть и тени иллюзии.

Большую ошибку допускает и тот, кто думает, что путем полного удовлетворения требований Генлейна мы сохраним мир и, заплатив иностранному агрессору выкуп, обеспечим покой для республики. Мы же все хорошо знаем, как обстояло дело с Австрией. Выставлялись требования, давались обещания, брались обязательства и заключались договоры. Сначала было выставлено одно требование. После его выполнения следовало обещание, что страну оставят в покое. Но вскоре после этого были предъявлены новые требования. Когда заставили их выполнить, снова давались обещания, что на этот раз действительно будет обеспечен покой. И так повторялось снова и снова, вплоть до самого конца — вооруженной оккупации Австрии и прекращения ее существования. Тот не политик, кто не видит, что подобный метод агрессор постарался бы применить также и по отношению к нам. [...]

Печат. по изд.: *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 523—525, 527—530.

[1] Имеется в виду инцидент в Моравской Остраве.

120. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

10 сентября 1938 г.

Вчера вернулся Кулондр и заявил, что сообщение Пайяра о том, что СССР готов применить все средства, было понято в Париже так, что СССР требует примене-

ния только всех дипломатических средств, тогда как категорическое заявление Литвинова означает, что СССР предоставляет в распоряжение все свои наземные, воздушные и морские силы. Пайяр также якобы недостаточно подчеркнул, что то же самое сделает Франция, что вызвало здесь значительную неудовлетворенность. Литвинов сегодня встречается с Бонне, и, очевидно, это недоразумение выяснится. Париж подготавливает предлагаемую встречу представителей трех армий. Я сказал Кулондру, что недоразумение характеризует атмосферу взаимного недоверия, чему следует положить конец. Мне стало известно из источников, близких к Кремлю, что там обсуждался даже вопрос о действиях и без Франции. Настроение, следовательно, по отношению к нам очень твердое и решительное.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 78.

121. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР

11 сентября 1938 г.

Кулондр явился ко мне для того, чтобы переговорить о некотором недоразумении, возникшем, по его словам, по поводу нашего ответа на вопрос французского правительства касательно помощи Чехословакии.

Как говорит Кулондр, Фирлингер сигнализировал ему, что в СССР наблюдается недовольство зависимостью французской внешней политики от Англии и, повидимому, даже возникают сомнения в лояльном отношении Франции к обязательствам, вытекающим из ее договоров с Чехословакией и СССР. Кулондр условился с Бонне, что по этому поводу переговорит со мной. С другой стороны, Бонне, выехавший вчера в Женеву, собирается в беседе с наркомом убедить его в неосновательности возникающих у нас сомнений.

Кулондр не отрицает, что французское правительство рассматривает свое сотрудничество с Англией как одну из существеннейших гарантий мира и как свое надежнейшее обеспечение в случае войны с Германией. Это не означает, однако, что Франция приносит в жертву этому

сотрудничеству свои договорные обязательства в отношении Чехословакии или СССР. Конечно, во Франции имеется довольно сильное течение против сближения с СССР. Однако Кулондр может заверить, что французское правительство считает франко-советский пакт, как и свой договор с Чехословакией, существенным элементом своей конструктивной внешней политики. Франция сохраняет верность своим обязательствам, закрепленным в этих договорах. Этим только и нужно объяснить вопрос, поставленный французским правительством перед правительством СССР касательно возможностей совместной помощи Чехословакии. Кулондр откровенно сознается, что, ознакомившись у Бонне с ответом Советского правительства, переданным по телеграфу Пайяром, он испытал, как и Бонне, известное разочарование. В телеграмме Пайяра центр тяжести советского ответа был перенесен в плоскость дипломатических акций — обращения к Лиге наций и консультации СССР, Франции и Англии. Между тем от СССР ожидалось конкретное сообщение, как и чем может он оказать помощь Чехословакии в случае войны ее с Германией. На это в телеграмме Пайяра конкретных указаний не содержалось. Разочарование Кулондра и Бонне будто бы не разделялось Леже и Массигли: они находили ответ правительства СССР достаточно ясным и положительным. В конечном счете решимость французского правительства оказать помощь Чехословакии осталась непоколебимой. Такая помощь может потребоваться уже в ближайшие дни. В такой обстановке необходимо, чтобы между Францией и СССР не осталось никаких недоразумений.

Я ответил Кулондру, что не могу судить о том, в какой степени точно сумел Пайяр передать в Париж ответ правительства СССР. Я должен лишь засвидетельствовать, что лично мною внимание Пайяра было обращено на четыре основных момента заявления, сделанного ему М. М. Литвиновым. Эти моменты таковы:

1. Обращение к Лиге наций на основании статьи 11 Устава для констатации авторитетнейшей частью Лиги факта угрозы германской агрессии и для соответствующего воздействия на позицию стран, идущих за Францией, Англией и СССР.

2. Совещание СССР, Франции и Англии, имеющее целью опубликование декларации, могущей предупредить нападение Германии на Чехословакию.

3. Консультация представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии.

4. Не допускающее никаких недоразумений и кривотолков заявление наркома о решимости правительства СССР в случае нападения Германии на Чехословакию выполнить вместе с Францией все свои обязательства по советско-чехословацкому пакту «с использованием всех доступных нам для этого путей».

Я полагаю, что только явно недобросовестное использование нашего ответа могло создать впечатление о его неясном и уклончивом характере. Я добавил, что мы, как должно быть известно Кулондру, немедленно довели до сведения Праги точное содержание нашего ответа, данного французскому правительству. Мы сделали это для того, чтобы поддержать чехословацкое правительство в самый тяжелый для него момент. Отсюда очевидно, какое значение придавали мы нашему заявлению.

Кулондр пробовал было прикрыться ссылкой на то, что Пайяр, по-видимому, не сумел достаточно четко выделить положительные моменты нашего ответа. В настоящее время, по словам Кулондра, для него ясно, что первоначальное его впечатление от этого документа было ошибочным. Он убежден, что при встрече Бонне с Литвиновым рассеются всякие обоюдные недоразумения, связанные с нашим ответом. Со своей стороны, он находит заслуживающими полного внимания и мысль об обращении к Лиге наций и идею совместной декларации СССР, Франции и Англии. Что же касается совещания представителей трех генштабов, то, по словам Кулондра, Франция к этому вполне готова.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из историн Мюнхена». М., 1958, с. 79—82.

122. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы

11 сентября 1938 г.

Приехав сегодня утром, Бонне сейчас же явился ко мне. Он рассказывал, что он передал англичанам наше предложение о совещании и о совместной декларации, что было ими отклонено. Бонне добивался тогда хотя бы

какого-либо индивидуального демарша Англии в Берлине или более ясной декларации, чем сделанной Саймоном [1], но англичане и это отклонили, заявив, что они не считают нужным предпринимать какие-либо шаги в Берлине.

Никакого свидания между Гендерсоном и Гитлером не было. Когда в «Дейли мейл» появилась заметка, что Англия будет воевать на стороне Франции, Галифакс счел нужным сейчас же напомнить французам, что у Англии нет никаких обязательств в отношении Чехословакии и что ее позиция более сдержанная, чем французская. Бонне разводил руками, что, мол, ничего сделать нельзя. Никаких предложений он не делал, и я также был сдержан.

Коснувшись Румынии, он сказал, что Комнен недавно говорил также французскому посланнику, что Румыния не может пропускать Красную Армию, но что если советские самолеты будут летать высоко над Румынией, то их не видно будет. Румыния в этом вопросе связана только возражениями Польши. Когда Бонне говорил польскому посланнику, что если Польша не хочет ничем помогать Чехословакии, то пусть она не мешает хоть Румынии, посол дал понять, что Польша и на это не пойдет и что Румыния без нее не может принимать никакого решения. Галифакс также предлагал Польше через посла в Лондоне занять более благоприятную для Чехословакии позицию. Бонне полагает, как мне говорил и Комнен, что будто бы Польша несколько меняет свою позицию, но эту песню мы слышим уже давно. Бонне утверждает, что Франция никакого давления на Чехословакию не оказывала и не оказывает.

Касательно выступления в Лиге наций Бонне говорил, что он предупреждал Галифакса, что Франция займет самостоятельную позицию и не поддержит выступление Англии против ст. 16.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 487—488.

[1] Имеется в виду выступление министра финансов Великобритании Дж. Саймона в Ланарке 27 августа 1938 г. Относительно чехословацкого вопроса министр заявил, что ему нечего добавить к речи премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена в палате общин английского парламента 24 марта 1938 г.

123. Письмо посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

13 сентября 1938 г.

Позиция Советского Союза в вопросе частичной мобилизации, проведенной в Чехословакии 21 мая 1938 г., определяется общими взглядами Советского правительства и советской общественности на внешнюю политику и на ход международных событий в Европе в последние несколько лет. Советский Союз, в частности, полагает, что в отношении государств, имеющих агрессивные намерения против своих соседей либо вообще против других государств, нельзя проводить политику соглашательства или политику уступок, поскольку любой факт соглашательства эти агрессивные государства сочтут проявлением слабости и никакая уступка не удовлетворит их аппетиты; наоборот, каждая уступка будет для них лишь подтверждением полезности и целесообразности их политики агрессии и угроз и приведет к дальнейшему росту их требований.

Советский Союз противопоставляет политике соглашательства и уступок политику энергичного отпора; этот отпор, учитывая силу агрессора, не может быть оказан каким-либо отдельным государством, поскольку сегодня для этого его сил вряд ли хватило бы. Поэтому, по мнению Советского Союза, всем государствам, выступающим за мир, против войны, необходимо объединиться и совместными действиями принудить агрессора отказаться от войны как средства осуществления своих целей.

По этой причине советская печать, например, систематически выступала с довольно резкой критикой в адрес Англии, упрекала и упрекает ее за неустойчивую линию во внешней политике.

Что касается 21 мая, то советская точка зрения состоит, примерно, в следующем: своевременная мобилизация, проведенная Чехословакией почти в самый последний момент, воспрепятствовала нападению Германии на Чехословакию, предотвратив тем самым войну в Центральной Европе и, может быть, войну европейскую. Чехословакию в то время поддержали также ее союзники — Франция и Советский Союз, а сотрудничество Англии и Франции в тот период было искренним и тесным. Это второй фактор, названный Советами «функцио-

ширования системы коллективных действий по сохранению мира», который в то время способствовал устранению угрозы войны.

Фирлингер

Печат. по арх.

124. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии с послом Франции в Германии

13 сентября 1938 г.

Я у Франсуа-Понсе. Посол, понимая, что цель моего прихода — узнать его оценку речи Гитлера [1], начинает вместо ответа засучивать рукава и сжимать кулаки, как бы интерпретируя этим последнюю позицию Гитлера. Он начинает напоминанием о той оценке положения как весьма серьезного, какую он дал в последней беседе с полпредом. Сейчас он считает, характеризует положение как «серьезное, но не безнадежное», не вполне разъясняя, однако, в чем же усматривает признаки надежды. Упомянул лишь, что не исключено, что Гитлер бравирует в расчете запугать, но на этот раз зашел слишком далеко. Он не остановится перед любой провокацией, чтобы создать повод для вторжения, и они могут подстроить любое убийство, хотя бы самого Генлейна. Спросив меня о позиции СССР в случае нападения Германии на Чехословакию и получив ответ, что наша позиция по смыслу договора зависит от позиции Франции и что мы готовы выполнить обязательства, он, как бы раздумывая, сказал: «Да, но как вы сможете это сделать? Как придут в Чехословакию ваши войска?»... Немного подумав: «Немцы построили исключительно сильные укрепления на французской границе; они, правда, не вполне достроены, но уже достаточно мощны... Прорваться через них трудно. Авиация? Да, конечно, немцам не будет приятно, если начнут бомбардировать их города... Англия, вероятно, ограничится участием в блокаде, которая будет для Германии достаточно чувствительна, что бы ни говорил Геринг... Позиция Польши не изменилась. Липский по-прежнему готов лизать руки немцам; это означает, что Бек своей позиции менять не собирается. Чехословакия нужна Германии не сама по себе, но как этап на пути захвата Румынии. Последняя составляет очередную

цель Гитлера (нефть, зерно). Это понимает Компен. Здешний посланник Джувара — человек недалекий и преклоняется перед Германией...»

Франсуа-Понсе кратко сказал о пребывании в Нюрнберге, где пробыл один день (на приеме у Гитлера). Как старейшему послу ему пришлось сказать ответную речь, в которой он отметил, что 1) собравшиеся в Нюрнберге дипломаты принадлежат к разным течениям по своему мировоззрению, 2) конгресс был очень интересен и 3) лучший лавровый венок для политического деятеля, если он сможет предотвратить слезы матерей. Он выразил надежду, что Гитлер сможет заслужить этот венок. Гитлер слушал эти слова весьма угрюмо.

Франсуа-Понсе подтвердил, что Гендерсон беседовал с Риббентропом о позиции Англии в том духе, как это сообщили в прессе.

Г. Астахов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 489—490.

[1] 12 сентября 1938 г. на закрытии съезда нацистской партии в Нюрнберге Гитлер произнес речь, содержавшую резкие выпады и угрозы в адрес Чехословакии. Сразу же после речи Гитлера генлейновцы в ночь на 13 сентября организовали в Судетской области путч с целью спровоцировать конфликт между Германией и Чехословакией. Вооруженное выступление генлейновцев было подавлено чехословацкими властями уже к вечеру 14 сентября 1938 г.

125. Телеграмма посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР

14 сентября 1938 г.

Из самого компетентного источника.

I. Вчера вечером Бонне имел крайне неприятную беседу с Фиппсом, о которой Корбен не был информирован. Бонне заявил, что необходимо сохранить мир, даже пожертвовав ЧСР, и что Франция не готова и не хочет за нас воевать. Затем Фиппс говорил с Даладье, который был несколько решительнее, но не намного. Как заявило сегодня английское правительство, при таких обстоятельствах очень трудно что-либо предпринять. Может показаться странным, но официальные контакты между Парижем и Лондоном таковы, будто этих бесед не было, и депеши, направляемые Корбену, выдержаны в реши-

тельном и мужественном тоне. Мой самый важный информатор советует осуществить сейчас все военные приготовления. Лишь в этом случае мы получим помощь, и если проявим твердость, то Англия и Франция выступят. Возможно, у Бонне преждевременно сдали нервы.

II. По сообщению египетского посла, только что вернувшегося из Берлина, Риббентроп в беседе с ним подчеркнул, что Гитлер решил урегулировать судетский вопрос сейчас и ничто на свете не свернет его с избранного пути. Если удастся это сделать мирным путем — хорошо, а не удастся — тогда с помощью войны. Англии не следует в это вмешиваться, Германия все решит сама.

Масарик

Печат. по арх.

126. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии в НКИД СССР

14 сентября 1938 г.

Сегодня видел Блонделя и Хвалковского. На основе имеющейся у них информации и собранных нами данных позиция Италии в судетском вопросе рисуется в следующем виде: 1. Муссолини, несущий груз испанской интервенции, не покоренной еще Абиссинии, испытывающий громадные внутренние затруднения, хочет избежать участия в войне в пользу Германии, которая после аншлюса в Италии особенно непопулярна и грозила бы крахом режима. 2. Муссолини, однако, находится под нажимом Гитлера и связан в своих действиях. Гитлер, весьма недовольный первым итальянским коммюнике, запоздало отразившим его первоначальные, а ныне выросшие аппетиты, 12-го прислал сюда принца фон Гессена (который привозил его личные письма Муссолини в момент аншлюса). В результате переговоров Гессена с Чиано Муссолини вынужден был солидаризироваться с требованием о плебисците. 3. Здесь абсолютно уверены, что Франция и Англия на войну не пойдут и заставят Прагу капитулировать. В качестве возможного временного компромисса указывают на карлсбадскую программу, дополненную отставкой Бенеша. Характерно, что, по данным французского, югославского и английского военных атташе, до сих пор здесь не проводится какое-нибудь

серьезное военное мероприятие, свидетельствующее, что Италия действительно серьезно думает о войне. Все мероприятия сводятся преимущественно к усиленным призывам полицейских резервистов, что может понадобиться лишь в перспективе, в случае мобилизации. 4. Одновременно в согласии с Гитлером итальянцы собираются всячески доказывать, что выступление Германии в случае непринятия Прагой ее требований неизбежно. Одновременно итальянцы в целях шантажа начали официально заявлять иностранным журналистам, что военное вмешательство Франции и Англии придаст войне «идеологический» характер и повлечет за собой автоматическое вступление в нее Италии. 5. В целом, при сознательном распространении алармистских слухов правительством, влиятельные итальянцы в частных беседах говорят, что, во всяком случае, до октября, когда эвентуальная помощь СССР будет очень затруднена, Германия не выступит, да и вообще вряд ли выступит, ибо добьется своего руками Парижа и Лондона.

Сегодня вечером Чарльз посетил Чиано и уведомил его, что Чемберлен выезжает на свидание с Гитлером.

Поверенный в делах

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 492—493.

127. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы

15 сентября 1938 г.

Вчера в Женеву прибыл Эррио и сейчас же был вызван правительством обратно в Париж в связи с международным положением, а также, вероятно, с планами образования нового правительства. Эррио счел нужным встретиться со мною перед отъездом. В беседе участвовал также Поль-Бонкур. Я им повторил заявление, которое сделал в Москве Пайяру и о котором они были, по-видимому, недостаточно осведомлены. Эррио ухватился за идею обращения Бенеша в Лигу наций, с чем соглашался и Поль-Бонкур. Эррио даже хотел еще вчера позвонить Бонне, чтобы зондаж был немедленно сделан в Лондоне, а Поль-Бонкуру он поручил позондировать других членов совета. В дальнейшем, однако, Эррио

стал высказывать сомнение в целесообразности постановки вопроса до нападения на Чехословакию. Под конец он конфиденциально говорил о маломощности Франции, о трудном финансовом положении, о низкой рождаемости и даже о затруднительности для нее играть роль великой державы. Беседа имела место до получения известия о поездке Чемберлена [1]. Я не сомневаюсь, что, если французское правительство и не было заранее осведомлено о поездке, оно радо ей и всему, что может избавить его от заботы о Чехословакии.

Сегодня французская пресса более сочувственно пишет о плебисците, чем английская. Что Чехословакия будет предана, не подлежит сомнению; вопрос лишь в том, примирится ли с этим Чехословакия. Эррио заверял, однако, что в случае прямого нападения Германии на Чехословакию Франция выступит. Англичане уже заявили, что Англия сможет участвовать лишь в блокаде и ни в коем случае не пошлет сухопутные войска во Францию.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 493—494.

[1] Срыв переговоров о четвертом плане и попытки судето-немецкой партии организовать путч фактически означали провал миссии Рейсимена. Поэтому английский премьер-министр Н. Чемберлен в ночь с 13 на 14 сентября выступил с инициативой о личной встрече с Гитлером. Встреча состоялась 15 сентября 1938 г. в Берхтесгадене. Во время встречи Гитлер уклонился от обсуждения общих проблем англо-германских отношений, заявив, что решающим для их развития будет то, «в какой степени обе стороны смогут выработать общую позицию в чехословацком вопросе». Он потребовал немедленного осуществления права на самоопределение для судетских немцев (то есть практически их присоединения к Германии) и подчеркнул, что ради этого он готов пойти на риск мировой войны. Гитлер заявил также, что Германия не может чувствовать себя в безопасности, «пока не будет ликвидирован договор между Россией и Чехословакией». Н. Чемберлен, по существу, выразил готовность удовлетворить требования Гитлера о передаче Германии Судетской области, но оговорился, что должен обсудить этот вопрос с английским и французским правительствами. При этом имелось в виду, что через несколько дней Чемберлен снова прибудет в Германию.

128. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

15 сентября 1938 г.

Согласно конфиденциальному сообщению Кулондра, разговор Бонне с Литвиновым вызвал неудовлетворенность. Литвинов будто бы уклонялся и не хотел сказать, действительно ли СССР полностью нас поддержит. К этому Кулондр добавил, что, очевидно, снова речь идет о непонимании, так как позавчера Потемкин ему подтвердил то, что было сказано Пайяру, то есть что СССР предоставит все свои средства для проведения общей акции.

Сегодня Потемкин показал мне депешу Литвинова о разговоре с Бонне, который вообще не ответил на предложение созвать совещание генеральных штабов, а говорил только об отрицательной позиции Англии ко всем советским предложениям. Своего предложения у Бонне не было. Здесь поэтому складывается мнение, что Франция вообще не желает вести переговоры с СССР. Речь, следовательно, идет не о недоразумении, а об умышленной игре. Поэтому я попросил Потемкина повторить советскую точку зрения. Потемкин снова описал мне всю ситуацию. Он повторил заявление о 100-процентной решимости помочь нам всеми средствами. Совещание генеральных штабов не зависит от остальных предложений относительно совместной декларации и от ст. 11, в которой предусматривается принятие политических мер. Они требуют общих военных акций трех стран, чтобы противостоять кампании некоторых английских кругов, обвиняющих Советы в том, что они настраивают ЧСР занять непримиримую позицию и толкают Европу к войне, в которой в конце концов они бы не приняли участия, но которую использовали бы для подрывной пропаганды.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 495.

129. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР народному комиссару иностранных дел СССР, в Женеву

15 сентября 1938 г.

Посетивший меня сегодня Фирлингер сообщил, что французское посольство информировало его о разочаровании, якобы вынесенном Бонне из разговора с Вами в Женеве по чехословацкому вопросу. Снова повторяется лживая версия, что от нас-де ждали подтверждения нашей готовности помочь Чехословакии, а получили только предложение дипломатических акций. Я ответил Фирлингеру, что, по Вашим сообщениям из Женевы, Бонне все время ссылался на уклончивую позицию Англии, а сам никаких предложений нам не делал. Тут же я со всей определенностью напомнил Фирлингеру конструктивные элементы нашего ответа французам, вплоть до обещания в случае выступления Франции на помощь Чехословакии оказать последней поддержку всеми доступными средствами и до принципиального согласия на консультацию представителей трех генштабов. Из того, что Фирлингер мне рассказал о своих разговорах с французами, ясно, что те продолжают валять дурака, притворяясь, что не поняли нашего ответа, и сводя его только к предложению действовать через Лигу наций или выступить с декларацией от имени СССР, Англии и Франции. Фирлингер просил не говорить французам о том, как они информировали его о Вашем разговоре с Бонне.

Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 495—496.

130. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии в НКИД СССР

15 сентября 1938 г.

У меня был поверенный в делах Чехословакии Шуберт, не скрывающий своего волнения. «Мир будет сохранен, но Чехословакия будет продана» — так, стараясь быть саркастическим, охарактеризовал он положение в разговоре с другим из своих коллег, передав это мне.

По его сведениям, англичане решили отстаивать плебисцит, что совершенно неприемлемо для Праги. Характерно, что англичане в свое оправдание распространяют версию о том, что позиция СССР в случае войны неясна и даже менее решительна, чем позиция Франции. Местный из Праги сообщил Шуберту, что возвращаться в Берлин он не собирается. Сам Шуберт уверяет, что чехи, даже предоставленные самим себе, смогут продержаться не менее четырех месяцев.

Поверенный в делах

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 497.

131. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в Великобритании и Франции

16 сентября 1938 г.

Перед отъездом лорда Ренсимена президент имел с ним беседу, в которой подчеркнул следующие факты:

1. Государство и правительство являются полными хозяевами страны, все волнения и попытки поднять мятеж потерпели крах, имеют место лишь местные инциденты, которые, однако, уже повсюду ликвидируются, и, таким образом, правительство и впредь будет полным хозяином положения, если со стороны Германии не будут организованы травля, поставки оружия, а также вторжение нацистских отрядов или вооруженных военных частей.

2. Заявление Генлейна [1], которое было подготовлено специально на случай приезда Чемберлена, совершенно не оправдало своих целей. С одной стороны, группа умеренных депутатов судето-немецкой партии отказывается от этого заявления, с другой стороны, все демократические и другие политические группировки с возмущением отвергают его; но главное то, что само население, за исключением небольшого числа молодых радикально настроенных элементов, на это заявление вообще не реагирует. Что же касается инцидентов, которые имеют место или еще возникнут, то они будут носить местный и ограниченный характер.

3. Президент снова разъяснил техническую, юридическую и политическую невозможность проведения пле-

бисцита. Более того, у нас никогда не согласятся с тем, чтобы для проведения плебисцита именно эта территория была отдана под немецкое управление. Нет такого закона, парламент никогда не проголосует за это, ни одно правительство не в состоянии осуществить это, президент не в состоянии организовать переворот или изменить конституцию, и он бы не пошел на это. Это привело бы к разложению внутри страны, к революции и в конце концов все-таки к войне. Более того, всякая попытка провести плебисцит вызвала бы быстрый уход с этой территории всего демократического чешского и немецкого населения, и внутри страны появились бы эмигранты и новые немецкие нацменьшинства.

4. На вопрос Ренсимена, примем ли мы у себя международные войска, президент ответил, что в связи с плебисцитом этот вопрос не ставится, поскольку парламент не допустит проведения самого плебисцита, а правительство не в состоянии будет провести его. Международные войска (английские и французские) могли бы быть приняты в том случае, если бы нужно было убедиться, что не Чехословакия собирается нападать или пересекать границы Германии. Для поддержания у нас порядка они также не требуются, поскольку наша полиция и армия при отсутствии интервенции со стороны Германии в состоянии обеспечить его.

5. Президент подчеркнул и доказал, что коммунистов бояться нечего. Более того, коммунисты не имеют политического влияния, их нет и не будет ни в одном правительстве, они не сотрудничают и не будут сотрудничать с остальными партиями. Президент просил передать Чемберлену, что даже на случай войны Чехословакия не имеет никаких специальных соглашений с Россией и без Франции никогда ничего не предпринимала и не предпримет.

6. Он также сообщил, что сейчас у нас находится в боевой готовности такое количество войск, которое позволяет нам выдержать первый удар и, следовательно, сохранить внутренний порядок.

7. Он особенно подчеркнул, что у нас ни в правительстве, ни в политических партиях нет никого, кто бы хотел войны или вел дело к конфликту. Так может рассуждать небольшое число молодых людей в кафе. Но президент и все правительство категорически отказываются от этого, они действительно хотят мира, стремятся

к соглашению и хотят совместно с Францией и Англией договориться о разумном модус вивенди с Германией. Особенно злостным подстрекательством являются разговоры о том, что у нас есть военная партия и что солдаты заправляют политикой.

8. Президент особенно настойчиво просил передать Чемберлену, что в случае, если Франция и Англия примут какое-либо решение о наших делах без согласования с нами, ни правительство, ни президент не будут в состоянии осуществить его.

9. В своих действиях и беседах руководствуйтесь по возможности настоящими директивами.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 86—89.

[1] Имеется в виду подстрекательское выступление лидера судетских немцев К. Генлейна 15 сентября 1938 г. по германскому радио, где он, в частности, потребовал передачи Германии всех пограничных районов чешских земель, немецкое население которых составляло не менее 50 процентов.

132. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

16 сентября 1938 г.

Кэ д'Орсе до сих пор не располагает информацией о результате переговоров между Чемберленом и Гитлером. Имеется лишь сообщение Буллита, который разговаривал по телефону с Кеннеди, прибывшим на встречу Чемберлена по его возвращении в Лондон. На вопрос Кеннеди о результатах поездки Чемберлен ответил *nazis factory,* это — выражение его настроения. Относительно содержания переговоров на Кэ д'Орсе полагают, что Гитлер настаивал на прямой и непосредственной аннексии судетской территории. Однако Чемберлен искал способ, как бы прикрыть аннексию или облечь ее в приличную форму. По его мнению, этой формой должен быть плебисцит, а поскольку после проведения плебисцита и отторжения от ЧСР территории страна была бы стратегически ослаблена, Чемберлен подумывает о гарантированном нейтралитете в качестве гарантии против поглощения ЧСР.

Осуский

Примечание отдела В:

Выделенное в тексте место не совсем ясно, оно могло бы также читаться that is factory, но более вероятен первый вариант.

Печат. по арх.

133. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

16 сентября 1938 г.

Вчера телеграфом Кулондр вновь просил Париж разъяснить ему окончательное отношение к Москве, подчеркнув необходимость безотлагательных совместных консультаций, что, по его мнению, необходимо также для надежного действия пакта в будущем. По моей просьбе Кулондр обратит также внимание на опасность вновь всплывшей идеи проведения конференции четырех держав без привлечения СССР. Если можно, сообщите мне телеграфом о результатах консультаций Литвинова с Бонкуром в Женеве. Наши энергичные меры и ликвидация путча повсюду произвели самое благоприятное впечатление. По мнению представителей дипломатических кругов, наша спокойная и твердая позиция ведет к консолидации международного положения в пользу ЧСР.

Фирлингер

Печат. по арх.

134. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

17 сентября 1938 г.

Известные факты, вроде распоряжений чехословацкого правительства об уголовном преследовании Генлейна, роспуске генлейновских штурмовиков, запрещении партии судетских немцев [1], не являются причинами перемены в отношении правительства в целом к происходящим событиям. Правительство вынуждено делать такие шаги в результате логики событий и под давлением продолжающейся радикализации масс. Внутри правительства продолжает царить разнобой, и ряд его членов ведет капитулянтскую линию. Сегодня Крофта созывал

правительственных журналистов и заявлял, что ему ничего не известно о планах международной конференции для решения чехословацкого вопроса [2]. Если бы подобное предложение было сделано, то Чехословакия потребовала бы участия СССР. На соответствующие вопросы Крофта отвечал, что СССР делает для Чехословакии больше, чем можно требовать от него согласно договору, и сам ищет пути для прохода его войск в Чехословакию. Поездка Чемберлена к Гитлеру произвела на всех потрясающее впечатление. Растет враждебное отношение к Англии. Снова много говорилось о помощи СССР и в том случае, если бы Англия и Франция оставили Чехословакию один на один с Гитлером. Чехословаки нисколько не сомневаются в нашей помощи. Положение в Чехословакии крайне напряженно, но паники нет, волна к сопротивлению нарастает.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 90—91.

[1] Боевые группы, организованные судето-немецкой партией и поддерживаемые с территории Германии, начали провоцировать вооруженные столкновения с целью доказать неспособность чехословацкого правительства поддержать порядок в государстве, что, в свою очередь, должно было обосновать оккупацию Германией пограничных территорий. В ответ на эти действия правительство Чехословакии объявило о введении осадного положения на большей части судетской территории, распустило судето-немецкую партию и дало указание об аресте ее лидеров.

[2] 11 сентября 1938 г. английский посол в Париже Э. Фиппс посетил генерального секретаря МИД Франции А. Леже с тем, чтобы обсудить предложение министра иностранных дел Великобритании Э. Галифакса о созыве международной конференции, которая должна была рассмотреть вопрос о передаче Германии Судетской области. При этом Фиппс заявил, что приглашение на конференцию СССР нежелательно. 13 сентября идея созыва международной конференции была одобрена французским правительством.

135. Из письма посланника ЧСР во Франции президенту ЧСР

17 сентября 1938 г.

Господин президент,

15 сентября я обратил внимание Массигли на сообщение о беседе посла Фиппса с министром Бонне [1], направленное посланником Масариком. Далее я информи-

ровал его, что, как сообщил мне в тот же день швейцарский посланник Стуцкий, по словам Бонне, судетский вопрос не может быть решен иначе, как только путем плебисцита. И наконец, я обратил внимание Массигли на толкование, которое дают позиции министра Бонне в судетском вопросе [2] не только лица из его непосредственного окружения, но и такие министры и политики, как де Монзи, Помаре, Кайо и Бержери.

Вчера, 16 сентября, информируя министра Бонне о происходящем, я опроверг различные сообщения, появляющиеся в печати и передаваемые по радио. Пользуясь моим присутствием, министр Бонне заметил, что Массигли говорил ему о беседе со мной. Поэтому он пригласил вчера посла Фиппса и спросил его, как могло случиться, что посланник Масарик направил такое сообщение в Прагу. Посол Фиппс как будто бы признал, что Бонне в беседах с ним постоянно повторяет два тезиса: 1) если Чехословакия подвергнется нападению, то это явится событием настолько «grave» [3], что в результате может вспыхнуть мировая война, и 2) необходимо предпринять все, чтобы войны не было.

Бонне рассказал мне, как на прошлой неделе он, действуя через Корбена, каждый день обращался к Галифаксу с просьбой оказать содействие с тем, чтобы Англия не оставила в Берлине никаких сомнений относительно своей солидарности с Францией. 8 сентября Галифакс сообщил Бонне, что вновь обращает его внимание на то, что Англия не имеет никаких обязательств автоматически прийти на помощь Франции, если последняя окажет помощь подвергшейся нападению Чехословакии. Это вовсе не означает, добавил он, что в ходе войны Англия не вмешается в случае, если Франция окажется под угрозой. Такова, по словам Бонне, точка зрения Англии; и правительство не может идти в этом вопросе дальше, ибо одна часть общественности Англии не одобряет обязательства Франции в отношении Чехословакии, а другая — явно против такого обязательства. Бонне заявил, что для него единственно определяющими являются официальные дипломатические сообщения английского правительства, а вовсе не газетные статьи или заявления журналистов. Как сообщил мне министр Бонне, он поручил де Лакруа заверить Вас в своей дружбе и в том, что он будет продолжать традиционную французскую политику в отношении Чехословакии. Он про-

сил меня обратить Ваше внимание на то, что его заверение не следует воспринимать так, будто Вы не должны ничего предпринимать для решения судетского вопроса и для предотвращения войны, которая может из-за него возникнуть. [...]

Беседуя с ним, я видел, что он откровенен; и мне показалось, что это тот случай, когда я мог бы расспросить о его взглядах. На вопрос, думает ли он о плебисците, Бонне ответил, что он действительно не склоняется к идее плебисцита, ибо знает, какие трудности с ним связаны. Я поддержал его позицию, сказав, что плебисцит может привести к гражданской войне в Чехословакии, а значит, определенно дело дойдет до войны с Германией.

Министр Бонне сказал, что у него на этот счет нет никакого твердого представления и он пока не пришел ни к какому выводу; и, позволяя себе думать вслух в моем присутствии, он взвешивает, не разумнее ли было бы по соглашению с Англией и Францией некоторые судетские районы, заселенные почти исключительно немцами, уступить Германии, тогда Чехословакия станет более однородной. Он добавил, что не знает, какое влияние это оказало бы на словаков. Я разъяснил ему, что вообще о каком-то отделении словаков не может быть и речи, ибо хотя в программе одной словацкой политической партии выдвигалось требование автономии, но она была в меньшинстве и ей до сих пор не удалось завоевать большинство словацкого народа. Это внутренний политический вопрос и решать его следует на национальной и государственной основе Чехословакии. Бонне на это ответил, что Чехословакия тем более должна быть заинтересована в том, чтобы избавиться от наиболее неприятных немецких районов. Ему представляется само собой разумеющимся, что если Чехословакия уступит Германии наиболее неприятные немецкие районы, то с экономической точки зрения ей будет трудно начать новую жизнь, для этого, по его словам, потребуется весьма значительная экономическая и финансовая помощь Франции и Англии. Кроме того, для существования Чехословакии будет необходима гарантия против поглощения ее Германией. Такая финансовая и экономическая помощь, заявил он, должна быть масштабной и основываться на договорных началах. Он считает, что лучше понести экономические и финансовые потери, чем вое-

вать. По словам министра Бонне, не следует забывать, что Франция разрабатывала свою политику и принимала на себя соответствующие обязательства в Центральной Европе в те времена, когда Германия была слабой и невооруженной. Сегодня положение изменилось коренным образом. Так зачем, собственно, закрывать на это глаза, спрашивает он.

По мнению министра Бонне, у нас еще есть время найти достойное решение для Чехословакии. Это время не может продолжаться долго. Бонне сожалеет, что с точки зрения внутриполитической Вы не смогли наилучшим образом использовать присутствие Ренсимена. С его помощью, по словам Бонне, можно было провести такие мероприятия, которые Вы один непосредственно осуществить не могли.

Само собой разумеется, что по каждому вопросу, который затрагивал Бонне, я давал пояснения. Я не излагаю здесь все, о чем говорил ему, поскольку важно, чтобы Вы знали, причем немедленно, ход рассуждений Бонне, когда, по его словам, он высказывал свои мысли вслух. На прямой вопрос, могу ли я информировать Вас о его «мыслях вслух», я получил положительный ответ.

Проследив ход мыслей Бонне, Вы увидите, что он исходит из предположения, что Англия придет на помощь Франции, лишь если последняя подвергнется нападению и окажется объектом германского вторжения. Это означает, что на первом этапе Франция и Чехословакия будут одни и Чехословакия в это время может быть уничтожена. Бонне опасается, что Франция тоже может быть уничтожена германской авиацией. Судя по тому, о чем он говорит с людьми, с которыми работает, с юридической точки зрения Англия не обязана прийти на помощь Франции, если последняя окажет помощь подвергшейся агрессии Чехословакии. Напоминаю Вам здесь о ночном демарше посла Фиппса к министру Бонне 21 мая, о котором я подробно информировал Вас 25 мая. Именно это обстоятельство является источником всех колебаний министра Бонне. Хорошо известно, что он оперирует им всюду, призывая делать все для предотвращения войны. В страхе французского народа перед войной и в отсутствии юридических обязательств Англии поддержать Францию в случае, если она придет на помощь подвергшейся агрессии Чехословакии, кроется глубокий и до сих

пор действующий источник колебаний и сложностей во французской внешней политике. До тех пор пока Англия официально не возьмет на себя обязательства по отношению к Франции в чехословацком вопросе, во французской политике будут оставаться и проявляться при самых различных обстоятельствах неуверенность и нерешительность. Необходимо, чтобы Вы знали и учитывали это.

Направляю Вам при этом две копии данного письма на случай, если Вы захотите с ними ознакомить г-на председателя правительства д-ра Годжу и г-на министра иностранных дел д-ра Крофту. Однако это Вы решите сами.

С сердечным приветом преданный Вам

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 227—229.

[1] См. док. № 125.

[2] Речь идет об отрицательной позиции министра иностранных дел Франции Ж. Бонне к вопросу о выполнении Францией обязательств, вытекающих из ее договора с Чехословакией, и его стремлении к достижению соглашения с Гитлером. В беседе с германским послом во Франции И. Вельчеком 2 сентября 1938 г. Бонне подчеркнул, что цель его политики после удовлетворительного решения судето-немецкого вопроса заключается в том, чтобы вступить с Германией в переговоры общего характера, в которых нашли бы справедливое решение не только ее экономические и финансовые, но и колониальные требования.

[3] — «тяжелым» (*фр.*).

136. Запись беседы заведующего политическим отделом МИД ЧСР с временным поверенным в делах Германии в ЧСР

17 сентября 1938 г.

17 сентября в 19 час. 30 мин. советник германской миссии Генке сделал мне следующее устное заявление:

«Die Reichsregierung hat beschlossen, dass

a) sofort im Reichsgebiet soviel tschechoslowakische Staatsangehörige tschechoslowakischen Volkstums (auch Juden tschechoslowakischer Sprache) festgenommen werden sollen, als in der Tschechoslowakei seit Beginn laufender Woche Sudetendeutsche festgenommen worden sind;

b) im Falle des Vollzuges von gegen Sudetendeutsche auf Grund des Standrechts gefällten Todesurteilen jeweils eine gleiche Zahl Tschechoslowaken im Reich erschossen werden» [1].

Д-р *Крно*

Печат. по арх.

[1] «Имперское правительство решило, что
а) на территории рейха должно быть немедленно арестовано столько граждан Чехословакии чехословацкой национальности (а также евреев, говорящих на чехословацком языке) *, сколько задержано судетских немцев с начала текущей недели на территории Чехословакии;
б) в случае приведения в исполнение смертных приговоров по отношению к судетским немцам на основе законов военного времени будет расстреляно соответственно такое же число чехословаков в рейхе» (*нем.*).

137. Письмо временного поверенного в делах ЧСР в Германии в МИД ЧСР

18 сентября 1938 г.

Как я уже доложил по телефону посланнику д-ру Ине, вчера в 17 час. 30 мин. меня пригласили в министерство иностранных дел, где статс-секретарь Вейцзекер заявил мне на основании документа, который держал в руках, примерно следующее:

«Нам стало известно, что 14 сентября или приблизительно в это время в Чехословакии было поставлено под ружье очень много резервистов, может быть, даже 8 призывных возрастов. Имперское правительство поручило мне обратить внимание чехословацкого правительства на то, что это может иметь иные последствия, чем 21 мая (andere Konsekvenzen als der 21. Mai)».

Я ответил: «Заявляю Вам официально, что ваша информация не соответствует действительности. Не было призвано не только 8 призывных возрастов, но даже одного полного призывного возраста. Следовательно, эти мероприятия проводятся в меньшем масштабе, чем 21 мая. Из резервистов одного призывного возраста была призвана только пехота и определенное число наземных авиационных наблюдателей (Fliegerbeobachter). Эта

* Так в тексте.

мера никоим образом не направлена против Германии (Статс-секретарь Вейцзекер: Тогда против кого же?). Как вам известно, в ходе недавних попыток организовать восстание были совершены нападения и на некоторые чехословацкие жандармские отделения. Возникли опасения, что нападение будет предпринято также на военные объекты, находящиеся на судето-немецкой территории. Поэтому необходимо было обеспечить их достаточную защиту. Сообщение, которое Вы мне сделали, я незамедлительно передам своему правительству и позволю себе информировать Вас о возможном ответе».

Статс-секретарь Вейцзекер письменно зафиксировал мой ответ, сказав, что принимает мое заявление к сведению и сообщит о нем соответствующим органам.

Это свое заявление я сделал на основе информации, полученной мною два дня назад от нашего военного атташе в соответствии с прямым указанием министерства национальной обороны.

Далее я сказал: «Мне неизвестно, предпринимало ли имперское правительство подобный демарш, когда французское правительство дало приказ занять линию Мажино». Статс-секретарь Вейцзекер прервал меня возмущенным вопросом: Мы говорим о Франции или о Чехословакии? Я ответил, что хочу сказать этим, что мы должны были приспосабливаться к общей ситуации. «Однако, если Вы хотите говорить только о Чехословакии,— продолжал я,— позволю себе обратить Ваше внимание на речь канцлера Гитлера, который ясно заявил, что отдал приказ усилить германскую армию против Чехословакии. Следовательно, по моему мнению, и с этой точки зрения нам нельзя приписывать враждебные намерения в отношении Германии; самое большее — необходимую оборону». В ответ статс-секретарь Вейцзекер заявил: «Мне было поручено лишь сделать Вам заявление, которое я сделал, а вовсе не обсуждать политическую ситуацию».

После этого я перешел к случаям арестов чехословацких граждан в Германии, сказав, что еще днем ранее я просил об их освобождении, лично ходатайствуя перед тайным советником Гейнбургом, дополнительно просил об этом также в письменной форме, а теперь обращаюсь с тем же вопросом и к нему. Я указал на беспокойство и неуверенность, которые возникли в результате этого среди чехословацких граждан в Германии, и на отклики

зарубежной печати, что могло бы только обострить положение.

Вейцзекер ответил, что считает излишним обсуждать этот вопрос, поскольку временному поверенному в делах Германии в Праге было только что поручено сделать об этом принципиальное заявление чехословацкому правительству.

Затем состоялась краткая и в целом дружеская беседа, которую я закончил призывом к статс-секретарю Вейцзекеру употребить свое влияние с тем, чтобы нынешнее недоразумение было урегулировано, к чему также стремимся мы.

Временный поверенный в делах
Шуберт

Печат. по арх.

138. Заявление правительств Великобритании и Франции правительству ЧСР

19 сентября 1938 г.

Представители французского и британского правительств консультировались сегодня [1] по вопросу об общем положении и рассмотрели доклад британского премьер-министра о его переговорах с г-ном Гитлером. Британские министры равным образом представили своим французским коллегам свои заключения, к которым они пришли на основе представленного им лордом Ренсименом отчета о работе его миссии [2]. Представители обеих сторон убеждены, что в результате недавних событий создалось такое положение, когда дальнейшее сохранение в границах чехословацкого государства районов, населенных главным образом судетскими немцами, фактически не может более продолжаться без того, чтобы не поставить под угрозу интересы самой Чехословакии и интересы европейского мира.

1. В свете этих соображений оба правительства вынуждены прийти к заключению, что поддержание мира и безопасности и жизненных интересов Чехословакии не может быть эффективно обеспечено, если эти районы сейчас же не передать Германской империи.

2. Это могло бы быть осуществлено либо путем прямой передачи, либо в результате плебисцита. Мы пони-

маем связанные с плебисцитом трудности, и нам известны уже изложенные вами возражения против этого пути, в частности возможность далеко идущих последствий в случае, если к этому вопросу подходить с точки зрения столь широкого принципа. По этой причине и поскольку не поступит противоположных сообщений, мы предусматриваем, что вы, вероятно, предпочтете разрешить проблему судетских немцев путем прямой передачи Германии и в качестве обособленного вопроса.

3. Подлежащая передаче территория должна, вероятно, включать районы, немецкое население которых составляет свыше 50%, однако мы должны надеяться путем переговоров договориться об условиях исправления границ в тех случаях, когда это необходимо, посредством того или иного международного органа, включающего чешского представителя. Мы убеждены, что передача меньших районов на основе более высокого процентного соотношения явится нецелесообразной.

4. Указанному международному органу равным образом можно было бы передать вопросы о возможном обмене населением на основе права оптации в течение некоторого определенного срока времени.

5. Мы признаем, что в случае согласия правительства Чехословакии с предложенными мероприятиями, связанными с существенными изменениями в положении государства, оно будет вправе просить некоторую гарантию своей будущей безопасности.

6. В соответствии с этим правительство его величества в Соединенном Королевстве было бы согласно в качестве вклада в дело умиротворения Европы присоединиться к международной гарантии новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии. Одним из основных условий такой гарантии явилось бы ограждение независимости Чехословакии путем замены существующих договоров, связанных с взаимными обязательствами военного характера, общей гарантией против неспровоцированной агрессии.

7. Как французское, так и британское правительства понимают, сколь велика жертва, требуемая от чехословацкого правительства делу [обеспечения] мира. Но поскольку это дело является общим для всей Европы и, в частности, для Чехословакии, то они считают своим общим долгом изложить откровенно условия, необходимые для обеспечения этого дела.

8. Премьер-министр должен возобновить переговоры с г-ном Гитлером не позднее среды[3], а если представится возможным, даже раньше. Поэтому мы полагаем, что нам надлежит просить вас дать ответ как можно раньше.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 94—97.

[1] 18—19 сентября 1938 г. в Лондоне проходили англо-французские переговоры относительно Чехословакии. В ходе переговоров французский премьер-министр Э. Даладье подверг сомнению заявления Гитлера о том, что ему ничего не нужно, кроме судетских немцев, и подчеркнул, что Германия добивается гораздо большего.

Премьер-министра Англии Н. Чемберлена интересовала реакция французского правительства на возможный отрицательный ответ президента Чехословакии Э. Бенеша на англо-французские предложения. Даладье сказал, что он не предполагает возможность такого ответа, но если это произойдет, «он должен будет приложить все силы для нажима на д-ра Бенеша с тем, чтобы чехословацкое правительство приняло решение, предложенное французским и английским правительствами».

[2] По возвращении в Лондон лорд Ренсимен выступил на заседании кабинета 17 сентября 1938 г. с кратким отчетом о деятельности миссии. 21 сентября он направил Чемберлену и Бенешу письма аналогичного содержания с изложением своей позиции относительно положения в Чехословакии. Хотя Ренсимен и вынужден был признать, что ответственность за срыв переговоров ложится на партию Генлейна, он открыто выразил сочувствие генлейновцам, повторяя утверждения гитлеровской пропаганды о притеснении немцев в Чехословакии. В письме предлагались незамедлительная передача Судетской области Германии, установление «местной автономии» для районов с незначительным немецким населением, изменение внешней политики Чехословакии и т. п.

[3] То есть 21 сентября 1938 г.

139. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

19 сентября 1938 г.

Подтверждается сосредоточение германских войск в составе 17 активных дивизий, 3 резервных и значительного числа, не менее 6 дивизий, разных второразрядных подразделений вроде ополчений, полувоенных и военизированных организаций для тыловой службы охраны путей и т. п. Воздушные силы сосредоточены вблизи границы — не менее 20 эскадрилий. Все приготовления будут закончены завтра, 20-го. Чехословацкий генеральный штаб считается с возможностью нападения 23-го числа.

Бенеш в субботу 17-го вызывал к себе товарища Готвальда и говорил ему в очень твердых тонах, что правительство готово ко всему и будет защищать все права суверенного государства, даже если Чехословакию покинут Англия и Франция. Относительно СССР лишь мимоходом выразился в тоне удовлетворения, что здесь все ясно для обеих сторон. Сейчас заседает правительство у Бенеша для обсуждения ситуации, созданной сообщением о франко-английском решении предложить Чехословакии уступить часть территории, населенной немцами больше чем на 50 процентов, при одновременной гарантии неприкосновенности остатка территории рядом стран, включая Англию и Францию, но исключая СССР, что одновременно должно заменить договор Чехословакии с Францией и СССР, который должен быть отменен. Настроение доступных к правительству политических кругов резко отрицательное, хотя я прямо с правительством говорить еще не мог, ибо заседание продолжается. Продолжается негласная мобилизация.

В населении быстро растут слухи о том, что Красная Армия уже находится в Чехословакии. Растет враждебное отношение к Англии. Настроение твердое, полное готовности к бою. Слухи о предстоящих переменах в правительстве являются источником резких недовольств масс половинчатостью мер и действий, но в верхах, включая Бенеша, никаких причин доводить до кризиса в данной обстановке не имеется.

Александровский

Печат. по арх.

140. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

19 сентября 1938 г.

Сегодня Бенеш срочно вызвал меня к себе и сообщил, что получил совместное англо-французское предложение о решении судето-немецкого вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляют больше 50% населения. Остальные округа получат частичную автономию. Границы устанавливаются международной комиссией. Новые границы гарантируются всеми соседями, а также Францией и Англией, в связи с чем аннулируются ныне действующие международные

договоры Чехословакии. Предложение сопровождалось подчеркиванием, что уже простая задержка чехословацкого правительства с ответом может привести к роковым последствиям. Бенеш отмечает, что при этом не было сказано прямо, что в случае отказа Чехословакии принять такое решение Франция и Англия отказались бы помогать Чехословакии против агрессора, однако Бенеш допускает и такую возможность. Несмотря на это, Бенеш заявляет, что Чехословакии не останется никакого другого выхода, как защищаться при всех условиях. Правительство уже решило, что изложенное англо-французское предложение совершенно неприемлемо. Франции послан прямой запрос: обозначает ли ее предложение, что она намерена отказаться от выполнения своих союзнических обязательств? Бенеш просит правительство СССР дать как можно быстрее ответ на следующие вопросы:

1. Окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь, если Франция останется верной и тоже окажет помощь.

2. В случае нападения Бенеш немедленно обратится телеграммой в Совет Лиги наций с просьбой привести в действие ст.ст. 16 и 17. Он ожидает саботажа решения, но думает, что саботаж не сможет быть длительным. В связи с этим Бенеш просит помощи в Лиге наций и просит от Советского правительства такого же срочного ответа о том, поможет ли СССР в качестве члена Лиги наций на основании упомянутых статей. Бенеш подчеркнул срочность, потому что должен дать ответ Франции и Англии, а между тем Чемберлен хотел бы уже в среду, 21-го, поехать к Гитлеру с этим ответом. Бенеш предполагает, что нападение произойдет 22-го, если Чемберлен не поедет или привезет недостаточный для Гитлера ответ. И при этом условии Бенеш считает предложение, сделанное Англией и Францией, неприемлемым, а борьбу неизбежной, потому что народ не допустит ничего подобного. При мне Бенеш получил сообщение, что шесть министров французского правительства решили подать в отставку из-за несогласия с подобным предложением Даладье. Будет кризис кабинета под знаком верности союзу с Чехословакией. Бенеш еще раз просит немедленного ответа СССР, предупреждая, что может оказаться вынужденным объявить всеобщую мобилизацию уже завтра, 20-го, вечером. В данный момент под ружьем

500 тысяч и все воздушные силы. Со своей стороны подтверждаю, что лозунг защищаться при всех условиях стал всеобщим. Широкие массы трудящихся непоколебимо верят в помощь СССР тоже при всех условиях.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 98—100.

141. Телеграмма посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР

19 сентября 1938 г.

1. Я сообщил Галифаксу, Ренсимену и другим, что нет абсолютно никакой уверенности в том, что наше правительство сможет принять предложения. Нас никто не спрашивал, и вчера я настойчиво просил о проведении консультаций с нами, заявляя, что без этого мы не можем взять на себя ответственности ни за что. Галифакс ответил запиской: «Полностью понимаю чрезвычайно трудное положение, в котором оказалось правительство ЧСР в результате стремительного развития событий. Предложения, которые мы, тщательно обдумав, делаем вам, нами и Францией признаны таковыми, что они à la longue[1] принесут наибольшую пользу ЧСР, и, я надеюсь, г-н президент Бенеш, когда ему будут вручены предложения, будет рассуждать о них в таком духе».

2. Предлагаю при вручении ноты сообщить обоим, что, поскольку с нами никто не говорил, поскольку американское правительство было информировано, а нас информируют только теперь, необходимо дать нам время на размышление. Мы — демократическая страна, и решение должен принять народ. Подчеркиваю: тот факт, что с нами вообще не говорили, является беспрецедентной в международных отношениях жестокостью.

Масарик

Печат. по арх.

[1] — на длительное время *(фр.)*.

142. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

19 сентября 1938 г.

Бонне сообщил мне, что в Лондоне было решено сделать официальное сообщение непосредственно в Праге. Он информирует меня поэтому только для моего личного сведения. В заключение своего отчета Ренсимен сказал, что он уже не вернется в Прагу, что посредничество невозможно и что он пришел к убеждению о том, что чехи и немцы не могут продолжать жить в одном государстве. Во время своего разговора с Гитлером Чемберлен убедился, что Гитлер готов прибегнуть к войне. Ввиду того что восемь дней тому назад я вручил ему ноту с разъяснением о неприемлемости плебисцита, Бонне решительно выступил против плебисцита, зная, что потом и остальные меньшинства потребовали бы его, что означало бы конец ЧСР. Поэтому в Лондоне пришли к заключению, что не остается ничего иного, кроме непосредственной передачи территории. Они пришли к этому решению тем более потому, что де Лакруа в депеше от 17 сентября сообщал, что господин президент Бенеш говорил ему, что он сам думает о передаче судетской территории Германии. Бонне заметил, что эту конфиденциальную мысль он не сообщал англичанам. Бонне сказал, что, разумеется, необходимо было идти дальше, чем предполагал господин президент Бенеш. Чемберлен сообщил французам, что Гитлер уверял, что он не интересуется иноязычными меньшинствами и что он не питает по отношению к ЧСР злобы. Его якобы интересуют только судетские немцы. В Лондоне договорились, что территория, на которой немцы составляют более 50%, должна быть передана Германии. Международная комиссия проведет соответствующее исправление границ. Англия будет гарантировать новые чехословацкие границы против любой неспровоцированной агрессии. Такая гарантия со стороны великих держав должна заменить договоры ЧСР с Францией и Россией. Бонне заявил, что в случае, если для ЧСР в новых границах потребуется финансовая и экономическая помощь, Франция обязуется ее оказать. Бонне сказал мне, что, если англо-французские предложения не будут приняты ЧСР, английское правительство, которое уже сегодня ведет себя так

сдержанно, откажет Франции в солидарности в случае конфликта между ЧСР и Германией.

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 92—93.

143. Из телеграммы посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

19 сентября 1938 г.

Бонне просил меня обратить на это особое внимание г-на президента Бенеша [1]. Нельзя быть уверенным в том, добавил Бонне, что Франция окажет помощь. Все зависит от того, насколько Англия будет солидарна с Францией. Он заявил, что, если г-н президент Бенеш не примет франко-английские предложения, Англия потеряет интерес к ЧСР и это будет иметь крайне серьезные последствия. И наконец, он сказал, что совет министров Франции единогласно одобрил тексты предложений. Бонне просил меня обратить внимание правительства на то, что необходимо дать положительный ответ на англо-французские предложения. Правительство не понимает, ответил я, как Англия и Франция могли вынести ЧСР приговор, даже не выслушав ее, в то время как другая сторона была выслушана. На замечание Бонне, что Франция никого не слушала, я ответил, что Чемберлен ездил в Берхтесгаден, чтобы выслушать Гитлера. Бонне ответил, что ЧСР не протестовала, когда Чемберлен ездил туда спасать мир. Само собой разумеется, что ЧСР не протестовала, ответил я, поскольку для нее мир был важнее, чем для других. Однако между спасением мира и разделом Чехословакии есть разница. ЧСР имела право быть выслушанной, а Франция как друг и союзник не должна была допустить, чтобы о судьбе ЧСР решали, не выслушав ее. Бонне ответил, что они ничего не решили, а лишь делают Бенешу предложение. Я категорически выступил против такого утверждения, сказав, что речь идет о решении, ибо он заявил мне, что, если мы этого решения не примем, Англия и Франция нас покинут, так как без Англии Франция помощи ЧСР не окажет. Бонне ответил, что сказанное мною правильно «en fait» [2], но не юридически. Я сказал, что в настоящий момент важны не слова и вы-

ражения, а реальность. Реальность же эта такова, что, как он мне заявляет, если мы предложения не примем, они нас покинут. По словам Бонне, де Лакруа неоднократно в устной и письменной форме говорил г-ну президенту Бенешу, что без Англии французская помощь ЧСР будет неэффективной. Бонне добавил, что и мне он это несколько раз говорил. Я ответил, что в беседах со мной он высказывал лишь сомнения в эффективности помощи Франции, однако саму помощь никогда не оспаривал юридически и не отрицал по существу. Если он имел в виду это, добавил я, ему следовало так и сказать, чтобы ЧСР знала, что ее ждет, и действовала соответственно. [...]

Осуский

Печат. по арх.

[1] Первую часть беседы Ш. Осуского с Ж. Бонне см. док. № 142.
[2] — «фактически» (*фр.*).

144. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

19 сентября 1938 г.

По словам Потемкина, Эррио и Поль-Бонкур были удивлены позитивной и твердой позицией СССР, которую изложил им Литвинов в Женеве. Бонне все скрыл. Потемкин добавил, что подобные действия нельзя оставить безнаказанными. Необходимо разоблачить политику Бонне.

Фирлингер

Печат. по арх.

145. Письмо Союза друзей СССР в Чехословакии президенту ЧСР

19 сентября 1938 г.

Господин президент!

В эти роковые часы для республики — нашей страны и родины — мы снова повторяем свое заверение, сделанное от имени тридцати тысяч индивидуальных членов Союза друзей СССР в Чехословакии и трехсот тысяч коллективных членов организаций, присоединившихся к нам,

что мы всегда и при всех обстоятельствах будем верно и неуклонно стоять в первых рядах защитников нерушимости наших государственных границ, свободы и независимости Чехословацкой республики, национального суверенитета чешского и словацкого народов, защиты демократических прав наших сограждан других национальностей, демократических устоев Чехословацкой республики и верности нашим союзникам, в особенности великому и могучему Советскому Союзу.

В эти тяжелые часы мы сделаем все для укрепления и углубления неразрывных связей дружбы между Чехословацкой республикой и Советским Союзом в смысле духа и буквы чехословацко-советского пакта о взаимной помощи в случае нападения — этого важнейшего результата осуществления политики неделимости мира и коллективной безопасности.

Возрождая именно в эти дни грозной опасности старые революционные и демократические традиции нашего народа и нашей нации, опираясь на могучий и непобедимый Советский Союз и его рабоче-крестьянскую Красную Армию, мы спокойно и уверенно смотрим в будущее, навстречу дням тяжелых испытаний и окончательной победы.

Примите, господин президент как руководитель государства и главнокомандующий чехословацкими вооруженными силами, наши уверения в любви, преданности, уважении и прочной решимости всегда неотступно стоять рядом с Вами.

Инж. *Иржи Котятко,*
секретарь
Союза друзей СССР

Д-р *Бог. Врбенский,*
председатель
Союза друзей СССР

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978. с. 506.

146. Заявление депутата КПЧ К. Готвальда в постоянном комитете Национального собрания ЧСР

19 сентября 1938 г.

Мы придерживаемся того мнения, что будет большой политической ошибкой, если сегодня постоянный комитет в той или иной форме не выскажется совершенно ясно по вопросу, который в настоящее время больше всего ин-

тересует и больше всего возмущает чехословацкий народ, а именно — относительно советов, получаемых нами из Лондона и Парижа. Мы считаем, что лучше всего, если бы постоянный комитет сделал это единодушно от имени всех своих членов, от имени всех своих партий. Но поскольку у нас нет гарантии, что это будет сделано,— а мы все-таки хотим, чтобы именно постоянный комитет откликнулся на этот вопрос,— мне поручено сделать следующее заявление:

Предложения, одобренные представителями правительств Англии и Франции в воскресенье на лондонском совещании, мы считаем для Чехословакии неприемлемыми и неосуществимыми. В Чехословакии никто не обладает силой осуществить то, против чего выступают у нас все демократы как немецкой, так и других национальностей, против чего выступают и те, кто, являясь еще до сих пор приверженцами партии Генлейна, не согласны с его последними авантюристическими решениями и хотят справедливого урегулирования национального вопроса, без оккупации Судет третьей империей и без угрозы миру.

То, что сейчас советуют из Лондона, по своим размерам нисколько не меньше того, чего можно было бы требовать от Чехословакии в случае проигранной войны.

Тысячелетние границы Чехословакии были подтверждены на мирной конференции после мировой войны как гарантия мира. Англия и Франция в течение двадцати лет прямо возлагали на Чехословакию обязанность защищать эти границы в интересах мира. В современной обстановке значение этих границ с точки зрения мира является еще более важным, чем когда-либо в прошлом. Эти границы охраняют мир от пангерманской агрессии против всего Дунайского бассейна и Балкан. Независимость Чехословакии защищает тот, кто отвергает любое нарушение ее границ. Мы рассчитываем на то, что воля и решимость широких слоев народных масс Франции и Англии иные, чем у участников лондонского совещания. Мы знаем, что Советский Союз не будет колебаться в выполнении существующих договорных обязательств. Мы добровольно не дадим расчленить республику. Если на нас нападут, мы будем защищаться. Если мы будем защищаться, мы не будем одиноки. Главное в данный момент — чтобы правительство твердо стояло на той точке зрения, которую еще вчера изложил премьер-министр Годжа в своем выступлении [1]. Вся нация, весь народ сто-

ит твердо, решительно и непоколебимо в своем стальном единстве.

К этому я бы позволил себе добавить еще несколько слов. Казалось бы, что наше министерство пропаганды хорошо начало. Однако сегодня утром оно пропустило для радиопередачи тревожные сообщения без комментариев. Потом оно передало их в печать, а прессе дало указание о том, что эти предложения критиковать нельзя. А сейчас, после полудня, снова по радио передают сообщение, что правительства в Париже и в Лондоне единодушно подтвердили то, о чем сговорились Даладье и Бонне с Чемберленом, и опять без каких-либо комментариев и без изложения точки зрения Чехословакии.

Господа! Идите на улицы Праги, и вы увидите, каково настроение, вы увидите, как опасно в такое время находиться даже час в нерешительности, колебаться и не сказать народу ясного слова.

Печат. по изд.: *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. 1. М., 1957, с. 534—535.

[1] Выступая 18 сентября 1938 г. по радио, председатель правительства ЧСР М. Годжа отверг плебисцит и выразил готовность своего правительства продолжать переговоры с представителями судето-немецкой партии о четвертом плане. Он заявил, что любое другое решение поставит под угрозу существование республики.

147. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

20 сентября 1938 г.

Вечером 19-го, непосредственно после меня, Бенеш принял Готвальда. Бенеш уклонился от ответа, решило ли правительство отклонить англо-французское предложение, но несколько раз повторил, что оно будет защищаться от прямого нападения. Бенеш твердо заверял Готвальда, что капитуляция исключена. С другой стороны, у Готвальда, как и у меня, нет никаких сомнений, что массы не допустят никакой капитуляции и примут бой при любых условиях. При этом уверенность в помощи СССР не подвергается и не может быть подвергнута никакому сомнению. Все сообщения берут линию на борьбу с паникой, утверждая, что и этими предложениями ничего не решено, ибо решает только народ и его предста-

вительный орган, который должен быть созван. Бенеш спрашивал мнение Готвальда о линии поведения СССР. Он ответил, что не его дело отвечать за СССР, но никто не имеет оснований сомневаться в том, что СССР выполнит свои обязательства. Если же речь идет о чем-нибудь сверх обязательств, то пусть Бенеш сформулирует точно и запросит правительство СССР.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 101—102.

148. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР[1]

20 сентября 1938 г.

1. На вопрос Бенеша, окажет ли СССР согласно договору немедленную и действительную помощь Чехословакии, если Франция останется ей верной и также окажет помощь, можете дать от имени правительства Советского Союза утвердительный ответ.

2. Такой же утвердительный ответ можете дать и на другой вопрос Бенеша — поможет ли СССР Чехословакии, как член Лиги наций, на основании ст. ст. 16 и 17, если в случае нападения Германии Бенеш обратится в Совет Лиги наций с просьбой о применении упомянутых статей.

3. Сообщите Бенешу, что о содержании нашего ответа на оба его вопроса мы одновременно ставим в известность и французское правительство.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 103—104.

[1] Копии настоящей телеграммы были направлены 20 сентября 1938 г. в полпредство СССР во Франции, а также советской делегации на сессии Лиги наций в Женеве.

149. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

20 сентября 1938 г.

Действия Франции характеризуют здесь как открытое предательство. Это мнение разделяет подавляющая часть дипломатического корпуса. Потемкин сообщает, что в

Лондоне наибольшим трусом проявил себя Бонне, который ссылался на недостаток авиации и нежелание СССР помочь нам. Личное мнение Потемкина сводится к тому, что франко-советский пакт становится бесполезным. Очевидно, завтра Советы выступят с разоблачением мошенничества Бонне.

Фирлингер

Печат. по арх.

150. Нота правительства ЧСР правительствам Великобритании и Франции

20 сентября 1938 г.

Чехословацкое правительство благодарит британское и французское правительства за сообщение, которое они сделали и в котором они формулируют свою точку зрения на решение нынешних международных затруднений, касающихся Чехословакии. Сознавая ответственность, которую оно несет как в интересах Чехословакии, ее друзей и союзников, так и в интересах всеобщего мира, оно высказывает убеждение, что предложения, заключающиеся в сообщении, непригодны для достижения цели, которую преследуют британское и французское правительства в своих усилиях в пользу сохранения мира.

Эти предложения были выработаны без выяснения мнения представителей Чехословакии. Они направлены против Чехословакии, которая не была даже выслушана, хотя чехословацкое правительство обращало внимание на то, что оно не может принять ответственность за решение, которое было бы принято без него. Отсюда понятно, что упомянутые предложения не могут быть приемлемыми для Чехословакии.

В самом деле, согласно конституции чехословацкое правительство не может даже принять решения, касающегося вопроса о границах. Принятие такого решения было бы невозможно без нарушения демократического режима и правового порядка чехословацкого государства. В любом случае необходимо запросить парламент.

По мнению правительства, принятие предложений такого характера равнялось бы добровольному и полному искалечению государства во всех направлениях. Были бы полностью подорваны экономика и транспорт Чехословакии, а в стратегическом отношении она попала бы в ис-

ключительно тяжелое положение; рано или поздно Германия подчинила бы ее себе полностью.

Но если бы чехословацкое правительство и решилось пойти на предлагаемые ему жертвы, все же вопрос об обеспечении мира ни в коей мере не был бы разрешен:

a) Многие судетские немцы по хорошо известным причинам предпочли бы эмигрировать из рейха и жить в демократической атмосфере чехословацкого государства. В результате появились бы новые затруднения и новые национальные споры.

b) Паралич Чехословакии имел бы в результате глубокие политические перемены во всей Центральной и Юго-Восточной Европе. Равновесие сил в Центральной Европе и в Европе вообще было бы уничтожено; это повлекло бы за собой далеко идущие последствия для всех остальных государств, а особенно для Франции.

c) Чехословацкое правительство искренне благодарно великим державам за их намерение гарантировать целостность Чехословакии, которое оно понимает и весьма высоко ценит. Такая гарантия действительно открыла бы путь к соглашению между всеми заинтересованными сторонами при условии, если нынешние национальные споры были бы дружески урегулированы, и притом таким образом, чтобы не обрекать Чехословакию на неприемлемые жертвы.

За последние годы Чехословакия дала многочисленные доказательства своей непоколебимой преданности делу мира. Под давлением своих друзей в переговорах по судето-немецкому вопросу Чехословакия шла так далеко, что это было с благодарностью признано всеми странами. В одном из заявлений британское правительство также отмечало, что нужно не выходить за рамки чехословацкой конституции, и, наконец, сама партия судетских немцев, когда ей были переданы последние предложения правительства, не отклонила их, а публично признала, что намерения правительства были серьезны и искренни. Несмотря на то что среди части судето-немецкого населения вспыхнуло восстание, которое было подготовлено извне, правительство торжественно заявило, что оно все еще придерживается тех предложений, которые отвечали пожеланиям судето-немецкого населения. Оно еще и сегодня считает эти предложения осуществимыми, поскольку они касаются национального вопроса в республике.

Чехословакия всегда оставалась верной заключенным договорам и выполняла свои обязательства, вытекающие из них, как в отношении своих друзей, так и Лиги наций и ее членов, а также остальных народов. Она была и до сих пор остается готовой сохранять эту верность при всех условиях. Если она теперь сопротивляется возможности насилия, то делает это на основании еще недавних обязательств и заявлений своего соседа, а также на основании договора об арбитраже от 16 октября 1925 г., который нынешнее германское правительство в нескольких своих заявлениях признало действительным. Чехословацкое правительство заявляет, что этот договор может быть применен, и просит об этом. Уважая свою подпись, оно готово принять любое арбитражное решение, которое было бы вынесено. Этим мог бы быть прекращен всякий спор. Это сделало бы возможным принятие быстрого, почетного и достойного для всех участвующих государств решения.

Отношения Чехословакии к Франции всегда покоились на уважении и преданнейшей дружбе и союзе, которые никогда ни одно чехословацкое правительство и ни один чехословак не нарушат. Она жила и живет верой в великий французский народ, правительство которого так часто давало ей заверения в прочности своей дружбы. С Великобританией ее связывают чувства преданности, традиционной дружбы и уважения, из которых Чехословакия всегда будет исходить в своем сотрудничестве между обеими странами, а также в общих усилиях, направленных к сохранению мира, каким бы ни было положение в Европе.

Чехословацкое правительство сознает, что прилагаемые британским и французским правительствами усилия являются результатом их искренней симпатии, и искренне благодарит за это. Тем не менее, исходя из приведенных доводов, оно вновь обращается к ним с последним призывом и просит, чтобы они пересмотрели свою точку зрения. Оно делает это, веря, что защищает не только свои собственные интересы, но также и интересы своих друзей, дело мира и дело здорового развития Европы. В этот решительный момент речь идет не только о судьбе Чехословакии, но также и о судьбе других стран и особенно Франции.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 106—110.

151. Из телеграммы полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

21 сентября 1938 г.

20-го в 7 часов вечера сообщил Бенешу по телефону ответ правительства СССР на его вопросы, а также то, что наш ответ сообщен правительству Франции. Последнее Бенеш переспросил два раза. Бенеш выразительно благодарил. Говорил с ним по телефону потому, что он не мог принять лично, ибо у них еще продолжалось заседание совета министров. [...]

Политическая атмосфера явно улучшилась после решения и ответа правительства [1], которые становятся постепенно известными, хотя и считаются строго секретными, что еще раз прошу учесть на ближайшие дни. К часу ночи стало известно, что Чемберлен намеревается ехать к Гитлеру в четверг 22-го. Получено подтверждение значительных переброс войск в Польше в направлении чехословацкой границы. По сведениям, нуждающимся в проверке, у Гитлера одновременно с Хорти был Бек, срочно вернувшийся в Варшаву.

Полпред

Печат. по арх.

[1] См. док. № 150.

152. Нота правительства Великобритании правительству ЧСР

21 сентября 1938 г.

По мнению правительства его величества, ответ чехословацкого правительства никак не соответствует тому критическому положению, которое стремились предотвратить англо-французские предложения. Если бы этот ответ был принят, то опубликование его привело бы, по мнению правительства его величества, к немедленному германскому вторжению. Поэтому правительство его величества предлагает чехословацкому правительству взять этот ответ обратно и безотлагательно найти иное решение, исходя из реальной обстановки. По его мнению, англо-французские предложения представляют собой единственную возможность избежать немедленного нападения Германии. На основе полученного ответа, который

рассматривается сейчас, у правительства его величества не могло бы быть надежды на положительный результат предполагаемого второго визита к г-ну Гитлеру и премьер-министр был бы вынужден отменить соответствующую для того подготовку. Правительство его величества просит поэтому чехословацкое правительство спешно и серьезно взвесить все последствия, прежде чем оно создаст ситуацию, за которую правительство его величества не могло бы принять на себя ответственность.

Правительство его величества было бы, конечно, готово предложить германскому правительству чехословацкий проект арбитража, если бы полагало, что при данном положении могла быть какая-либо надежда на то, что он вызовет благоприятное отношение. Но правительство его величества не может ни на минуту поверить, что это предложение окажется ныне приемлемым, а также не может полагать, чтобы германское правительство считало ситуацию такой, какая могла бы быть разрешена арбитражем, как это предлагает чехословацкое правительство.

Если бы чехословацкое правительство, рассмотрев снова вопрос, сочло себя вынужденным отклонить этот совет, то оно, конечно, должно иметь свободу каких угодно действий, которые оно сочтет соответствующими ситуации, какая могла бы создаться позднее.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 111—112.

153. Запись беседы президента ЧСР с посланниками Франции и Великобритании в ЧСР [1]

21 сентября 1938 г.

Французское правительство полагает, что, отвергая предложения, мы берем на себя риск войны. Правительство Франции в этих обстоятельствах не сможет вступить в войну, его помощь будет неэффективной. Ньютон присоединился к сказанному, заявив, что наш ответ не учитывает в достаточной степени критическую ситуацию, которой англичане и французы хотели избежать. Это означает германское вторжение. Не настаивайте на своем ответе и подумайте о способе, как принять англо-французские предложения, что является единственной возможно-

стью предотвратить непосредственную агрессию Германии. Если же мы будем стоять на своем, Чемберлен не поедет к Гитлеру и правительство Англии не сможет взять на себя ответственность. Англия и Франция охотно предложили бы Германии арбитраж, но нет надежды, что его могут принять. Это не приведет ни к каким результатам. Они снимают с себя ответственность за все, что произойдет.

Президент Бенеш: Это ультиматум.

Английский и французский посланники: Нет, это только советы.

Они требуют немедленного ответа, иначе Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру и Гитлер, очевидно, выступит. (Вероятно, Гитлер предъявил им нечто вроде ультиматума.)

Печат. по арх.

[1] Запись беседы была сделана министром иностранных дел ЧСР К. Крофтой.

154. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в Великобритании и Франции

21 сентября 1938 г.

Французский и английский посланники сообщили:

1. То, что предложили Англия и Франция, является единственным средством предотвращения войны и захвата Чехословакии.

2. В случае, если ответ Чехословацкой республики будет отрицательным, она будет нести ответственность за развязывание войны.

3. Это уничтожит франко-английскую солидарность, так как Англия не выступит.

4. Если же при этих обстоятельствах возникнет война, Франция не присоединится, т. е. не выполнит договора.

Это было сказано именно так. Ньютон заявил, что он тоже считает, что если мы будем настаивать на своем первом ответе, то Англия за то, что случится, не несет ответственности.

При этом он дал понять, что, учитывая действия Франции, действия Англии ясны.

Дополнение:

Оба добавили, что необходимо ответить как можно быстрее и что необходимо принять все без оговорок. Оба говорили категорически от имени обоих правительств и со всей решительностью.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 113—114.

155. Запись заведующего протокольным отделом МИД ЧСР о телефонном разговоре с атташе миссии ЧСР в Великобритании

21 сентября 1938 г.

Из миссии в Лондоне (д-р Фрей) в 17 часов позвонили в канцелярию президента республики (д-ру Дртине).

Посланник Ян Масарик сегодня получил от министра иностранных дел Великобритании письмо следующего содержания:

«Министр иностранных дел узнал от г-на Ньютона, что чехословацкое правительство еще колеблется в отношении принятия англо-французских предложений. Министр иностранных дел просит г-на Масарика немедленно позвонить г-ну Бенешу и сообщить, что глава правительства выезжает в Германию завтра утром и что следует немедленно сообщить сюда о согласии чехословацкого правительства. Посланнику его величества в Праге было дано указание предпринять шаги в этом же направлении у президента республики. Министр иностранных дел со всей решительностью повторяет то, что было сказано в этой связи г-ном Ньютоном».

Смутный

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 241.

156. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР всем миссиям ЧСР за границей, консульству в Дублине и постоянному делегату ЧСР в Лиге наций

21 сентября 1938 г.

Ход событий был следующий:

1. Французский и английский посланники вручили президенту республики 19 сентября в 14 часов памятную записку следующего содержания:

a) сохранение мира и соблюдение жизненных интересов ЧСР требуют присоединения к Германии районов, где немецкое население составляет более 50%;

b) плебисцит отклоняется ввиду возражений чехословацкого правительства; решено приступить к прямым переговорам;

c) международному органу будет поручено провести обмен населением;

d) французское и английское правительства присоединятся к международной гарантии новых границ против любого неспровоцированного нападения.

2. 20 сентября в 19 часов английскому и французскому посланникам был вручен ответ чехословацкого правительства следующего содержания:

Чехословацкая республика не может принять эти предложения по следующим причинам:

a) вопрос мог бы решить только парламент;

b) с точки зрения экономической и транспортной ЧСР была бы полностью парализована и в стратегическом отношении попала бы в чрезвычайно тяжелое положение;

c) произошло бы новое переселение недовольных немцев в ЧСР, в результате чего возникли бы новые межнациональные конфликты;

d) равновесие сил в Европе было бы уничтожено.

В ответе предлагается арбитраж на основании чехословацко-германского договора от 16 октября 1925 г. и выражается готовность принять заключение арбитража. Ответ заканчивается призывом к Франции и Англии вновь пересмотреть свои взгляды.

3. Английский и французский посланники 21 сентября в два часа ночи снова посетили президента и заявили, что в случае, если мы отклоним предложения их правительств, мы возьмем на себя риск вызвать войну. Французское правительство при таких обстоятельствах не могло бы вступить в войну, его помощь была бы недейственной. Принятие англо-французских предложений является единственным средством воспрепятствовать непосредственному нападению Германии. Если мы будем настаивать на своем первоначальном ответе, Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру и Англия не сможет взять на себя ответственность.

Ввиду этого ультимативного вмешательства и оказавшись в полном одиночестве, чехословацкое правительство,

очевидно, будет вынуждено подчиниться непреодолимому давлению. Ответ будет дан английскому и французскому посланникам в течение дня.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 115—117.

157. Из протокольной записи о выступлении председателя правительства на чрезвычайном заседании правительства ЧСР

21 сентября 1938 г.

[...] Идея обороны наших существующих границ всегда исходила из предпосылки военного сотрудничества или помощи Франции и России. Когда стала известной отрицательная позиция Франции, оставалась только надежда на русскую помощь. Но Россия заявила, что если Франция не выполнит своего обязательства о военной помощи, необходимо, чтобы Чехословакия потребовала решения Лиги наций, которое определило бы агрессора, поскольку иначе была бы опасность того, что Россия при оказании военной помощи и нарушении неприкосновенности границ иностранного государства сама могла бы быть названа агрессором.

Для того чтобы решение об определении агрессора было действительным, требуется по соответствующему положению (ст. 16) единогласие. Однако русские заявили, что для морального обоснования своего военного вмешательства они удовлетворились бы большинством, превышающим половину голосов. Однако в нынешней обстановке, в особенности, если принять во внимание заявление Франции и Великобритании [1], было ясно, что и этот путь является непреодолимым и не обещает положительных результатов. Когда же в этих условиях были запрошены представители нашей армии, то они заявили, что изолированный конфликт означал бы для Чехословакии крах, тем более, что следовало бы опасаться возможного нападения и со стороны других соседних государств. При этом было принято во внимание и возможное изменение точки зрения остальных государств Малой Антанты.

В этих условиях нельзя защищать наши старые границы и нужно изменить точку зрения Чехословакии, сфор-

мулированную в ее последней ноте [2]. Поэтому г-н председатель правительства предлагает после обсуждения, проведенного в политическом комитете [правительства] под председательством г-на президента республики, чтобы правительство высказало положительное отношение к предложению Великобритании и Франции, разумеется, с упомянутой уже оговоркой, вытекающей из чехословацких политических и организационных условий. [...]

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 508—509.

[1] См. док. № 138, 152.
[2] См. док. № 150.

158. Нота правительства ЧСР правительствам Великобритании и Франции

21 сентября 1938 г.

Вынужденное обстоятельствами, уступая исключительно настойчивым уговорам и сделав выводы из заявления французского и английского правительств от 21 сентября 1938 г., в котором оба правительства выразили свою точку зрения по вопросу об оказании помощи Чехословакии в случае, если бы она отказалась принять франко-английские предложения и, таким образом, подверглась бы нападению Германии, правительство Чехословакии, находясь в таком положении, с горечью принимает французские и английские предложения, предполагая, что оба правительства сделают все, чтобы при осуществлении названных предложений были обеспечены жизненные интересы чехословацкого государства. Оно с прискорбием подчеркивает, что эти предложения были выработаны без предварительного запроса чехословацкого правительства.

Глубоко сожалея, что не было принято его предложение об арбитраже, чехословацкое правительство принимает эти предложения как нераздельное целое, подчеркивая при этом принцип гарантий, сформулированный в ноте, и, принимая их, считает, что оба правительства не допустят немецкого вторжения на чехословацкую территорию, которая останется чехословацкой до того момента,

когда будет можно осуществить передачу территории после установления новой границы международной комиссией, о которой говорится в предложениях.

По мнению правительства Чехословакии, франко-английский проект предусматривает, что все подробности осуществления на практике франко-английских предложений будут установлены по договоренности с чехословацким правительством.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 118—119.

159. Из выступления министра иностранных дел ЧСР К. Крофты перед представителями печати

21 сентября 1938 г.

[...] Г-н Бонне ссылается на Англию, и оказывается, что г-н Бонне направлял в Англию различные сообщения, в том числе и о Советском Союзе,— это чрезвычайно интересно,— которые убедили ее в том, что позиция Советского Союза является неопределенной. Но это неправда, Советский Союз неоднократно заявлял нам и французскому правительству, что он выступил бы, если выступит Франция, и г-н Литвинов заявил о том, что Россия вмешалась бы и без Франции в том случае, если бы по крайней мере большинство Лиги наций проголосовало за определение Германии агрессором. Но в данной ситуации очень сомнительно, чтобы это произошло. Англия и Франция не поддержат это предложение, а северные государства не выступят против Германии. В поддержку проголосовали бы южноамериканские государства, а также Китай и еще ряд государств, но это не составило бы большинства голосов. Господа, я обращаю внимание на эту позицию Советского Союза, поскольку в газете «Венков» появилась статья, утверждающая, что нас покинули славянские государства [1]. Это совершеннейшая неправда. Россия нас не покинула. Я не могу также утверждать, что Россия, возможно, выступила бы и без Лиги наций, но этого в данных обстоятельствах никто не может требовать, так как это означало бы, что на нас немедленно напала бы Польша, Румыния не вмешалась бы, и Венгрия... Это было бы безумием, если бы мы это сделали, и поэтому нет никакого смысла спорить о том, выступили бы

Советы или нет. Но обвинять Советы в том, что они предали нас, мы не можем. Как раз наоборот, мы должны понять, что было бы большой ошибкой говорить, что только Россия могла нас спасти. Это было бы весьма неразумно, если бы дело было изложено так, что мы должны были бы ввязаться в войну и с помощью России мы бы победили. Я знаю, господа, что это распространяется с целью агитации. Это было бы очень опасно. Я просил бы вас сохранять хладнокровие. Господа, то, что сделала Франция, это, конечно, совершенно ужасно. Именно для нас, для каждого, кто считал, что мы можем положиться на Францию и на Англию, это самый страшный удар, какой можно себе представить. Нам следует это учитывать, но мы не должны сваливать все на Францию, а если уж на кого и жаловаться, так это на правительство.

Печат. по арх.

[1] Статья идентичного содержания была опубликована в тот же день и в другой газете аграрной партии — «Вечер».

160. Запись беседы начальника канцелярии министра иностранных дел ЧСР с полномочным представителем СССР в ЧСР

21 сентября 1938 г.

21 сентября 1938 г. в 10 час. 15 мин. посланник Александровский «почти официально» сообщает, что один член нашего правительства перепроверял у него советскую позицию. Александровский отмечает, что поставленные перед ним президентом вопросы были сформулированы ясно и что вчера же он на оба эти вопроса дал ясный ответ Москвы. Президент ни о чем больше не спрашивал. Поэтому Александровский протестует против того, чтобы на Советский Союз перелагалась ответственность за решение, принятое чехословацким правительством, и категорически протестует против сообщения, опубликованного в сегодняшнем специальном номере «Вечера» (позже, как ему известно, конфискованного), в котором утверждается, что мы были преданы также и «народом славянской расы». Он сообщает, что сделает все для того, чтобы эта игра с Советами, которая ведется среди чехословацкой общественности в интересах некоторых кругов, прекратилась. Он требует, чтобы было сделано все для

того, чтобы позиция Советского Союза в вопросе оказания помощи Чехословакии была полностью разъяснена нашей общественности.

Д-р *Ина*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 120—121.

161. Обращение КПЧ к гражданам Чехословакии

не позднее 21 сентября 1938 г.

Чехословацкая реакция вот уже два дня ведет наступление на умы и чувства граждан ЧСР, чтобы сломить их решимость защищать неприкосновенность чехословацких границ против нападения иноземных фашистов. Она стремится подорвать эту решимость всех вас сообщениями о том, что «нас предали» (пишет аграрный «Вечер»), что мы «совершенно одни» (пишет в сегодняшнем «Вечернем листе» г-н Стршибрный, продавшийся аграрной реакции). Эту решимость всех вас пытаются подорвать, прежде всего сообщениями о том, что якобы нас оставил и предал также и Советский Союз. Это самая подлейшая ложь, которая была выдумана в эти решающие минуты для того, чтобы вас ослабить и разложить.

Согласно совершенно аутентичным сообщениям, Советский Союз готов помочь Чехословакии в любом случае и в любой момент как только произойдет нападение.

На два вопроса чехословацкого правительства Советский Союз дважды ответил: «Да, да, естественно, поможем. Поможем согласно союзному договору, если придет на помощь Франция и поможем согласно Пакту Лиги наций даже тогда, если Франция вначале заколебалась бы. Поможем немедленно и при любой ситуации, если будете защищаться!»

Граждане Чехословакии, вы не должны колебаться, передайте всем маловерам это сообщение. Всем, всем, всем скажите: «Будьте решительными, защищайте свою землю. Советский Союз непоколебимо с нами!»

Коммунисты

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 515.

162. Директива народного комиссара обороны СССР Военному совету Киевского особого военного округа

21 сентября 1938 г.

Приказываю организовать крупные учения в районе Волочиск, Проскуров, Каменец-Подольск, гос[ударственная] граница.

1. На учения привлечь: управление Винницкой арм[ейской] группы, части 4-го кав[алерийского] корпуса, 26-ю и 23-ю легк[ие] танк[овые] бригады, 25-й танк[овый] корпус, 96-ю, 97-ю и 72-ю стр[елковые] дивизии, корпусные части 17-го стр[елкового] корпуса.

2. Части 4-го кав[алерийского] корпуса, 23-я и 26-я т[анковые] бр[игады] выходят [в] составе мирного времени и сосредоточиваются: 34-я к[авалерийская] д[ивизи]я с 26-й т[анковой] б[ригадой] [в] районе Волочиск и восточнее к исходу 23 сентября;

32-я к[авалерийская] д[ивизия] с 23-й т[анковой] б[ригадой] [в] районе Гусятин, Закупной, Чемеровцы к исходу 23 сентября; 9-ю к[авалерийскую] д[ивизию] [в] районе Залучье, Оринин, Лясковцы к исходу 22 сентября.

3. 25-й т[анковый] корпус — в районе Черный Остров к исходу 25 сентября.

4. Стрелковым дивизиям:

а) 96-й выступить в кадрах мирного времени утром 23 сентября и сосредоточиться в районе Маков, Каменец-Подольский;

б) 72-я и 97-я перебрасываются по железной дороге [в] районы: 72-я с[трелковая] д[ивизия] — Ярмолинцы, 97-я с[трелковая] д[ивизия] — Смотричь, готовность к погрузке утром 23 сентября.

5. 96-й, 97-й и 72-й с[трелковым] д[ивизиям] призвать приписной состав по 8000 человек, рядового и младшего ком[андного] состава на каждую дивизию, в том числе средний ком[андный] состав, приписанный к территории К[иевского] о[собого] в[оенного] о[круга]. Конский состав призвать из расчета минимальной необходимости обеспечения боевых единиц и транспорта частей дивизии. Для приема приходящего приписного состава и выдачи обмундирования, снаряжения, оружия, организации питания оставить на зимних квартирах соответствующее количество необходимого кадра.

6. Корпусные части 17-го с[трелкового] к[орпуса] призывают полностью приписной состав и перебрасываются в район Ярмолинцы.

7. Призванный приписной состав стр[елковой] дивизии в пункты постоянного расположения частей будет перебрасываться по жел[езным] дор[огам] в районы сосредоточения дивизии.

8. Порядок призыва на сборы устанавливается Военным советом К[иевского] о[собого] в[оенного] о[круга] из расчета прибытия приписных в район постоянного расквартирования частей в двухдневный срок, считая первым днем 22 сентября.

9. Военному совету округа тщательно проработать вопросы:

а) питания войск в районах их сосредоточения;

б) организации приема приписного состава, его питания, обмундирования, выдачи вооружения и снаряжения и дальнейшей отправки в районы сосредоточения своих частей;

в) организации управления связи с сосредоточиваемыми в районы учений войсками.

10. План перевозок частей и пополнений будет дан начальником Генерального штаба дополнительно, заявки на потребное количество вагонов для перевозки снабжения частям, участвующим в учениях, представить в Генеральный штаб к 23 сентября [к] 12 часам.

11. Авиация — для этих учений привлечь: три истребительных полка, три полка с[редних] б[омбардировщиков], один полк т[яжелых] б[омбардировщиков] — три (из Кирово) и соответствующую — войсковую авиацию. Все части выделить назначением Военного совета К[иевского] о[собого] в[оенного] о[круга].

Истребительную авиацию дислоцировать по вашему усмотрению в районе Староконстантинов, Новая Ушица. Полки с[редних] б[омбардировщиков] и т[яжелых] б[омбардировщиков] — три работают со своих постоянных аэродромов, но с временной посадкой на передовых аэродромах в районе Староконстантинов, Винница, Ушица. Для обеспечения работы авиации на полевых аэродромах Военному совету округа призвать приписной состав двух авиа[ционных] баз по своему усмотрению. Полеты авиации начать с 23 сентября.

12. Руководство учениями возлагается на Воен[ный] совет К[иевского] о[собого] в[оенного] о[круга].

13. Кроме частей, участвующих в больших учениях, части 2-го кав[алерийского] корпуса, не привлеченные к проводимому теперь вами окружному учению, проводят частные учения в своих районах с подходом к гос[ударственной] границе.

14. Окружные учения, проводимые теперь, закончить сбором всех войск [в] районе Новгород-Волынск к 23—24 сентября с. г.

15. О ходе подготовительных мероприятий и сосредоточения войск доносить мне ежедневно к 10 и 21 часу [1].

Ворошилов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 515—517.

[1] Утром 22 сентября 1938 г. командующий Киевским особым военным округом сообщил в Генеральный штаб, что к 4 часам утра директива наркома доведена до всех войск и они приступили к выдвижению в указанные районы сосредоточения. 23 сентября нарком обороны и Генеральный штаб дали дополнительную директиву о приведении в боевую готовность части войск Белорусского особого и вновь созданного Калининского военных округов, а также о выдвижении к государственной границе ряда их оперативных объединений. Мероприятия по приведению в боевую готовность были осуществлены также в Харьковском и Московском военных округах. Всего в боевую готовность были приведены: танковый корпус, 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 7 танковых, мотострелковая и 12 авиационных бригад, 7 укрепленных районов, а в системе противовоздушной обороны — 2 корпуса, дивизия, 2 бригады, 16 полков, 4 зенитно-артиллерийские бригады и 15 зенитно-артиллерийских полков, а также части боевого и тылового обеспечения.

163. Из речи председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций

21 сентября 1938 г.

Мы дискутируем в настоящее время годовой отчет Лиги наций. Надо признать, однако, вполне естественным и правильным, что выступающие на пленуме ораторы говорят не о том, что Лига сделала, а о том, чего она не сделала в истекший год и в предыдущие годы. По-видимому, все сознают, что Лига наций не была создана для той деятельности, о которой повествует отчет генерального секретаря Лиги. Нельзя забывать,

что создание Лиги наций явилось реакцией на мировую войну с ее неизъяснимыми ужасами, что она имела целью сделать эту войну последней, охранить все народы от агрессии и заменить систему военных союзов коллективной организацией помощи жертвам агрессии. Между тем в этой области Лигой ничего не сделано. Два государства — Абиссиния и Австрия — потеряли свое самостоятельное существование вследствие грубого насилия над ними; третье — Китай — второй раз в течение семи лет стало жертвой агрессии и иностранного нашествия; четвертое — Испания — уже третий год истекает кровью в результате вооруженного вмешательства в его внутренние дела двух агрессоров. Лига наций не выполнила своих обязательств в отношении упомянутых государств.

В настоящее время пятое государство — Чехословакия — испытывает вмешательство во внутренние дела со стороны соседнего государства и находится под угрозой громко провозглашенной агрессии. Один из старейших, культурнейших, трудолюбивейших европейских народов, обретший после многовекового угнетения свою государственную самостоятельность, не сегодня завтра может оказаться вынужденным с оружием в руках отстаивать эту самостоятельность. Я убежден, что симпатии если и не всех правительств, то всех народов, представленных на пленуме, тянутся к чехословацкому народу в грозный час его испытаний, что мы все вспоминаем активнейшую роль, которую играла Чехословакия и ее нынешний президент г-н Бенеш в организации и развитии Лиги наций, что все наши помыслы настолько поглощены событиями, происходящими в Чехословакии и вокруг нее, что мы, делегаты, с трудом можем уделять внимание повестке дня пленума, в которой чехословацкий вопрос отсутствует. Не приходится поэтому удивляться, что генеральная дискуссия сводится к тому, что Лига наций должна была делать и чего она не делала. [...]

В Лиге наций и вне ее наметились две тенденции, две концепции сохранения мира. Существует мнение, что когда какое-либо государство провозглашает внешнюю политику, основанную на агрессии, на нарушении чужих границ, на насильственном захвате чужих владений, на порабощении других народов, на господстве над целым континентом, Лига наций не только имеет право, но и обязана заявить внятно и громко, что, призванная

охранять всеобщий мир, она не допустит осуществления такой программы и будет бороться с ней всеми средствами, которыми она располагает. В рамках такого заявления отдельные члены Лиги могут и должны образовать особые группировки для совместной защиты отдельных очагов угрожаемого фронта мира. Предполагается, что государства, открыто выступившие против принципов, положенных в основу Пакта Лиги наций и пакта Бриана — Келлога, славословящие агрессию и издевающиеся над международными обязательствами, недоступны никаким увещеваниям и уговариваниям, кроме лишь аргумента силы, и что не должно быть места каким-либо компромиссам и сделкам с ними. Удержать их от приведения в исполнение их злых замыслов можно только демонстрацией той силы, на которую они при этом натолкнутся. Само собой разумеется, что при малейшей попытке фактического совершения агрессии должны быть пущены в ход в соответственной постепенности, с учетом возможностей каждого члена Лиги, намеченные в ст. 16 коллективные действия. Иначе говоря, против агрессора должна быть проведена программа, намеченная Уставом Лиги наций, но решительно, последовательно и без всяких колебаний, и тогда сам агрессор не будет введен в искушение и мир будет сохранен мирными средствами. Есть, однако, и другая концепция, которая рекомендует как высшую мудрость менажировать агрессора, не задевать его самолюбия, а вести с ним разговоры и переговоры, убеждать его в том, что никакие коллективные действия не будут против него предприняты, никакие группировки и блоки против него не будут созданы (хотя он сам вступает в агрессивные блоки с другими агрессорами), заключать с ним компромиссные соглашения и закрывать глаза на нарушение им этих соглашений, идти навстречу его требованиям, хотя бы даже самым незаконным, даже ездить за получением диктатов и ультиматумов, принося ему в жертву жизненные интересы того или иного государства, избегая постановки вопросов о его действиях в Лиге наций, так как это не нравится агрессору, он обижается, он дуется. К сожалению, эта именно политика до сих пор практиковалась в отношении агрессии, и она имела последствием три войны и грозит навлечь на нас четвертую. В жертву принесены уже четыре народа, на очереди — пятый.

Ввиду столь плачевных результатов этой политики мы вправе были ожидать признания ее ошибочности и необходимости замены ее другой, вместо чего мы услышали здесь предложения об увековечении этой политики. Если до сих пор агрессор, учитывая возможную реакцию Лиги наций, несколько неуверенно подготовлял свою агрессию, осуществляя ее постепенно, по мере того как он убеждался в отсутствии достаточной реакции, то теперь предлагается заранее успокоить его, что ему больше нечего остерегаться Лиги, что Лига отныне не будет применять к нему не только военных, но даже экономических или финансовых санкций и что в худшем случае ему грозит моральное осуждение, и то, вероятно, облеченное в соответствующую вежливую дипломатическую форму. [...]

Я говорю все это отнюдь не для того, чтобы переубедить те правительства, тех государственных деятелей, которые приняли решения, результатом которых были некоторые выслушанные нами здесь речи. Ошибочность и вредоносность этих решений для всего человечества, и в первую очередь для тех государств, которые защищают их, покажет история. В момент, когда закладываются фугасы для взрыва организации, с которой были связаны великие надежды многих современников, которая накладывала определенную печать на нашу эпоху международных отношений, в момент, когда отнюдь не благодаря случайному совпадению вне Лиги принимаются решения, которые напоминают нам международные сделки довоенного времени и которые должны опрокинуть ныне существующие понятия о международной морали, о международных договорных обязательствах, когда устраиваются, очевидно, жертвоприношения богу агрессии, когда подводится черта под всей послевоенной международной деятельностью единственным выводом, что ничто не удается, кроме агрессии, каждое государство должно определить свою роль и свою ответственность перед современниками, перед историей. Вот почему я должен здесь громко заявить, что Советское правительство ни в малейшей мере не повинно в совершающихся событиях и в том, что за этим может фатально последовать. После долгих колебаний и сомнений Советский Союз пришел в Лигу, чтобы присоединить мощь 170-миллионного народа к силам мира. В настоящий час горьких разочарований он отнюдь не должен об этом

сожалеть, хотя бы потому, что иначе, несомненно, делались бы попытки его отсутствию приписывать мнимое бессилие и крах Лиги. До сих пор он был неизменно верен принятым на себя обязательствам и лояльно выполнял и изъявлял готовность выполнять все решения и даже рекомендации Лиги, имевшие целью сохранение мира и борьбу с агрессорами, не считаясь с тем, совпадали ли эти решения с его государственными интересами сего дня. Таково было его поведение при нападении на Абиссинию. Советская делегация неизменно настаивала на выполнении Лигой своего долга перед Испанией, и не ее вина, что испанская проблема была изъята из Лиги наций и передана в так называемый Лондонский комитет по невмешательству, который, как мы теперь все знаем, видит свою задачу в том, чтобы не мешать вмешательству агрессивных стран в испанские дела. Во всяком случае, действия Советского правительства в отношении испанских событий в Лондонском комитете и вне его проникнуты духом принципов Лиги наций и установленных норм международного права. То же самое можно сказать и в отношении китайской проблемы. Советская делегация всегда настаивала на оказании Лигой наций максимальной поддержки жертвам японской агрессии, и те скромные рекомендации, которые Лига наций приняла, Советское правительство выполняет более чем лояльно.

Такое событие, как исчезновение австрийского государства, прошло незамеченным для Лиги наций. Сознавая значение, которое это событие должно иметь для судеб всей Европы, и в первую очередь для Чехословакии, Советское правительство сейчас же после аншлюса обратилось официально к другим великим европейским державам с предложением о немедленном коллективном обсуждении возможных последствий этого события с целью принятия коллективных предупредительных мер. К сожалению, это предложение, осуществление которого могло избавить нас от тревог, испытываемых ныне всем миром о судьбе Чехословакии, не было оценено по достоинству. Связанный с Чехословакией пактом о взаимной помощи, Советский Союз в дальнейшем воздерживался от всякого вмешательства в переговоры чехословацкого правительства с судето-немцами, считая это внутренним делом чехословацкого правительства. Мы воздерживались от всяких советов чехословацкому пра-

вительству, считая недопустимым требовать от него уступок немцам в ущерб государственным интересам, ради избавления нас от необходимости выполнения наших обязательств по пакту. Не давали мы советов также и в обратном направлении. Мы весьма ценили такт чехословацкого правительства, которое до самых последних дней нас даже не запрашивало, выполним ли мы свои обязательства по пакту, ибо оно, очевидно, в этом не сомневалось и не имело оснований сомневаться.

Когда за несколько дней до моего отъезда в Женеву французское правительство в первый раз обратилось к нам с запросом о нашей позиции в случае нападения на Чехословакию, я дал от имени своего правительства совершенно четкий и недвусмысленный ответ, а именно: мы намерены выполнить свои обязательства по пакту и вместе с Францией оказывать помощь Чехословакии доступными нам путями. Наше военное ведомство готово немедленно принять участие в совещании с представителями французского и чехословацкого военных ведомств для обсуждения мероприятий, диктуемых моментом. Независимо от этого мы считали бы, однако, желательным постановку вопроса в Лиге наций пока хоть о ст. 11 с целью, во-первых, мобилизации общественного мнения и, во-вторых, выяснения позиции некоторых других государств, посильная помощь которых была бы весьма ценной. Необходимо, однако, сперва исчерпать все меры предотвращения вооруженного конфликта, и одной из таких мер мы считаем немедленное совещание европейских великих держав и других заинтересованных государств для эвентуальной выработки коллективного демарша.

Вот как гласил наш ответ. Только третьего дня чехословацкое правительство впервые запросило Советское, готово ли оно, в соответствии с чехословацким пактом, оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии в случае, если Франция, верная своим обязательствам, окажет такую же помощь, и на это Советское правительство дало совершенно ясный и положительный ответ. Я думаю, согласятся, что это был ответ лояльного участника международного соглашения и верного защитника Лиги наций. Не наша вина, если не было дано хода нашим предложениям, которые — я убежден — могли дать желательные результаты как в интересах Чехословакии, так и всей Европы и всеобщего мира.

К сожалению, были приняты другие меры, которые привели, и не могли не привести, к такой капитуляции, которая рано или поздно будет иметь совершенно необозримые катастрофические последствия.

Избежать проблематической войны сегодня и получить верную и всеобъемлющую войну завтра, да еще ценою удовлетворения аппетитов ненасытных агрессоров и уничтожения и изуродования суверенных государств, не значит действовать в духе Пакта Лиги наций. Премировать бряцание оружием и обращение к оружию для разрешения международных проблем, иначе говоря, премировать и поощрять наступательный сверхимпериализм в до сих пор неслыханных формах не значит действовать в духе пакта Келлога — Бриана.

Советское правительство, которое гордится своей непричастностью к такой политике и которое неизменно следовало принципам этих двух пактов, одобренных почти всеми народами мира, не будет и впредь отступать от них, убежденное в том, что в настоящих условиях невозможно иным путем обеспечить действительный мир и действительную международную справедливость. Вернуться на этот путь оно зовет и другие правительства.

Печат. по газ. «Известия» № 222 (6689), 22 сентября 1938 г.

164. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

22 сентября 1938 г.

В Праге происходят потрясающие сцены. Полпредство окружено полицейским кордоном. Несмотря на это, толпы демонстрантов при явном сочувствии полиции проходят к полпредству, высылают делегации, требующие разговора с полпредом. Толпы поют национальный гимн и буквально плачут. Поют «Интернационал». В речах первая надежда на помощь СССР, призывы защищаться, созвать парламент, сбросить правительство. Имена не только Годжи, но и Бенеша встречаются свистом и криком. Офицеров качают, заставляют произносить патриотические речи. Гитлер и Чемберлен одинаково возбуждают ненависть. Часты лозунги: Даладье и Бонне не французский народ, который не предаст. Эти демонстрации явно не имеют руководства. Делегации

принимаю. Сегодня в четвертом часу ночи только что была делегация рабочих и служащих, выделенная митингом, состоявшимся перед полпредством. Делегатам заявляю, что СССР дорожит Чехословацкой республикой и интересами ее трудящихся, а потому готов помочь защитой от нападения. Путь к оказанию помощи усложнен отказом Франции, но СССР ищет путей и найдет их, если Чехословакия подвергнется нападению и будет вынуждена защищаться. Большую часть это удовлетворяет. Приезжают делегации из провинции. Там еще резче стоит вопрос о войне. Главный лозунг — не отзывать армию с границ, объявить всеобщую мобилизацию, не допускать германские войска в Судеты.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 129—130.

165. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР

22 сентября 1938 г.

Фирлингер зашел ко мне, чтобы передать текст ответа чехословацкого правительства на англо-французские предложения. Фирлингер пояснил, что ответ этот был вручен в Праге посланникам Франции и Англии 21 сентября, в 17 часов.

Со своей стороны я сообщил Фирлингеру, что т. Александровский передал нам по телеграфу новые вопросы, которые Бенеш ставит перед правительством СССР. По этому поводу я заметил, что для нас представляется непонятным умолчание Бенеша о том, в какой степени считает он Чехословакию обеспеченной помощью со стороны Франции против германской агрессии, в частности в том случае, если бы, не удовлетворившись согласием Чехословакии на последние англо-французские предложения, Гитлер предъявил новые, неприемлемые для Чехословакии требования и после отклонения их Чехословакией начал бы против нее военные действия. Я напомнил Фирлингеру, что данный вопрос имеет для СССР капитальную важность. В него, по моему мнению, необходимо немедленно внести совершенную ясность.

Фирлингер поспешил заявить, что он вполне понимает существенное значение моего указания относительно необходимости окончательно выяснить позицию французского правительства в вопросе о помощи Чехословакии. Посланник выразил готовность запросить по этому поводу Прагу. Я сказал, что не возражал бы против такого запроса.

Фирлингер осведомился далее, могло ли бы правительство СССР в случае нападения Германии на Чехословакию оказать помощь последней, не дожидаясь решения Совета Лиги наций. На этот вопрос я ответил ссылкой на ст. I протокола подписания советско-чешского договора о взаимной помощи, предусматривающую оказание сторонами этой помощи в тех случаях, если по тем или иным причинам Совет Лиги не вынесет требуемой ими рекомендации или не придет к единогласному решению. В дальнейшей беседе Фирлингер развил ту мысль, что «происходящие переговоры» Чехословакии по поводу англо-французских предложений еще не предрешают судьбы чешско-советского пакта. Во всяком случае, правительство Чехословакии продолжает считать его сохраняющим силу. Фирлингер осведомился, как мы смотрим на этот вопрос. Я ответил, что пока советско-чешский пакт еще не аннулирован, мы, естественно, признаем его обязательства сохраняющими силу.

В заключение беседы, вернувшись к вопросам Бенеша, я отметил, что его мысль о новом договоре между Чехословакией и СССР недостаточно ясна и конкретна. Во всяком случае, она требует серьезного предварительного изучения. Фирлингер ответил, что для него самого идея Бенеша представляется совершенной новостью. Со своей стороны он считает, что в данный момент необходимо во что бы то ни стало в наших ответах Чехословакии дать то, что может ее ободрить и поднять ее дух. Это положение Фирлингер развивал с большой настойчивостью. На этом и закончилась наша с ним беседа.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI, М., 1977, с. 512—513.

166. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

22 сентября 1938 г.

Я сообщил Потемкину, что мы считаем пакт с СССР действующим, пока не подпишем новый международный статут. Поэтому я просил его быть постоянно бдительным и готовым, что он и обещал. Были приняты меры на границе с Польшей на случай ее нападения на нас [1]. Потемкин спросил меня, почему наше правительство никогда не ставило вопроса о безусловной помощи со стороны Союза. Я сказал, что из-за географического положения думать об этом было трудно. Мы договорились о том, что Прага должна немедленно точно выяснить, окажет ли Франция военную помощь в случае, если от нас потребуют новых уступок. Ответьте немедленно.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 128.

[1] 20 сентября 1938 г. Гитлер провел переговоры с главой правительства Венгрии Б. Имреди, министром иностранных дел Венгрии К. Канья и послом Польши в Германии Ю. Липским. В ходе переговоров была достигнута договоренность о совместных действиях бековской Польши и хортистской Веигрии. 22 сентября, в соответствии с этой договоренностью, польское и венгерское правительства предъявили чехословацкому правительству ультиматум с требованием о передаче Польше и Венгрии территорий, на которых проживали польские и венгерские национальные меньшинства. Оба государства, по примеру Германии, готовились к захвату пограничных районов Чехословакии.

167. Резолюция участников манифестации граждан Брно, направленная полномочному представителю СССР в ЧСР [1]

22 сентября 1938 г.

Мы всегда с уважением, удивлением и искренними симпатиями смотрели на могучее и богатырское строительство вашей великой социалистической страны. Три года назад мы с радостью приветствовали установление союзных отношений нашей родины с великим Советским Союзом. Просим, оправдайте надежды всех трудящихся

мира. Твердо стойте за нас. Вы — единственная надежда. Не оставляйте нас!!! Успехов вашей и нашей родине.

Брненские граждане — участники манифестации

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с 520—521.

[1] Полномочное представительство СССР в ЧСР получило в эти дни резолюции участников манифестаций и из других городов Чехословакии.

168. Заявление Петиционного комитета «Останемся верными» [1] президенту ЧСР

22 сентября 1938 г.

Мы требуем, чтобы правительство немедленно обратилось в Лигу наций за помощью в соответствии со ст. 11 ее Пакта. Мы имеем точную и достоверную информацию о том, что распространяемое утверждение, будто Советский Союз откажет в помощи Чехословакии после отказа Франции, не соответствует действительности. Мы требуем сообщить общественности, что Советский Союз даже не запрашивали, готов ли он помочь Чехословакии один, независимо от оговорки, внесенной в чехословацко-советский договор о взаимной помощи. Мы требуем, чтобы сообщения о том, что и Советский Союз нас также оставил, были опровергнуты и впредь конфисковались. Мы требуем, чтобы правительство немедленно начало переговоры с Советским Союзом об устранении junctim [2] действия договора с вопросом о помощи со стороны Франции.

Петиционный комитет «Останемся верными»

Д-р *Белеградек,* д-р *Фишер, Пешек*

Печат. по сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 521—522.

[1] Манифест «Останемся верными», опубликованный 15 мая 1938 г., был подписан 308 представителями чехословацкой науки и культуры. Он послужил основой для широкой кампании по сбору подписей в защиту республики против фашизма. До сентября 1938 г. под ним поставили свои подписи более миллиона чехословацких граждан.

[2] — связи (*лат.*).

169. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

22 сентября 1938 г.

Крофта просит передать дословно следующее: «Польша сосредоточивает на всем протяжении границы с Чехословакией войска в походном состоянии. Поэтому было бы хорошо, если бы Москва обратила внимание Варшавы на то, что советско-польский пакт о ненападении перестанет действовать в тот момент, когда Польша нападет на Чехословакию».

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 131.

170. Телеграмма посланника ЧСР во Франции президенту ЧСР

22 сентября 1938 г.

В 16 часов Рейно, Мандель и Шампетье де Рибе были у Даладье. Они заявили ему, что его правительство было создано во имя защиты договоров. После 10 сентября эта политика позорно провалилась. Бонне лично вел против нее кампанию в субсидируемых правительством газетах. 19 сентября в совете министров было отложено обсуждение вопроса о том, что сделает Франция, если ЧСР не примет [англо-французские предложения]. Министры спросили, почему этот вопрос не был рассмотрен. Даладье ответил, что Бенеш сам настаивал на ультиматуме, чтобы прикрыться им. Министры требовали, чтобы он заявил это публично и таким образом снял с Франции обвинения в том, что она предала ЧСР. Даладье ответил, что тогда президента Бенеша убьют. Министры заявили, что Франция готова пожертвовать сотнями тысяч людей, чтобы защитить свою честь. Даладье сказал, что он подумает над этим. Прошу уполномочить меня сообщить Даладье и трем министрам, что приписываемое президенту Бенешу является грубейшим оскорблением. Даладье далее сообщил министрам о направлении Чемберлену телеграммы, в которой говорится, что, если бы Германия напала на ЧСР, Франция вступила бы в войну. По его словам, сегодня Франция

едина, в то время как еще три дня назад она единой не была. По мнению Даладье, непосредственной опасности войны нет. В заключение министры заявили Даладье, что на совести Бонне настолько большая ответственность, что они считают своим долгом выразить ему свое презрение. Даладье попросил министров не подавать в отставку, которая сегодня могла бы явиться поводом к войне. Однако, чтобы иметь возможность избавиться от Бонне, Даладье должен заручиться согласием на это министров.

Осуский

Печат. по арх.

171. Призыв Коммунистической партии Чехословакии к защите республики

22 сентября 1938 г.

Правительство, которое хотело поставить под угрозу целостность и безопасность республики, подало в отставку! [1] Народ показал, что он готов защищать свою свободу.

Да здравствует правительство решительной защиты республики, которое выражало бы общую волю всей страны!

Граждане, республика в опасности! Мы требуем объявления всеобщей мобилизации! Мы требуем приказа оборонять пограничные укрепления! Красная Армия ждет, когда мы ее позовем!

Встанем стеной и мы будем не одиноки!

Коммунисты

Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 519.

[1] Сообщение о принятии чехословацким правительством англо-французских требований вызвало волну негодования со стороны народа Чехословакии. Уже 21 сентября 1938 г. в Праге и ряде других городов страны начались мощные демонстрации протеста, которые возглавила Коммунистическая партия Чехословакии. В этих условиях капитулянтское правительство подало в отставку. Перед зданием парламента в Праге собралось около 250 тыс. человек, требовавших создания правительства, способного защитить республику и, опираясь на поддержку народа, предотвратить ее расчленение. Вечером 22 сентября Э. Бенешем было сформировано новое, чиновничье правительство во главе с генералом Я. Сыровым.

172. Заявление Советского правительства правительству Польши

23 сентября 1938 г. [1]

Правительство СССР получило сообщения из различных источников, что войска польского правительства сосредоточиваются на границе Польши и Чехословакии, готовясь перейти означенную границу и силою занять часть территории Чехословацкой республики. Несмотря на широкое распространение и тревожный характер этих сообщений, польское правительство до сих пор их не опровергло. Правительство СССР ожидает, что такое опровержение последует немедленно. Тем не менее на случай, если бы такое опровержение не последовало и если бы в подтверждение этих сообщений войска Польши действительно перешли границу Чехословацкой республики и заняли ее территорию, правительство СССР считает своевременным и необходимым предупредить правительство Польской республики, что на основании ст. 2 пакта о ненападении, заключенного между СССР и Польшей 25 июля 1932 г., правительство СССР, ввиду совершенного Польшей акта агрессии против Чехословакии, вынуждено было бы без предупреждения денонсировать означенный договор.

Печат. по газ. «Известия» № 225 (6692), 26 сентября 1938 г.

[1] Заявление было передано около 4 часов утра 23 сентября 1938 г. заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкиным поверенному в делах Польши в СССР Т. Яновскому.

173. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР

23 сентября 1938 г.

Я пригласил Кулондра, чтобы сообщить ему о заявлении, сделанном нами вчера польскому правительству. Кулондр осведомился, что по существу означает наша акция. Я объяснил, что она является пока лишь предупреждением. Что касается эвентуального денонсирования пакта 23 декабря 1932 г. [1], то оно освободило бы нас

от известных обязательств перед Польшей и вернуло бы нам в отношении ее свободу действий.

Кулондр заявил, что придает нашей акции крупнейшее международное значение. Положительный ее эффект должен коснуться не только Чехословакии, но и Франции.

В дальнейшей беседе Кулондр сказал мне, что глубоко удручен позицией, занятой правительствами Франции и Англии в чехословацком вопросе. Тем не менее он не теряет надежды на пересмотр этой позиции. На это кроме давления общественного мнения может толкнуть Францию и Англию сам Гитлер, который, по-видимому, намерен отвергнуть англо-французские предложения и предъявить Чехословакии новые требования. Кулондр хочет надеяться, что Франция и Англия не пойдут дальше по пути уступок Гитлеру. Во всяком случае, он считает, что пакты Франции и Советского Союза с Чехословакией сохраняют еще свою полную силу. Не может Франция и отказаться от обязательств помощи Чехословакии. Если Гитлер перейдет за поставленный ему предел, Франция должна будет выступить на защиту Чехословакии. Кулондр думает, что необходимо рассеять атмосферу обоюдного недоверия, возникшую в последнее время между СССР и Францией. Он просит в случае, если наметится ожидаемый им поворот в позиции Франции в отношении Гитлера и Чехословакии, дать ему возможность со всей откровенностью и ясностью поставить перед нами те вопросы, обсуждение которых должно привести СССР и Францию к теснейшему сотрудничеству.

В любопытной декларации Кулондра я усматриваю не столько протест против изменнической политики французского правительства, сколько опасения этого представителя буржуазной Франции, как бы такая политика не привела ее к потере такого союзника, каким мог бы быть для нее СССР.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 522—523.

[1] Дата обмена ратификационными грамотами советско-польского договора о ненападении, подписанного 25 июля 1932 г.

174. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Польши в СССР

23 сентября 1938 г.

Польский поверенный в делах, просивший у меня приема сегодня на 7 часов, явился ко мне с нижеследующим сообщением от своего правительства:

«1. Меры, принимаемые в связи с обороной польского государства, зависят исключительно от правительства Польской республики, которое ни перед кем не обязано давать объяснения.

2. Правительство Польской республики точно знает тексты договоров, которые оно заключило».

Ответ правительства Польши был составлен на польском языке и вручен мне за подписью поверенного в делах. Точный русский перевод этого текста согласован мною с Янковским. После письменного сообщения поверенный в делах сделал мне следующее устное заявление: «Польское правительство удивлено сегодняшним демаршем правительства СССР, ибо на польско-советской границе никакие меры польским правительством не принимаются».

На это я ответил, что демарш Советского правительства был вызван мероприятиями, проводимыми на польско-чехословацкой границе. Если бы такие же мероприятия проводились польским правительством на границе Польши и СССР, вероятным последствием их были бы не дипломатические демарши, а соответствующие контрмероприятия со стороны правительства СССР.

Ответ мой Янковским был записан.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», т. VI. М., 1969, с. 364.

175. Речь председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании 6-й политической комиссии Лиги наций

23 сентября 1938 г.

Я имею очень мало прибавить к тому, что я сказал на пленуме о политическом и практическом значении ограничения действия ст. 16. Сделанные здесь де-

кларации вызывают у меня лишь следующие замечания.

В одной из этих деклараций говорится, что «текст, структура и юридический эффект Устава должны оставаться без изменений».

До сих пор считалось, что в случае агрессии санкции, предусмотренные в ст. 16, за исключением военных, обязательны для всех членов Лиги. Если бы было иначе, т. е. если бы общей обязательности не было и каждому члену предоставлялось бы право произвольно определять размеры своего участия в санкциях, то беспредметными были бы известное движение за изменение данного положения и сделанные здесь декларации. Подтверждая, что юридическое значение Устава остается неизменным, авторы деклараций, очевидно, хотят заявить, что они впредь оставляют за собой право в известных случаях нарушать юридические обязательства, вытекающие для них из Устава. Мы, конечно, не можем препятствовать представителям государств — членов Лиги делать здесь любые заявления об их политике, об их отношении к своим обязательствам и воспроизведению этих заявлений в протоколах Лиги наций, но такие односторонние заявления лишены всякого юридического значения и упираются скорее в область международной морали, верности принятым на себя обязательствам. Я полагаю, что предварительное оповещение о возможности несоблюдения обязательств ни в коей мере не смягчает политического и морального значения такого несоблюдения обязательств.

Я считаю своим долгом лишь обратить внимание на те выводы, которые напрашиваются из подобных заявлений:

1. Нарушение международных обязательств, считавшееся до сих пор привилегией агрессивных стран, исповедующих лишь веру в право силы, издевающихся над всеми принятыми международными принципами права и морали и одалживающих эти принципы, когда они даже носят ненавистный им штамп демократических, лишь в тех случаях, когда это им выгодно, отныне присваивается и другими государствами, продолжающими провозглашать свою верность идеалам Лиги наций. Это положение получило на днях блестящее подтверждение со стороны этих государств и вне Лиги наций. Таким образом, принцип святости и нерушимости международных

обязательств должен как будто отойти в область прошлого.

2. Поскольку некоторые государства оставляют за собой право самим определять свое отношение к санкциям, открывается широкое поле для всякого рода сделок и торга между агрессором и членом Лиги и сами санкции могут стать предметом такой сделки и торга.

3. Некоторые малые страны и раньше испытывали некоторый страх перед гневом международных хищников, к которым должны были применяться санкции. Эти страны имели хотя некоторое прикрытие в обязательности для них санкций, которое позволяло им ссылаться на необходимость выполнения ими своего долга перед Лигой. Этого прикрытия они теперь лишаются, ибо участвовать в санкциях они могут лишь в силу добровольного решения, вследствие чего они могут подвергаться еще большему давлению и терроризированию со стороны агрессоров.

4. Ст. 16 перестает быть фактором, удерживающим агрессора или заставляющим его колебаться. Получая возможность сговориться с одним из членов Лиги, запугать других и таким образом влиять на определение ими своего отношения к санкциям, он может заранее предотвратить какое-либо применение к нему санкций.

5. Провозглашение принципа, что каждый член Лиги может дать произвольное толкование ст. 16, противоречащее ее смыслу и признаваемому формальному ее значению, открывает возможность таким же образом обращаться и с другими статьями Устава Лиги. Спрашивается, какая же польза тогда от предлагаемого укрепления этих статей? Спрашивается, какая польза от постановления, что ст. 11 требует единогласия, если любой член Лиги может по-своему толковать эту статью?

Я предлагаю на ваше усмотрение эти выводы, дабы каждый из вас отдавал себе отчет в смысле и значении дискуссии, которая здесь происходит.

В связи с первым из перечисленных мною выводов я позволю себе сделать маленькое отступление. После заявления, сделанного мною в Ассамблее об отношении Советского правительства к чехословацкой проблеме, мне приходилось слышать замечания, что, поскольку Советское правительство ставит условием своей помощи

Чехословакии такую же помощь со стороны Франции, оно как будто также нарушает советско-чехословацкий пакт о взаимной помощи. Люди, которые делают такие замечания, очевидно, не знают или делают вид, что не знают, что советско-французский и советско-чехословацкий пакты о взаимной помощи явились результатом акции в пользу создания регионального пакта о взаимной помощи с участием Германии и Польши, основанного на коллективной помощи. Вследствие отказа этих двух стран Франция и Чехословакия предпочли вместо одного советско-франко-чехословацкого пакта заключить два двусторонних пакта. Как раз чехословацкое правительство при этом настаивало на том, чтобы советско-чехословацкая взаимная помощь была обусловлена помощью Франции, что нашло себе выражение в соответственном договоре. Таким образом, Советское правительство свободно от всяких обязательств перед Чехословакией в случае безучастного отношения Франции к нападению на нее. В этом смысле Советское правительство может прийти на помощь Чехословакии лишь в порядке добровольного решения либо в силу постановления Лиги наций, но никто не вправе этой помощи требовать по праву; и действительно, чехословацкое правительство не ставило вопроса о нашей помощи независимо от французской и не только по формальным, но и по практическим соображениям. Уже после принятия им германо-англо-французского ультиматума оно запросило Советское правительство, какова будет позиция последнего, иначе говоря, будет ли оно еще считать себя связанным чехословацко-советским пактом в случае предъявления Германией новых требований и неудачи англо-германских переговоров и решения Чехословакии защищать свои границы с оружием в руках. Этот вторичный запрос вполне понятен, ибо после принятия Чехословакией ультиматума, включающего эвентуальное денонсирование советско-чехословацкого пакта, Советское правительство, несомненно, имело моральное право также немедленно отказаться от этого пакта. Тем не менее Советское правительство, не ищущее предлогов, чтобы уклониться от выполнения своих обязательств, ответило Праге, что в случае помощи Франции в указанных чехословацким правительством условиях вступит в силу советско-чехословацкий пакт. Я позволил себе это отступление по тем соображениям, что выступать здесь, как я это делаю,

может лишь представитель правительства, имеющего чистую совесть и чистые руки в области выполнения международных обязательств. Я должен прежде всего отвести от Советского правительства всякие несправедливые, основанные на незнании или злостные упреки, а потом уже заявить, что советская делегация не сможет принять доклад комиссии, предлагающий пленуму «принять к сведению ситуацию, созданную сделанными здесь односторонними декларациями», и в данном случае, я уверен, советская делегация действует в интересах Лиги и в интересах всех народов, в интересах мира.

Печат. по газ. «Известия» № 224 (6691), 24 сентября 1938 г.

176. Из протокольной записи о чрезвычайном заседании правительства ЧСР

23 сентября 1938 г.

[...] В соответствии с докладом председателя правительства и министра иностранных дел на заседании было констатировано, что английский премьер-министр Чемберлен уехал от канцлера Гитлера [1] ни с чем из-за невыполнимости требований канцлера и что французское и английское правительства 23 сентября, после 5 часов дня, сообщили чехословацкому правительству, что до сих пор они были против мобилизации и подобных мер, однако в данной ситуации они должны предоставить чехословацкому правительству право самому решать вопрос, только рекомендуют, по возможности, тактично провести эти меры [2].

Франция направляет на границу 22—25 дивизий, и премьер-министр Даладье заявил депутации радикал-социалистической партии, что в случае нападения на Чехословакию Франция вступит в войну для оказания ей помощи.

Союз Советских Социалистических Республик предупредил Польшу, что в случае ее нападения на Чехословакию советско-польский договор о ненападении потеряет свою силу.

После анализа всех соображений совещание у президента республики пришло к заключению, что единственной оставшейся надеждой сохранить мир являются именно военные меры и что для безопасности Чехословакии необходимо провести мобилизацию.

Министр общественных работ подчеркнул неизбежность мобилизации и выразил надежду, что в этом случае мы выдержим удар.

На вопрос министра юстиции министр иностранных дел снова обрисовал международную обстановку и сделал вывод, что теперь мы не будем одиноки.

Франция советовала согласиться на значительные уступки территории, так как одной только ее помощи было бы недостаточно. Английское общественное мнение уже подготовлено к мысли о том, что нельзя держать 3,3 млн. немцев в нашем государстве против их воли, а когда мы выразили согласие на пересмотр границ, оба правительства взяли на себя обязательство, что это будет осуществлено без осложнений. Когда Гитлер отверг и это, они поняли, что речь идет вообще о существовании государства. Поэтому они уже не отговаривают нас от мобилизации.

Это сенсационный поворот обоих этих правительств[3].

Франция сама направила на границу 25 дивизий, и Даладье заявил, что в случае нападения на Чехословакию Франция вступит в войну во что бы то ни стало.

У Англии свои интересы.

В Польше расценили сегодняшнее заявление СССР как прямую поддержку Чехословакии; и в стране уже якобы меняются античешские настроения и прекращается пропаганда, как подтверждает наш посланник д-р Славик.

СССР первоначально настаивал на том, что он придет на помощь Чехословакии, если Франция это сделает, затем он потребовал, чтобы большинство Лиги наций поддержало [заявление] о том, что на Чехословакию совершается нападение. Теперь же он заявляет, что для оказания им помощи достаточно, если подвергшаяся нападению Чехословакия внесет протест в Лигу наций.

Румыния приняла обязательство прийти на помощь в случае нападения Венгрии на Чехословакию.

У Югославии более тяжелое положение, но Стоядинович заявил, что Югославия якобы также придет на помощь. Этому нельзя полностью верить, но югославская общественность возмутилась бы, если бы Югославия покинула нас.

Министр иностранных дел не может сказать, что это будет полностью выполнено, но ситуация серьезно изме-

нилась именно в результате последнего акта прежнего правительства, которое в этой обстановке и не могло действовать по-иному [4].

Теперь нельзя колебаться. И все присутствующие на совещании у президента это признали.

Если Гитлер хочет войны, этому нельзя помешать, но защищаться мы сможем гораздо лучше после мобилизации и на существующих границах. Проведя мобилизацию, мы не спровоцируем войну, но, если она начнется, мы будем вести ее в лучших условиях.

Не исключено, что мобилизация является единственным средством предотвратить войну.

Без нее наше положение было бы ужасным.

Председатель правительства подчеркнул, что английский посланник сообщил, что Гитлер предъявил Чемберлену невыполнимые требования, поэтому они и не договорились [5].

Председатель правительства рекомендует провести мобилизацию в качестве единственно правильной меры.

Он сожалеет, что правительство в день начала своей деятельности вынуждено принять такое тяжелое решение. [...]

Печат. по сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 526—527.

[1] В результате действий чехословацкого правительства запланированные на 21 сентября 1938 г. переговоры Чемберлена с Гитлером были начаты в Годесберге на день позже, 22 сентября. Гитлер предъявил в отношении Чехословакии новые требования, значительно возросшие по сравнению с теми, которые он выдвигал на переговорах в Берхтесгадене. Это касалось прежде всего размеров требуемой им территории и сроков передачи ее. Более того, германские требования были расширены за счет польских и венгерских требований. Первый день переговоров показал, что требования Гитлера возросли настолько, что они могли бы быть отрицательно восприняты английской общественностью и, вероятнее всего, отвергнуты правительством Чехословакии, ибо они далеко выходили за рамки принятых им англо-французских предложений от 19 сентября. Эти соображения нашли отражение в письме, направленном Чемберленом Гитлеру 23 сентября, в котором английский премьер-министр призывал фюрера к умеренности. Однако письменный ответ Гитлера был отрицательным, что означало провал поездки Чемберлена, результатом чего явилось англо-французское сообщение в Прагу относительно мобилизации (см. док. № 178, 179). В итоге возросшие требования Гитлера были обобщены в так называемом годесбергском меморандуме, который премьер-министр Великобритании обещал передать правительству Чехословакии (см. док. № 186).

[2] См. док. № 178, 179.

[3] Подобное утверждение не соответствовало действительности. Для британского и французского правительств, принимая во внимание общественное мнение и угрозу конфликта, который мог возникнуть при вступлении гитлеровцев на передаваемую территорию, важно было лишь то, чтобы передача Судетской области прошла спокойно.

[4] Речь идет о принятии правительством Годжи 21 сентября 1938 г. англо-французского ультиматума.

[5] См. док. № 180.

177. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы

23 сентября 1938 г.

Немедленно вручить и послать в Кремль.

По поручению своего правительства английские делегаты — хранитель печати лорд де ла Варр и товарищ министра иностранных дел Батлер — только что имели со мной в присутствии Майского беседу на следующую тему.

Переговоры Чемберлена с Гитлером превратились в переписку[1], что принимает такой оборот, что можно ожидать срыва переговоров, вследствие чего Англия и Франция могут быть поставлены перед необходимостью принять солидные меры. Английское правительство хотело бы знать нашу позицию. Я ответил, что наша позиция изложена в заявлении, сделанном мною в Женеве 21-го й сегодня, когда огласил официальные ответы, данные нами на соответственные запросы французского и чешского правительств. Я в свою очередь просил сообщить мне подробности чемберленовских переговоров, но мои собеседники отвечали, что им ничего пока неизвестно. Я им указал, что до сих пор, несмотря на то что на карту поставлена судьба Европы, а может быть, и больше, нас игнорировали, а теперь хотят от нас получить ответ, не давая нам никакой информации. Мы также хотели бы знать, что Англия и Франция намерены делать. Я напомнил о нашем предложении касательно конференции великих держав. На вопрос де ла Варра о месте конференции я сказал, что это нам безразлично — пусть будет в Лондоне или Париже, но не в Женеве, ибо разговоры здесь будут рассматриваться как обычный лигонационный обмен мнениями и никакого впечатления на Германию не произведут. Независимо от кон-

ференции в другом месте должен быть поставлен вопрос и в Лиге наций. Де ла Варр спрашивал, при каких условиях двинем мы свои войска, будем ли мы ожидать предварительного движения со стороны Франции и решения Лиги, на что потребуется значительное время, причем Гитлер ждать не будет. Я ответил, что войска отнюдь не двигаются и не мобилизуются быстрее, чем можно принять решение в Женеве, но что мы, во всяком случае, раньше Франции выступать не будем, в особенности после того, что произошло за последние дни. Де ла Варр дальше допытывался, есть ли у нас войска наготове, представляются ли удобными железнодорожные пути через Румынию, имеются ли у нас уже аэропланы в Чехословакии, призваны ли запасные. На это я ответил, что эти вопросы относятся к компетенции военного ведомства и я ничего сказать не могу, тем более что я уехал из Москвы больше двух недель тому назад.

До этой беседы Батлер рассказывал, что по частным сведениям ему известно, будто Гитлер потребовал от Чемберлена передачи ему контроля над внешней политикой и промышленностью Чехословакии. Для вашего сведения сообщаю, что де ла Варр относится к той группе молодых членов кабинета, которые до сих пор возражали против политики Чемберлена. Он вчера еще подтверждал несогласие в кабинете и подтвердил то, что говорил мне вчера член английского парламента, что оппозиция в кабинете возлагала некоторые надежды на Даладье и Бонне, но последние, в особенности Бонне, заняли в Лондоне более капитулянтскую позицию, чем Чемберлен. Он просил нас воздействовать на Чехию и Францию, чтобы они заняли более непримиримую позицию.

Ввиду возможности дальнейшего развития событий и приглашения меня на совещание в Париж или в Лондон прошу указаний.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 520—522.

[1] См. док. № 176, прим. 1.

178. Запись заведующего политическим отделом МИД ЧСР о визите посланника Великобритании в ЧСР

23 сентября 1938 г.

23 сентября 1938 г. в 17 час. 15 мин. английский посланник сообщил мне следующее:

«We have agreed with the French Government that the Czechoslovak Government be informed, that the French and British Government can't continue to take the responsibility of advising them not to mobilize» [1].

Следующее дополнение английский посланник зачитал мне по своим записям:

«It should be poined out that such action may very well precipitate action by others and therefore the Czechoslovak Government may think it well to avoid unnecessary publicity» [2].

Посланник Ньютон добавил, что он пока еще не исключает ни одной из возможностей достижения соглашения в Годесберге. Однако положение остается весьма сложным.

Крно

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 249—250.

[1] «Мы пришли к соглашению с правительством Франции, что правительство Чехословакии будет информировано о том, что правительства Франции и Англии не смогут нести в дальнейшем ответственность, связанную с рекомендацией Чехословакии не проводить мобилизацию» (*англ.*).

[2] «Следовало бы подчеркнуть, что подобные действия могли бы в значительной степени ускорить действия других. И поэтому чехословацкое правительство, возможно, согласится, что было бы желательным избежать ненужной огласки» (*англ.*).

179. Запись заведующего политическим отделом МИД ЧСР о визите посланника Франции в ЧСР

23 сентября 1938 г.

23 сентября 1938 г. в 18 час. 15 мин. французский посланник сообщил мне следующее:

«Le Gouvernement francais ne peut plus assumer la responsabilité de maintenir le conseil qu'il lui avait donné pour la durée des négociations franco-britanniques. Il appartient donc désormais au Gouvernement tchécoslovaque

de décider lui-même librement des mesures qu'il jugerait nécessitées par une aggravation nouvelle de la situation» [1].

Посланник добавил, что г-н Леже сообщил ему в качестве замечания:

1) что французское правительство не располагает сведениями, вызывающими «particulierement alarmantes» [2] с военной точки зрения;

2) что он посоветовал бы провести необходимые мероприятия «avec autant de discrétion que possible» [3].

Д-р *Крно,* посланник

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 250.

[1] «Французское правительство не может больше нести ответственность, настаивая на рекомендациях, которые оно дало на период проведения англо-французских переговоров. Следовательно, отныне чехословацкому правительству следует самостоятельно принимать решения, которые оно сочтет необходимыми в связи с новым обострением обстановки» *(фр.).*

[2] — «особую тревогу» *(фр.).*

[3] — «со всей возможной скрытностью» *(фр.).*

180. Запись беседы заведующего протокольным отделом МИД ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР

23 сентября 1938 г.

Британский посланник г-н Ньютон просил меня сегодня, 23 сентября, вечером в половине девятого повидаться с ним, так как у него есть важное сообщение из Годесберга.

В первом письме, копию которого г-н Ньютон дал мне, г-н Гитлер высказывает мнение, что Чехословакия вызывает смуту и что единственно возможным средством сохранения мира является оккупация судето-немецкой территории германской армией. Это свое предложение г-н Гитлер называет миролюбивым решением. Если его предложение не будет принято, то, как он дает понять, дело дойдет до решения вопроса посредством военных действий, однако в этом случае речь уже будет идти не об этнографической границе, а о военной и стратегической.

При первой встрече г-н Гитлер показал карту Чехословакии, на которой были указаны новые границы.

Г-н Чемберлен возразил, что эти новые границы отдают Германии слишком большую территорию, на что г-н Гитлер ответил, что в тех частях территории, которые не были бы признаны как несомненно немецкие, он готов согласиться на плебисцит. Этот плебисцит будет проведен через два или три месяца под международным контролем по образцу плебисцита в Сааре. Всякую территорию, население которой высказалось бы за Германию, он немедленно займет германскими войсками.

Г-н Чемберлен хотел высказать некоторые возражения г-ну Гитлеру по поводу его второго плана при втором свидании, но кажется, что это второе свидание не состоялось, ибо г-н Чемберлен высказал свои возражения г-ну Гитлеру в письменной форме. В письме он говорит, что готов передать чехословацкому правительству предложение г-на Гитлера относительно тех областей, в которых плебисцит необходим, и тех, в которых он не нужен; однако трудность осуществления того, что предлагает г-н Гитлер, заключается в том, что все территории должны быть заняты немедленно.

При таких условиях было трудно вести дальнейшие переговоры, и г-н Чемберлен сомневается, чтобы план, предложенный г-ном Гитлером, ослабил напряжение, даже если бы он и был принят. Г-н Гитлер не вполне понимает, что г-н Чемберлен не в состоянии предложить план, который не одобрило бы общественное мнение в Англии и во Франции. Он уверен, что предлагаемая оккупация немецкими войсками этих территорий,— вследствие чего последние стали бы практически частью рейха,— была бы воспринята как символизирующая именно это. Г-н Чемберлен полагает, что чехословацкое правительство отклонит подобный план. В предложениях г-на Гитлера должны содержаться такие альтернативы, которые не могли бы вызвать возражений.

По желанию г-н Чемберлен мог бы запросить чехословацкое правительство, было ли бы для него приемлемым решение о том, чтобы передать судетским немцам ответственность за поддержание порядка на тех территориях, относительно которых не существует сомнений. Вместо германских войск судетские немцы создали бы на этих территориях свои собственные организации или воспользовались бы уже существующими организациями, которые действовали бы под надзором германских наблюдателей. Г-н Чемберлен мог бы запросить чехо-

словацкое правительство о его мнении, и если бы такое предложение оказалось приемлемым для Праги, то Чемберлен обратился бы к пражскому правительству с просьбой, чтобы оно отозвало войска и полицию из тех округов, в которых порядок мог бы поддерживаться судетскими немцами. В своем ответе на письмо г-на Чемберлена г-н Гитлер настаивает на своих вчерашних условиях. Он делает единственное исключение, а именно, он не стал бы занимать германскими войсками те области, в которых должен быть произведен плебисцит.

Требования Гитлера могут быть резюмированы следующим образом:

1) Он требует немедленного отозвания военных и иных властей, а также полиции из тех частей судетской территории, которые он считает немецкими.

2) Он требует военной оккупации этих территорий.

Со своей стороны г-н Чемберлен требует, чтобы г-н Гитлер вручил ему письменный меморандум с изложением этих требований. Если г-н Чемберлен получит этот меморандум, он пошлет его Ньютону, британскому посланнику в Праге, завтра самолетом. Г-н Чемберлен заявил также Гитлеру, что он не видит теперь никакого иного дальнейшего способа действий, как только переслать этот меморандум, а самому вернуться в Лондон.

Одновременно с этим г-н Чемберлен просит г-на Гитлера дать заверения, что он не предпримет никаких военных действий на чехословацкой территории, пока не получит ответа из Праги, ибо такие действия нанесли бы вред дальнейшим переговорам, если бы до них дошло дело.

Г-н Ньютон получил сначала информацию из Лондона относительно мобилизации (что нет возражений против чехословацкой мобилизации), а позднее вышеизложенное сообщение из Годесберга. Предполагалось, что он обратит внимание чехословацкого правительства на то, что объявление мобилизации может иметь своим последствием немедленный приказ германским войскам вторгнуться в Чехословакию.

Смутный

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1. М., 1948, с. 247—251.

181. Из телеграммы посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР

24 сентября 1938 г.

Галифакс принял меня, будучи совершенно расстроенным содержанием меморандума Гитлера. Он старался лояльно оправдать Чемберлена, однако заявил, что ни он, ни премьер не могут нам советовать принять меморандум. Нам следует подумать над тем, настаивал он, не лучше ли сдаться Гитлеру, нежели быть уничтоженными. Я ответил отрицательно. Галифакс торжественно заявил, что премьер до сих пор убежден, что Гитлер является человеком bona fide и что, когда он получит Судетскую область, он навсегда оставит Европу в покое. В ответ на мое удивление по поводу этой преступной наивности он повторил то же самое. Он заявил, что в этом вопросе Чемберлен был всего лишь почтальоном. В ответ на мое удивление и отрицательную реакцию на то, что английский премьер является почтальоном у убийцы и преступника, Галифакс, сильно смутившись, повторил: «К сожалению, это так».

Генеральный штаб ожидает, что Германия нападет на нас без объявления войны в самое ближайшее время, возможно не ожидая даже первого октября. [...]

Масарик

Печат. по арх.

182. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Великобритании в НКИД СССР

24 сентября 1938 г.

Масарик был сегодня у Галифакса, который ему передал копию врученного Гитлером Чемберлену «меморандума», который фактически является вторым ультиматумом. Оказывается, что «меморандум» был отправлен из Годесберга в Прагу самолетом, но самолет где-то сел, поэтому он следует на машине, но в Прагу вечером еще не был доставлен. Требования этого «меморандума» сводятся к следующему (опускаю риторику):

1. К 1 октября должны быть эвакуированы все войска, полиция, пограничная охрана и таможенные чиновники из всех районов, нанесенных на приложенной к «ме-

морандуму» карте красной краской (по заявлению Масарика, вся территория, предусмотренная в англо-французском плане).

2. Во всех других районах, отмеченных на карте зеленой краской (т. е. всюду, где имеется судетское меньшинство), должен быть организован плебисцит.

3. Эвакуированная территория должна быть передана в ее настоящем состоянии (в приложении указано, что территория должна быть сдана без уничтожения или порчи всех военных, хозяйственных и транспортных сооружений, включая надземное хозяйство, воздушный транспорт и все радиостанции. Все хозяйственные и транспортные материалы, в особенности подвижной состав железных дорог, газовые заводы, силовые станции и т. п., должны быть переданы в исправном виде. Продукты, товары со всем сырьем и т. п. не должны быть вывезены). Германское правительство согласно на прикомандирование к главной квартире немецких войск представителей (по одному) чехословацкого правительства и чехословацкой армии для урегулирования деталей эвакуации.

4. Чехословацкое правительство должно немедленно освободить из армии и полиции (в какой бы части Чехословакии они ни служили) всех немцев и разрешить им выезд домой.

5. Чехословацкое правительство должно освободить всех политарестованных немецкой национальности.

6. Германское правительство «соглашается разрешить плебисцит в районах, которые будут более точно определены, не позднее 25 ноября» (речь, очевидно, идет о районах, указанных в п. 2). Изменение новых границ, вытекающих из плебисцита, будет урегулировано германо-чешской или интернациональной комиссией. Плебисцит будет проведен под контролем интернациональной комиссии. Все лица, жившие в районах плебисцита до 28 октября 1918 г. или родившиеся там до этой даты, имеют право голосовать. Простое большинство всех имеющих право голосовать мужчин и женщин определит желание населения принадлежать к Чехословакии или к Германии. Во время плебисцита обе стороны выводят свои войска из районов, которые будут установлены более точно. Дата и длительность плебисцита будет установлена германским правительством и чехословацким правительством.

7. Германское правительство предлагает выделить авторитетную германо-чешскую комиссию для урегулирования дальнейших деталей.

Передавая Масарику «меморандум», Галифакс заявил, что ни Чемберлен, ни он как министр иностранных дел не дают им советов принять или отклонить предложения Гитлера, но, говоря как человек человеку, он советует подумать раньше, чем отклонить. При этом Галифакс сказал, что Чемберлен «твердо убежден, что Гитлер хочет только Судеты и после этого не будет предъявлять никаких требований». На вопрос Масарика: «Неужели Вы верите в это?» — Галифакс подчеркнуто ответил: «Я сказал, что премьер убежден». Масарик спросил Галифакса, какова же роль вашего премьера в отношении этого «меморандума», на что Галифакс ответил: «Только почтальона». «Должен ли я это понимать в том смысле, что британский премьер-министр сделался посыльным для убийцы и разбойника Гитлера?» — спросил Масарик. Смутившись, Галифакс пробормотал: «Если угодно, да». На этом разговор закончился.

Масарик мне сообщил, что вчера Ванситтарт ему сказал, что, поскольку шли переговоры, английское правительство было против мобилизации чехословацкой армии, но сейчас оно не возражает, и от себя (частным образом) добавил: «Сделайте это скорее и как можно лучше».

Каган

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 525—526.

183. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланникам ЧСР во Франции, Великобритании и СССР

24 сентября 1938 г.

Президент поручает сообщить:

Мобилизация[1] идет безупречно, народ абсолютно тверд, правительство полностью контролирует положение, пока не было никаких беспорядков, наши немцы пока спокойно идут в армию. Согласно первым сообщениям, меморандум Гитлера мы получим от Чемберлена. Будем крайне сдержанны. Ни о каких новых уступках не может быть и речи. Полтора миллиона мобилизованных солдат не приняли бы и не поняли бы этого. Изме-

нится ли, и если да, то в какой мере, наше прежнее отношение к франко-британским предложениям, покажет ближайшее будущее в зависимости от развития ситуации во Франции и Англии. Наш окончательный ответ формулируется таким образом, что в условиях нынешнего изменения обстановки не исключено разумное и существенное изменение франко-британских предложений. Если же возникнет положение, которое позволит сделать вывод, что франко-британские предложения отпадают, мы, естественно, воспользуемся этим и попытаемся предпринять собственные действия. Пока мы оставляем открытыми все пути и возможности, однако после проведения мобилизации новые уступки невозможны. В военном отношении положение складывается хорошо. Мы ожидали налетов уже сегодня ночью. Если же до сих пор можно видеть сдержанность со стороны Берлина, то это является доказательством слабости. Против 80 германских дивизий в случае нападения сейчас, если завтра и послезавтра мобилизация не будет отменена, встанет около 40 наших дивизий. После проведения мобилизации мы выдержим любое нападение, и очень долго.

Крофта

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S 252.

[1] После получения англо-французского сообщения (см. док. № 178, 179), еще 23 сентября 1938 г., чехословацкое правительство объявило мобилизацию.

184. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР

24 сентября 1938 г.

Посланник Ньютон: Должен выполнить печальную обязанность. Торжественно вручает меморандум, однако без карты он непонятен. Карта прибудет в ближайшее время, она должна была прибыть в 5 час. 30 мин., но задержалась. Ее немедленно пошлют. Дает мне английский перевод. Немецкий текст прибудет ночью автомобилем.

Н. Чемберлен просит передать следующее:

1. Посылает только перевод меморандума, который ему вручил Гитлер на вчерашней встрече (23 сентября) поздно вечером (ночью). Должен немедленно передать его чехословацкому правительству, сказав при этом, что

он (Чемберлен) обещал предложить этот меморандум чехословацкому правительству, и добавив, что в начале и в конце чрезвычайно длительной беседы Гитлер в ответ на вопрос Чемберлена дал понять (intimated), что содержащиеся в меморандуме предложения являются его последним словом.

2. Карта и немецкий текст прибудут автомобилем позднее.

Не дается никаких рекомендаций, никаких советов.

Крофта

Карта и немецкий текст на бумаге английской миссии были доставлены в мин[истерство] ин[остранных] дел около полуночи 24 сентября 1938 г.

Печат. по арх.

185. Резолюция городского совета Клатовы, направленная президенту ЧСР

24 сентября 1938 г.

В это критическое для нашей судьбы время мы решительно поддерживаем Вас и обращаемся с настоятельной просьбой не сдаваться, тем более что на Западе обстановка складывается в нашу пользу.

Пусть наше правительство независимо от других государств попросит Россию об оказании нам прямой помощи, зачеркнув содержащееся в договоре с Россией условие о помощи со стороны Франции.

Чтобы не ослаблять твердую волю народа, необходимо в печати и по радио давать отпор пораженческим настроениям и слухам, будто нас все оставили и предали.

Городской совет Клатовы

Печат. по арх.

186. Текст годесбергского меморандума, направленный премьер-министром Великобритании посланнику ЧСР в Великобритании [1]

25 сентября 1938 г.

Сообщения, поступающие ежечасно и во все возрастающем количестве относительно инцидентов в Судетской области, показывают, что сложившееся там положение стало абсолютно невыносимым для судетских немцев и,

следовательно, представляет собой угрозу для мира в Европе. Поэтому необходимо, чтобы отделение Судетской области, на которое согласилась Чехословакия, было осуществлено теперь без дальнейшего промедления. На прилагаемой карте судето-немецкая территория, подлежащая отделению, окрашена в красный цвет. Районы, в которых, помимо территорий, подлежащих оккупации, должен быть еще проведен плебисцит, окрашены в зеленый цвет.

Окончательное определение границ должно быть осуществлено в соответствии с пожеланиями заинтересованных сторон. Для выявления этих пожеланий, чтобы подготовиться к проведению плебисцита, необходимо определенное время, в течение которого при всех обстоятельствах должны быть предотвращены какие-либо беспорядки. При этом необходимо создать равные условия для обеих сторон. Территория, обозначенная на прилагаемой карте как немецкая, будет оккупирована германскими войсками независимо от того, что плебисцит может выявить преобладание чешского населения в той или иной части территории. С другой стороны, чешская территория будет оккупирована чешскими войсками независимо от того, что внутри ее могут находиться значительные районы, население которых говорит на немецком языке и во время проведения плебисцита, несомненно, в своем большинстве выразит немецкие национальные чувства.

В целях обеспечения немедленного и окончательного решения судето-немецкой проблемы германское правительство предлагает следующее:

1. Вывести все чешские вооруженные силы, полицию, жандармерию, а также таможенных чиновников и пограничную охрану с территории, подлежащей эвакуации, как она обозначена на прилагаемой карте. Эта территория должна быть передана Германии 1 октября.

2. Эвакуированная территория должна быть передана в ее нынешнем состоянии. Германское правительство согласно на прикомандирование к штабу германских вооруженных сил полномочного представителя чешского правительства или чешской армии для урегулирования частных вопросов эвакуации.

3. Чешское правительство немедленно увольняет всех судетских немцев, служащих в вооруженных силах и в полиции по всей чешской государственной территории, и позволяет им вернуться домой.

4. Чешское правительство освобождает всех политических заключенных немецкого происхождения.

5. Германское правительство согласно разрешить проведение плебисцита в тех районах, которые будут более точно определены, не позднее 25 ноября. Вопрос об изменениях новых границ, связанных с результатами плебисцита, будет решен германо-чешской или международной комиссией. Сам плебисцит будет осуществлен под контролем международной комиссии. Лицам, проживавшим в упомянутых районах на 28 октября 1918 г. или родившимся в этих районах до указанной даты, предоставляется право голосования. Простое большинство всех имеющих право голосовать мужчин и женщин определит желание населения принадлежать германскому рейху или чешскому государству. Во время плебисцита обе стороны выведут свои войска с территории, которая будет определена более точно. Дата проведения плебисцита и его продолжительность будут определены совместно германским и чешским правительствами.

6. Германское правительство предлагает создать авторитетную германо-чешскую комиссию для согласования всех дальнейших деталей.

Годесберг, 23 сентября 1938 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Эвакуированная судето-немецкая территория должна быть передана без каких-либо разрушений или приведения в негодность любым путем военных, хозяйственных или транспортных предприятий, включая наземные службы воздушного транспорта и все радиостанции.

Все хозяйственные и транспортные средства, особенно подвижной состав железных дорог, в указанных районах должны быть переданы неповрежденными. То же относится ко всем предприятиям общественного пользования (газовые предприятия, электростанции и т. д.). Наконец, никакие продукты, промышленные товары, скот, сырье и т. д. не должны быть вывезены.

Премьер-министр выражает надежду, что любой ответ чехословацкого правительства на германский меморандум будет передан через него. Если бы чехословацкое правительство сочло возможным и пожелало направить

своего представителя в Лондон для обсуждения данного вопроса, мы были бы весьма счастливы принять его, предпочтительно в понедельник.

25 сентября 1938 г.

Печат. по арх.

[1] В конце документа имеется написанное от руки примечание следующего содержания:

Получено в 12 час. 30 мин.

По указанию г-на министра г-ну Трутбеку было сообщено, что ответ, разумеется, будет передан через английского премьер-министра. Предполагается, что с материалами в Лондон будут направлены в качестве представителей посланники Осуский и Масарик.

25.9.1938

Масарик

187. Нота посланника ЧСР в Великобритании премьер-министру Великобритании

25 сентября 1938 г.

Мое правительство поручило мне сейчас ввиду того, что французские государственные деятели не прибудут в Лондон сегодня, довести в самом срочном порядке до сведения правительства его величества следующее послание.

В последние недели народ Чехословакии продемонстрировал исключительную дисциплину и сдержанность несмотря на то, что [германская] печать и радио, контролируемые правительством, развернули невероятно резкую и грубую кампанию против Чехословакии и ее руководителей, особенно против г-на Бенеша.

Правительство его величества и французское правительство хорошо знают, что лишь под самым жестким нажимом так называемого англо-французского плана мы согласились уступить часть территории Чехословакии. Мы приняли этот план под чрезвычайно сильным давлением. У нас не было времени даже на то, чтобы сделать какие-либо представления относительно его неприемлемых условий. Тем не менее мы приняли его, так как нам дали понять, что это предел предъявляемых нам требований и поскольку англо-французский нажим означал, что эти державы возьмут на себя ответственность за наши сократившиеся границы и будут гарантировать нам помощь в случае вероломного нападения на нас.

Грубая кампания [в Германии] продолжалась.

Когда г-н Чемберлен находился в Годесберге, мое правительство получило следующее послание от английских и французских представителей в Праге: «Мы пришли к соглашению с правительством Франции, что правительство Чехословакии будет информировано о том, что правительства Франции и Англии не смогут нести в дальнейшем ответственность, связанную с рекомендацией Чехословакии не проводить мобилизацию».

Мое новое правительство, возглавляемое генералом Сыровым, заявило, что оно берет на себя всю ответственность за решение своих предшественников и примет жесткие условия так называемого англо-французского плана. Вчера после возвращения г-на Чемберлена из Годесберга моему правительству в Праге было передано английским правительством новое предложение с дополнительным сообщением о том, что правительство его величества действует исключительно в качестве посредника, оно не дает рекомендаций и не оказывает никакого давления на мое правительство.

Г-н Крофта, принимая план из рук английского посланника в Праге, заверил его, что чехословацкое правительство изучит его в том же духе сотрудничества, какой существовал у него с Великобританией и Францией до сих пор.

Мое правительство уже изучило этот документ и карту. Это действительно ультиматум, который предъявляется побежденной нации, а не предложение суверенному государству, проявившему максимально возможную готовность принести жертвы в интересах мира в Европе. Правительство г-на Гитлера до сих пор не продемонстрировало ни малейших признаков подобной готовности к жертвам. Мое правительство крайне удивлено содержанием меморандума. Его предложения идут значительно дальше того, на что мы согласились в так называемом англо-французском плане. Они лишают нас всякой гарантии нашего национального существования. Мы должны уступить значительную часть наших тщательно подготовленных оборонительных укреплений и пустить германские войска в глубь территории нашей страны раньше, чем сможем создать такие укрепления на новой основе или провести мероприятия по их защите. Наша национальная и экономическая независимость с принятием плана г-на Гитлера автоматически перестанет существовать.

Процесс перемещения населения должен быть сведен к паническому бегству тех, кто не принимает германский нацистский режим. Они должны оставить свои дома, не имея права взять с собой даже личные вещи, а когда это касается крестьян, даже свою корову.

Мое правительство намерено заявить самым торжественным образом, что требования г-на Гитлера в их настоящей форме абсолютно и безусловно неприемлемы для моего правительства. Мое правительство считает необходимым этим новым и жестоким требованиям оказать самое решительное сопротивление, и с помощью бога мы это сделаем. Нация святого Вацлава, Яна Гуса и Томаша Масарика не будет нацией рабов.

Мы полагаемся теперь на две великие западные демократии, пожеланиям которых мы следовали часто против собственного убеждения с тем, чтобы они были с нами в час испытаний.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 255—256.

188. Телеграмма Народного комиссариата обороны СССР военно-воздушному атташе СССР во Франции

25 сентября 1938 г.

Вам надлежит, встретившись с Гамеленом лично, поблагодарить его за информацию о мероприятиях французского командования[1] и передать следующее:

«Наше командование приняло пока следующие предупредительные меры:

1. 30 стрелковых дивизий придвинуты в районы, прилегающие непосредственно к западной границе. То же самое сделано в отношении кавалерийских дивизий.

2. Части соответственно пополнены резервистами.

3. Что касается наших технических войск — авиации и танковых частей, то они у нас в полной готовности».

Результаты срочно сообщите[2].

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 139—140.

[1] Имеется в виду информация, переданная начальником французского генерального штаба М. Гамеленом советскому военно-воздушному атташе во Франции Н. Н. Васильченко 24 сентября 1938 г.

В этой информации сообщалось, что на границе Германии с Чехословакией сосредоточено 30 (а по некоторым разведывательным данным — 38) немецких дивизий и что немецкая авиация «сосредоточена вокруг всей Чехословакии»; в связи с этим Гамелен заявил, что французский генеральный штаб подтягивает к своей укрепленной линии 15 дивизий.

[2] Военно-воздушный атташе СССР во Франции телеграфировал в Народный комиссариат обороны СССР, что в связи с тем, что Гамелен рано утром вылетел в Лондон, он немедленно в 11 часов утра передал сообщение начальнику его кабинета генералу Жанелю и просил передать эти сведения в Лондон Гамелену.

189. Из телеграммы посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР

26 сентября 1938 г.

В присутствии Галифакса я вручил ноту Чемберлену[1]. Они оба прочитали молча, подавленные ее содержанием. Чемберлен выглядит усталым, озабоченным. Он прекрасно осведомлен, однако не имеет представления, что может означать для ЧСР принятие плана Гитлера.

Он задал мне два конкретных вопроса:

1. В вашем ответе ничего не говорится о международных гарантиях. Не означает ли это, что ваше правительство уже не придает значения подобной гарантии? Тот факт, ответил я, что английский премьер привез нам новое предложение, естественно утвердил нас во мнении, что первоначальное предложение, содержащее гарантии, утратило силу.

Галифаксу явно было стыдно за этот вопрос.

2. Приемлем ли еще для вас англо-французский план? Чемберлен заметил, что план Гитлера является его последним словом, однако он сам [Чемберлен] сомневается относительно возможности переубедить Гитлера, хотя и попытается это сделать. Он предложит созвать международную конференцию, на которой ЧСР, Германия и другие государства обсудят способы осуществления англо-французского плана. Затем он хотел запугать меня могуществом германской военной машины, которая уничтожит нас, даже если Англия и Франция объявят войну. На второй вопрос я намерен дать следующий ответ: «ЧСР готова принять участие в международной конференции при участии в ней Германии и других государств с тем, чтобы вопрос Судетов был решен иным способом, чем предлагает Гитлер. Однако события двух последних

недель показывают, что для спокойной работы конференции необходимы широкие международные гарантии».

Чемберлен искренне удивлен тем, что мы не собираемся выводить войска из укреплений. Я подчеркнул, что укрепления были заняты вчера по совету Англии и Франции и сегодня мы не можем их оставить. Он не хотел этого понять. [...]

Масарик

Печат. по арх.

[1] См. док. № 187.

190. Нота посланника ЧСР в Великобритании министру иностранных дел Великобритании

26 сентября 1938 г.

Сэр,

Я передал моему правительству вопрос, который поставил мне премьер-министр вчера вечером и на который он желал получить ответ. Вопрос премьер-министра, как я его понял, я передал в Прагу следующим образом:

«Хотя г-н Гитлер сказал, что меморандум, переданный чехословацкому правительству правительством его величества, был его последним словом и хотя г-н Чемберлен очень сомневается в том, что он мог бы в этот поздний час побудить г-на Гитлера к изменению его мнения, премьер-министр все же мог бы в зависимости от обстоятельств предпринять последнее усилие для того, чтобы убедить г-на Гитлера принять иной метод мирного разрешения судето-немецкого вопроса, а именно посредством международной конференции с участием Германии, Чехословакии и других держав, которая приняла бы во внимание англо-французский план и наилучший метод его осуществления. Он спросил, было ли бы чехословацкое правительство готово принять участие в этом новом усилии сохранить мир».

На этот вопрос я получил теперь следующий ответ моего правительства:

«Чехословацкое правительство готово принять участие в международной конференции, на которой Германия и Чехословакия были бы представлены вместе с другими государствами для того, чтобы найти другой метод разрешения судето-немецкого вопроса, чем тот, который

был изложен в предложениях Гитлера, причем следовало бы иметь целью возможность возврата к так называемому англо-французскому плану. В ноте, которую г-н Масарик передал вчера вечером Чемберлену, был упомянут тот факт, что чехословацкое правительство, приняв англо-французскую ноту под сильнейшим давлением и прямым принуждением, не имело времени для того, чтобы сделать какие-либо замечания в отношении многочисленных неосуществимых ее сторон. Чехословацкое правительство считает, что если бы конференция состоялась, то этот факт не остался бы незамеченным со стороны ее участников».

Мое правительство после опыта последних недель считало бы вполне оправданной просьбу об определенной и обязательной гарантии относительно того, чтобы никакое неожиданное действие агрессивного характера не было произведено во время переговоров и чтобы чехословацкая оборонительная система осталась неприкосновенной в течение этого периода.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы кануна второй мировой войны», т. 1. М., 1948, с. 254—256.

191. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланнику ЧСР в Великобритании

26 сентября 1938 г.

Годесбергский меморандум не соблюдает принцип 50 процентов. В соответствии с англо-французскими предложениями немцы получали 382 тыс. чехов, а по предложениям Гитлера — 816 тыс. Это составляет по меньшей мере 450 чисто чешских населенных пунктов. Предложения предусматривают присоединение к немецкой территории без плебисцита многочисленных районов, в которых живет от 30 до 48 процентов чешского населения. Например, территории, состоящие из Ловосицкого, Литомержицкого, Билинского, Духцовского и Мостецкого районов, или территории, в состав которых входят Кашперский, Вимперкский и Прахатицкий районы с чешским населением от 43,5 до 54,4 процента. Срок для выезда чехов с этой территории так мал, что уложиться в него невозможно. Меморандум требует проведения плебисцита также на чисто чешской территории, например на уча-

стке, охватывающем части следующих районов: Семильского, где немцы составляют лишь 1,6 процента, Турновского — 1,1 процента, Мниховоградиштского — 1,3 процента, Йилемницкого — 4,2 процента, Высокского — 4,9 процента и Ческодубского с 6,5 процента немецкого населения. Это же относится к территории, включающей районы: Полицкий — 2,8 процента, Находский — 1,1 процента, Новоместский — 18 процентов немцев. Меморандум требует также проведения плебисцита на территории, состоящей из частей районов: Босковицкого — 0,08 процента, Евичковского — 11,1 процента, Крумловского — 0,2 процента, Коницкого — 17,9 процента, Литовельского — 1,8 процента, Оломоуцкого — 18,8 процента, Липницкого — 8 процентов и Границкого — 20,9 процента немцев. Чтобы обосновать притязания на столицу Моравии Брно, меморандум предусматривает проведение плебисцита также в районах: Жидлоховицком, где только 2,4 процента немцев, и сельском Брненском — 8 процентов немцев. На территории плебисцита в целом проживает 1 млн. 116 тыс. чехов и 144 тыс. немцев. Создается опасность переселения сотен тысяч демократически настроенных немцев и евреев в чисто чешские области. Опасность возникновения нового вопроса о меньшинствах. Предложения допускают возможность германской интервенции в случае возникновения беспорядков на территории проведения плебисцита. Передача Германии имущества с требуемой ею территории означает полное обнищание государства с точки зрения обороны, на этой территории сосредоточены и вложены значительные ценности. Не дается никаких гарантий безопасности нового государства. Условия делают чехословацкое государство безоружным, не имеющим никаких гарантий безопасности. Территория разрывается на две части, соединенные узкой полосой шириной в 60 км, а возможно, даже 30 км. Чехословакия лишается всех важных коммуникаций. Единственная маловажная трасса — Немецки Брод — Брно. Это же относится к дорогам. Заняв горы и холмы, Германия будет осуществлять контроль над этой территорией. Мы теряем все укрепления и подавляющую часть военной промышленности.

Крофта

Печат. по арх.

192. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

26 сентября 1938 г.

Массигли сказал мне, что по договоренности с Даладье Чемберлен направит Гитлеру личное послание[1], и попросил меня срочно сообщить в Прагу, что послание никоим образом не затронет позицию Чехословакии. Его целью якобы является лишь обращение к Гитлеру выбрать путь переговоров, а не военного вмешательства. Массигли заверил меня, что за этим не скрывается нового предложения в ущерб ЧСР.

Осуский

Печат. по арх.

[1] 25—26 сентября 1938 г. в Лондоне состоялись очередные англо-французские переговоры по вопросу о Чехословакии. В результате этих переговоров Н. Чемберлен направил Гитлеру письмо в надежде убедить последнего пойти на уступки в судетском вопросе. В письме, врученном Гитлеру специальным представителем Чемберлена Г. Вильсоном, сообщалось об отрицательном отношении чехословацкого правительства к годесбергскому меморандуму и предлагалось создать комиссию в составе представителей Германии, Чехословакии и Великобритании, с тем чтобы достигнуть договоренности о передаче Германии Судетской области в кратчайший срок мирным путем.

193. Из телеграммы временного поверенного в делах СССР в США в НКИД СССР

26 сентября 1938 г.

На вопросы журналистов, послано ли обращение Рузвельта[1] также в Москву, в госдепартаменте отвечали отрицательно, разъясняя не для печати, что помимо Германии и Чехословакии обращение адресовано тем двум западным державам, которые в процессе переговоров оказывали воздействие на обе стороны, и что позже решено было послать обращение также Польше и Венгрии ввиду возможности конфликта между ними и Чехословакией. Если американское посольство все же передало вам текст послания Рузвельта для сведения, сообщите нам об этом.

Как передают близкие к Рузвельту люди, он принял решение о послании после долгих колебаний и только после того, как получил 25-го ночью сведения, что Гитлер, чувствуя, что время работает против него, решил

сделать свою речь 26-го сигналом к военному вторжению[2]. Рузвельт якобы имел также сведения, что на вчерашнем свидании англо-французы заняли более твердую позицию и что его обращение укрепит противников капитуляции в Англии и Франции. Наконец, падение ценностей на нью-йорской бирже начинает уже чувствоваться на всей экономической конъюнктуре, а в случае войны в Европе, на первых порах, падение стало бы еще более крутым. Колебания Рузвельта объясняются прежде всего неблестящей предвыборной обстановкой, в которой он опасается использования против него республиканцами и реакционными демократами усилившихся после предательства англо-французов изоляционистских настроений в стране, с обвинением его в вовлечении США в европейские дела. Отсюда такие архиосторожные формулировки послания, против которых могут возражать только самые крайние изоляционисты. Судя по первым откликам, так и произошло, и послание внесло раскол в лагере изоляционистов. Поддержка его половинчатой акции подавляющим большинством общественного мнения без различия партий устраивает Рузвельта внутриполитически и создает для него отправной пункт для возможных выступлений против агрессоров в будущем. Быстрый положительный ответ на его послание Бенеша, Чемберлена и Даладье при нападках националистической прессы, неупоминание послания в речи Гитлера и отсутствие официального ответа от него произвело здесь нужный Рузвельту эффект.

Имевшиеся недавно в отдельных газетах, в частности в скриппсговардовских, выпады против нас, о которых вы знаете из сообщений ТАСС, сейчас прекратились после соответствующего нажима на журналистов, но главным образом под впечатлением выступления Литвинова в политической комиссии и нашей ноты Польше. [...]

Поверенный в делах

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 530—531.

[1] В ночь на 26 сентября 1938 г. президент США Ф. Рузвельт обратился с личным посланием к Гитлеру и президенту Э. Бенешу с призывом продолжить переговоры для достижения «мирного, справедливого и конструктивного решения спорных вопросов». В нем делался упор на то, что война может вызвать социальные потрясения в воюющих странах. Послание было передано также правительствам Великобритании и Франции, а затем и правительствам Поль-

ши и Венгрии. 27 сентября 1938 г. Рузвельт направил Гитлеру второе послание, в основе которого лежала идея созыва международной конференции всех стран, непосредственно заинтересованных в разрешении конфликта.

[2] Вечером 26 сентября 1938 г. в берлинском «Спортпалаце» Гитлер произнес речь, в которой ультимативно потребовал, чтобы до 28 сентября 1938 г. Чехословакия дала согласие на передачу Германии Судетской области до 1 октября. В тот же день заявление аналогичного содержания Гитлер сделал и английскому послу в Германии Н. Гендерсону, подчеркнув при этом, что, если ЧСР не даст своего согласия до 14.00 28 сентября, германские вооруженные силы будут приведены в действие.

194. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР

27 сентября 1938 г.

Повидал Бонне. Не скупясь на детали, он рассказывал о всех, и без того известных, фазах лондонских переговоров, но обошел молчанием главное содержание письма Чемберлена. Он знает якобы лишь, что «это письмо не содержит новых предложений». Не знает он ответа Гитлера [1], но Корбен ему лишь сообщил, что Гитлер при вручении ему письма проявил исключительное раздражение и неуступчивость. Бонне склонен думать, что ответ немногим отличается от речи.

Бонне далеко не отказался от намерения нащупать новый компромисс. Он мне рассказывал, что сегодня состоится новое совещание у Чемберлена, посвященное изучению гитлеровского ответа, и не исключает, что сегодня же поступит и новейшее английское «пожелание». Сам он (если судить по отдельным оброненным фразам) готов, по-видимому, отдать сейчас же немцам районы, нанесенные на карте красной краской.

Он рассказывал, что в Лондоне решено сделать совместное представление в Варшаве.

Из кругов, близких к Манделю, передают, что Бонне на сегодняшнем заседании совета министров вновь заговорил о том, что Франция не подготовлена, что ей придется принять на себя удар на трех фронтах и т. д.; это взорвало даже Даладье, а с Манделем дошли до открытой перебранки.

Сурц

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 532.

[1] Имеется в виду письменный ответ Гитлера на письмо Чемберлена (см. док. № 192, прим. 1), полученный во второй половине дня 27 сентября 1938 г. Гитлер предлагал английскому премьер-министру продолжить усилия с тем, чтобы «в последнюю минуту призвать правительство в Праге к здравому смыслу». В тот же день правительство Великобритании приняло решение направить чехословацкому правительству новый английский план (см. док. № 195).

195. Письмо правительства Великобритании правительству ЧСР

27 сентября 1938 г.

Правительство его величества предлагает следующий график, за осуществление которого британские власти принимают на себя определенную долю ответственности.

1. 1 октября германские войска оккупируют территории Хеба и Аша, находящиеся за пределами чехословацких линий укреплений.

2. 3 октября германский и чешский полномочные представители встречаются с британским представителем в каком-либо городе, расположенном на судетской территории. При голосовании британский представитель располагает равными правами со своими чешским и германским коллегами.

В тот же день встречается международная комиссия по разграничению, состоящая из германского, чешского и британского представителей.

Одновременно, если это возможно, прибывают наблюдатели и, опять-таки если это возможно, британский легион. Позднее могут прибыть еще 4 британских батальона. Легион, наблюдатели и войска подчиняются комиссии по разграничению.

Полномочные представители должны:

a) договориться о немедленном выводе чехословацких войск и государственной полиции;

b) разработать в общих чертах мероприятия по защите меньшинств на отторгнутых территориях, а также по определению их права оптации и вывоза своего имущества; аналогичные мероприятия осуществляются в отношении немецкого меньшинства в Чехословакии;

c) выработать на основе англо-французского плана указания международной комиссии по разграничению с целью определить новую границу в возможно кратчайший срок.

3. 10 октября германские войска вступают на территорию, в отношении которой полномочные представители предварительно заявят о завершении проведения ими мероприятий. Это может быть вся территория, но, возможно, до 10 октября этого нельзя будет осуществить, т. к. может быть еще не закончен вывод чешских войск и возникнет опасность их столкновения со вступающими германскими войсками. Однако до 31 октября международная комиссия по разграничению должна установить окончательную границу, чешские войска и полиция должны быть выведены за эту линию, а германские войска должны к этой дате оккупировать территорию до упомянутой линии.

4. На своем заседании полномочные представители должны рассмотреть вопрос о том, следует ли осуществить дальнейшие мероприятия с целью улучшения границы, которая будет установлена комиссией по разграничению в октябре, для наиболее полного удовлетворения географических и экономических потребностей в различных районах. Для достижения этой цели следует рассмотреть также вопрос о необходимости или желательности проведения плебисцита в каких-либо районах.

5. Необходимо в возможно кратчайший срок приступить к переговорам между Германией, Великобританией, Франции и Чехословакией, с тем чтобы:

a) выработать совместные правила по осуществлению демобилизации и вывода войск;

b) пересмотреть нынешнюю систему договорных отношений Чехословакии и выработать систему, участники которой совместно будут гарантировать существование новой Чехословакии.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 262—263.

196. Обращение КПЧ к народам всего мира

27 сентября 1938 г.

Если правительство Годжи под нажимом Лондона и Парижа приняло план об отторжении территории, где немецкое население составляет более 50 процентов, то это было сделано при условии, что остающейся части

республики будут гарантированы существование и независимость.

Однако предшествующая грубая кампания, которую проводили печать и радио германского рейха, последний меморандум Гитлера и его выступления показали всему миру, что третий рейх ставит вопрос не об урегулировании национальных отношений в республике и даже не об оккупации судето-немецкой территории, а о ликвидации всей Чехословакии, чтобы тем самым освободить себе путь к дальнейшим захватам в бассейне Дуная и на Балканах.

В этой ситуации нам не остается ничего другого, как отклонить нажим кого бы то ни было, если нам рекомендуют отдать Судеты добровольно. Никто не имеет права требовать, чтобы мы добровольно позволили ампутировать себе руки, хотя мы и знаем, что противник угрожает нашей жизни. Никто не имеет права требовать, чтобы мы сдались на произвол противнику, хотя мы и знаем, что противник хочет нас уничтожить. В истории не известны примеры, когда бы народ вооруженный, народ единый, твердый и непоколебимый добровольно положил свою голову на плаху. Не сделаем этого и мы...

Мы полны решимости непоколебимо и при любых обстоятельствах всеми средствами защищать нынешние границы республики, а тем самым наше государственное и национальное существование. И пусть весь мир знает, что мы защищаем дело всего цивилизованного человечества от безумства варваров, угрожающих всему миру. Этот факт все яснее понимают народы, это должны понять и правительства, так же как это давно поняли и понимают советский народ и Советское правительство.

Тяжелую ответственность берут на себя те, кто еще сегодня предпринимает неудачные попытки умиротворить агрессора, отдавая ему нас на растерзание. И пусть они не пытаются убедить ни себя, ни всех остальных, что этим они спасают мир. В действительности они лишь на короткое время спасают Гитлера и тем самым приближают войну.

Мы обращаемся к народам всего мира, особенно к народам Англии и Франции: Не допускайте, чтобы была запятнана ваша честь! Не допускайте, чтобы били по вашим собственным интересам! Не допускайте, чтобы ваше собственное будущее ставили на карту! Призываем вас!

Не допустите, чтобы в Центральной Европе культурный и мужественный народ и государство были принесены в жертву только ради спасения Гитлера!

Что бы ни случилось, народ и армия Чехословакии будут стоять едино, твердо и решительно. Они будут защищать границы своей страны до последнего вздоха!

Руководство
Коммунистической партии
Чехословакии

Печат. по сб. «Mnichov v dokumentech», díl II. Praha 1958, str. 270—271.

197. Письмо правительства ЧСР правительству Великобритании

28 сентября 1938 г.

27 сентября посланник его величества короля Великобритании вручил в Праге предложения британского правительства, касающиеся постепенной передачи Германии части территории Чехословацкой республики.

Чехословацкое правительство высоко ценит предпринятые британским правительством усилия, направленные на мирное решение этой проблемы, и поэтому чехословацкое правительство, как всегда, самым серьезным образом изучило представленные предложения. По просьбе британского и французского правительств от 17 сентября чехословацкое правительство приняло их предложения и заверяет, что оно само настаивает на их полном и лояльном осуществлении. Чтобы в этом вопросе не было никаких сомнений, чехословацкое правительство дает свое согласие на гарантии их реализации британским и французским правительствами.

В связи с этим чехословацкое правительство отмечает, что меморандум, переданный его превосходительству г-ну Чемберлену 23 сентября в Годесберге, столь существенным образом отличается от проекта британского и французского правительств, что чехословацкое правительство сочло своим долгом отклонить этот меморандум, и г-н Чемберлен в речи 27 сентября заявил, что он понимает причины, по которым чехословацкое правительство не могло принять эти условия.

В этой же речи г-н Чемберлен заявил, что предложения, переданные после его визита в Берхтесгаден, известные под названием франко-британских предложений, совпадают, по существу, с тем, что требует г-н Чемберлен.

Чехословацкое правительство принимает в принципе план и time-table[1], предложенный британским правительством. Однако следует отметить, что по некоторым пунктам time-table не совпадает с франко-британскими предложениями.

Правительство принимает полностью пункт 2, кроме положения о составе комиссии представителей и комиссии по разграничению, а также подпункт «а», в котором речь идет о выводе чехословацкой армии и государственной полиции. Что касается состава комиссии, то чехословацкое правительство предлагает ввести в нее также представителя Франции. Кроме того, в случае, если представители не смогут договориться между собой, спорные вопросы должны быть переданы на арбитраж представителю Соединенных Штатов.

Правительство принимает также полностью пункты 4 и 5.

У правительства имеются следующие возражения по пунктам 1 и 3.

Во франко-британских предложениях не были установлены специальные даты эвакуации, и чехословацкое правительство понимало это таким образом, что эвакуация не начнется, пока соответствующая международная комиссия полностью не завершит свою работу.

Кроме того, по нашему мнению, проект британского правительства от 27 сентября отличается по двум основным пунктам от франко-британских предложений, принятых чехословацким правительством по настоянию обоих правительств в интересах мира, а именно:

1) он требует немедленно очистить Аш и Хеб;

2) он требует постепенной эвакуации, начиная с 10 октября; в обоих случаях это должно произойти раньше, чем будет достигнута договоренность об условиях перемещения населения под наблюдением международного органа, в работе которого должен участвовать также чехословацкий представитель, как это определено в плане от 19 сентября.

Чехословакия не может ни очистить своей территории, ни провести демобилизацию, ни оставить своих ук-

реплений, пока не будут точно определены будущие границы и пока не будет создана и обеспечена новая система международных гарантий, обещанных Чехословакии во франко-британских предложениях. Предусмотренная ими процедура может быть ускорена, ибо чехословацкое правительство ни при каких обстоятельствах не хочет задерживать окончательное решение.

Чехословацкое правительство примет любую дату окончательной эвакуации, если будут выполнены все условия, т. е. если будет завершена работа комиссии полномочных представителей и комиссии по разграничению и если будет достигнуто соглашение о гарантиях; такой датой может быть 30 октября или любой последующий день. Одновременно чехословацкое правительство согласится на определение даты, когда будут установлены окончательные границы. Со своей стороны по этому пункту оно предлагает в качестве даты 15 декабря. Если работа будет окончена, то можно было бы назначить более раннюю дату, один из дней между 31 октября и 15 декабря.

В этой связи следует также отметить, что чехословацкое правительство настойчиво требует, чтобы, прежде чем полномочные представители и комиссия по разграничению начнут свою работу, путем дипломатических переговоров было установлено, на основе каких принципов и каких реальностей будет проведена новая граница. Во франко-британских предложениях за основу берется принцип, согласно которому передаче подлежат районы, где проживает более 50 процентов немецкого населения. Одновременно в них допускается возможность изменения границ в пользу Чехословакии там, где эти изменения могут оказаться необходимыми. В британском плане подчеркиваются также соображения экономического и географического характера.

Все границы, о которых до сих пор говорила германская сторона, определялись исключительно с точки зрения Германии, а Чехословакии не было дано возможности сказать ни одного слова. Последний германский меморандум устанавливает границу, которая весьма значительно отличается от линии, намеченной во франко-британских предложениях.

Чехословакия решительно повторяет, что она не может принять плебисцит в той форме, как он определяется в меморандуме германского правительства.

И наконец, чехословацкое правительство подчеркивает, что оно охотно согласилось бы передать любые разногласия на арбитраж его превосходительству г-ну Франклину Рузвельту, если на нынешней стадии переговоров, когда уже достигнуто согласие по такому количеству вопросов, касающихся процедуры, возникнут трудности и непреодолимые препятствия. Правительство Чехословакии согласилось бы также, как это предлагает сам президент Соединенных Штатов, на созыв международной конференции, о которой говорится в ноте, направленной 27 сентября чехословацким посланником Масариком лорду Галифаксу.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 265—267.

[1] — график (*англ.*).

198. Заявление правительства США правительству СССР [1]

28 сентября 1938 г.

По мнению правительства Соединенных Штатов, положение в Европе является ныне столь критическим и последствия войны были бы столь гибельны, что нельзя пренебречь никаким демаршем, могущим содействовать сохранению мира. Президент Соединенных Штатов уже обратился в срочном порядке с призывом к рейхсканцлеру Германии, президенту Чехословацкой республики и премьер-министрам Великобритании и Франции, подчеркивая всю важность того, чтобы начатые переговоры продолжались и чтобы найдено было справедливое разрешение возникшего спора мирными средствами.

Правительство Соединенных Штатов полагает, что, если бы глава СССР или Советского правительства счел необходимым немедленно обратиться с подобным же призывом к Германии и Чехословакии от собственного лица, обращая их внимание на чрезвычайную важность отказа от применения силы при урегулировании возникшего между ними конфликта, собирательный эффект такого выражения общего мнения, даже в последнюю минуту, мог бы повлиять на дальнейшее развитие событий и содействовать сохранению мира в Европе.

Высказывая вышеизложенную мысль, правительство Соединенных Штатов отнюдь не формулирует тем самым своего мнения по существу возникшего спора.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 228 (6695), 29 сентября 1938 г.

[1] Передано временным поверенным в делах США в СССР А. Керком заместителю народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкину 28 сентября 1938 г.

199. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в НКИД СССР

28 сентября 1938 г.

Созыв конференции четырех по всем признакам был сюрпризом для Рузвельта, которого ни один из участников, не исключая и англичан, по этому вопросу не консультировал. Через три часа после получения здесь сообщения о созыве мюнхенской конференции Эрли, секретарь Рузвельта, по поручению Рузвельта, заявил прессе, дав ей право сослаться на него, что, упоминая во втором послании Гитлеру о конференции «наиболее непосредственно затронутых» стран, Рузвельт имел в виду Чехословакию, Германию, Польшу, Венгрию, Англию, Францию, СССР и Италию. Несмотря на это, англофильская клика в государственном департаменте и английские пропагандисты в Вашингтоне пустили в ход свое влияние, чтобы изобразить Мюнхен как достижение и результат акции Рузвельта и прикрыть его авторитетом перед американской общественностью продажу Чехословакии. В этом же направлении действует крупная печать, отражающая настроение биржи, сразу пошедшей на повышение после созыва [конференции] в Мюнхене. Передают, что Рузвельт был раздражен заявлением германского посла Дикгофа прессе о том, что мюнхенская конференция является мирным достижением Рузвельта. Сомнительно, чтобы Рузвельт устоял против этого хора лести, исходящей даже от его внутриполитических врагов, и чтобы он стал сильнее отмежевываться от комбинации «четырех» или настаивать на более широком составе какой-либо будущей конференции, на участии в которой американского правительства, по крайней мере до ноябрьских выборов, все равно сам ие согласится. По-ви-

димому, Рузвельт считает свою акцию пока законченной и оставляет судьбу идеи конференции на усмотрение европейских стран. Мне передают, на основании информации, якобы исходящей от одного из заместителей Хэлла, будто в ноте, переданной сегодня японцам, имеется фраза о том, что европейская война имела бы неизбежные последствия и для отдаленных стран, что поэтому президент рассчитывает на участие японского правительства в воздействии на спорящие стороны и что якобы это мыслилось Рузвельтом как скрытая угроза по адресу Японии. У меня, однако, пока еще уверенность в том, что японцам не была послана нота, идентичная полученной нами. По проверке сообщу.

Поверенный в делах

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 535—536.

200. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР

28 сентября 1938 г.

Бонне только что «официально» сообщил, что Даладье принял приглашение в Мюнхен, куда завтра выезжает. Просит от имени Даладье заверить вас, что французское правительство «само было застигнуто врасплох» и что инициатива исходила от англичан. Такова официальная версия. По имеющимся же у меня сведениям, все это еще до рузвельтовского обращения придумано и инспирировано Бонне совместно с Фиппсом.

Осуский мне только что подтвердил, что вчера в виде «сюгжестьона» поступило от англичан предложение предоставить немцам в ближайший срок «символически» занять («небольшими силами и лишь в некоторых пунктах») районы, уступаемые им по лондонскому плану.

Сурц

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 534—535.

201. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

28 сентября 1938 г.

1. Сегодня Масарик отправил Чемберлену и Галифаксу письмо, в котором указывает, что предстоящая 29 сентября в Мюнхене встреча «четырех» (Гитлер, Муссолини, Чемберлен, Даладье) является, по существу, интернациональной конференцией для решения чехословацкого вопроса и поэтому Чехословакия требует присутствия также и своего представителя на этой конференции. Масарик мотивирует свое требование тем, что сами англичане на днях запрашивали Чехословакию, готова ли она участвовать в интернациональной конференции по данному вопросу, на что Чехословакия ответила положительно.

2. В воздухе чувствуется, что Чемберлен готовится к новой капитуляции по чехословацкому вопросу на мюнхенском совещании.

Майский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 535.

202. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

28 сентября 1938 г.

Поскольку речь идет о ЧСР, я попросил Даладье о том, чтобы на конференции в Мюнхене присутствовал наш представитель с целью защиты нашей позиции и предоставления информации. Леже ответил мне, что на конференцию приглашал Гитлер и что пока он больше ничего не знает. Я просил его иметь в виду нашу просьбу.

Осуский

Печат. по арх.

203. Заявление правительства СССР правительству США [1]

28 сентября 1938 г.

Правительство СССР неуклонно руководится в своей внешней политике стремлением к общему миру. Отвергая применение силы для разрешения международных

конфликтов, СССР поддержал в свое время инициативу правительства Соединенных Штатов Америки, предложившего в пакте Келлога отказ от войны как орудия национальной политики. Более того, по предложению правительства СССР в Москве 9 февраля 1929 г. был заключен договор СССР с рядом стран о досрочном введении в действие этого пакта.

В настоящее время в Центральной Европе развертываются события, грозящие перерасти в новую мировую войну. В этот ответственный момент правительство СССР не может не оценить выступления президента Соединенных Штатов Америки с призывом к мирному разрешению возникшего конфликта. Правительство СССР сочувственно принимает обращенное к нему предложение правительства США — оказать содействие предупреждению войны и мирному разрешению нынешнего международного кризиса.

Констатируя наличие препятствий для англо-французского посредничества между Чехословацкой республикой и Германией, несмотря на проявленную Чехословакией готовность принести в жертву свои жизненные интересы во имя общего мира, правительство СССР наиболее эффективное средство для предупреждения дальнейшей агрессии и для предотвращения новой мировой войны видит в немедленном созыве международной конференции. Еще в марте месяце с. г., после насильственного захвата Австрии, создавшего угрозу для мира в Европе, правительство СССР предложило в предупреждение дальнейших и опаснейших международных осложнений безотлагательный созыв такой конференции, которая могла бы изыскать практические меры для противодействия агрессии и спасения мира коллективными усилиями. Верное своему стремлению к миру, правительство СССР готово и в настоящий момент поддержать выдвигаемое правительством США предложение о созыве международной конференции и принять в последней активное участие.

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 228 (6695), 29 сентября 1938 г.

[1] Вручено заместителем народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкиным временному поверенному в делах США в СССР А. Керку 28 сентября 1938 г.

204. Докладная народного комиссара обороны СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР

28 сентября 1938 г.

В случае необходимости посылки авиации в Чехословакию подготовляются и могут быть отправлены 30 сентября с. г. следующие авиачасти:

Наименование соединений	Дислокация	Наличное количество самолетов	Усиливается до штата
БОМБАРДИРОВОЧНАЯ АВИАЦИЯ (С[КОРОСТНЫЕ] Б[ОМБАРДИРОВЩИКИ])			
Б[елорусский] о[собый] в[оенный] о[круг]			
Управление 16 авиабригады	Сещинская	1	
56 с[коростной] б[омбардировочный] (полк)	Шаталовка	53	1 эск[адрилья] 18 с[коростного] б[омбардировочного] [полка] — 8 самолетов. Всего — 61 самолет
54 с[коростной] б[омбардировочный] (полк)	Шайковка	41	1 эск[адрилья] 39 с[коростного] б[омбардировочного] [полка] — 10 самолетов 1 эск[адрилья] 31 с[коростного] б[омбардировочного] [полка] — 10 самолетов
Итого самолетов с[коростных] б[омбардировщиков]		123	
К[иевский] о[собый] в[оенный] о[круг]			
Управление 10 авиабригады	Б. Церковь	1	
33 с[коростной] б[омбардировочный] (полк)	Б. Церковь	50	1 эск[адрилья] 48 с[коростного] б[омбардировочного] [полка] — 11 самолетов. Всего — 62 самолета
Итого самолетов с[коростных] б[омбардировщиков]		62	

Наименование соединений	Дислокация	Наличное колнчество самолетов	Усиливается до штата
Х[арьковский] в[оенный] о[круг]			
60 с[коростной] б[омбардировочный] (полк)	Лебедин	49	1 эск[адрилья] 48 с[коростного] б[омбардировочного] [полка] — 12 самолетов. Всего — 61 самолет
Итого самолетов с[коростных] б[омбардировщиков]		61	
Всего в группе — 246 самолетов с[коростных] б[омбардировщиков]			

ИСТРЕБИТЕЛЬНАЯ АВИАЦИЯ

Б[елорусский] о[собый] в[оенный] о[круг]			
Управление 58 авиабригады	Орша	1	
21 и[стребительный] (полк)	Орша	75	
31 и[стребительный] (полк)	Орша	75	
Итого самолетов		151	
К[иевский] о[собый] в[оенный] о[круг]			
Управление 69 авиабригады	Скоморохи	1	
17 и[стребительный] (полк)	Скоморохи	52	Усиливается 23 сам. за счет 28 и[стребительного] п[олка] и резерва. Всего —75 самолетов
43 и[стребительный] (полк)	Васильково	52	Усиливается 23 сам. за счет резерва. Всего —75 самолетов
Итого самолетов		151	
Всего в группе —		302 самолета И-16	

К. Ворошилов

Печат. по арх.

205. Директива Генерального штаба РККА Военным советам округов

28 сентября 1938 г.

Народный комиссар приказал:

Красноармейцев и младших командиров, выслуживших установленные сроки службы в рядах РККА, впредь до распоряжения из рядов армии не увольнять.

Б. Шапошников *Гусев*

Печат. по арх.

206. Директива народного комиссара обороны СССР Военному совету Белорусского особого военного округа [1]

29 сентября 1938 г.

В двухдневный срок с получения директивы призвать [на] учебные 20-ти дневные сборы особыми повестками приписной рядовой и младший ком[андный] состав для:

1. Пятнадцати авиабаз (в том числе и на территории Кал[ининского] в[оенного] о[круга]). Лимит призыва — 8.900 чел.

2. Восьми танковых бригад, мотострелковую бригаду, корпусных частей танкового корпуса. Лимит 12.800 чел.

3. По 4.000 чел. для 50, 5, 27, 53 дивизий. Лимит — 20.000 чел.

4. Призвать полностью из расчета моб[илизационной] потребности командно-начальствующий и политический состав всех стрелковых дивизий округа, корпусных частей, танковых бригад и авиабаз (сверх лимита для рядовых и младшего ком[андного] состава).

5. Ком[андный] состав, приписанный из других округов, вызывать через штабы соответствующих округов только распоряжением штаба округа, по заявкам частей. Явка в часть для этого ком[андного] состава определяется в пять дней.

6. Военному совету округа особо обратить внимание на размещение личного состава и организацию питания. В тех случаях, когда прибытием пополнения призванных на учебные сборы невозможно части расположить в своих помещениях, разрешается по согласованию [с] местны-

ми органами брать помещения, предназначенные моб[илизационным] планом на военное время.

7. Разрешается призвать для стрелковых дивизий особыми повестками с территории своего округа конский состав для обеспечения [в] первую очередь запряжки всех орудий дивизии. Общий лимит конскому составу 6.000 лошадей.

8. Призвать автотранспорт из расчета обеспечения авиабаз 600 машин, танковых частей — 300 и стрелковых дивизий — 175. Всего 1075 автомобилей. Автотранспорт призвать только с территории своего округа.

9. Разрешается на соответствующее число призываемых взять из НЗ вооружение, снаряжение и огнеприпасы.

10. О ходе явки на сборы доносить ежедневно к 8 и 21 часу.

11. Подробный боевой состав частей представить шифром 1.10.

Народный комиссар обороны СССР
Маршал Советского Союза
К. Ворошилов

Начальник Генерального штаба РККА
Командарм I ранга
Б. Шапошников

Печат. по арх.

[1] Аналогичные директивы были отданы Военным советам Киевского особого, Ленинградского и Калининского военных округов. Таким образом, в дополнение к военно-подготовительным мероприятиям, проведенным 22—23 сентября (см. док. № 162, прим. 1), были приведены в боевую готовность и пополнены до штатной нормы военнообязанными из запаса еще 17 стрелковых дивизий, управления трех танковых корпусов, 22 танковые и 3 мотострелковые бригады, 34 авиационные базы. Военно-мобилизационные мероприятия охватили не только западные пограничные области, но и глубинные районы — вплоть до Волги и Урала. Помимо войск, выдвинутых к юго-западной и западной государственной границе, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоявший из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад, 34 авиационных баз. В вооруженные силы было призвано из запаса в общей сложности до 330 тыс. человек командного, политического, младшего командного и рядового состава.

207. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

29 сентября 1938 г.

Получив последнее послание Рузвельта, Чемберлен вновь лично обратился к Гитлеру с просьбой о новой встрече вдвоем или в более широком кругу. Чемберлен обратился также к Муссолини. Результат — мюнхенская конференция. Сегодня во время беседы с Гитлером Понсе подбросил ему идею о международной оккупации. Гитлер не отверг ее. Из этого нужно сделать вывод, что идея носится в воздухе и что о ней будет идти речь.

Осуский

Печат. по арх.

208. Из записи телефонного разговора председателя правительства ЧСР с начальником главного штаба чехословацкой армии

29 сентября 1938 г.

Говорит генерал Сыровый. Слушаю Вас, генерал.

Генерал Крейчи:

Нас очень беспокоит конференция четырех в Мюнхене, на которой, несомненно, речь будет идти о нас. Существует опасность, что Гитлер будет исходить из согласия старого правительства идти на уступки. Насколько я понимаю, твое правительство не связано пока этими уступками. В соответствии с конституцией без согласия парламента нельзя идти на территориальные уступки кому бы то ни было. Это надо иметь в виду и заявить союзникам, что наш солдат никогда не сдаст укрепления и никакие приказы не заставят его это сделать. Это движение стихийное, и подавить его можно лишь путем насилия, что могло бы привести к непредвиденным результатам. Еще до окончания конференции мы добьемся такого положения, что сможем успешно защищаться. Собственно говоря, силы равны, а на нашей стороне стойкость и моральный дух, каких не имеет ни одна армия. Вчера наше положение было довольно трудным, завтра оно будет уже очень хорошим. Мы сгруппируем свои

силы так, что сможем оказать сопротивление на опасных направлениях. Однако не все службы будут еще на своих местах. С Польшей надо говорить прямо. Мы видим, что Гитлер не может и боится начать войну. Ему удалось запугать весь мир, но нам известны его слабости. Необходимо и в отношениях с Россией шире использовать дипломатические возможности. В худшем случае не соглашаться на передачу каких-либо участков территории, находящихся за линией оборонительных сооружений. Это не касается Польши. Конец.

Генерал Сыровый:

Новое правительство должно было исходить из того, что союзникам было уже обещано, а именно: уступки, согласованные на берхтесгаденских переговорах между Англией и Францией, т. к. лишь при этих условиях можно было рассчитывать на помощь Франции, Англии и России. Гитлер, конечно, хочет гораздо больше, но на это мы не можем пойти ни при каких обстоятельствах. Целью последних переговоров Чемберлена с Гитлером было убедить Гитлера в том, что никаких новых уступок не будет. Однако поскольку Гитлер не желал отказываться от своих новых условий, наступил кризис. Созданный против Гитлера фронт позавчера ночью был таков, как я сообщал тебе, и я был доволен тем обстоятельством, что назревает конфликт, который мог избавить нас и от неблагоприятных условий англо-французского соглашения. К сожалению, наши союзники оказались трусами и в последнюю минуту, когда уже должно было произойти столкновение, они испугались и за нашей спиной возобновили переговоры, что и привело к мюнхенской конференции. Поляки, которые, как я тебе сообщил еще вчера, ответили на предложение президента республики, хотели вести переговоры. Однако сейчас, по всей вероятности под давлением Германии, они говорят с нами в ультимативном тоне и, кроме того, развернули в печати новую кампанию против нас. Что касается России, то с ней все еще ведутся переговоры. Наше политическое положение в настоящее время очень сложно, и мы не знаем, что нового содержится в последних предложениях Чемберлена, которые он представил Гитлеру. Он имеет в виду постепенную передачу нашей территории, но мы выступили против. Были также предприняты шаги с целью информировать и Чемберлена, и Даладье о том, что нынешняя обстановка складывается благоприятно для нас и

для союзников, с тем чтобы раз и навсегда ликвидировать Гитлера... Примерно так выглядит ситуация сегодня. Конец.

Генерал Крейчи:

Мне все ясно. Я хорошо понимаю ситуацию, но мне непонятно, как все время переговоры о нас шли без нас. Ведь мы не Эфиопия, у нас сильная армия, которая в состоянии выдержать удар со стороны немцев. Конец.

Генерал Сыровый:

Из общей ситуации вытекает, что наши оборонительные укрепления во многих местах значительно удалены от государственной границы, так что предполье оборонительной линии легко может быть захвачено германскими войсками. Поэтому мы не можем исходить из предпосылки, что не отдадим ни пяди нашей территории. Мы должны полностью отдавать себе отчет в том, что не можем вступать в борьбу одни, когда нас покинули все наши союзники, ибо, учитывая известную жестокость Гитлера, это означало бы истребление нашего народа. Конец.

Генерал Крейчи:

Понимаю, что определенную часть территории мы были бы вынуждены и могли бы отдать, но линию укреплений мы можем держать и защищать. Как я уже сказал, нашего солдата силой никто с линии укреплений не выбьет, а значит, и не заставит сдать оборонительные сооружения. Согласно сообщениям некоторых командиров, солдаты стихийно клянутся в этом. Так что не знаю, какая ситуация может создаться у нас в стране. Это следует принять во внимание. Конец.

Генерал Сыровый:

Все это мне хорошо известно, и я также обращаю на это внимание. Г-н президент об этой ситуации тоже знает. Предстоящие переговоры покажут, как следует проводить эвакуацию, если мы вынуждены будем провести ее. Конец. [...]

Печат. по сб. «Mnichov v dokumentech», díl II. Praha 1958, str. 251—252.

209. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

29 сентября 1938 г.

Галифакс накануне моего приезда из Женевы справлялся в полпредстве, когда я вернусь. Утром в день моего приезда он просил полпредство сообщить мне сразу же по приезде о том, что он хочет меня срочно видеть. Сегодня утром состоялось это свидание. Я был очень сдержан и только иногда по ходу беседы ставил пояснительные вопросы. Суть сообщения Галифакса сводится к следующему:

1. Он пригласил меня, чтобы информировать о последних событиях в сфере европейского кризиса. Английское правительство опасается, что в связи с предстоящим в Мюнхене совещанием у Советского правительства могут возникнуть различные подозрения, ибо английскому правительству хорошо известно наше отношение к «пакту четырех». Галифакс хотел бы рассеять всякие наши сомнения на этот счет. История совещания такова. В своем отчаянном стремлении предупредить войну Чемберлен 28-го утром обратился к Гитлеру и Муссолини с одновременным призывом сделать последние усилия для сохранения мира. В ответ около 4 часов дня в момент, когда Чемберлен выступал в палате, от Гитлера пришло приглашение премьеру прибыть 29-го на совещание в Мюнхен. Одновременно английскому правительству было сообщено из Берлина, что на совещании будет присутствовать Муссолини и что аналогичное приглашение послано Гитлером Даладье. Чемберлен принял приглашение сразу, без предварительного совещания с французами. Даладье будто бы сделал тоже без предварительного совещания с англичанами. Все это объясняется чрезвычайной краткостью времени, имевшегося в распоряжении для принятия решения. Галифакс, однако, уверил Чемберлена, что французы, конечно, поедут в Мюнхен и будто бы поэтому британский премьер дал Гитлеру положительный ответ без предварительного запроса Парижа. Английское правительство не подымало при этом вопроса о приглашении в Мюнхен СССР, ибо, подходя к делу «реалистически», понимало, что при известных всем настроениях Гитлера такое предложение сделало бы совещание вообще невозможным и похоронило бы «последние шансы» предупредить войну. Однако Чем-

берлен вчера же (очевидно, в результате письма Масарика, о котором я сообщал в моей телеграмме от 28 сентября) телеграфировал Бенешу, прося прислать в Мюнхен представителя Чехословакии. Премьер хочет добиться включения его в состав совещания, а если это не удастся, то по крайней мере иметь возможность консультироваться с ним в ходе переговоров.

2. О программе переговоров Галифакс выражался очень общо. Он говорил, что ничего не было установлено и что многое зависит от настроения Гитлера. Галифакс, впрочем, допускает возможность обсуждения на совещании не только вопроса о Чехословакии, но и более общих вопросов европейской политики [1] (в том числе испанского). По некоторым замечаниям моего собеседника я склонен думать, что Чемберлен, отправляясь в Мюнхен, имел в виду использовать эту оказию для постановки или по крайней мере зондажа Гитлера и Муссолини в связи с пресловутой проблемой «европейского замирения». В конце разговора Галифакс сказал, что будет держать меня в курсе дальнейшего развития событий и что он «держит в голове» мысль об англо-франко-советском совещании, о котором было решено в Женеве в разговоре между де ла Варром и Литвиновым.

3. Интересно было сообщение Галифакса по вопросу об интернациональных гарантиях Чехословакии после отхода Судетской области. Сведения о том, будто бы гарантии мыслились как: а) в первую очередь гарантии лимитрофов и б) во вторую очередь как дополнительные гарантии Англии, Франции и Италии, неверны. На самом деле англичане мыслили дело так: Чехословакия и Германия заключают пакт о ненападении, а Англия, Франция и СССР («если последний захочет»,— прибавил Галифакс) принимают на себя гарантию новых границ Чехословакии. Англичане между собой обменивались мнениями по вопросу о том, не следовало бы также привлечь к гарантии Италию, Польшу, Югославию, Румынию, однако этот вопрос остался открытым, и во всяком случае, по мнению Галифакса, данный вопрос должен обсуждаться и решаться во вторую очередь. Непосредственно гарантии должны быть даны тремя названными им державами, если, конечно, СССР сочтет возможным такие гарантии принять.

Майский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 541—543.

[1] Во время пребывания в Мюнхене Гитлер и Чемберлен подписали 30 сентября 1938 г. англо-германскую декларацию, содержавшую обязательства обеих сторон о ненападении и консультациях. Она явилась логическим следствием мюнхенского сговора и представляла собой, по существу, соглашение о ненападении между Англией и Германией.

210. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

29 сентября 1938 г.

Сегодня меня пригласил Бонне, у которого я не был с 19 сентября. Извинившись за то, что, будучи загружен в связи с последними событиями, он несколько дней не приглашал меня, Бонне в самых общих чертах изложил мне содержание вчерашней речи Чемберлена [1]. Затем он сказал, что Англия *обещала* общественности больше, чем официальные дипломатические круги, которые были более сдержанны. Так, например, 27 сентября утренние газеты поместили сообщение из официальных источников о том, что, если на Чехословакию будет совершено нападение, Франция обязана будет прийти ей на помощь, а Англия и Россия, несомненно, будут действовать вместе с ней. При этом, однако, в тот же день в 19 час. 45 мин. Лондон передал Бонне копию крайне сдержанной ноты, врученной Ньютоном в Праге. Далее, в половине одиннадцатого Фиппс вручил Бонне ноту, согласно которой ЧСР, по мнению Гамелена, одна не сможет долго сопротивляться и немедленно будет захвачена германскими войсками. Англия прямо заявила, что нападение на ЧСР не должно вызвать ни немедленного, ни автоматического ответа со стороны Франции. Поскольку Франция и Англия не смогут тотчас же ликвидировать захват ЧСР, поскольку для этого понадобится длительная война, Англия требует, чтобы Франция не объявляла всеобщей мобилизации и не начинала наступления без предварительного соглашения с Англией. Слабым утешением, безусловно, является то, что Чемберлен в своем публичном выступлении использовал особую форму, сказав, что, если в результате договоренности Франция окажет активную военную помощь подвергшейся нападению Чехословакии, Англия ее поддержит. Сравните это с тем, что через Гораса Вильсона Гитлеру было сообщено, что Франция выполнит свои обязательства в отношении ЧСР, и если она вмешается в военные действия, то Англия будет вынуж-

дена ее поддержать. На основании этого можно заключить, сказал Бонне, что Англия в печати говорит одно, а в официальных сообщениях — другое. Поэтому ему следует быть осторожным и нам тоже.

Осуский

Примечание отдела В: Выделенное слово искажено.

Печат. по арх.

[1] Имеется в виду выступление Н. Чемберлена в палате общин английского парламента 28 сентября 1938 г.

211. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР

29 сентября 1938 г.

29 сентября 1938 г. в 17 часов к министру д-ру Крофте прибыл посланник Ньютон и вручил письмо, полученное от Невиля Чемберлена.

Далее Ньютон сообщил, что 28 сентября он получил телеграмму из Лондона, в которой подчеркивается важность того, чтобы чехословацкое правительство приняло в принципе англо-французский план и time-table. Одновременно перед ним, Ньютоном, ставится задача изыскания возможности добиться этого немедленно. Далее в телеграмме говорится следующее: Czechoslovak Government should also be advised to have suitable representative authorised to speak on their behalf available to go to Munich at short notice tomorrow [1].

На это Ньютон замечает, что данное сообщение означает не приглашение, а лишь предложение, чтобы представитель чехословацкого правительства был подготовлен. Ньютон это заявил также Мастному, и они с ним договорились, что было бы хорошо, если бы он поехал туда.

После второй беседы с г-ном президентом Ньютон сообщил своему правительству следующее: Czechoslovak Government accept in principle the plan and the time-table. But in both there are some points which are not in conformity with the Anglo-French proposals. These can't be accepted but other arrangements can be made to secure the realisation of the plan [2].

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 269—270.

[1] Чехословацкому правительству следует также посоветовать, чтобы оно имело соответствующего представителя, уполномоченного выступать от его имени и готового отправиться в Мюнхен завтра сразу же после уведомления *(англ.)*.

[2] Чехословацкое правительство в принципе принимает план и график. Но в том и другом документах имеются некоторые пункты, которые не соответствуют англо-французским предложениям. Они не могут быть приняты, но могут быть найдены другие меры для реализации плана *(англ.)*.

212. Письмо посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

29 сентября 1938 г.

Быстрое развитие событий делает почти беспредметным любое письменное сообщение. Тем не менее мне хотелось бы еще раз разъяснить точку зрения Советского правительства по поводу сегодняшнего конфликта, поскольку в печати и телеграфных сообщениях из-за границы все еще проявляется значительное непонимание советской политики. Также и мотивировка принятия нами англо-французского предложения, содержащаяся в выступлении министра Вавречки, в котором он ссылается на советское предложение передать дело в Лигу наций и на сложность подобной процедуры,— такая мотивировка, или по крайней мере соответствующая часть ее, вызвала здесь определенное недовольство.

В ранее направленных сообщениях я уже несколько раз подчеркивал, что в глазах Советов предложение обратиться в Лигу наций имеет скорее теоретическую и моральную ценность. Еще вчера я говорил об этом деле с Потемкиным, который со мной полностью согласился, что в случае агрессии процедура в Женеве может быть весьма краткой, как только найдутся великие державы, которые решились бы действительно выступить против агрессора. И именно отговорки Бонне о сложности процедуры усиливали подозрения Советского правительства относительно того, что Франции не хочется вступать в конфликт.

Понятно, что Советское правительство колебалось и колеблется вступить в конфликт без западных держав, чего мы от него никогда и не требовали. Здесь имеются серьезные опасения, что при одностороннем вмешательстве Советов из чехословацкого вопроса возникла бы та-

кая же проблема, как в Испании, со всеми страшными политическими последствиями для всей Европы и в особенности для Чехословакии. Тем не менее на запрос президента д-ра Э. Бенеша о том, готов ли Советский Союз поддерживать нас в Женеве в соответствии со статьями 16 и 17, ответ, немедленно переданный мне Потемкиным, был абсолютно положительным. Ясно, что в таком случае степень участия Советского Союза в подобном конфликте определялась бы уже не нашим пактом, а самостоятельным решением Советского правительства о том, какие военные и экономические средства оно использует. По словам Потемкина, Советский Союз вступил бы в подобный конфликт как член Лиги наций.

Первые признаки изменений французской и английской политики в положительную сторону были восприняты здесь с большим удовлетворением. На мое первое сообщение о том, что Франция и, возможно, даже Англия в случае нападения на нас Германии будут на нашей стороне (конечно, если переговоры будут вестись на основе берхтесгаденских предложений), здешние правительственные круги реагировали весьма благоприятно; сообщение об этом было получено 24-го числа этого месяца, т. е. в нерабочий день, когда учреждения не работают и когда Потемкин, замещающий Литвинова, был на даче. Я отправился к дежурному сотруднику Комиссариата иностранных дел, где смог поговорить по телефону с Потемкиным, который в тот же день вернулся в город. Затем ночью было созвано совещание, и с тех пор на все мои вопросы и запросы отвечают немедленно и очень решительно. Таким образом, оказалось возможным в сравнительно короткое время решить вопрос о направлении специалистов и высших офицеров авиации в Прагу, причем мне сообщили, что все пожелания генерала Файфра приняты во внимание и соответствующие воздушные советские силы готовы в случае необходимости немедленно вылететь в Чехословакию. Кроме того, Комиссариат иностранных дел стремился вновь проявить инициативу в деле созыва трехстороннего совещания представителей генеральных штабов. Как только здесь стало известно, что англичане дали согласие на то, чтобы французский генеральный штаб вел переговоры (сообщение об этом мне передал Потемкин), советский военный атташе в Париже был уполномочен вести переговоры. Как вчера сообщил мне с радостью Кулондр,

советский военный атташе в Париже заявил, что Советский Союз на западных границах имеет 30 полных дивизий, находящихся в боевой готовности, не считая технических частей, которые готовы немедленно начать операции. Я сказал Кулондру, что перспективы всеобщей мобилизации в Советском Союзе дают возможность предполагать, что, кроме этой армии, находящейся в боевой готовности, Советский Союз в случае настоящего мирового конфликта может отправить на фронт другую большую армию, поскольку вооружение и соответствующая военная промышленность позволяют это сделать.

К сожалению, хорошее настроение, которое понемногу возвращалось, было испорчено сообщением о конференции четырех держав в Мюнхене. Тем не менее я предполагаю, что Даладье, направляющийся на это опасное свидание, будет иметь уже достаточно доказательств решительной политики Советского Союза и его намерений и что в таком случае он не сможет вновь ссылаться перед французской общественностью на неподготовленность и нежелание Советского Союза.

Советский Союз проявил также свою добрую волю в том, что касается предъявленных нам требований Польши. Нота, врученная в четыре часа утра здешнему польскому временному поверенному в делах [1], достаточно ясно выражает намерения Советского Союза. За нашими переговорами с поляками следят с большим вниманием и намерены не оставить безнаказанными действия Варшавы по отношению к нам. Реализм и осторожность, которые всегда отличали советскую политику, в настоящее время, возможно, могут быть неправильно истолкованы Варшавой или по крайней мере внешне умышленно недооценены. Однако здесь не сомневаются в том, что когда-нибудь час расплаты придет.

В дополнение картины можно было бы еще добавить, принимая во внимание мои впечатления и сообщения, что в здешних правительственных кругах наблюдается намного больше решимости приложить значительные усилия в случае мирового конфликта, чем это внешне может показаться и чем это может быть видно из выступлений Литвинова. Известно, что все действия Литвинова в Женеве отличались известной осторожностью и скептицизмом по отношению к другим великим державам. Поэтому и все его публичные выступления необходимо

всегда понимать в таком смысле. В особенности в них не следует искать каких-то скрытых тенденций, которых в действительности нет.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 142—146.

[1] См. док. № 172.

213. Из письма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

29 сентября 1938 г.

Быстрота хода событий и ограниченность рабочих рук в полпредстве лишили меня всякой возможности сколько-нибудь последовательно зафиксировать происходящее. Вынужден ограничиться сообщением в дополнение к моей телеграфной информации самых существенных моментов, не получивших достаточного отражения в телеграммах.

Прежде всего относительно Бенеша. Я все время ощущал, что Бенешу в отношении советской помощи, так сказать, и хочется и колется прибегнуть к этому средству защиты интересов Чехословакии. В последних разговорах со мной он каждый раз судорожно хватался за возможность нашей помощи и вызывал меня для разговоров как раз тогда, когда получал очередной крепкий удар от Англии и Франции. Как только он несколько оправлялся или думал, что находил новый выход из положения путем нового дипломатического хода, он немедленно проявлял значительно меньшую заинтересованность в нашем отношении. Я не сомневаюсь в том, что этот сухой педант и прожженный дипломат с самого начала и до конца целиком надеялся и все еще надеется достигнуть максимума возможного для Чехословакии на путях опоры на Англию и Францию, а о помощи СССР думает как о крайне самоубийственном для чехословацкой буржуазии средстве защиты Чехословакии от нападения Гитлера. Особенно сильные сомнения в истинных намерениях Бенеша у меня возникли, когда он говорил со мною уже по поводу гитлеровского меморандума и приложенной к нему карты районов, которые Гитлер намерен оккупировать 1 октября. И перед лицом этой

уже совершенно явной угрозы прямому существованию Чехословакии Бенеш продолжал доктринерствовать и рассуждать на тему о том, что он никогда не возьмет на себя ответственность за начало новой мировой войны, что первый выстрел должен быть сделан со стороны Германии и главная трудность заключается в том, что Гитлер этого выстрела не делает. Как будто тем временем уже не лилась кровь в Судетской области и как будто насилие, производимое над Чехословакией всеми, начиная от Гитлера и кончая Даладье, недостаточное основание для того, чтобы встать на дыбы и защищаться. Но я, понятно, воздержался от всякой критики Бенеша и все время играл роль только посредника для передачи его информаций в Москву.

Я себе объясняю это поведение Бенеша тем же социальным страхом, каким заражены и руководствуются и другие «миротворцы» в Европе. Бенеш боится масс. Если он раньше часто и даже охотно говорил о том, что на худой конец он обратится к народу и народ его поддержит, то за последний период он стал бояться этого народа. [...]

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 147—149.

214. Заявление правительства Великобритании правительству ЧСР

29 сентября 1938 г.

Замечания чехословацкого правительства к предложенному графику (time-table) были сообщены премьер-министру, который, разумеется, будет иметь в виду пункты, важные для чехословацкого правительства.

Г-н Чемберлен уже заверил его превосходительство г-на президента, что в Мюнхене будет постоянно помнить об интересах Чехословакии и что он едет туда с намерением попытаться найти такое сближение (accomodation) точек зрения германского и чехословацкого правительств, которое позволило бы провести мероприятия, с тем чтобы надлежащим образом и справедливо осуществить принцип территориальных уступок (cession), на которые чехословацкое правительство уже пошло.

Правительство его величества выражает твердую надежду, что чехословацкое правительство не будет осложнять и без того сложную задачу премьер-министра, выдвигая возражения против так называемого time-table и настаивая на них. Чехословацкое правительство, как и все другие заинтересованные стороны, должно иметь в виду те тяжелые последствия, к которым привела бы неудача в поисках соглашения о новом урегулировании (the grave alternative to success).

Совершенно необходимо, чтобы в ходе переговоров в Мюнхене были быстро достигнуты конкретные результаты, которые могли бы привести к прямым переговорам между Германией и Чехословакией. Это может быть достигнуто только в том случае, если чехословацкое правительство решится на нынешней стадии переговоров предоставить г-ну Чемберлену широкую свободу действий (a wide discretion), а не будет связывать ему руки, выдвигая однозначные условия.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 270.

215. Запись телефонного разговора заведующего протокольным отделом МИД ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР

29 сентября 1938 г.

Г-н Ньютон получил телеграмму от г-на Чемберлена, в которой говорится, что г-н Гитлер пригласил г-на Муссолини, г-на Даладье и его прибыть в Мюнхен. Г-н Чемберлен принял приглашение, остальные тоже. Г-н Чемберлен поручил г-ну Ньютону немедленно проинформировать об этом г-на Бенеша и заверить его, что он будет постоянно иметь в виду интересы Чехословакии, что он едет в Мюнхен с намерением искать сближения между позициями германского правительства и правительства Чехословакии, сближения, с помощью которого можно было бы добиться урегулирования путем соответствующего и справедливого осуществления принципа уступок (например, в вопросах управления), с которыми президент уже согласился.

Смутный

Печат. по арх.

216. Соглашение, заключенное Германией, Великобританией, Францией и Италией в Мюнхене

29 сентября 1938 г.

Германия, Соединенное Королевство, Франция и Италия согласно уже принципиально достигнутому соглашению относительно уступки Судето-немецкой области договорились о следующих условиях и формах этой уступки, а также о необходимых для этого мероприятиях и объявляют себя в силу этого соглашения ответственными каждая в отдельности за обеспечение мероприятий, необходимых для его выполнения.

1. Эвакуация начинается с 1 октября.

2. Соединенное Королевство, Франция и Италия согласились о том, что эвакуация территории будет закончена к 10 октября, причем не будет произведено никаких разрушений имеющихся сооружений, и что чехословацкое правительство несет ответственность за то, что эвакуация области будет проведена без повреждения указанных сооружений.

3. Формы эвакуации будут установлены в деталях международной комиссией, состоящей из представителей Германии, Соединенного Королевства, Франции, Италии и Чехословакии.

4. Происходящее по этапам занятие германскими войсками районов с преобладающим немецким населением начинается с 1 октября. Четыре зоны, обозначенные на прилагаемой карте [1], будут заняты германскими войсками в следующем порядке:

Зона, обозначенная цифрой I,— 1 и 2 октября; зона, обозначенная цифрой II,— 2 и 3 октября; зона, обозначенная цифрой III,— 3, 4 и 5 октября; зона, обозначенная цифрой IV,— 6, 7 октября.

Остальная область, имеющая преимущественно немецкий характер, будет незамедлительно определена вышеупомянутой международной комиссией, и она будет занята германскими войсками до 10 октября.

5. Упомянутая в параграфе 3 международная комиссия определит районы, в которых должен состояться плебисцит. Эти районы до окончания плебисцита будут заняты международными воинскими частями. Эта же международная комиссия должна определить порядок проведения плебисцита, причем за основу следует при-

нять порядок проведения плебисцита в Саарской области. Международная комиссия назначит также день проведения плебисцита; однако этот день не должен быть назначен позже конца ноября.

6. Окончательное определение границ поручается международной комиссии. Этой международной комиссии предоставляется право, в известных исключительных случаях, рекомендовать четырем державам — Германии, Соединенному Королевству, Франции и Италии — незначительные отклонения от строго этнографического принципа в определении зон, подлежащих передаче без проведения плебисцита.

7. Предусматривается право оптации для желающих переселиться в уступаемые районы, а также для желающих покинуть эти районы. Оптация должна быть произведена в течение шести месяцев с момента заключения настоящего соглашения. Германо-чехословацкая комиссия определит детали оптации, изыщет меры облегчения обмена населением и выяснит принципиальные вопросы, вытекающие из этого обмена.

8. Чехословацкое правительство в течение четырех недель со дня заключения настоящего соглашения освободит от несения военной и полицейской службы всех судетских немцев, которые этого пожелают. В течение этого же срока чехословацкое правительство освободит судетских немцев, отбывающих заключение за политические преступления.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

А. Гитлер
Эд. Даладье
Муссолини
Невиль Чемберлен

ДОПОЛНЕНИЕ К СОГЛАШЕНИЮ

Правительство его величества в Соединенном Королевстве и французское правительство присоединились к настоящему соглашению, памятуя, что они поддерживают предложения, содержащиеся в параграфе 6 англо-французских предложений от 19 сентября о международных гарантиях новых границ чехословацкого государства против неспровоцированной агрессии.

Как только будет урегулирован вопрос о польском и венгерском меньшинствах в Чехословакии, Германия и Италия со своей стороны предоставят Чехословакии гарантию.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Главы правительств четырех держав согласны в том, что предусмотренная настоящим соглашением международная комиссия будет состоять из статс-секретаря германского министерства иностранных дел, аккредитованных в Берлине английского, французского и итальянского послов и из одного представителя, который будет назначен чехословацким правительством.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Все вопросы, вытекающие из передачи территории, подлежат компетенции международной комиссии.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ДЕКЛАРАЦИЯ

Главы правительств четырех держав заявляют, что если в течение ближайших трех месяцев проблема польского и венгерского национальных меньшинств в Чехословакии не будет урегулирована между заинтересованными правительствами путем соглашения, то эта проблема станет предметом дальнейшего обсуждения следующего совещания глав правительств четырех держав, присутствующих здесь.

Мюнхен, 29 сентября 1938 г.

(Следуют те же подписи)

Печат. по сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 156—160.

[1] Не публикуется.

217. Запись начальника канцелярии министра иностранных дел ЧСР о передаче текста мюнхенского соглашения правительству ЧСР

30 сентября 1938 г

30 сентября 1938 г. в 5 часов утра мне позвонил д-р Орт, дежуривший ночью в министерстве, и передал, что из германской миссии просят, чтобы министр д-р Крофта принял в 6 часов их поверенного в делах. Последний должен сообщить министру решение мюнхенской конференции четырех держав. Я подумал, не лучше ли было бы, если бы Генке принял заведующий политическим отделом посланник Крно или его заместитель советник министерства д-р Чермак. Своими соображениями я поделился по телефону с посланником Смутным, который с ними согласился. В половине шестого я позвонил министру и передал просьбу германской миссии. Министр решил лично принять поверенного в делах Германии. Я приехал в министерство около 6 часов и информировал министра о сообщении Германского информационного бюро, которое уже передало ночью текст мюнхенского соглашения четырех держав. В это время позвонили из германской миссии и сообщили, что Генке приедет позже. Он приехал в 6 час. 15 мин., и министр сделал следующую запись о его визите: «Генке вручил мне мюнхенское решение вместе с письмом, приглашающим нашего представителя в Берлин сегодня в 17 часов. Он сказал, что карту передаст английская миссия. Ему не поручалось делать какие-либо дополнения к письму. Он только заметил, что, по его мнению, нет разницы между Берхтесгаденом и Годесбергом».

Тем временем в министерство явились посланник Крно с д-ром Чермаком и посланник Смутный. Министр Крофта говорил по телефону с председателем правительства генералом Сыровым, а г-на президента республики информировал посланник Смутный. Президент пригласил к половине десятого лидеров политических партий. Совет министров собрался в Коловратском дворце, а позже — совместно с политической семеркой [1], с представителями политических партий и с генералами — у г-на президента республики.

Французский, английский и итальянский посланники обратились до полудня к посланнику Крно с просьбой, чтобы их принял министр д-р Крофта, для того

чтобы услышать от него решение правительства. Они хотели узнать решение до 12 часов. Однако, так как министр вернулся от президента только в 12 часов, посланники могли быть приняты лишь в 12 час. 30 мин. Они вошли к министру все вместе, и он заявил: «Au nom du President de la Rèpublique et de mon gouvernement, je declare, que nous nous soumettons aux décisions prises à Munich sans nous et contre nous. Notre point de vue vous sera expliqué par écrit. Pour le moment je n'ai rien à ajouter. Je veux seulement attirer votre attention à la nécessité de persuader le gouvernement allemand que la campagne de presse et de radio menée contre nous depuis des semaines devrait maintenant cesser, parce que, autrement, il serait impossible de réaliser paisiblement le programme établi a Munich» [2].

Посланник де Лакруа не скрывал, что согласен с заявлением министра о том, что решение было принято «contre nous» [3], и сообщил, что Даладье высказывает по этому поводу «ses vifs regrets» [4]. Ньютон заявил, что Чемберлен сделал для нас все, что мог. Франзони ничего не добавил. Министр закончил беседу так: «Я не хочу критиковать, но для нас это катастрофа, которую мы не заслужили. Мы подчиняемся и будем стараться обеспечить своему народу спокойную жизнь. Не знаю, получат ли ваши страны пользу от этого решения, принятого в Мюнхене, но мы, во всяком случае, не последние. После нас та же участь постигнет других».

Д-р *Ина*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 272—273.

[1] Имеется в виду комитет политических министров.

[2] «От имени президента республики и от имени правительства я заявляю, что мы подчиняемся решениям, принятым в Мюнхене без нас и против нас. Наша точка зрения будет вам изложена в письменном виде. В настоящее время мне нечего добавить. Я хочу только обратить ваше внимание на необходимость убедить германское правительство в том, что кампания, которая проводится в прессе и по радио против нас уже в течение нескольких недель, должна быть сейчас прекращена, так как в противном случае станет невозможным мирное осуществление программы, принятой в Мюнхене» (*фр.*).

[3] — «против нас» (*фр.*).

[4] — «свои глубокие сожаления» (*фр.*).

218. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

30 сентября 1938 г.[1]

Бенеш просил меня поставить перед правительством СССР следующий вопрос. Великие державы, даже не спрашивая Чехословакию, позорнейшим образом принесли ее в жертву Гитлеру ради своих собственных интересов. Окончательное решение формальностей предоставлено Чехословакии. Это означает, что она поставлена перед выбором либо начать войну с Германией, имея против себя Англию и Францию, по крайней мере в смысле отношений их правительств, которые также обрабатывают общественное мнение, изображая Чехословакию как причину войны, либо капитулировать перед агрессором. Еще неизвестно, какую позицию займут парламент и политические партии. Оставляя этот вопрос открытым, Бенеш хочет знать отношение СССР к этим обеим возможностям, т. е. к дальнейшей борьбе или капитуляции. Он должен знать это как можно скорее и просит ответ часам к 6—7 вечера по пражскому времени, т. е. часам к 8—9 по московскому.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 150—151.

[1] Настоящая телеграмма поступила в НКИД СССР 30 сентября 1938 г. в 17 час. 00 мин. по московскому времени. Прием и расшифровка телеграммы были закончены на 15 минут позже, чем прием и расшифровка второй телеграммы полпреда СССР в Чехословакии от того же числа, поступившей в НКИД в 17 час. 45 мин. по московскому времени, в которой сообщалось, что президент Бенеш снимает свой вопрос, так как чехословацкое правительство приняло решение о капитуляции (см. док. № 219).

219. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

30 сентября 1938 г.

Бенеш больше не настаивает на ответе на свой последний вопрос потому, что правительство уже вынесло решение принять все условия. Занятие Судетской области германскими войсками начнется завтра утром.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 152.

220. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР

30 сентября 1938 г.

Вашу первую сегодняшнюю телеграмму с вопросом Бенеша мы начали принимать в 17 часов, а вторую в 17 час. 45 мин.

Сообщите срочно, в котором часу Вам было передано Бенешем сообщение, изложенное в Вашей первой телеграмме, и когда Бенеш вам сообщил о решении правительства принять мюнхенские условия. Нас интересует, действительно ли между первым и вторым сообщениями Бенеша было принято решение правительства капитулировать и не мог ли Бенеш при обсуждении вопроса о мюнхенском предложении в правительстве сослаться на то, что он не получил от Советского правительства ответа на свой вопрос, изложенный в Вашей первой телеграмме.

В. Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 153.

221. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

30 сентября 1938 г.

Сегодня, очевидно, во исполнение вчерашнего обещания Галифакса[1] меня пригласил Кадоган и, сообщив основные пункты мюнхенского соглашения (которые, конечно, известны вам из газет), стал настойчиво спрашивать, что я о нем думаю. Я ответил, что о характере моей оценки соглашения Кадоган, вероятно, легко догадывается, и в свою очередь стал спрашивать его о некоторых деталях договора. Из ответов Кадогана, между прочим, выяснилось:

1. Чехи по мюнхенскому договору имеют право вывезти из сдаваемых районов оружие, амуницию, движимое имущество и т. д., что им запрещалось ультиматумом Гитлера, предъявленным Чемберлену 23 сентября.

2. Международная комиссия имеет право устанавливать районы, где должен быть произведен плебисцит, не

только в так называемой «зеленой зоне» на карте, приложенной к ультиматуму 23 сентября, но также в некоторой части «красной зоны».

3. Английский проект гарантии, как разъяснил мне вчера Галифакс, предусматривал в первую очередь гарантии Англии, Франции и СССР. В Мюнхене вопрос был решен иначе: предусматриваются гарантии Англии и Франции, а также (после «урегулирования» вопроса о венгерском и польском меньшинствах) Германии и Италии. Об СССР упоминания нет.

4. Вопрос о какой-либо экономической и финансовой компенсации для Чехословакии пока никем не ставился. По окончании ответа на мой вопрос Кадоган вновь стал интересоваться моим мнением о достигнутом соглашении. Тогда я решительно раскритиковал соглашение, подчеркнув, что оно окончательно открывает дорогу для развязывания новой мировой войны. Кадоган пытался защищать соглашение, но не очень энергично и в конце концов согласился с тем, что результатом Мюнхена, по всей вероятности, будут новые и гораздо более серьезные европейские осложнения в ближайшем будущем. В заключение Кадоган просил меня без стеснения обращаться к нему или Галифаксу в случае, если мне понадобится какая-либо информация или какие-либо разъяснения в связи с центральноевропейским кризисом.

Майский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 550—551.

[1] См. док. № 209.

222. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в НКИД СССР

30 сентября 1938 г.

Наш обмен нотами с американским правительством сегодня опубликован полностью по телеграммам из Москвы. Из отдельных европейских столиц были лишь краткие сообщения об обращении Рузвельта и поддержке его тем или иным правительством. Опубликованы бессодержательные ответы некоторых южноамериканцев. О содержании ноты американского правительства,

которая здесь не была оглашена в прессе, узнал только на основании телеграммы из Москвы, и получилось неплохое для нас впечатление, будто американское правительство обратилось к нам с какой-то индивидуальной нотой. Государственный департамент по-прежнему отказывается огласить список [стран], которым нота была послана, и отказывается отвечать на вопросы журналистов, послан ли был всем идентичный текст. Однако, по всей видимости, полученная нами нота была циркулярной.

Пресса в целом хотя сознает опасности, заложенные в капитуляции, но за отдельными исключениями превозносит «мир». Сегодня на приеме прессы англофильские журналисты пытались повторными вопросами спровоцировать Рузвельта на одобрение мюнхенских решений, однако он отказался реагировать. С другой стороны, он, кроме заявления Эрли, ничего больше не предпринял, чтобы отмежеваться от комплиментов по его адресу, как якобы одного из духовных отцов мюнхенской встречи, так как внутриполитически ему это не повредит. Хэлл сделал известное вам кисло-сладкое заявление о Мюнхене[1]. Похмелье здесь, по-видимому, наступит скоро, особенно в связи с германской активностью в Южной Америке. Во всех передовых кругах возмущение громадное и будет расти.

Поверенный в делах

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 551.

[1] Государственный секретарь США К. Хэлл заявил на пресс-конференции 30 сентября 1938 г., что результаты мюнхенской конференции вызывают «всеобщее чувство облегчения», и призывал удвоить усилия, направленные на мирное развитие международных отношений.

223. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

1 октября 1938 г.

Мы передаем каждое наше сообщение телеграфом и телефоном. При нынешнем состоянии связи неизвестно, что лучше и скорее. Так, наша первая телеграмма от 30 сентября 1938 г. была сдана на телеграф в

11 час. 45 мин., а по телефону мы смогли передать ее только в 17 часов. Наша вторая телеграмма была сдана на телеграф в 13 час. 40 мин.

Бенеш звонил мне по телефону и задал вопросы, изложенные в первой телеграмме, в 9 час. 30 мин., перед началом заседания правительства. Стремясь проверить истинный ход событий и получить ясное представление о ситуации, я приехал в 10 час. 30 мин. в кремль к главному секретарю Бенеша Смутному, с которым хорошо знаком. Пробыл у Смутного до 12 часов, когда он сообщил мне, что ввиду решения правительства Бенеш больше не настаивает на ответе. По словам и поведению Смутного и ген. Гусарека, которого я также видел в кремле, у меня не возникает никаких сомнений в том, что Бенеш не ссылался на неполучение ответа от СССР. Скорее наоборот: он и левая часть правительства, видимо, исходили из предпосылки, что СССР придет на помощь при первой возможности. За это говорят и вчерашние выступления по радио министра Вавречки и бывшего министра юстиции[1] Дерера, которые впервые публично заявили, что единственно верным союзником Чехословакии до конца остался только СССР. Подобное же заявление, но не по радио, сделал Беран, вождь аграриев. Все трое участвовали в заседании министров, о котором идет речь.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Новые документы из истории Мюнхена». М., 1958, с. 154—155.

[1] В документе — внутренних дел.

224. Заявление Коммунистической партии Чехословакии

1 октября 1938 г.

Вчерашний день останется записанным черными буквами в истории республики и народа. Нам был нанесен тяжелый удар. И нет оснований для того, чтобы оправдать чем-нибудь этот факт. Перед лицом страшной действительности мы спрашиваем: как это стало возможным, как могло такое случиться? И все же причины ясны. Это результат постоянных уступок агрессору на международной арене. Такую политику вела буржуазия Англии и Франции в своих классовых капиталисти-

ческих интересах. Это результат постоянных уступок ирредентистским агентам иноземного фашизма во внутренней политике, которую чехословацкая буржуазия вела в своих классовых интересах.

На международной арене один только Советский Союз последовательно боролся против этой политики. И только один Советский Союз в тяжелые минуты решительно поддержал Чехословакию. А внутри страны только мы, коммунисты, боролись против политики уступок фашистским ирредентистам и в течение длительного времени заявляли о необходимости решительных мер и решительной защиты республики до конца. Эти силы остались в одиночестве как в международной, так и во внутренней политике, в которой представители политических партий не сумели выполнить задачу, поставленную перед ними историей,— своевременно объединиться, отбросить в сторону все узкопартийные интересы, впитать в себя боевой дух народа, последовательно защищать республику на передовой линии обороны.

Но теперь необходимо понять, что ударом, нанесенным нам, борьба за республику не окончена. Ведь для агрессора главное не Судеты [...][1] и тем самым об овладении всем миром. Это относится и к сегодняшнему дню. Поэтому необходимо подготовиться к новым ударам, к новым коварным маневрам. События по-прежнему будут развиваться очень быстро.

Борьба за республику, борьба за демократию, борьба за национальную независимость не закончена, решающие бои еще впереди. Сегодня эти бои будут вестись в более трудных условиях, чем раньше. Для того чтобы в трудных условиях вести эту борьбу, необходимо любой ценой сохранить и углубить полное духом боевой решимости единство народа и армии. Необходимо быстро преодолеть все то, что на этом первом этапе борьбы оказалось слабым, колеблющимся, нерешительным или даже предательским. Необходимо, чтобы весь народ и вся нация были твердыми, как кремень, о который разбились бы новые удары, которые нам угрожают. Этой задаче мы должны сегодня отдать все наши силы.

Печат. по сб. «Chtěli jsme bojovat. Dokumenty o boji KSČ a lidu na obranu Československa 1938». Praha 1963, str. 387—388.

[1] Конфискованный цензурой текст восстановить не удалось.

225. Из телеграммы полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

1 октября 1938 г.

Из кругов министерства иностранных дел я узнал, что в Мюнхене чехословацкие наблюдатели выразили Чемберлену свое недоумение, почему он подсказал Чехословакии мобилизацию, а также публично заявил в достаточно ясной форме, что Англия и Франция совместно с СССР выступят против Германии, если Гитлер применит силу для решения судетского вопроса, а теперь открыто пожертвовал всеми интересами Чехословакии и требует отвода и демобилизации только что мобилизованной армии. Чемберлен ответил с циничной откровенностью, что все это не принималось им всерьез, а было лишь маневром для оказания давления на Гитлера, другими словами, это был контрблеф Чемберлена. Со слов Мастного, рассказывают, что в Мюнхене обращение с чехословацкими наблюдателями было грубо издевательским, причем наглее других держал себя Даладье. [...]

Полпред

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 23.

226. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

1 октября 1938 г.

Гусарек сообщил мне дополнительно, что на заседании совета министров было ясно и точно сформулировано также такое утверждение: в Мюнхене Гитлеру удалось убедить Чемберлена и Даладье, что в данной ситуации бóльшую опасность для мира в Европе представляет не он, а СССР, который объективно является большевистским форпостом и может сыграть роковую роль поджигателя новой войны. Следовательно, это убеждение явилось не формальным, но фактическим основанием для создания блока четырех против СССР. Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого начнется война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой. Возможно, что СССР и победит, но Чехословакия так или иначе будет сметена

и будет вычеркнута с карты Европы. Эти утверждения сыграли большую роль в деле принятия правительством прямого решения. Массы спонтанно вышли на улицу, однако общее настроение подавленное. Акты сопротивления завтра вполне возможны, но, пожалуй, как акты отчаяния.

Полпред

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 24.

227. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

1 октября 1938 г.

Министр иностранных дел Крофта сообщил, что, по его сведениям, Польша готовит, возможно еще ночью, нападение с целью занятия Тешинской области силой. Ведется подготовка, чтобы возложить ответственность на Чехословакию, как нападающую сторону. Польское телеграфное агентство распространило слух об инциденте на границе, во время которого чехи якобы стреляли в поляков. Это явная ложь. Такого инцидента не было. В половине 12-го ночи 30 сентября польский посланник явился к Крофте и передал ноту, в которой предъявляются ультимативно следующие требования.

Уступить три района в Силезии — Фрейштадт, Тешин, Яблунков — в три приема; на карте нанесены три зоны, из которых первая должна быть передана в течение 24 часов, вторая — в следующие 24 часа, третья — через 6 дней.

Намечен еще один участок, в котором должен быть проведен плебисцит; заранее отвергается международный контроль над плебисцитом.

Ответ требуют завтра, 1 октября, в 12 часов дня; начала передачи первой зоны требуют завтра же в 14 часов.

Нота содержит весьма оскорбительную фразу: в связи с рядом обстоятельств, а также в связи с тем, что польское правительство уже не может верить заявлениям, сделанным от имени Чехословацкой республики, ясно, что оно должно чувствовать себя вынужденным принять меры к осуществлению чехословацкого обещания.

Правительство будет решать вопрос о своем ответе утром 1 октября, на заседании в 9 часов[1]. Части войск, расположенные в Тешинской области, не получали приказа об отступлении. По сообщению Ины, главного секретаря Крофты, столкновение неизбежно. Выступление Польши является гитлеровской провокацией, совершаемой несмотря на то, что в мюнхенском соглашении Гитлер подписался под решением дать три месяца для урегулирования вопроса о польском и венгерском меньшинствах и сделать его предметом обсуждения четырех держав, если не будет достигнуто чешско-польское соглашение.

Полпред

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 21—25.

[1] В тот же день 1 октября полпред С. С. Александровский телеграфировал в НКИД СССР: «В 11 час. 45 мин. узнал из канцелярии президента, что правительство капитулировало и перед польским ультиматумом. Сегодня начинается передача Тешинской области Польше. Выявляется, что несколько министров подало в отставку еще 28-го в знак протеста против капитулянтских тенденций правительства».

228. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР

2 октября 1938 г.

1. Утром 30 сентября, когда в Лондоне стали известны условия мюнхенского соглашения, я поехал к Масарику выразить мое глубокое сочувствие народам Чехословакии и мое глубокое возмущение предательством Англии и Франции в отношении Чехословакии. Масарик — высокий, крепкий, в обычных условиях несколько циничный мужчина — упал мне на грудь, стал целовать меня и расплакался, как ребенок. «Они продали меня в рабство немцам,— сквозь слезы восклицал он,— как когда-то негров продавали в рабство в Америке».

2. Вчера я имел длинный разговор с Ллойд-Джорджем, во время которого последний, между прочим, рассказал мне, что дней десять назад, в самый разгар кризиса, Болдуин посетил Чемберлена и сказал ему: «Вы должны избежать войны ценой любого унижения». И дальше Болдуин остановился на неподготовленности

Англии к войне, на слабости ее вооружений, на организации противовоздушной обороны, на вопиющей нехватке зенитной артиллерии и т. д. В заключение Болдуин прибавил: «Если начнется война и все эти дефекты обнаружатся, то возмущенная публика просто повесит нас с Вами на фонарных столбах». Ллойд-Джордж убежден, что разговор с Болдуином сыграл немалую роль в подготовке мюнхенской капитуляции.

3. Ближайшая перспектива рисуется Ллойд-Джорджу в очень мрачном виде. Западные «демократии» понесли жестокое поражение. Франция окончательно стала второстепенной державой (Ллойд-Джордж считает Даладье слабым человеком, а Бонне просто изменником, поддерживающим преступные связи с германским правительством).

4. Лига наций и коллективная безопасность мертвы. В международных отношениях наступает эпоха жесточайшего разгула грубой силы и политики бронированного кулака. В Англии царит глубокая реакция и у власти стоят наиболее консервативные круги буржуазии, боящиеся прежде всего коммунизма. Чемберлен, который сейчас добился осуществления своей мечты — «пакта четырех» (о ней Ллойд-Джордж говорил мне больше года назад) — и роли «умиротворителя» Европы, несомненно, постарается извлечь выгоду из нажитого им политического капитала. Поэтому надо ждать в самом близком будущем новых выборов, которые, судя по всем признакам, еще на четыре-пять лет закрепят господство самых черносотенных элементов британских правящих классов. Единственным светлым пятном на этом мрачном фоне остается только СССР, к которому отныне еще больше, чем раньше, будут обращаться взоры всех прогрессивных и демократических кругов человечества. Бёрджин, которого я видел вчера и сегодня, заявляет, что в завтрашних парламентских дебатах по мюнхенскому соглашению лейбористская партия выступит с решительной критикой английского правительства и лично Чемберлена. Имеются сведения, что против правительства также будут выступать Черчилль, Эмери, вероятно, Иден и некоторые другие консерваторы. Наоборот, сторонники Чемберлена подготавливают ему на завтрашнем заседании овацию.

5. Настроения в стране понемногу начинают меняться. В первые два дня широкие обывательские массы

были полны самого необузданного восторга по поводу того, что удалось избежать войны, хотя в более серьезных политических кругах, в том числе среди консерваторов, сразу же обнаружились беспокойство и опасение в связи с условиями и обстановкой мюнхенского соглашения. Весьма любопытно, что «Дейли телеграф» и пресса Бивербрука с самого же начала взяли трезвый и даже критический тон. Вся «левая» пресса («Манчестер гардиан», «Дейли геральд», «Ньюс кроникл», «Экономист» и др.) немедленно же атаковала с различной степенью категоричности «договор четырех». Сейчас обыватель начинает несколько успокаиваться, а сомнения и протесты со стороны более сознательных элементов возрастать. В этом отношении характерна отставка морского министра Даффа-Купера, вызванная его несогласием с политикой Чемберлена. Тем не менее не подлежит, конечно, никакому сомнению, что премьер-министр имеет сейчас за собой не только подавляющее большинство консервативной партии, но также и подавляющее большинство избирателей. Если бы новые выборы произошли в ближайшие недели, Чемберлен мог бы твердо рассчитывать на сохранение, а может быть, даже и на увеличение нынешнего большинства в парламенте.

Полпред

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 29—31.

229. Сообщение ТАСС

2 октября 1938 г.

Парижский корреспондент агентства Юнайтед Пресс сообщает в Нью-Йорке, что будто бы правительство СССР уполномочило Даладье выступать на конференции четырех держав в Мюнхене от имени СССР. ТАСС уполномочен сообщить, что Советское правительство никаких полномочий г-ну Даладье, разумеется, не давало, равно как не имело и не имеет никакого отношения к конференции в Мюнхене и к ее решениям. Означенное сообщение агентства Юнайтед Пресс является нелепой выдумкой от начала до конца.

Печат. по газ. «Известия» № 230 (6697), 2 октября 1938 г.

230. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР

3 октября 1938 г.

Александровский сообщает о введении строгого полицейского контроля за деятельностью советского представительства. Потемкин хотел, чтобы я узнал причину. Он добавил, что советское представительство, естественно, не несет никакой ответственности за недавние демонстрации. Представительству снова даны указания сохранять сдержанность и осторожность. У меня такое впечатление, что здесь боятся возможных внутренних изменений у нас. Они сделают лояльно все, чтобы внести свой вклад в дело нашей консолидации и для поддерживания хороших отношений со всеми демократическими партиями.

Конфиденциально для г-на президента Бенеша.

Было бы хорошо, если бы вопрос о коммунистах был обсужден в духе примирения между левыми партиями [1]. Насильственная акция, хотя она и будет, возможно, навязываться немцами, может быть воспринята как конец демократического режима. Прошу обратить на это внимание Гампла.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 565—566.

[1] Правительство Сырового начало проводить политику репрессий против прогрессивных сил Чехословакии. 9 октября была запрещена деятельность КПЧ в Словакии, а 20 октября — в чешских областях.

231. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

3 октября 1938 г.

Полицейский контроль над лицами, входящими в полпредство, был снят вчера в час ночи. Несмотря на это, я был с протестом у Крофты, который приносил всяческие извинения за вчерашнюю полицейскую меру против полпредства. Уверял, что министр внутренних дел, которого Крофта вчера лично известил о происходящем, якобы ничего не знал и немедленно распорядился об отмене этого полицейского безобразия. В связи с этим Крофта

ссылался на наличие серьезного расстройства всего государственного аппарата. Говорил о парализации жизни всей страны, об опасности интриг и злоупотреблений со стороны «безответственных элементов». Тепло говорил о моральной поддержке, которую чехословацкий народ нашел в честной и последовательной позиции СССР, готового выполнить свои обязательства и оказать помощь, не прячась от ответственности и последствий.

Переходя к оценке создавшегося положения, Крофта прямо сказал, что Чехословакия превращена в фикцию, государство без всякого значения, без собственной линии поведения. Недалеко то время, когда она превратится в безвольный придаток Германии. Фактически вся ее внутренняя политика уже отменена в Мюнхене. Она будет нейтрализована при гарантии четырех, которой не может верить.

Полпред

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 31.

232. Сообщение ТАСС

4 октября 1938 г.

В официозе министерства иностранных дел Чехословакии «Прагер прессе» от 30 сентября под заголовком «Париж — Лондон — Москва» помещено сообщение парижского корреспондента названного органа, будто бы правительства Франции и Англии регулярно информировали правительство СССР о положении чехословацкого вопроса, причем между г. Бонне и т. Сурицем, г. Галифаксом и т. Майским происходили будто бы длительные совещания по этому вопросу. Отсюда корреспондент «Прагер прессе» заключает, что мюнхенская конференция «представляет собой не просто пакт четырех».

ТАСС уполномочен заявить, что вышеприведенное сообщение корреспондента «Прагер прессе» совершенно не соответствует действительности. ТАСС уполномочен сообщить, что при встречах г. Бонне с т. Сурицем и г. Галифакса с т. Майским, имевших место в последнее время, обоим полпредам СССР сообщалась лишь такая информация, содержание которой не выходило за рамки

сведений, публикуемых в ежедневной прессе. Никаких совещаний и тем более соглашений между правительствами СССР, Франции и Англии по вопросу о судьбах Чехословацкой республики и об уступках агрессору не происходило. Ни Франция, ни Англия не консультировались с СССР, а лишь сообщали правительству СССР о совершившихся фактах. К конференции в Мюнхене и ее решениям, как было уже заявлено в сообщении ТАСС от 2 октября с. г., Советское правительство никакого отношения не имело и не имеет.

Печат. по газ. «Известия» № 232 (6699), 4 октября 1938 г.

233. Телеграмма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

5 октября 1938 г.

Переговоры в Берлине [1] застыли на мертвой точке, поскольку на практике немцы возвращаются к годесбергской линии и выражают крайние точки зрения военных, в то время как в Мюнхене была задумана этнографическая линия преимущественно с немецким населением. Мы предложили, чтобы к 10 октября были заняты области с 75 процентами немцев, но Берлин хочет немедленно 51 процент по состоянию на 1918 г. или на 1910 г., что является периодом, когда германизация у нас достигла апогея. Переговоры пока не ведутся, но время торопит, поскольку существуют опасения, что после 7 октября немцы силой оккупируют все, что захотят, без соглашения с нами. Помощь послов до сегодняшнего дня чрезвычайно слаба и неэффективна. Здесь имеются толкователи мюнхенского соглашения, в смысле для нас неблагоприятном. Ситуация здесь крайне серьезная, ожидаем инструкций из Праги.

Мастный

Печат. по арх.

[1] Имеются в виду заседания международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения (об учреждении этой комиссии см. док. № 216).

234. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

6 октября 1938 г.

I. 10 сентября утром я представил министру иностранных дел д-ру Крофте, а затем и президенту республики информацию о партийном съезде в Нюрнберге, с которого я вернулся в Берлин двумя днями ранее, не дождавшись, как и посол Франции, заключительного выступления рейхсканцлера, объявленного на понедельник, 12 сентября.

Я рассказал г-ну президенту о своих исключительно пессимистических впечатлениях и подчеркнул резко враждебный Чехословакии дух заявлений с угрозами прямого вмешательства. Это проявилось как в личной позиции рейхсканцлера, избегавшего обсуждения каких-либо политических вопросов с главами миссий, так и в песне «Arbeitsdienst», которую исполняли в Нюрнберге 42 тыс. человек и припевом которой было: «Was deutsch sein will, muss Deutschland gehören»[1]. Более подробно я сообщил о своих беседах с некоторыми членами дипломатического корпуса, которые в большинстве своем под впечатлением силы Германии и ее организованности, проявившейся в Нюрнберге, поддались крайнему пессимизму. Я предлагал немедленно провести переговоры и принять все условия Генлейна в отношении автономии судетских немцев еще до выступления Гитлера, намечавшегося на понедельник.

Г-н президент вручил мне уже подготовленный текст своего выступления по радио с указанием дать замечания. После внимательного ознакомления с текстом выступления я вернулся к г-ну президенту и обратил его внимание на ряд мест, которые, по моему мнению, следовало бы несколько изменить. В основном же я просил его, и весьма настойчиво, чтобы выступление вылилось в ясное, однозначное заявление, что наша республика будет в самом ближайшем будущем перестроена на основе принципа равноправия граждан, полного равноправия всех национальностей, широкой автономии судетских немцев. Г-н президент сначала отверг мою инициативу с ссылкой на то, что все это уже содержится в так называемом четвертом плане, потом, однако, обещал еще раз подумать об этом. Уходя, я сказал, что на его месте именно в эту критическую минуту, накануне выступления Гитлера, я бы непременно выступил с таким ясным заявле-

нием. Прощаясь с секретарем президента д-ром Дртиной, я высказал опасение, что президент не примет мое предложение, которое я считаю очень важным.

II. После выступления рейхсканцлера в понедельник (12 сентября), содержавшего нападки и угрозы в адрес президента, я получил по телефону указание министра иностранных дел пока не возвращаться в Берлин. В ожидании последующих распоряжений я трижды просил, чтобы меня принял г-н президент. Однако в эти дни, когда события развивались стремительно, президент принять меня не смог. Об этих событиях (т. е. франко-британских предложениях, нашем ответе, наконец, об их принятии, о годесбергском меморандуме и нашем новом ответе с контрпредложением) я получал только отрывочные сведения в Чернинском дворце. Там мне не удалось обстоятельно побеседовать с министром иностранных дел, который был чрезвычайно занят в связи с неотложными встречами с главами иностранных миссий и с участием в заседаниях совета министров; поэтому у меня с ним состоялись лишь краткие беседы 13 и 14 сентября. Полученная мной информация по-прежнему была неполной; в условиях спешки и бурного развития событий не все тексты соответствующих нот доходили до меня, несмотря на искреннее желание ответственных лиц в Чернинском дворце, крайне перегруженных работой, удовлетворить мои ежедневные запросы, с которыми я обращался при личных встречах и по телефону.

III. Только утром 29 сентября меня пригласил г-н президент и дал указание немедленно вылететь в качестве «наблюдателя» в Мюнхен на конференцию четырех держав, т. е. глав правительств Гитлера, Муссолини, Чемберлена и Даладье. Заверив г-на президента в своей готовности выполнить любое его поручение, тем не менее я не спешил получить мандат, с одной стороны, потому, что нынешняя ситуация складывалась в то время, когда я не выполнял своих служебных обязанностей; с другой стороны, я должен был спросить себя, смогу ли я быть в какой-то мере полезным в Мюнхене, не будучи полностью информирован о дипломатических нотах и акциях за последние две недели. Г-н президент сказал, что «наблюдатель» направляется исключительно по желанию Англии. Что же касается моей неинформированности, то вместе со мной в Мюнхен вылетает обо всем информированный легационный советник д-р Г. Масаржик, который непосред-

ственно сам вел ряд переговоров с миссией лорда Рейсимена и знает нынешнюю проблему во всех деталях. Я попросил разрешить мне прежде, чем принять решение, проконсультироваться с посланником Ньютоном. Посланник Ньютон, которого я сразу же посетил, показал мне полученные им инструкции и обратил мое внимание на то, что речь идет о таком мандатарии, который должен лишь присутствовать в Мюнхене (а не на самой конференции) и который должен быть наготове и уполномочен в случае необходимости выступить от имени правительства с соответствующим заявлением, а не о наблюдателе как таковом. При этом он заметил, что в мои функции будет входить не что иное, как только присутствие в качестве наблюдателя. Он уговаривал меня принять мандат, подчеркивая, что в Мюнхене будут присутствовать также главы французского, английского и итальянского представительств в Берлине.

Сообщив по телефону г-ну президенту, что я принимаю его поручение, и попросив легационного советника д-ра Масаржика подготовить все необходимые материалы, я вылетел с ним в Мюнхен. Прибыв в Мюнхен и разместившись в гостинице «Регина», где проживала и английская делегация, я сразу же попытался добиться встречи с Чемберленом и Даладье. Однако из этого ничего не получилось, так как конференция шла уже полным ходом в «Коричневом доме». Во второй половине дня Чемберлен через секретаря посольства Киркпатрика, которого я хорошо знаю, направил мне из «Коричневого дома» записку, чтобы я оставался в гостинице и был готов встретиться с ним до ужина или после ужина, как только он вернется из «Коричневого дома» в гостиницу. Киркпатрик рассказал мне, что конференция в целом проходит спокойно, правда, германская сторона настаивает на своей позиции, однако Чемберлен делает все, что может пойти нам на пользу. Я просил Киркпатрика выразить нашу благодарность и просьбу, чтобы Чемберлен и Гендерсон и далее отстаивали наши интересы на конференции. Киркпатрик сказал, что конференция, очевидно, закончится уже сегодня вечером. (Даладье на переданную ему мою визитную карточку никак не реагировал.)

Легационный советник д-р Масаржик, живший в гостинице на другом этаже, тем временем пытался связаться с Эштон-Гуэткиным, которого хорошо знал по Праге, и с членами французской делегации в гостинице «Четыре

времени года», куда, по имеющимся сведениям, ушел также представитель нашего информационного агентства. Моя попытка переговорить по телефону с французским послом Франсуа-Понсе тоже ни к чему не привела, поскольку он присутствовал на конференции в «Коричневом доме». Тем временем к нашей делегации присоединился прибывший из Лондона д-р Лисицкий.

После получения записки Чемберлена не оставалось ничего другого, как только ждать. Около 10 часов вечера мне позвонили по телефону и пригласили в одну из комнат английской делегации, где Эштон-Гуэткин (с которым до тех пор я лично не был знаком) предложил нам карту с обозначением оккупационных судето-немецких границ, о которых было принято решение на конференции.

Д-р Масаржик настойчиво разъяснял Эштон-Гуэткину, где и какой ущерб наносит нам предлагаемая граница. Мы оба выразили горькое разочарование также в связи с тем, что, как нам было сказано, имеется в виду оккупацию начать немедленно. Я просил Гуэткина, как перед тем Киркпатрика, продолжать действовать в наших интересах и высказал сомнение относительно того, сможет ли Чехословакия принять такой план. На это Гуэткин возразил, что для Чехословакии вообще не стоит вопрос о том, чтобы предлагаемое соглашение не принять или подвергнуть его какому-либо обсуждению. Речь идет лишь о выполнении Чехословакией уже принятых ею обязательств при гарантии четырех держав. «That's simply to be accepted or — you know what I mean»[2],— сказал Гуэткин, давая тем самым понять, что соглашение будет осуществлено без нас и против нас[3]. На это я не мог заявить ничего другого, как только то, что, следовательно, нам предоставляется выбор между убийством и самоубийством.

В 1 час 15 мин. ночи я (вместе с д-ром Масаржиком) был приглашен в апартаменты Чемберлена, где находились Чемберлен, Даладье, сэр Горас Вильсон, Леже и Гуэткин. Чемберлен, явно очень уставший, в нескольких фразах подчеркнув, что честно (honestly) делал для нас все, что мог, вручил мне текст соглашения на немецком языке, обратив особое внимание на приложение, в котором говорилось о гарантиях новых границ Чехословакии со стороны великих держав. Я читал вслух соглашение (в это время с улицы доносилось неистовое ликование

людей), и мы вместе с д-ром Масаржиком задавали вопросы относительно отдельных статей. Нам отвечал Леже. Мы получили заверение, что делегат Чехословакии на заседаниях международной комиссии в Берлине будет иметь равные права с остальными представителями великих держав. Что касается международных воинских частей, создаваемых для наблюдения за плебисцитом, о которых упоминается в статье 5, то, как нам было сказано, более конкретное решение примет международная комиссия, однако речь может идти только о не немецких, нейтральных военных или полувоенных формированиях. Относительно отклонений от этнографических границ (в ст. 6) нам было сказано, что речь может идти лишь об отдельных, незначительных изменениях. После прочтения всего соглашения я заявил, что передам его в Праге на рассмотрение министра иностранных дел и президента республики. На это Чемберлен заметил: «There is no reply expected»[4]. Он вновь заверял, что сделал абсолютно все возможное, и еще раз указал на обещанную гарантию. Я выразил Чемберлену надежду, что Англия и Франция будут учитывать наши жизненные интересы, как это было обещано в англо-французских предложениях. Получив заверения, что так и будет, я поблагодарил г-на Чемберлена и сказал, что данная минута — самая тяжелая в моей жизни. Чемберлен ответил, что для него эта минута тоже самая тяжелая. Далаадье во время передачи нам нашего приговора молчал. Передача соглашения и связанная с этим беседа продолжались не более получаса.

Выходя из салона Чемберлена, в соседней комнате я встретил посла в Берлине Гендерсона и Киркпатрика. Посол Гендерсон предлагал мне не возвращаться в Прагу, которая будет немедленно информирована о тексте соглашения телеграфом. Он предлагал вместе с ним и послами Франции и Италии отправиться прямо в Берлин на открытие заседаний международной комиссии, которое должно состояться уже в 5 часов вечера. При этом необходимо присутствие чехословацкого делегата, а также обязательно военного представителя, поскольку будут решаться вопросы оккупации, которая должна начаться уже в субботу, т. е. завтра, 1 октября. Я ответил, что в любом случае должен передать соглашение на рассмотрение президента республики и что вообще едва ли смогу далее представлять Чехословакию в Берлине. Гендерсон

сказал, что речь идет лишь о выборе между принятием приглашения на берлинскую конференцию и отказом от участия в ее работе, что, по его мнению, немыслимо, ибо мы уже взяли на себя обязательства, которые теперь следует выполнять. Что касается меня, то Гендерсон наверняка повторял соответствующие высказывания находящихся в Мюнхене фельдмаршала Геринга и барона Нейрата. Из этих высказываний он делал вывод о необходимости моего личного участия в работе конференции.

IV. В 6 часов утра мы вместе с д-ром Масаржиком вылетели в Прагу. Сразу же по прибытии около 8 часов утра я информировал министра иностранных дел д-ра Крофту, а затем г-на президента республики, который отложил принятие решения до совещания с советом министров и политическими партиями. Я обратил внимание на то, что в Мюнхене особо была подчеркнута необходимость присутствия нашего военного представителя на предстоящем сегодня открытии конференции в Берлине. Около часа дня я получил по телефону указание президента взять на себя функции члена международной комиссии в Берлине, куда я вылетел в 5 часов дня с посланником Кюнцль-Изерским и ген. Гусареком, являющимися также членами нашей делегации, и несколькими выделенными для нее экспертами.

Мастный

Печат. по арх.

[1] «Что хочет быть немецким, должно принадлежать Германии» (*нем.*).

[2] «Это просто следует принять или... вы знаете, что я имею в виду» (*англ.*).

[3] В отчете другого члена чехословацкой делегации в Мюнхене, сотрудника канцелярии министра иностранных дел ЧСР д-ра Г. Масаржика, указывается, что Эштон-Гуэткин заявил ему и Мастному буквально следующее: «Если вы этого не примете, то вы будете улаживать ваши дела с Германией в полном одиночестве. Может быть, французы будут выражаться более любезным языком, но я заверяю вас, что они разделяют нашу точку зрения. Они в свою очередь отстранятся».

[4] «Ответа не требуется» (*англ.*).

235. Воззвание представителей коммунистических партий Франции, Великобритании, Испании, Чехословакии, США, Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Канады, Голландии

9 октября 1938 г.[1]

30 сентября в Мюнхене совершено преступление против всеобщего мира: господа Чемберлен и Даладье пожертвовали независимостью Чехословакии и безопасностью народов ради спасения фашистских агрессоров. Мюнхенское преступление дополняет собой длинный перечень капитуляций перед поджигателями войны из фашистского лагеря.

Чудовищный акт, освятивший расчленение Чехословакии, является продолжением политики сообщничества, поощрившей Муссолини на завоевание Абиссинии. Он является продолжением политики попустительства, позволившей Гитлеру в нарушение международных обязательств оккупировать демилитаризованную Рейнскую зону.

Этот акт — продолжение позорной политики, усвоенной французским и английским правительствами по отношению к республиканской Испании, где под предлогом «невмешательства» допускалась и покрывалась вооруженная интервенция германских и итальянских фашистов.

Этот акт — продолжение капитулянтской политики, проводившейся правительствами Англии и Франции в момент аннексии Гитлером Австрии, независимость которой они гарантировали.

Этот акт — продолжение политики ослабления Лиги наций, от которой народы ожидали охраны мира и бессилие которой они теперь констатируют, результат нарушения международных обязательств правительствами Англии и Франции.

Нет, народы не хотели этого!

Народы хотят жить в условиях свободы и мира; они не желают ни фашистского рабства, ни империалистической бойни и спрашивают себя, как могло дойти дело до такого множества капитуляций перед фашизмом, ставящих под угрозу в одно и то же время демократию, социальный прогресс и всеобщий мир.

Охрана мира играет лишь ничтожную роль в расчетах правящих кругов капиталистических стран.

Чего они прежде всего хотят — это сохранить в неприкосновенности свои привилегии. И мюнхенский акт знаменует волю крупных капиталистов Англии и Франции, которым услужают Чемберлен и Даладье, спасти фашизм, в котором они видят гарантию своих классовых интересов, более важных для них, чем интересы нации.

Неслыханное предательство Чемберлена было направлено не только против Чехословакии, которую выдали Гитлеру, но и против Франции, которую фашистские агрессоры стремятся изолировать, чтобы затем ее разгромить.

Против республиканской Испании, которой хотели бы уготовить участь Чехословакии;

Против всех малых стран, закабалить которые стремятся хищные правительства;

Против демократии и социальных завоеваний, которые хотят уничтожить в Англии, Франции и в других странах;

Против Советского Союза, в лице которого трудящиеся всех стран и малые государства, существованию которых грозит опасность, видят оплот всеобщего мира.

Мюнхенское предательство не спасло мир, а лишь поставило его под угрозу, ибо оно нанесло удар союзу сил мира во всех странах и поощрило фашистов тем больше усугубить свои требования, что они чувствуют теперь поддержку со стороны реакционных кругов различных стран.

Но позорный мюнхенский акт, с которым Гитлер и Муссолини себя цинично поздравляют, мог быть осуществлен лишь в результате подлой провокации, которую надо разоблачить перед всем цивилизованным миром.

Мобилизацию во Франции и Англии использовали для того, чтобы запугать население, довести до крайнего напряжения страх перед войной, дабы измена делу мира была воспринята народами как некое облегчение.

Если трудящиеся массы во всех странах знают, что слово «фашизм» — это синоним кабалы и войны, если они доказали свою волю не уступать тому шантажу с помощью военной угрозы, к которому прибегли правительства Берлина и Рима, то Чемберлен, а за ним и Даладье своим мюнхенским предательством хотели дать Гитлеру и Муссолини возможность сделать вид, будто они пошли на жертвы делу мира, тогда как фактически перед ними отступили по всей линии.

В то же время с целью замаскировать свою измену делу мира мюнхенские капитулянты организуют гнусную кампанию против подлинных защитников мира, обвиняя их в стремлении к войне.

А теперь мюнхенские капитулянты хотят выдать Испанию фашизму.

В то время как испанский народ на протяжении двух с лишним лет, терпя невыносимые страдания, защищает свою свободу, свое отечество от фашистских захватчиков;

В то время как этот героический народ, несмотря на позорную политику так называемого невмешательства, победоносно сопротивляется лучше вооруженным фашистским армиям;

В то время как в Риме и Берлине уже теряют надежду сломить сопротивление республиканской Испании,— мюнхенские капитулянты готовятся теперь превратить Испанию в новую Чехословакию и выдать ее Муссолини и Гитлеру.

Мюнхенское предательство можно было бы предотвратить, если бы все силы рабочего класса были объединены в дружной борьбе за хлеб, мир и свободу.

Мюнхенское предательство можно было бы предотвратить, если бы многочисленные настойчивые призывы Коммунистического Интернационала об установлении единства действий не были отвергнуты Социалистическим интернационалом.

Мюнхенское предательство можно было бы предотвратить, если бы все международные рабочие организации сомкнулись в единый боевой фронт и если бы присоединение советских профсоюзов к Международному объединению профсоюзов не было отклонено реакционными вождями этой организации.

Мюнхенское предательство можно было бы предотвратить, если бы резолюции Социалистического интернационала и Международного объединения профсоюзов, которые все же высказываются против фашизма, были проведены в жизнь, если бы у них не проявлялось на каждом шагу противоречие между словами и делами.

Мюнхенское предательство, покрывшее позором всех тех, кто с ним согласился, свидетельствует о воле крупных капиталистов перейти в наступление на трудящиеся массы во всех странах, чтобы уничтожить социальные завоевания, посягнуть на демократические свободы и навязать народам политику порабощения и войны.

Пролетарии всех стран, вы, чьим средствам к существованию, чьей свободе, чьей жизни угрожает фашизм,— объединитесь, ибо от вашего сплочения зависит ваше победоносное сопротивление.

Трудящиеся коммунисты и социалисты! Боритесь сообща против вашего общего врага.

Несмотря на мюнхенское предательство, дело мира не проиграно.

Во всех странах уже нарастает гнев народов против предательства, уже повсюду силы мира, которые, как сказал президент США Рузвельт, составляют подавляющее большинство человечества, видят в лице Советского Союза, всегда соблюдающего свои обязательства, великую надежду цивилизации и оплот мира.

Теперь необходимо организовать эти гигантские силы, которые нельзя будет разбить ни материально, ни морально, если они станут едины.

Горе тому, кто рискнет воспротивиться этому необходимому сплочению, реализации которого трудящиеся должны неустанно и безостановочно отдавать свои силы.

Рабочие, крестьяне, интеллигенты, мужчины и женщины, молодежь, сторонники свободы и мира!

Боритесь шаг за шагом в защиту ваших социальных завоеваний и ваших свобод, показывая таким образом путь всем тем, кто не желает фашистской кабалы.

Боритесь в защиту мира, защищая республиканскую Испанию, каждый день сопротивления которой является победой над мюнхенским насилием.

Встаньте все, как один, чтобы предотвратить новое преступление!

Защитим Испанию — оплот свободы и мира!

Долой иностранную интервенцию в Испании! Испания для испанцев!

Таков боевой клич всех сторонников мира, желающих удаления германских и итальянских захватчиков из пределов Испании.

Повсюду в городах и деревнях наших стран трудящиеся, став грудью против мюнхенских капитулянтов и предателей, должны дать великую битву за мир.

Бороться за мир — значит пробуждать гнев масс против тех, кто желает уничтожить Испанскую республику после выдачи Чехословакии фашизму.

Бороться за мир — значит сплачивать широкие народные массы для грандиозной кампании солидарности с

испанским народом, жертвы которого равняются лишь его героизму.

Бороться за мир — значит посредством широких народных выступлений заставить правительства:

1) Осуществить действительную эвакуацию итальянских и германских оккупационных войск из Испании;

2) Применить санкции к фашистским агрессорам;

3) Прекратить блокаду республиканской Испании и применить по отношению к ней международное право.

К выполнению этих почетных задач мы призываем трудящихся, которые сумеют пустить в ход все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы заставить отступить силы социального регресса и войны и, объединившись для борьбы, дать сигнал к сплочению широких народных масс.

При первых же попытках «мюнхенских» политиков учинить над Испанией то, что они совершили с Чехословакией, должен повсюду громко зазвучать протест народа, народа, решившего ни перед чем не отступать, чтобы не допустить это новое преступление против мира.

Трудящиеся всех стран!

Против мюнхенского предательства и позора!

За мир народов на основе достоинства и независимости!

За защиту демократии, социального прогресса и интересов народа!

Мы призываем вас всеми силами бороться за то, чтобы принудить лидеров Социалистического интернационала и Международного объединения профсоюзов созвать ту конференцию, от устройства которой они, игнорируя интересы трудового человечества, до сих пор отказывались: международную конференцию для организации борьбы против фашизма́ и войны, для защиты Чехословакии и для спасения Испании и мира.

Пусть повсюду, начиная от самой маленькой деревни и кончая крупнейшими городами, организуются силы мира!

Пусть в каждой стране сплотятся все защитники мира!

Пусть повсюду будет организована защита героической Испании!

Пусть повсюду проявится действенная солидарность с испанским народом, которому надо дать хлеб, платье и т. п., дабы он мог продержаться и победить.

Нет, фашизм не пройдет!

Нет, силам войны не восторжествовать над силами мира!

Народы Франции, Великобритании и США, опирающиеся на Советский Союз, представляют ту силу мира, которая увлечет за собою малые страны и внушит доверие принесенной в жертву Чехословакии и истерзанным народам Германии и Италии.

Чтобы выиграть великую битву мира, мужчины и женщины — сторонники мира, соединяйтесь!

От имени КП Франции: *Морис Торез*
От имени КП Великобритании: *Гарри Поллит*
От имени КП Испании: *Хозе Диас, Долорес Ибаррури (Пасионария)*
От имени КП Чехословакии: *К. Готвальд*
От имени КП США: *Эрл Браудер*
От имени КП Германии: *Вильгельм Пик*
От имени КП Италии: *П. Эрколи*
От имени КП Бельгии: *Релеком*
От имени КП Швейцарии: *Эмбер-Дро*
От имени КП Швеции: *Линдерут*
От имени КП Канады: *Тим Бак*
От имени КП Голландии: *Дитерс*

Печат. по журн. «Коммунистический Интернационал», 1938, № 10, с. 125—128.

[1] Дата опубликования в газете «Юманите».

236. Из речи депутата КПЧ К. Готвальда в постоянном комитете Национального собрания ЧСР

11 октября 1938 г.

Разрешите мне сказать несколько слов по вопросу, который больше всего интересует нашу и международную общественность. Народ Чехословакии глубоко возмущен и решительно протестует перед всем миром против насилия, которое совершается над ним и его страной. Если уже сам мюнхенский сговор был актом необычайного произвола, так то, что делается после мюнхенского сговора и сверх него, переходит все границы и не имеет примера в истории. Оккупируются коренные чешские города и районы. Почти миллион чехов должен подпасть

под господство третьей империи и Польши. Методически прерываются все главные железнодорожные и шоссейные магистрали, захватываются важные промышленные районы и сырьевые базы. Республику кромсают и уродуют с целью выдать ее на произвол агрессора. Захватчик вмешивается уже во внутренние дела в оставшейся части Чехословакии. Он добивается принесения ему в жертву демократических представителей. В Словакии и в Закарпатье он насаждает своих агентов в правительстве, чтобы с их помощью постоянно угрожать целостности оставшейся части республики и подрывать связи чешских земель со Словакией и Закарпатьем. Захватчик оказывает давление, добиваясь с помощью внутренней реакции ликвидации единства чехословацкого народа, уничтожения демократических прав и свобод рабочего класса и всего народа, устранения демократической системы и тем самым установления полного господства третьей империи над Чехословакией.

Роковая капитуляция чехословацкого правительства 30 сентября этого года поощрила дерзкую агрессивность врага. Мы заявляем перед всем народом и перед всем миром, что правительство не имело ни конституционного, ни политического права капитулировать. Народ хотел бороться. Армия хотела бороться. Вся нация хотела всеми средствами защищать свою страну. Средства для обороны были. Армия была мобилизована. На границах созданы превосходные укрепления. Весь народ был готов пожертвовать последним, чтобы защитить свою страну, свое государственное и национальное существование. И хотя правительство отступало до 30 сентября, оно имело возможность изменить ход событий, по крайней мере, 30 сентября. Ведь мюнхенский ультиматум выходил за рамки не только берхтесгаденского плана, принятого правительством 21 сентября, но даже и за рамки годесбергского меморандума, который первоначально был отвергнут Чемберленом.

При таких обстоятельствах правительство могло и должно было отвергнуть мюнхенский диктат и провозгласить аннулированными все свои прежние обещания территориальных уступок. Правительство должно было заявить, что, согласно чехословацкой конституции, оно вообще не имеет права решать вопрос о целостности республики, что такой вопрос может решать только парламент. Правительство должно было настаивать на полном

выполнении обязательств, принятых Францией в отношении Чехословакии по договору. Правительство должно было обратиться в Лигу наций и требовать применения Устава Лиги наций для защиты Чехословакии. Правительство должно было обратиться ко всем правительствам, подписавшим пакт Бриана — Келлога о неприменении насилия. Наконец, правительство должно было дать приказ армии защищать все позиции в случае военного нападения извне и должно было мобилизовать новые силы, необходимые для этого. Народ, в результате могучего выступления 22 сентября свергнувший правительство Годжи, потому что оно дало, вопреки конституции, согласие на принятие берхтесгаденского пакта, заключенного между Гитлером и Чемберленом, особенно после проведения мобилизации, ждал, что политике постоянного отступления будет положен конец. Широкие массы членов всех политических партий и очень многие авторитетные деятели этих партий после проведения мобилизации полагали само собой разумеющимся, что границы и укрепления будут защищаться. Тем большим было потрясение, когда 30 сентября общественность узнала, что и новое правительство капитулирует, что оно в нарушение конституции и без борьбы выдает захватчику обширные области республики.

Бесспорно, что в результате действий лондонского и парижского правительств положение республики сильно ухудшилось. Однако неверным является утверждение, что ничего не оставалось другого, как капитулировать без боя. Прежде всего, доподлинно не установлено, предпринял бы враг вообще военное нападение, если бы знал, что встретит со стороны Чехословакии вооруженное сопротивление. Судя по тактике агрессора, скорее можно предположить, что в таком случае он не взялся бы за оружие. Во-вторых, неверно утверждение, что в случае обороны против военного нападения мы остались бы одинокими. Ведь обязательство Франции прийти нам на помощь в случае военного нападения оставалось в силе. В позиции Советского Союза сомневаться не приходится. Англия в таком случае также вынуждена была бы оказать поддержку Франции, а следовательно, и нам. Но для этого нужно было, чтобы мы сами не капитулировали, а защищались. В самом деле, можно ли помогать тому, кто сам в решительную минуту сдается, кто сам в решительную минуту не защищается?

Законно разгневанный бесцеремонными действиями агрессора, законно возмущенный действиями лондонского и парижского правительств, наш народ с полным правом спрашивает, какие внутренние силы вызвали роковую капитуляцию 30 сентября. Бесспорно, что ответственность за эту черную пятницу несут мрачные силы реакционного крупного капитала. Именно классовые интересы реакционной крупной буржуазии Англии и Франции заставили ее в Мюнхене поддерживать гитлеровский режим за счет Чехословакии. Именно классовые силы реакционной чехословацкой буржуазии потребовали капитуляции и заставили принести в жертву классовым интересам верхушки крупной буржуазии интересы государства, республики и нации. Перед нами — далеко идущий заговор против народа, против республики и против демократии.

Лишь одна Коммунистическая партия вовремя увидела угрожавшую опасность, предупреждала о ней и до последнего момента роковой капитуляции пыталась не допустить самого худшего. Некоторые деятели коалиционных партий во многом признавали нашу правоту. Мы доподлинно знаем, что с нами соглашалось большинство сторонников не только социалистических партий, но и всех без различия коалиционных партий, включая партию национального объединения и аграрную партию. Почему не была осуществлена единая воля народа? Потому, что в правительстве и во всех правительственных партиях господствовали антидемократические приемы. Отдельные личности самозванно и безответственно решали дела, не спрашивая мнения своих избирателей и своих партий. И получилось, что в решающий момент 30 сентября, когда над страной был занесен топор палача, не только широкая общественность, но и руководство коалиционных партий были поставлены перед совершившимся фактом. К сожалению, тогда произошло то, что даже те группы и отдельные деятели коалиционных партий, которые вплоть до 12 часов дня 30 сентября выступали против капитуляции, покорно склонили голову и подчинились. Они поступили неправильно. Мы уверены, что, если бы они раньше последовательно выступали вместе с нами против политики капитуляции, не случилось бы того позора, который мы теперь переживаем. Да, позора! Мы вправе протестовать против произвола и насилия захватчиков, мы вправе посылать проклятия пре-

дательству капиталистических правительств, которые раньше назывались нашими «союзниками» и «друзьями». Но мы обязаны также констатировать, что недопустимо было вести на позор капитуляции, без борьбы, народ, единый и самоотверженный в стремлении защищать свою страну, располагавший замечательными средствами обороны, прекрасной отмобилизованной армией, недопустимо было отдавать такой народ на произвол жестокому захватчику.

Наше право и обязанность — призвать на суд народа и истории в первую очередь все те слои и силы, которые в течение долгого времени умышленно готовили эту позорную капитуляцию, которые вступили в заговор с врагом против собственного народа, нации и республики. Народ, нация и республика жестоко расплачиваются за эту капитуляцию — не только потерей силы, территории, людей и ценностей различного характера, но и своей честью. Не обманывайте себя! Агрессор, который вчера боялся нас, сегодня нас презирает. Разные западные «друзья» — не народ, а правительства,— которые нас лицемерно жалеют сегодня, завтра будут высокомерно пренебрегать нами. А демократическая общественность всего мира уже сегодня ставит необъяснимый для нее вопрос: боролись абиссинцы; сражались и сражаются испанцы; боролись и борются китайцы,— почему же без борьбы сдались чехословаки, которые имели все необходимое для защиты? Поверьте мне: я, как коммунист, всегда гордился тем, что я чех, гордился нацией гуситов, к которой принадлежу, я знаю, что чешский народ остался и в дальнейшем останется народом гуситов. Однако я не могу ни как чех, ни как коммунист гордиться действиями правительств, которые привели нацию к 30 сентября и к его теперешним последствиям. Этого должны стыдиться все, у кого осталась хотя бы капля чести.

Сегодня 11 октября, и до сего дня у нас нет установившихся границ. Мы не знаем, чего захватчик захочет еще. То, что мы вчера услышали здесь от г-на министра иностранных дел, было прямо потрясающим для государства. Однако, безусловно, необходимо, чтобы правительство и все партии сказали раз и навсегда: довольно! Нельзя примириться с тем, что захватчики оккупируют чисто чешские области и планомерно перерезают важнейшие коммуникации республики. Мы сознаем, что в результате прежней капитулянтской политики республи-

ка оказалась в тяжелом положении; однако, несмотря на это, правительство обязано обратиться к Лондону и Парижу с требованием, чтобы соблюдалось хотя бы это мюнхенское соглашение, которое совместно подписали Лондон и Париж. Ведь мир, говоря по правде, все еще не знает, какое неслыханное насилие совершается в отношении нас, как дьявольски утонченно подсекаются корни нашей государственной и национальной жизни. Об этом нужно кричать каждый день, каждый час на весь мир — всем, всем! Если кто-нибудь думает, что терпеливым смирением склонит захватчика к милости, тот чудовищно обманывает себя и других. Этот захватчик не знает сострадания. Только сознание того, что он натолкнется — хотя бы в последнюю минуту — на вооруженное сопротивление, может сдерживать его аппетиты. У нас имеются небезосновательные опасения, что правительство не дало достаточно ясно понять это агрессору. Особенно мы считаем ошибкой то, что правительство дало согласие на демобилизацию тогда, когда еще новые границы Чехословакии не были твердо установлены. Несмотря на это, мы, однако, придерживаемся той точки зрения, что и нынешнее состояние нашей армии — при правильном руководстве ею — может заставить захватчика уважать нас, а тем самым и добиться таких новых границ республики, которые не будут для нее совершенно безнадежными в стратегическом отношении. [...]

Печат. по изд.: *К. Готвальд.* Избранные произведения, т. I. М., 1957, с. 537—542.

237. Заявление для печати полномочного представителя СССР в Великобритании [1]

11 октября 1938 г.

Как сообщает английская печать, в своей речи лорд Уинтертон [2] заявил, что Советский Союз якобы не оказал помощи в момент чехословацкого кризиса, а вследствие своей военной слабости ограничился только неясными обещаниями.

Это заявление Уинтертона совершенно извращает действительную позицию Советского правительства в чехословацком вопросе. Позиция СССР в этом вопросе была четко и определенно, не оставляя места для каких-

либо неясностей, сформулирована народным комиссаром иностранных дел М. М. Литвиновым в Женеве 21 сентября во время его выступления на пленуме Лиги наций. В своей речи Литвинов, резюмируя свою беседу с французским поверенным в делах в Москве 2 сентября 1938 г., сказал, что СССР намерен выполнить все обязательства, вытекающие из советско-чехословацкого пакта, и совместно с Францией оказать Чехословакии необходимую помощь всеми доступными путями.

Литвинов добавил далее, что военное ведомство СССР готово немедленно начать переговоры с представителями генеральных штабов Франции и Чехословакии, чтобы наметить конкретные мероприятия для совместных действий.

Печат. по газ. «Известия» № 240 (6707), 14 октября 1938 г.

[1] Это заявление полпред СССР в Лондоне И. М. Майский передал в английскую печать и одновременно заявил протест министру иностранных дел Англии Галифаксу.

[2] Выступление члена английского правительства состоялось 10 октября 1938 г. в Шорехаме.

238. Из письма министерства юстиции ЧСР министерству иностранных дел ЧСР

11 октября 1938 г.

В письме от 7 октября за № 55.590/38—12 мы обратили ваше внимание на то, что международная комиссия в Берлине превысила свои полномочия, вытекающие из мюнхенского соглашения, при определении V оккупационной зоны, включив в эту зону территории, которые нельзя считать «судето-немецкими территориями преимущественно немецкого характера». Мы настаивали на том, что к территориям преимущественно немецкого характера следует относить территории, немецкое население которых составляет 70 и более процентов всего населения. Между тем мы заявляем, что во франко-британских предложениях от 19 сентября 1938 г. это понятие определено как области, в «которых немецкое население составляет свыше 50 процентов». Следовательно, эти франко-британские предложения, которые легли в основу мюнхенского соглашения, исходят из нынешнего национального состава данных областей и потому нет никаких

оснований брать за основу положение, существовавшее 28 лет назад, т. е. неточные статистические данные за 1910 г. Эти данные содержат сведения не о национальном составе, а лишь о языке, на каком говорили в той или иной области; в них не проводится также различие по расовому признаку. Кроме того, мы подчеркиваем то, что, как следует из текста мюнхенского соглашения, датой вступления его в силу всегда считается дата его подписания. Вот почему и этот документ не содержит никакого политико-юридического обоснования для отхода от действительного национального состава населения на нынешний день.

Просим вас постараться соответствующим образом использовать в интересах Чехословацкой республики вышеупомянутые соображения политико-юридического характера. Однако мы не знаем, что в этом отношении было сделано. Нам также неизвестно, учитывало ли правительство данные соображения, соглашаясь с установлением V оккупационной зоны, и предприняло ли оно определенный демарш, имея в виду превышение международной комиссией в Берлине своих полномочий. [...]

За министра зав[едующий] отделом
Мрштина

Печат. по арх.

239. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Германии в ЧСР

12 октября 1938 г.

10 октября во время визита к министру иностранных дел д-ру Крофте германский посланник д-р Эйзенлор высказал просьбу, чтобы чехословацкое правительство разрешило создание организации НСДАП для подданных германского рейха в Чехословацкой республике. Он указал, что эта организация, если будет достигнута договоренность с германской миссией о ее создании, будет находиться под непосредственным руководством германской миссии, которая дает гарантии, что деятельность ее членов будет harmlos [1].

Печат. по арх.

[1] — безвредной (*нем.*).

240. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР

16 октября 1938 г.

Кулондр приходил, очевидно, с прощальным визитом. Он с грустью сообщил о предстоящем отъезде, высказывал сожаление по этому поводу и заверял в том, что он ехал сюда с намерением содействовать улучшению отношений, но должен констатировать, что после двух лет пребывания в Москве ему это не удалось. Он продолжает, однако, оставаться сторонником улучшения и уточнения этих отношений. Кулондр посетовал по поводу последних событий. Я ему рассказывал, что в Женеве англичане, включая даже членов кабинета, жаловались на то, что, противясь политике Чемберлена и его планам, они обманулись в своих надеждах получить поддержку со стороны Даладье и Бонне. У меня создалось впечатление, что на этот раз Чемберлену не приходилось таскать за собой французских министров, а что последние сами толкали Чемберлена в ту пропасть, в которую они свалились. Я сказал, что в свете последних событий легче объяснить такое странное явление, что французы, заключив с нами пакт о взаимной помощи, систематически уклонялись от соответственных военных разговоров о методах реализации этой помощи. Уклонялись они от этого даже тогда, когда Чехословакия стала фактически в этой помощи нуждаться. Теперь приходится заключить, что французское правительство и раньше никогда не думало предусмотренную пактами помощь когда-либо реализовать и поэтому ему незачем было входить в подробные разговоры о методах.

Кулондр ответил, что мое предположение слишком категорично и что англичане всячески удерживали французов от военного соглашения с нами.

На вопрос Кулондра, что можно теперь предпринять, я ответил, что утерянных драгоценных позиций не вернуть и не компенсировать. Мы считаем случившееся катастрофой для всего мира. Одно из двух: либо Англия и Франция будут и в дальнейшем удовлетворять все требования Гитлера и последний получит господство над всей Европой, над колониями, и он на некоторое время успокоится, чтобы переварить проглоченное, либо же Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому

динамизму. В этом случае они неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком. В первом случае в Европе останется только три великих державы — Англия, Германия и Советский Союз. Вероятнее всего, Германия пожелает уничтожить Британскую империю и стать ее наследницей. Менее вероятно нападение на нас, более для Гитлера рискованное.

Своим возможным преемником в Москве Кулондр считает нынешнего посла в Китае Наджиара. Кулондр полагает, что ему придется уехать уже в течение ближайшей недели, и спрашивал, приму ли я приглашение на обед. Я ответил, что, как ему известно, я никогда на обеды не хожу, готов пойти на завтрак, но предварительно хотел бы сам дать послу прощальный завтрак. Условились, что он будет у меня на завтраке 23-го, а я у него 25-го.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 44—45.

241. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР

16 октября 1938 г.

На Вашу телеграмму от 16 октября. 14 октября Фирлингер официально нам сообщил, что Хвалковский воздержался от ответа на наш запрос[1] об отношении Чехословакии к участию СССР в гарантиях ее новых границ. Хвалковский сообщил Фирлингеру, что, по его мнению, данный вопрос относится к компетенции великих держав, подписавших мюнхенское соглашение. Если Хвалковский скрыл от кабинета министров факт нашего запроса, то очевидно, что он не информировал кабинет и о своем ответе, данном через Фирлингера. Выясните это обстоятельство, которое, быть может, небезразлично для некоторых членов правительства и политических деятелей Чехословакии.

Потемкин

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 590—591.

[1] 9 октября 1938 г. нарком иностранных дел СССР сделал посланнику Чехословакии в СССР З. Фирлингеру следующий запрос: «Агентство «Гавас» сообщает, что выступивший в комиссии по иностранным делам палаты депутатов Бонне «подчеркнул свое пожелание, чтобы СССР, так же как и Франция, сохранил гарантию в отношении чехословацких границ». В беседе с советским послом в Лондоне лорд Галифакс также говорил, что имелось в виду включить СССР в число гарантов новых границ Чехословакии.

Прежде чем занять определенную позицию на случай обращения к нему с соответственным официальным предложением, Советское правительство желало бы выяснить мнение чехословацкого правительства, насколько оно считает желательным для себя включение СССР в число гарантов». В телеграмме от 16 октября С. С. Александровский сообщал в НКИД СССР, что министр иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковский скрыл от кабинета министров этот запрос М. М. Литвинова.

242. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Великобритании

17 октября 1938 г.

Дорогой Иван Михайлович,

Ваши разговоры с представителями оппозиции оставляют впечатление о совершенной беспомощности последней. По-видимому, ближайшее будущее принадлежит Чемберлену, если действительно Гитлер и Муссолини не слишком зарвутся. Впрочем, если англичане и французы раньше могли оказать сопротивление, но не хотели, то сейчас встает вопрос, могут ли они, при утерянных позициях, противостоять натиску агрессоров, если они даже и хотели бы и если вообще есть предел их уступчивости.

У нас имеется копия письма Ренсимена Бенешу от 21 сентября, где фактически предрешаются уступки, сделанные в Мюнхене. Ренсимен рекомендует уступку территории с преобладающим немецким населением, плебисцит в смешанных районах, ликвидацию партий и лиц, которые поддерживают антагонистическую политику в отношении Германии, и запрещение антигерманской агитации, аннулирование пактов о взаимной помощи с заменой их гарантиями «активных держав, действующих в интересах мира», внешнюю политику, благоприятную Германии, торговый договор с Германией на базе преференций и т. д. [...]

Для Вашего сведения сообщаю, что мы официально запрашивали чехословацкое правительство, желает ли

сно нашего участия в гарантиях. Обосновывали мы свой запрос соответственным заявлением Бонне в комиссии по иностранным делам, а также сообщением Галифакса в разговоре с Вами о возможности включения СССР в число гарантов. Хвалковский дал, конечно, уклончивый ответ,— это, мол, дело великих держав, участвовавших в мюнхенском соглашении. Ответ был дан как раз накануне выезда Хвалковского в Берлин, где он, по-видимому, имел в виду узнать мнение Гитлера. Впрочем, узнавать было незачем,— можно было заранее предвидеть этот ответ. Я лично полагаю, что Чехословакия получит от него приказание отказаться от всяких гарантий.

Литвинов

Печат. по арх.

243. Запись министра иностранных дел ЧСР о его выступлении перед лидерами правительственных партий

18 октября 1938 г.

Моя поездка в Берлин и Мюнхен была первым прямым и личным контактом между чехословацким и германским правительствами. И если я выражаю сожаление в связи с тем, что такой прямой контакт был установлен лишь после катастрофы, то я это делаю потому, что в Германии мне было вновь открыто подтверждено, что германские государственные деятели до самых последних месяцев перед роковой мюнхенской конференцией ожидали такого прямого контакта, который мог бы привести к принципиально иному, лучшему соглашению.

Прежде всего я сделаю краткий хронологический обзор своего пребывания в Германии и проведенных там бесед. Подчеркиваю, что от самых границ в Ловосицах и до конца моего пребывания в Германии, т. е. вплоть до вступления на новую чехословацкую территорию в Горжеседлах, меня принимали повсюду с вниманием и тактом и что все переговоры велись в исключительно спокойной и деловой атмосфере.

Я прибыл в Берлин 13 октября 1938 г. в половине седьмого утра. На вокзале меня встречали исполняющий обязанности шефа протокола фон Галем и посланник Мастный со своими сотрудниками. В 11 часов министр

фон Риббентроп дал мне аудиенцию, которая продолжалась до часу дня. На беседе присутствовал только посланник Шмидт. Во второй половине дня я нанес визит статс-секретарю Мейснеру, который предварительно информировал меня о предстоящей аудиенции у канцлера. (Сразу же после визита к министру иностранных дел я беседовал со статс-секретарем Вейцзекером о ходе переговоров в международной комиссии и в подкомиссии.) Вечером мне было сообщено, что в 9 час. 20 мин. я должен выехать в Мюнхен и что точное время аудиенции у канцлера будет сообщено только по моем прибытии туда. В Мюнхен мы приехали в 8 часов. Несколько позднее прибыл министр Риббентроп, в машине которого находился также депутат Кундт, и почти одновременно с ним в Мюнхен прибыл рейхсканцлер Гитлер с сопровождающими его лицами. Аудиенция была назначена на 12 часов. Она проходила в здании «Фюрерхаус» и продолжалась час и три четверти. После беседы присутствовавший на ней вместе с посланником Шмидтом министр фон Риббентроп составил краткое коммюнике, дал его на утверждение канцлеру. В связи с визитом бывшего премьер-министра Дараньи министр фон Риббентроп попросил меня задержаться в Мюнхене до вечера, так как он хотел бы поговорить со мной после переговоров с венграми. Действительно, в 7 часов вечера в гостинице меня пригласили к министру фон Риббентропу, который передал мне карту с венгерскими требованиями и сообщил точку зрения Берлина по венгерскому вопросу для передачи моему правительству.

Из германской печати вы, уважаемые господа, знаете и, конечно, понимаете, что мои беседы с имперским министром иностранных дел и с канцлером квалифицировались ими как доверительные, и было бы большой ошибкой начинать урегулирование наших отношений с Германией в крайне неблагоприятных для нас условиях с проявления какой-либо бестактности.

Однако, не рискуя нарушить рамки доверительности, я могу вам здесь достаточно ясно и точно сказать, как на нас смотрят сейчас руководящие деятели германского рейха. Вы все знаете новую карту нашего значительно уменьшившегося государства. Однако вам не довелось, как мне, проехать в сопровождении германских офицеров в трех разных направлениях по отторгнутым территориям, которые тысячу лет принадлежали нашим

землям и государству. Короче говоря, руководящие государственные деятели Германии в беседах со мной ясно, открыто и недвусмысленно подтвердили тот факт, который вытекает из нашей сегодняшней карты и который я сам так остро почувствовал, проезжая через отторгнутые территории: мы, несомненно, потеряли значительную часть своей независимости и свободы действий.

Что касается нашей внешней политики, то они решительно и беспощадно осуждают ее нынешнее направление и нынешние методы, выражая надежду, что в этом смысле в самом ближайшем будущем произойдут радикальные и теперь уже прочные изменения. Они подвергают резкой критике нашу нынешнюю пропагандистскую деятельность, печать, нашу ориентацию в целом, а также нашу полную неинформированность и близорукую предубежденность относительно действительного положения в государствах с тоталитарными режимами.

Что касается нашей внутренней политики, то хотя они и не вмешиваются пока в наши дела, но точно информированы обо всем и о каждом из нас — вплоть до имущественных отношений. К нашей нынешней внутриполитической системе они не испытывают абсолютно никакого доверия, презирают ее, видят в ней лишь уловки и поэтому не доверяют нам, упрекая нас в том, что мы ловим момент, чтобы при случае вновь пересесть на другую лошадь. Поэтому в качестве доказательства новой ориентации они ожидают от нас главным образом действий.

В военных вопросах они нисколько не скрывают своей убежденности в том, что даже на старых границах со всей их линией укреплений мы не смогли бы оказать серьезного отпора. Поэтому они считают бессмысленным говорить вообще о каких-либо укреплениях на наших новых границах. Мы должны смириться с V зоной как с окончательной границей, за исключением незначительных коррективов. Наша полная государственная, экономическая и транспортная зависимость представляется им само собой разумеющимся фактом, но они вовсе не заинтересованы и не намерены доводить нас до полного отчаяния или уничтожить нас, что, в конце концов, они считают возможным сделать в любое время в течение нескольких часов, независимо от Запада и Востока. Все они сознают свое полное превосходство и бессилие другой стороны, т. е. Запада и Востока. Свою линию они

будут проводить неуклонно и ничем не позволят себя усыпить.

О беседе с Риббентропом я бы сказал вам здесь, что он совершенно откровенно осудил нынешние методы нашей внешней политики. По его мнению, в нашем изменившемся государственном положении мы можем в будущем позволить себе иметь лишь небольшую армию, при этом, однако, он проявил понимание в сложном вопросе устройства наших офицеров. Об укреплениях речь уже не будет идти. Он спрашивал, какова официальная судьба наших пактов с Россией и Францией, предлагал распустить коммунистические партии в исторических землях [1], причем не формулировал это как требование. Об экономических отношениях наших государств он выразился формулой: «enge Zusammenarbeit und Anpassung» [2], но не конкретизировал ее. Он и его сотрудники убеждены, что после затруднений нынешней зимы экономическое сотрудничество с Германией принесет пользу обеим сторонам, причем они утверждают, что наша сторона будет иметь сравнительно бо́льшие выгоды.

Канцлеру Гитлеру я смог довольно кратко осветить все тяжелые проблемы и трудности, стоящие перед нашим нынешним правительством. Особо подчеркнув необходимость уточнений границы в тех местах, которые являются для нас жизненно важными, я разъяснял значение соответствующих уступок для формирования нового отношения к рейху. Я закончил заверениями, которые были включены в коммюнике, о том, что мы хотим лояльно, без каких-либо задних мыслей приспособиться к новой обстановке, что необходимо, учитывая хотя бы позицию Германии в отношении нашей нынешней политики.

Гитлер детально знает нашу внутреннюю и внешнюю политику, в том числе и с точки зрения личностей. Вообще методы и секреты нашей внутриполитической кухни не являются какой-либо тайной для Германии, наоборот, именно они вызывают пренебрежение к нашей системе. Делая нам последнее предостережение в феврале, Гитлер верил, что оно будет понято нами. Этого, однако, не случилось. Он считает недоступной пониманию ошибкой наши расчеты на помощь извне, которая была невозможна, о чем нетрудно было получить точную информацию. Он прямо упрекал нас в слепоте, в

том, что мы по-детски воспринимали желаемое за действительное. Он требует точного выяснения дипломатических обстоятельств нашей последней мобилизации, были ли в этом виновны наши люди или также Запад своей неискренней, двойной игрой. Он считает счастливым тот факт, что наших парней не погнали на напрасную бойню. Он решительно заявил, что наше нынешнее положение, когда мы вклиниваемся в жизненное пространство Германии, совершенно однозначно диктует нам необходимость политики дружбы и согласия с рейхом. Он подчеркнул, что если бы мы вздумали вернуться на старый путь, то нас молниеносно постигла бы окончательная катастрофа. Единственная гарантия, которая при нынешних условиях может иметь для нас цену,— это его гарантия, и он ее даст, как только мы урегулируем свои проблемы с Венгрией.

Ему не нужны никакие лишние чехи, поскольку он придерживается этнических принципов, но некоторые меньшинства должны остаться у нас и у него. Границы V зоны являются окончательными, возможны лишь незначительные коррективы — он мог бы забрать у нас гораздо больше, а Англия и Франция дали бы согласие и на это.

В заключение я хотел бы сказать о том, к какому выводу я пришел после поездки. Отныне единственное спасение для нас состоит в том, чтобы видеть вещи такими, какими они являются в действительности, и не поддаваться никаким химерам и миражам. Наша внешняя политика после урегулирования болезненных территориальных вопросов будет политикой малого нейтрального государства по примеру Дании — это будет политика покорности. Чем больше сократится ее политическая часть, тем большее значение приобретет ее экономическая и торговая часть. Лишь обратившись к нашим внутренним проблемам, путем радикального переустройства, улучшения и повышения материального уровня жизни нашего народа мы соберем новые силы и сможем верить в лучшее будущее государства и нации.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 284—286.

[1] Имеются в виду Чехия и Моравия.
[2] — «тесное сотрудничество и приспособление» (*нем.*).

244. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции

19 октября 1938 г.

Дорогой Яков Захарович,

Последнее заявление Бонне в разговоре с Вами о неизменности отношений и т. п. имеет так же мало значения, как и заявление англичан и французов о том, что «они не намерены исключать нас из разрешения европейских вопросов». Им незачем иметь такие намерения, и, может быть, они их не имеют, ибо решать будут не они, а Гитлер, которому они, во всяком случае в данном вопросе, прекословить не будут. Не подлежит сомнению, что как Чемберлен, так и Даладье — Бонне ради соглашения с Германией и Италией пойдут на что угодно. Им, конечно, невыгодно теперь же рвать с нами, ибо они тогда лишатся козыря в переговорах с Берлином. Обратятся они к нам только в том случае, если не вытанцуется соглашение с Берлином и последний предъявит требования, даже для них неприемлемые.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 50.

245. Запись беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР

22 октября 1938 г.

От имени Хвалковского звонил его новый главный секретарь Масаржик и просил, чтобы я пришел к Хвалковскому в Коловратский дворец (местопребывание кабинета министров и канцелярии премьер-министра), потому что со мной хочет говорить также премьер-министр Сыровый.

Хвалковский явно не хотел рассказывать мне что бы то ни было и первые моменты отделывался пустыми фразами или избитыми местами по поводу тяжести положения, в которое попала Чехословакия в результате мюнхенских решений и их осуществления быстрыми темпами. Он говорил, что не хотел быть министром, но ему прямо приказали, и он как честный чиновник должен

был принять приказ к исполнению, что он не намерен оставаться министром. Как только будут сделаны самые необходимые вещи, он постарается уйти со своего поста. Сейчас его внимание сосредоточено почти исключительно на вопросе об установлении точных границ. Он трижды проезжал то, что сейчас называется демаркационной линией. Человек, не видевший того, что там происходит, не может себе и вообразить всю тяжесть фактического положения. Поскольку невозможно было обойти вопрос о поездке Хвалковского к Гитлеру, постольку Хвалковский постарался отделаться утверждением, что никаких переговоров с Гитлером у него не было, что Риббентроп является тенью Гитлера и лишь коротко повторил Хвалковскому то, что говорил и Гитлер. Свидание с Гитлером превратилось в получасовую лекцию, а Хвалковский только слушал.

Я спросил, на какую же тему была эта лекция, и добавил, что и на лекциях профессоров спрашивают о неясных местах. Хвалковский отделался замечанием, что можно вообразить себе содержание лекции Гитлера. Вопрос же Хвалковскому удалось задать только один. Он спрашивал Гитлера, что он должен сказать в Праге, где распространено убеждение о намерении Гитлера просто уничтожить Чехословакию. Может ли он сказать, что у Гитлера нет намерений посягать на остатки Чехословакии. Гитлер будто бы ответил в несколько торжественном тоне, что он намерен установить хорошие отношения с Чехословакией, ставшей теперь гомогенным национальным государством. После этого он якобы буквально добавил, что Чехословакия должна и забыть думать о какой бы то ни было борьбе с ним, и если он заметит попытки Праги работать против него, то уничтожит Чехословакию в несколько часов и никто ему не сможет помешать. Смягчаясь, он говорил, что Прага не должна сомневаться в его доброй воле оставить жить национальную Чехословакию, которая выразилась в том, что он, например, не взял себе Пльзень и согласился оставить Чехословакии Брно и Моравскую Остраву, хотя первоначально относил два последних города к плебисцитной области. Когда границы Чехословакии пришли в движение, то никто не мог помешать ему взять и эти города.

Хвалковский упомянул о том, что Гитлер в этой связи прямо сказал, что не потерпит какой-нибудь деятельно-

сти Чехословакии в военной области. Что касается экономической жизни, то, по заключению его экспертов, Чехословакия в новых границах является вполне жизнеспособной. Хвалковский говорил, что попытка указать, в частности, на полный развал транспорта Чехословакии, встретила короткий и решительный отпор Гитлера, который заявил, что ни о каких изменениях демаркационной линии и о каких-нибудь других точках зрения, кроме национальной (фолькише), он просто не намерен говорить.

Хвалковский пытался уже с Риббентропом говорить о будущих границах и о возможности исправлений линии оккупации в пользу Чехословакии. Риббентроп тоже заявил ему, что граница пройдет там, где теперь находится демаркационная линия, и если могут быть изменения, то только самые незначительные (винциге эндерунген), и тоже не стал больше разговаривать. Дальше Хвалковский прямо отрицал, что были какие-нибудь экономические переговоры (из других источников я знаю, что были).

Дальше Хвалковский по собственной инициативе заговорил о том, что распространившиеся вчера в Праге слухи, будто бы его правительство денонсирует договор с СССР о взаимной помощи, не имеют никаких оснований. Этот вопрос не возникал и не был предметом обсуждения. Вообще Хвалковский просит не верить никаким слухам и не судить по ним о нынешнем правительстве и его намерениях. В обстановке катастрофы, переживаемой Чехословакией, естественно, что никто не может охватить всего комплекса событий и дополняет неизвестное ему собственными комбинациями. Слухи возникают даже без злого умысла. Тут он вставил о том, что, например, его самого ославили фашистом, но он заверяет, что никогда фашистом не был и не будет. Он демократ и принял министерство от демократического правительства для службы демократической республике.

Возвращаясь к вопросу о договоре о взаимной помощи, Хвалковский сделал явную попытку передать инициативу отказа от договора нам. Он стал рассуждать как о чем-то само собой разумеющемся, что СССР и Франция, очевидно, договорятся между собой о судьбе своих политических договоров с Чехословакией. Поскольку я совершенно не реагировал, Хвалковский про-

должал развивать мысль в том духе, что он ожидает соответствующего сообщения, и сделал вид, что вопрос этим исчерпан.

Создалось положение, при котором дальнейшее молчание Хвалковский мог принять за согласие. Поэтому я в упор спросил его: должен ли я принять этот оборот в его рассуждениях о нашем договоре о взаимной помощи за чехословацкую инициативу и подготовку к его упразднению, что противоречило бы заявлениям Хвалковского о неосновательности слухов о намерении правительства денонсировать договор. Я, видимо, сказал это довольно резко, потому что Хвалковский забеспокоился и торопливо отвечал, что у него не было намерения и нет оснований проявлять такую инициативу и он просто рассуждал вслух, исходя из предположения, что СССР и Франция сделают такой вывод из создавшегося положения. Тогда я прямо заявил Хвалковскому, что принимаю к сведению его заявление о неосновательности вчерашних слухов о готовящейся денонсации договора. Что касается предположений Хвалковского, то они явно исходят из неверного представления о задачах советской политики. Хвалковский напрасно будет ожидать инициативу СССР в каком бы то ни было вопросе, который шел бы вразрез с политикой СССР расширения и укрепления основ и форм принципа коллективной безопасности. Тем более в обстановке усиления, а не уменьшения военной опасности. Хвалковский вяло, но все же заверял, что Чехословакия продолжает ценить договор и взаимоотношения с СССР, тем более что и он согласен с оценкой, гласящей, что Чехословакию пожертвовали делу сохранения мира, но мир этим все же не обеспечен.

Хвалковский снова жаловался на трудности внутреннего положения в Чехословакии и начал говорить о том, что Москва должна понять причины запрещения деятельности Коммунистической партии. Я ответил, что не могу дискутировать с Хвалковским на эту тему, но у меня есть другая тема, на которую я должен кое-что сказать. Я рассказал ему о том, как в Братиславе было запрещено Общество культурных и экономических связей с СССР, как его председатель, между прочим член аграрной партии, был подвергнут даже личному обыску и как была конфискована библиотека Общества. Хвалковскому было явно неприятно, и он длинно оправдывался тем, что в Словакии свое правительство [1] и в нем

сидят неопытные люди, доставляющие пражскому правительству массу лишних неприятностей.

Дальше я указал Хвалковскому на инсинуации в чехословацкой печати, приписывающие СССР какое-то участие в мюнхенских решениях, и на кампанию правой и фашистской прессы, обвиняющей СССР в «измене» Чехословакии. Хвалковский якобы ничего не слышал о моих демаршах по этому поводу и не знал, что я оставил по этому поводу через своего секретаря памятную записку для него. Хвалковский стал благодарить меня за то, что я обращаю его внимание на это, ибо он не может уследить за всем. Он заявил, что СССР держал себя абсолютно корректно в рамках своих обязательств и его нельзя ни в чем упрекнуть. Хвалковский произнес с подчеркиванием эту фразу «в рамках своих обязательств» и дальше попытался сказать, что объективно это все же не могло помочь Чехословакии. Я отрезал замечанием, что никто и ни о какой помощи вне рамок обязательств не может предъявлять требований.

Дальше я обратил внимание Хвалковского на то, что и Общество культурных и экономических связей с СССР в Праге тоже, видимо, находится под угрозой. Орган этого Общества журнал «Прага — Москва» печатается у «Мелантриха», который отказался от выпуска очередного номера, несмотря на обязанность по договору. Я не хотел бы, чтобы такого рода явления постепенно вынудили у меня сомнения в том, что отношения Чехословакии к СССР не меняются, как в этом только что заверял Хвалковский. Хвалковский в довольно определенной форме сказал, что Общество так же, как и Союз друзей СССР, совершенно не предполагается запрещать. Во всяком случае, он теперь будет иметь в виду этот вопрос.

С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1973, с. 578—581.

[1] Мюнхенский диктат использовала также словацкая народная партия А. Глинки, организовавшая в г. Жилине совместное заседание с представителями словацкой аграрной, национально-социалистической, национальной партий и партии мелких предпринимателей, на котором 6 октября 1938 г. было достигнуто соглашение о требованиях предоставления автономии Словакии. После объявления манифеста о предоставлении автономии Словакии председатель правительства генерал Я. Сыровый 7 октября одобрил создание словацкого автономного правительства.

246. Из письма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

1 ноября 1938 г.

[...] 4 октября в переговорах на конференции[1] для Чехословакии наступило существенное ухудшение, вызванное вопросом, на основе какого критерия должно начаться нанесение германской оккупационной линии (так называемой V зоны) на период 7—10 октября. Сложность этого вопроса, как было указано выше, проявилась уже накануне в подкомиссии «С»[2], где чехословацкий делегат посланник Гейдрих отстаивал точку зрения, согласно которой речь в духе статьи 4 мюнхенского соглашения («vorwiegend deutsches Gebiet» — «territoire a prépondérance allemande»[3]) может идти только о территории, где проживает более 75 процентов немецкого населения, т. е. квалифицированное большинство. В то же время германские делегаты настойчиво отстаивали так называемую годесбергскую линию на основе простого большинства, беря при этом в расчет, разумеется, довоенные статистические данные за 1910 г. Поскольку 4 октября переговоры в подкомиссии «С» не достигли цели, чехословацкий делегат предложил вынести вопрос о критерии оккупации V зоны на пленарное заседание комиссии, которое было назначено на вторую половину того же дня.

Проведя предварительное внутреннее совещание чехословацкой делегации, во второй половине дня я вместе с посланниками Кюнцль-Изерским, Гейдрихом и ген. Гусареком посетил французского посла. От него мы получили не только обещание поддержать нашу позицию, но и совет энергично выступать против диктата. Затем мы посетили также английского посла, который, однако, к нашей просьбе об оказании поддержки по упомянутым вопросам отнесся весьма сдержанно и не скрывал, что в полной мере наши требования поддерживать не сможет.

Пятое пленарное заседание комиссии проходило во второй половине того же дня — 4 октября в 5 час. 30 мин. Я выступил сразу же после открытия заседания и от имени Чехословакии предложил взять за основу определения так называемой V зоны квалифицированное большинство в 75 процентов немецкого населения. Это предложение полностью поддержал посол Франции, ко-

торый подчеркнул, что, по его мнению, в районах, где такого квалифицированного большинства нет, вопрос должен быть решен путем плебисцита. Послы Англии и Италии ограничились предложением немедленно подготовить рабочие директивы для подкомиссии «С». Статс-секретарь барон Вейцзекер, высказавшись теоретически за решение, максимально сокращающее территорию, где должен быть проведен плебисцит, требовал принять за основу простое большинство в 51 процент. Вместе с тем, ссылаясь на плебисцит в Саарской области, который в мюнхенском соглашении назван в качестве образца, он высказался за то, чтобы за основу при определении большинства в 51 процент брались статистические данные за 1918 г. или за 1910 г., когда была проведена последняя довоенная перепись населения Австро-Венгрии. Затем, учитывая возникшие разногласия, статс-секретарь предложил, чтобы оба вопроса были обсуждены в узком кругу на совещании пяти официальных делегатов (т. е. Германии, Англии, Франции, Италии и Чехословакии). Я попросил пригласить на совещание также эксперта, председателя чехословацкой делегации в подкомиссии «С» посланника Гейдриха. В свою очередь германская сторона пригласила барона Рихтгофена. На этом совещании с узким кругом участников вспыхнула весьма горячая дискуссия, во время которой я отстаивал чехословацкую позицию, с одной стороны, относительно цифры 75 процентов, с другой стороны, предлагая взять за основу статистические данные за 1938 г. или 1930 г. Вместе с посланником Гейдрихом мы выдвигали юридические аргументы, содержащиеся в принятых Чехословакией франко-британских предложениях от 19 сентября, которые исходят исключительно из настоящего, а не из прошлого положения: «Régions qui comportent (а не qui comportaient) plus de 50% d'habitants allemands»[4]. Что же касается плебисцита в Саарской области как образца, то мы решительно отстаивали дату подписания окончательного документа, т. е. 29 сентября, когда было подписано мюнхенское соглашение. (Более подробные данные см. в записке от 14 октября 1938 г., излагающей обзор деятельности подкомиссии «С».) Итальянский посол, который вначале не принимал участия в дебатах, потом заявил, что присутствующие послы Франции, Англии, а также Италии не могут действовать иначе, как только настаивать на принятии за основу данные 1918 г.

или 1910 г., ибо державы-участницы считают мюнхенское соглашение «ревизией», призванной исправить несправедливость Версальского мира и вместе с тем возвратить немцам отнятое у них право на самоопределение. Итальянский посол решительно заявил, что таково мнение Муссолини и других глав правительств, участвовавших в мюнхенской конференции. К заявлениям итальянского посла тут же присоединился и посол Англии. Что касается вопроса толкования термина «vorwiegend deutsches Gebiet», то французский посол сначала придерживался чехословацкой точки зрения; послы Англии и Италии говорили о цифрах более низких — от 60 до 70 процентов. Французский посол, видя, что соглашения достичь нельзя, выступил с посредническим предложением, согласно которому термин «überwiegend» следует понимать как квалифицированное большинство в две трети, т. е. 66 процентов, а что касается вопроса о том, какой период необходимо взять за основу, то подкомиссии следует дать директивы провести границу зоны с учетом статистических данных за 1910—1921 гг. Германский делегат сразу же заметил, что правительство Германии эти компромиссные предложения принять не сможет. Однако он пообещал информировать о них свое правительство. От имени чехословацкой делегации мы, исчерпав все аргументы, обещали представить французский проект на рассмотрение пражского правительства. [...]

5 октября рано утром, получив тем временем из Праги инструкции, которые уполномочивали чехословацкую делегацию принять посредническое предложение французского посла (относительно 66 процентов и взятия за основу статистических данных за период 1910—1921 гг.), я попросил барона Вейцзекера принять меня; он обещал принять в 11 час. 15 мин. Когда в назначенное время я прибыл в министерство иностранных дел, мне сообщили, что статс-секретарь несколько минут назад был вызван в имперскую канцелярию; одновременно мне передали, что статс-секретарь приносит свои извинения и просит перенести мой визит на 17 час. 30 мин., на это время приглашены и остальные члены комиссии на внутреннее совещание. После этого я посетил французского посла с целью проинформировать его о полученных мной инструкциях. Будучи весьма взволнован, Франсуа-Понсе сообщил мне, что вчера вечером и ми-

нувшей ночью события стали развиваться стремительно. Рейхсканцлер, вернувшись из поездки по судетской территории крайне рассерженным, сразу же ночью принял решение провести оккупационную линию V зоны на основе 51-процентного большинства, по статистическим данным 1910 г. Поздно вечером французский посол был приглашен к министру иностранных дел, который сообщил ему об этом решении, заметив, что предложение о 75 процентах было названо нелепым и что рейхсканцлер высказался со всей решительностью против саботажа, проводимого, по его словам, французским послом, а также против использования женевских методов в работе конференции. Рейхсканцлер заявил, что в случае несогласия он превратит нынешнюю оккупационную линию в стратегическую. При складывающемся положении дел, продолжал Франсуа-Понсе, нет иного выхода, как только принять диктат, причем необходимо иметь в виду, что Чехословакия на основе франко-британских предложений фактически обязалась непосредственно передать территории, где проживает более 50 процентов немцев. (В качестве примечания: посол Англии сообщил мне, что тоже был приглашен к Риббентропу поздно вечером. Однако он не поехал, извинившись, что уже лег спать.)

В пятом часу дня меня посетили министры нашего правительства ген. Гусарек и Вавречка. Они сообщили, что прибыли с мандатом правительства, уполномочивающим их вести переговоры также от имени до сих пор еще отсутствующего в Праге нового министра иностранных дел д-ра Хвалковского. Одновременно они попросили меня сообщить маршалу Герингу, что президент Чехословакии д-р Бенеш в 5 часов дня официально сообщит о своей отставке[5]. Я информировал об этом по телефону адъютанта Геринга ген. Боденшатца, который как раз находился в приемной рейхсканцлера. Он обещал немедленно доложить об этом как Герингу, так и Гитлеру, у которого как раз находился Геринг.

Я сразу же добился приема обоих министров нашего кабинета статс-секретарем бароном Вейцзекером в 5 час. 15 мин. и представил их ему. После упоминания ген. Гусареком о том, что оба министра уполномочены вести переговоры также от имени министра иностранных дел, я сказал, отвечая на вопрос Вейцзекера, что для ведения настоящих переговоров они воздерживают-

ся от принятия на себя этой функции. После краткой беседы, в ходе которой оба министра подчеркнули значение новой политики дружбы с Германией, барон Вейцзекер, со своей стороны, дружески заверив в таких же чувствах со стороны Германии, представил карту с уже проведенной оккупационной линией в соответствии с решением рейхсканцлера относительно зоны, которая должна быть занята в течение 7—10 октября.

В 5 час. 30 мин. прибыли послы Англии, Франции и Италии. Барон Вейцзекер официально ознакомил нас с решением об окончательной оккупационной линии. Министры ген. Гусарек и Вавречка остались. Все вместе мы пытались возражать. С особенно энергичными заявлениями выступал ген. Гусарек, подчеркивая, что это уродует наше государство. Я указывал, что диктуемое нам решение создает в Европе новую, трудную проблему меньшинства, в результате чего, по нашим расчетам, более 700 тыс. чехов окажется в германском рейхе. Эти данные с германской стороны оспаривал приглашенный на переговоры эксперт-советник министерства Кребс (бывший чехословацкий эмигрант), который утверждал, что это решение касается всего лишь около 350 тыс. немцев в Чехословакии и такого же количества чехов в Германии. Все возражения, к которым присутствовавшие послы отнеслись сдержанно, не привели ни к каким результатам. Статс-секретарь барон Вейцзекер потребовал от наших обоих министров, чтобы до завтра было получено согласие чехословацкого правительства на установление оккупационной границы. Министры пообещали получить ответ к указанному сроку и отбыли в Прагу.

На шестом пленарном заседании, проходившем в тот же день в 7 часов вечера, барон Вейцзекер объявил, что на внутреннем совещании послов была принята демаркационная линия для осуществления оккупации в течение 7—10 октября.

6 октября из Праги была получена телеграмма председателя чехословацкого правительства следующего содержания: «Правительство уполномочивает Вас немедленно сделать заявление, что решение комиссии от 5 октября 1938 г. оно принимает к сведению и выполнит его. Сообщите, что правительство решило в кратчайший срок провести демобилизацию. Оно приказывает демобилизовать два призывных возраста, остальные будут

демобилизованы в соответствии с транспортными возможностями, которые в значительной мере будут уменьшены из-за оккупации. Сыровый». [...]

Д-р *Мастный*

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 308—309, 310—311.

[1] Имеются в виду заседания международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения.

[2] В состав международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения входило три подкомиссии:

подкомиссия «А» — военная (чехословацкий представитель генерал К. Гусарек);

подкомиссия «В» — финансово-экономическая (чехословацкий представитель посланник Е. Махатый);

подкомиссия «С» — пограничная или по разграничению (чехословацкий представитель посланник А. Гейдрих).

[3] «преимущественно немецкая область» *(нем.* и *фр.)*.

[4] «Районы, которые имеют (ни в коем случае не которые имели) более 50% немецкого населения» *(фр.)*.

[5] После того как Э. Бенеш 5 октября 1938 г. подал в отставку, президентом ЧСР 30 октября был избран Э. Гаха.

247. Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотова на торжественном заседании, посвященном 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции

6 ноября 1938 г.

[...] Перейдем к последним событиям в Европе.

Уроки последних событий, связанных с Чехословакией, во многом поучительны. Руководители английского и французского правительств охотно изображают мюнхенское соглашение Англии, Германии, Франции и Италии как большую победу дела мира, а себя — великими миротворцами. Правда, далеко не все этому верят и, пожалуй, имеют на это серьезные основания.

В самом деле, как развивались события вокруг Чехословакии? Кто в этих событиях был действительным победителем и кто побежденным? Всмотритесь в действительные факты, и станет ясно, что здесь надо говорить, по крайней мере, о двух «победах».

Первым решающим событием в чехословацком вопросе надо признать «победу», одержанную совместными усилиями правительств Англии и Германии не над кем-либо, а... над правительством Франции. Два правитель-

ства — правительство Англии и правительство Германии — «победили» правительство Франции, добившись отказа Франции от договора о поддержке Чехословакии. Такова была первая «победа» в ходе этих событий.

Это уже предрешало и последний этап в решении вопроса о Чехословакии. Оставалось нетрудное дело, оставалось правительствам четырех государств — Англии, Германии, Франции и Италии — сговориться и «победить» правительство Чехословакии. Четыре наиболее сильных империалистических государства Европы без особого труда действительно «победили» и маленькую Чехословакию. Сговор фашистских и так называемых демократических держав Европы в Мюнхене состоялся, и «победа» над Чехословакией была одержана полная.

Все остальное пошло как по маслу. Германский империализм отхватил от Чехословакии больше, чем он сам мог рассчитывать. Поживилась Польша, как союзник германского фашизма по расчленению Чехословакии. С жадностью откусила солидный кусок Венгрия [1]. Это не значит, что аппетиты малых и больших хищников Европы удовлетворены. Напротив, их, эти аппетиты, только разожгли еще больше и возбудили усиленную борьбу вокруг новых разделов не только Чехословакии, но и некоторых других европейских стран.

Советский Союз не участвовал и не мог участвовать в сговоре империалистов фашистских и так называемых демократических правительств на счет Чехословакии. Советский Союз не участвовал и не мог участвовать и в расчленении Чехословакии для удовлетворения аппетитов германского фашизма и его союзников. Но ни у кого не могло остаться сомнения в том, какой политики держался Советский Союз в этом вопросе. Если французское правительство отказалось от своего договора с Чехословакией в момент решительного его испытания и помогло сговору Англии с германским фашизмом за счет как-никак демократической Чехословакии, то Советский Союз показал, что его отношение к международным договорам — совсем другое. Советский Союз показал и продемонстрировал перед всем миром, что его верность заключенным договорам о борьбе с агрессией непоколебима.

Несмотря на все, в том числе и на самые жульнические, попытки изобразить советскую позицию в чехословацком вопросе как уклончивую и неопределенную, это

не удалось и очень ловким людям. Французское же и английское правительства пожертвовали не только Чехословакией, но и своими интересами ради сговора с агрессором.

Подняли ли этим правительства Франции и Англии уважение к своим правам в глазах германского и итальянского фашизма? Пока не видно. Скорее, напротив, их международный авторитет значительно пошатнулся. Как известно, в последнее время в Вене дележка чехословацкой территории велась уже без их участия, а путем простого сговора германского и итальянского фашизма. Но одно ясно: Советский Союз не дал себя запугать угрозами со стороны фашистских стран, чего нельзя сказать о некоторых так называемых демократических странах. Советский Союз, напротив, демонстрировал перед всеми странами свою верность заключенным договорам и международным обязательствам и свою готовность к борьбе против агрессии.

Этот факт имеет громадное международное значение не только для данного момента, но и для всей дальнейшей международной борьбы с фашизмом и фашистской агрессией.

Только Советский Союз, страна социализма, непоколебимо стоял и стоит на позиции борьбы с фашистской агрессией, на позиции защиты мира, свободы и независимости народов от фашистского нападения.

Как события у Хасана, так и события вокруг судеб Чехословакии имеют прямое отношение к вопросу о второй империалистической войне, над раздуванием которой «работают» поджигатели войны — фашисты Германии, Японии, Италии.

Может ли быть сомнение в том, что японское нападение в Приморье было пробой для развязывания войны на Дальнем Востоке? Если бы Советский Союз на деле не показал твердости своей внешней политики и непоколебимости своей линии в защите своих границ оружием Красной Армии, это не могло бы не послужить поводом к разжиганию новых военных авантюр, к развязыванию новых военных нападений, к расширению масштабов второй империалистической войны. Наша твердая позиция в этих событиях заставила одуматься зарвавшихся авантюристов как в Токио, так и в Берлине, заставила их дать ход назад. Бесспорно, что этим Советский Союз оказал величайшую услугу делу мира.

Советское государство показало, что его границы неприступны, что оно умеет отстаивать интересы своего народа, что борьба за эти интересы есть вместе с тем борьба за интересы всех народов, за интересы всеобщего мира.

События, связанные с Чехословакией, создали обстановку военной лихорадки во всей Европе. Достаточно сказать, что в момент этих событий только в четырех европейских странах — Германии, Франции, Польше и Чехословакии — численность армии, по самым скромным расчетам, за очень короткий срок увеличилась больше чем в два раза, больше чем на 2 млн. человек. Несмотря на будто бы миролюбивый сговор в Мюнхене, все участники мюнхенского соглашения заняты теперь дальнейшим ростом вооружений, увеличением своих армий, бешеным увеличением военных бюджетов. Сговор фашистских правительств с правительствами «демократических» стран отнюдь не ослабил опасности разжигания второй империалистической войны, а, напротив, подлил масла в огонь. Агрессивные страны Европы не только развернули дальнейшие планы перекройки карты государств Европы, но и свои требования на передел колоний. В такой момент не приходится ждать прекращения или затухания второй империалистической войны. Напротив, опасность возникновения новых очагов и дальнейшего расширения ее масштабов налицо.

Что же, мы знаем свои обязанности. Мы ответим на любые провокационные выходки со стороны поджигателей войны, со стороны агрессоров против Советского Союза — будь то на западе или на востоке,— мы ответим на каждый удар двойным и тройным ударом по поджигателям и провокаторам войны.

Только сильное Советское государство, сильное своей правильной внешней политикой и готовностью к любым внешним испытаниям, только такое государство способно вести последовательно и неуклонно политику мира, политику непоколебимой защиты своих границ и интересов социализма.

Кто захочет убедиться в том, насколько эти силы крепки и могущественны,— пусть попробует.

Мы должны сделать все выводы из такого положения. [...]

Печат. по газ. «Известия» № 261 (6728), 10 ноября 1938 г.

[1] После неудачных переговоров, состоявшихся 9—13 октября 1938 г. в Комарно между представителями словацкого автономного правительства и венгерского правительства относительно значительных территориальных притязаний Венгрии, спор был решен по инициативе Германии 2 ноября 1938 г. в Вене постановлением арбитров — министров иностранных дел Германии и Италии. Согласно Венскому арбитражу, хортистской Венгрии были переданы несколько южных районов Словакии и Закарпатской Украины с населением 972 тыс. человек. Постановлением Венского арбитража завершился раздел послемюнхенской Чехословакии, в результате которого чехословацкое государство лишилось территории общей площадью 41 тыс. *кв. км* с населением 4800 тыс. человек.

248. Из письма полномочного представителя СССР во Франции народному комиссару иностранных дел СССР

11 ноября 1938 г.

Дорогой Максим Максимович,

Со времени отправки моего последнего письма прошло порядочно времени, и тем не менее я и сейчас затруднился бы ответить на вопрос, который я поставил в заключительной части своего прошлого письма, а именно: каковы пути и перспективы французской политики после Мюнхена. Затрудняюсь не только потому, что недостаточно информирован и осведомлен о планах французского правительства, но и потому, что уверен (об этом я слышу и со всех сторон), что такого законченного, конкретного, продуманного плана вообще не существует. Я не говорю о «намерениях» или тенденциях, таковые в достаточной степени выявились и нашли свое достаточно яркое выражение как в речах, которые Даладье и Бонне произнесли в Марселе [1], так и в повседневной практике дипломатических взаимоотношений. Марсельские речи были призывом во что бы то ни стало договориться с Германией и Италией. Больше того, они сигнализировали готовность во имя такого соглашения пожертвовать всей старой системой договоров и пактов и замкнуться в рамки «узконациональных» интересов. Эти заявления не оставляли места сомнению, что Даладье и Бонне не остановятся и перед денонсированием франко-советского пакта, если в это требование упрутся переговоры и если такой ценой можно будет купить соглашение с Гитлером. Эти «тенденции» сопровождались и подпирались и практиковавшейся за последнее время политикой «менажирования» и ухаживания за

Берлином и Римом. Под прямым давлением правительства пресса радикально изменила свой тон по отношению к Германии и Италии.

Тщательно замалчивались факты, способные омрачить дружбу с этими странами, и, наоборот, подхватывалось и раздувалось все, что могло быть использовано в интересах пропагандирования такой дружбы.

Достаточно характерны в этом отношении те трюки, к которым прибегали, чтобы скрыть или «пригладить» неприятные места из речей, которые произносил Гитлер. Но дело не ограничивалось одной прессой. Непрестанные знаки внимания оказывались и дипломатическим представителям этих стран во Франции, особенно представителям Германии. Проделывалось, словом, все, чтобы создать благоприятную атмосферу или «климат», как любят здесь выражаться, для подготовки будущих переговоров, но к самим переговорам пока еще не приступили.

Очень много разговоров и слухов плелось вокруг знаменитой беседы Понсе с Гитлером [2]. Ей приписывали огромное значение. Распускались слухи, что Гитлер сделал какое-то конкретное и притом «вполне приемлемое» для Франции предложение. Но все это оказалось сплошным блефом. Я уже Вам передавал мнение Манделя и только на днях со слов самого Понсе передал ряд дополнительных подробностей. Гитлер действительно говорил о своем желании наладить дружественные отношения с Францией. Заверял, что не имеет никаких претензий на Эльзас и Лотарингию, что готов «посильно содействовать» прекращению гонки вооружений и «гуманизации» войны, но на прямой вопрос Понсе, считает ли Гитлер момент созревшим для начала переговоров, ответа не дал. Больше того, он не выполнил обещания, которое он тогда дал Понсе, облечь в форму коммюнике содержание своей беседы с ним. Создается определенное впечатление, что Гитлер не спешит с переговорами, предпочитая выжидать и держать Францию в состоянии неуверенности и постоянного напряжения.

Но допустим, что Гитлер в конце концов согласится приступить к переговорам. Легко ли будет найти такую базу, на которой стороны смогли бы действительно договориться?

Весь опыт предшествующих лет, особенно история с Чехословакией, как будто говорит за то, что при беспре-

дельной уступчивости Франции, при ее безбрежной готовности идти на жертвы, почва для соглашения всегда найдется, найдется на путях дальнейших и новых уступок. Но напрашивается вопрос: так ли уж беспредельны уступки, на которые сейчас может идти Франция и которые в то же время способны удовлетворить Гитлера? Все жертвы, которые до сих пор приносились Гитлеру, очень сильно ослабили Францию, лишили ее преимущественного положения в Европе, отняли у нее почти всех ее союзников, но все же отличались той особенностью, что на данном отрезке времени, на *сегодняшний* день, не задели непосредственных территориальных интересов самой Франции и проводились преимущественно за счет третьих и слабых стран. Никто сейчас, например, не сомневается, что Мюнхен для Франции равносилен Седану[3], но все это с точки зрения будущих перспектив, будущей расстановки сил. Непосредственным же результатом этого Седана, результатом на сегодняшний день, является, однако, расчленение не Франции, а Чехословакии. Это обстоятельство, кстати, в немалой степени облегчило маневр Даладье и Бонне, и его-то я главным образом имел в виду, когда в прошлом своем письме говорил о слабой реакции населения. За счет каких третьих стран Франция может еще и сейчас делать уступки Германии и купить ее благоволение?

В этой связи особенно популярна версия о «дранг нах остен», версия о предоставлении Германии свободы действий и свободы рук на Востоке. В конечном счете при этом, естественно, имеется в виду предоставление свободы действий против СССР. В том, что теперешние властители Франции вкупе с их английскими коллегами не прочь были бы разрешить все спорные и «проклятые» вопросы за счет СССР, конечно, нет сомнения, да в этом нет и ничего принципиально нового. Но, спрашивается, представляет ли эта готовность такую уж большую ценность в глазах Гитлера? Навряд ли его на этом пути когда-либо сдерживали опасения наткнуться на серьезное сопротивление Англии или даже Франции, навряд ли он даже после подписания франко-советского пакта серьезно опасался, что СССР в этом случае будет поддержан Францией. И если он на войну с СССР все же не решался, то, конечно, по соображениям совершенно иного порядка. Я не вижу поэтому, что нового может в этом отношении Гитлеру дать и сегодняшняя Франция.

Прямую военную помощь? Помочь Гитлеру силой французского оружия захватить часть советской территории? Но здесь мы уже вступаем в область фантазии и невероятных предположений. Действительность же говорит за то, что возможность маневрирования за счет третьих стран с каждым днем для Франции все более и более суживается и что приближается момент, когда дальнейшее «насыщение» Германии должно производиться уже за счет самой Франции, в частности за счет ее колоний. [...]

Полпред СССР во Франции
Сурц

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 70—73.

[1] Имеются в виду выступления на конгрессе французской партии радикалов, открывшемся 27 октября 1938 г.

[2] 18 октября 1938 г. Гитлер принял в Оберзальцберге французского посла А. Франсуа-Понсе с прощальным визитом в связи с назначением его послом в Италии. Обсуждался вопрос об улучшении франко-германских отношений. В дальнейшем в ходе дипломатических переговоров было достигнуто согласие о подписании 6 декабря 1938 г. франко-германской декларации, которая, как и англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г., явилась, по существу, пактом о ненападении между Германией и Францией.

[3] Крупное поражение и капитуляция французской армии при Седане во время франко-прусской войны 1870—1871 гг.

249. Из письма временного поверенного в делах СССР в США народному комиссару иностранных дел СССР

11 ноября 1938 г.

[...] Послемюнхенское похмелье наступило скорее, чем в Европе, и имеет более всеобщий характер. Это сочетается, однако, с новым усилением изоляционизма, с резким падением доверия к Англии как к возможному партнеру в отпоре японцам. Эти настроения сильны как раз в тех антифашистских прогрессивных слоях, на поддержку которых Рузвельт прежде всего рассчитывает. Мне кажется, однако, что этот новый приступ изоляционизма лишь рецидив на фоне дальнейшего постепенного преодоления изоляционизма, который может очень быстро улетучиться, если фашистская агрессия в Европе повернет на Запад. В период непосредственно до и во время сентябрьского кризиса, вплоть до момента предъ-

явления ультиматума Бенешу, имелся ряд признаков готовности Рузвельта обеспечить англо-французам доступ к американскому оружию и сырью в рамках нынешнего законодательства о нейтралитете, разрешить им широко использовать с этой целью их вложения в США и в скором времени пересмотреть закон о нейтралитете так, чтобы и юридически лишить агрессоров доступа к американским товарам и деньгам. Посол в Лондоне Кеннеди сумел, действуя по заданиям чемберленовской клики, внушить Рузвельту идею неизбежности германского выступления и неподготовленности Англии; скрытый фашистик Буллит «продал» Рузвельту идею слабости Франции; англофильская клика в госдепартаменте во главе с Самнером Уэллесом и Дэнном обработала Рузвельта в том же направлении, и в результате получились сначала идентичные обращения к Гитлеру и Бенешу, а затем обращение к Гитлеру, провозглашавшее его великим человеком, если он не нападет на Чехословакию, а также «личное» послание к Муссолини, которое и поныне остается неопубликованным, говорят, потому, что оно содержит так много неприличной лести по адресу Муссолини. Рузвельт, правда, отмежевался от идеи и состава мюнхенской конференции в день ее созыва через своего секретаря, в недавнем выступлении против комитета Дайса публично, но нерешительно поставил под сомнение результаты Мюнхена, но, с другой стороны, разрешил Уэллесу выступить ранее с речью, в которой последний пытался доказать, что обращение Рузвельта к Муссолини последовало до, а не после принятия решения о Мюнхене, тем самым приписывая президенту сомнительную честь причастности к продаже Чехословакии. По-видимому, как я сообщал в свое время, в период событий, Рузвельт рассчитывал, что эти лавры ему пригодятся на выборах. Результаты последних должны убедить его в обратном. Сейчас альфа и омега его политики — форсирование военного, морского и авиационного строительства, на которое он возлагает также преувеличенные надежды экономического оживления. [...]

С товарищеским приветом

К. Уманский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 77—78.

250. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР

14 ноября 1938 г.

Был у Хвалковского с протестом против поведения прессы. Хвалковский в моем присутствии звонил министру пропаганды Вавречке с требованием, в достаточно резких выражениях, воздействовать на прессу, чтобы она вела себя в отношении СССР не менее прилично, чем в отношении Германии[1]. Вообще Хвалковский проявил большую заинтересованность в добрых отношениях с нами, снова заверял, что Чехословакия нуждается в СССР и просит дать ей время оправиться от все еще наносимых ударов. Доверия к нему я все же не чувствую.

Хвалковский не отрицал, что выдвинута его кандидатура в президенты, но заверял, что ему еще не сделано формальное предложение и что он намерен отказаться, ибо не видит возможности возглавлять государство, лишенное надежды вести самостоятельную политику. Он прямо сказал, что Гитлер имеет возможность вынудить все, что угодно, и в политической, и в экономической жизни страны. Дальше ссылался на словаков, которые продолжают забегать вперед и тем самым диктовать линию поведения Праге. При таких условиях, дескать, невозможно быть президентом. Сегодня продолжаются переговоры со словаками, которые торопят с выборами президента, опасаясь того, что Прага нарочно затягивает, чтобы дезорганизовать словаков и сузить автономию. Они даже грозили созывом своего сейма и принятием своей конституции, если не будет немедленно созван парламент, избран президент, выработана конституция на основе федерации чехословаков и карпаторусов. Хвалковский несколько раз возвращался к просьбе быть терпеливым и не судить о Чехословакии и ее намерениях по тому, что дела теперь в состоянии развала и невозможно вести какую бы то ни было политику.

Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы внешней политики СССР», т. XXI. М., 1977, с. 639.

[1] Несмотря на подобные заверения, антисоветская кампания в чехословацкой печати продолжалась. С. С. Александровский телеграфировал в НКИД СССР 10 декабря 1938 г., что он «уже четыре раза обращал внимание Ф. Хвалковского на недружелюбное поведение

ряда органов чехословацкой печати и подчеркивал при этом, что роль цензуры зависит от правительственных указаний». «Тем не менее,— писал полпред,— за последние дни развернулась такая антисоветская кампания, в которой особенно усердствует бывшая бенешевская печать концерна «Мелантрих».

251. Запись бесед делегата ЧСР в подкомиссии «С» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения с делегатом Германии в этой подкомиссии

15 ноября 1938 г.

12 ноября с. г. сразу после возвращения из Праги и краткой беседы с г-ном посланником д-ром Мастным в 18 часов я посетил посланника фон Рихтгофена, с тем чтобы более подробно разъяснить ему решение чехословацкого правительства от 11 ноября[1], касающееся новых территориальных требований Германии. Посланник фон Рихтгофен был уже информирован об этом решении телеграммой германского временного поверенного в Праге фон Генке, которому я вместе с г-ном легационным советником д-ром Масаржиком сообщил о решении правительства ночью 11 ноября 1938 г.

Посланник фон Рихтгофен, подтвердив получение телеграммы Генке, просил меня, однако, дать ему для него лично запись о решении чехословацкого правительства, чтобы он мог проверить, правильно ли фон Генке понял устное сообщение. Я удовлетворил его просьбу.

Затем, разъяснив посланнику фон Рихтгофену национальный состав территорий, которые дополнительно требует Германия, я спросил его, информирован ли рейхсканцлер о том, что на этих территориях живет почти исключительно чешское население и что особенно Домажлицкий район является самой что ни на есть чешской территорией, какую вообще можно себе представить. Посланник фон Рихтгофен ответил, что даже если рейхсканцлер не был информирован о национальном составе этих территорий, он, безусловно, узнает об этом, самое позднее, в воскресенье утром, поскольку ему будет немедленно послана запись беседы со мною, как ему уже была послана телеграмма Генке. В этой связи посланник фон Рихтгофен заметил, что решение вопроса о том, можно ли будет внести изменения в то или иное терри-

ториальное требование, зависит исключительно от рейхсканцлера.

Мои усилия добиться того, чтобы новые территории, которые дополнительно требует Германия, не были немедленно оккупированы военным или иным путем, увенчались тем, что посланник фон Рихтгофен, побеседовав с некоторыми представителями министерств иностранных дел и внутренних дел, а также генерального штаба, сообщил мне, что оккупацию можно отсрочить, однако она должна быть проведена через несколько дней после принятия решения об окончательном урегулировании новых чехословацко-германских границ.

Обсудив вопрос о том, когда следовало бы сообщить общественности о новых территориальных требованиях Германии, мы пришли к выводу, что с этим следует пока подождать, поскольку в противном случае какое-либо изменение упомянутых требований может встретить трудности или станет вообще невозможным.

Наконец я договорился с посланником фон Рихтгофеном, что в воскресенье, 13 ноября, встретятся чехословацкие и германские статистики и картографы, чтобы в присутствии председателей обеих делегаций по пограничным вопросам перенести т. н. берлинские линии от 5 октября и 10 ноября (линии синюю и красную) с масштаба 1 : 300.000 на масштаб 1 : 75.000.

В воскресенье, 13 ноября, около 20 часов, когда закончились переговоры о перенесении этих линий, посланник фон Рихтгофен сообщил мне на основе информации, полученной им перед заседанием от фон Альтенбурга, что только сейчас звонил министр фон Риббентроп, с тем чтобы в ответ на решение чехословацкого правительства от 11 ноября мне было сообщено пока следующее:

1. Заявление германского правительства от 10 ноября, касающееся новых территориальных требований Германии, не означает, что германское правительство отказалось от всех дальнейших требований. Например, обсуждение вопросов, входящих в компетенцию подкомиссии «В», еще далеко не закончено и в ходе переговоров могут еще возникнуть некоторые новые требования.

Я обратил внимание фон Рихтгофена на то, что решение чехословацкого правительства имеет в виду только территориальные требования. Это четко и ясно выра-

жено соответствующим определением дважды. Посланник фон Рихтгофен сказал мне, что это определение при передаче или расшифровке телеграммы Генке выпало. Затем, ссылаясь на данное ему по телефону поручение министра фон Риббентропа, он сообщил мне о ряде требований в отношении транспорта, как это зафиксировано в специальной записи.

2. Что касается вопроса гарантий Германией новых чехословацко-германских границ, то германское правительство придерживается той точки зрения, что решение этого вопроса не входит в компетенцию подкомиссии по пограничным вопросам.

Я заметил на это, что чехословацкое правительство в своем решении от 11 ноября не настаивало на том, чтобы решение вопроса о гарантиях входило в компетенцию подкомиссии «С»; для чехословацкого правительства не имеет значения, будет ли вопрос о гарантиях решен путем переговоров в той или иной комиссии либо между теми или иными деятелями, однако оно считает важным, чтобы этот вопрос был разрешен в ходе переговоров об окончательном урегулировании чехословацко-германских границ.

14 ноября в 19 час. 30 мин. посланник фон Рихтгофен вручил мне германский ответ на оба затронутых пункта решения чехословацкого правительства от 11 ноября также в письменной форме.

Обоснование германской позиции, содержащееся в этом письменном ответе, иное, чем устно изложенное мне днем ранее. Это, несомненно, результат моих замечаний.

Что касается вопроса, не означает ли это заявление германского правительства от 10 ноября отказ от новых территориальных требований, то в германском ответе говорится, что формально правительство от них не отказалось.

Когда посланник фон Рихтгофен вручал мне ноту, я заметил, что знаю, что формально отказ германского правительства от дальнейших требований выразится лишь в том, что во время переговоров в международной комиссии об окончательном урегулировании границ оно не выдвинет таких требований, однако для чехословацкого правительства имеет значение уже тот факт, что в своем заявлении от 10 ноября германское правительство сообщило о своем решении не предъявлять больше никаких новых территориальных требований.

Что касается вопроса гарантии Германией новых чехословацко-германских границ, то в письменном ответе говорится, что нет оснований, да и невозможно начать обсуждение этого вопроса уже на нынешних переговорах об определении границ. Посланник фон Рихтгофен добавил, что обсуждение этого вопроса, по мнению министра фон Риббентропа, относится к следующему этапу политического развития.

Я заметил на это, что, по моему мнению, для чехословацкого правительства важно, чтобы оно могло представить чехословацкой общественности проект окончательного урегулирования чехословацко-германских границ, указав, что речь идет о границах, которые Германия готова гарантировать.

Посланник фон Рихтгофен обещал информировать министра фон Риббентропа по этому вопросу, с тем чтобы его можно было решить во время предстоящего визита чехословацкого министра иностранных дел в Берлин.

Из этой беседы с посланником фон Рихтгофеном я вынес впечатление, что германское правительство видит в возможности предъявления новых территориальных требований, а также в вопросе гарантий эффективное средство нажима с целью добиться, чтобы все военные, транспортные, экономические, внутриполитические и иные вопросы были решены в Чехословакии так, как этого требует Германия, с тем чтобы чехословацкая территория была удобным и полностью безопасным плацдармом для достижения германских целей на Востоке.

Это намерение германского правительства является действительной причиной того, почему при окончательном урегулировании чехословацко-германских границ оно не хочет уступить ни одной трассы, которую пересекла демаркационная линия от 5 октября (поэтому, например, оно не хочет возвратить ни тыловую часть Йиндржихув-Градца, ни крошечный территориальный клин, который за станцией Ольбрамкостел пересекает железная дорога Зноймо — Моравске-Будеёвице), и почему оно в заявлении от 10 ноября требует новые чисто чешские территории. Для меня стало также очевидным, что Германия нуждается в этих территориях как по стратегическим соображениям (например, Домажлицкий район), так и для того, чтобы автострады и железные дороги, которые она собирается построить на

судето-немецкой территории, по соображениям военной безопасности целиком проходили по немецкой территории: по территории Ческодубского района должна проходить автострада на Либерец, по территории у Высоке над И. и Йилемнице — железная дорога из Либерца до Врхлаби, а по территории у Яблонне над О.— железная дорога на Ланшкроун. В то же время Германия не желает уступить тыловые части Пльзени и Моравской Остравы, очевидно, для того, чтобы иметь возможность контролировать эти два важных промышленных центра.

Гейдрих

Печат. по арх.

[1] 10 ноября 1938 г. чехословацкому делегату в подкомиссии «С» от имени германского правительства были предъявлены новые требования относительно передачи новых районов, преимущественную часть населения которых составляли чехи. Одновременно было дано обещание, что Германия больше не будет поднимать вопрос о новых территориальных требованиях. Чехословацкое правительство в своем ответе от 11 ноября 1938 г. в принципе подчинилось германскому диктату, но при этом обратилось с просьбой, чтобы Германия по возможности внесла изменения в свои требования. Оно также выразило надежду, что после окончательного размежевания границ уже ничто не будет препятствовать гарантии их со стороны Германии, предусмотренной мюнхенским соглашением. Однако, учитывая намерения гитлеровской Германии полностью ликвидировать ЧСР, эти гарантии так и не были осуществлены.

252. Запись беседы делегата ЧСР в подкомиссии «С» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения с делегатом Германии в этой подкомиссии

16 ноября 1938 г.

16 ноября с. г. в 9 час. 15 мин. мне позвонил посланник фон Рихтгофен и попросил посетить его в 10 часов. Он добавил, что сообщит мне германский ответ на пожелание, выраженное в решении чехословацкого правительства от 11 ноября с. г., о том, чтобы в свои территориальные требования германское правительство внесло изменения, какие оно сочтет совместимыми с германскими национальными интересами.

Когда я прибыл к посланнику фон Рихтгофену, он сообщил мне, что германское правительство не может отказаться от своих требований в отношении Домажлицкого, Ческодубского и Йилемницкого районов, однако оно

готово отойти на линию, обозначенную зеленым цветом на переданных мне специальных картах, т. е. отказаться от присоединения примерно 50 чешских населенных пунктов. Затем, показывая мне на карте район севернее Зноймо, он сказал, что германское правительство отказывается от присоединения населенных пунктов Пршимнетице и Кухаржовице, добавив, что оно делает это при условии, что Германии будет обеспечена возможность эксплуатации расположенных там каолиновых месторождений. Относительно собственности Гогенберга в Хлуме он сказал, что понимает причины, по которым я пока не могу окончательно обсудить с ним этот вопрос, однако просил меня добиться согласия на включение в заключительный протокол о переговорах заявления о том, что чехословацкое правительство в принципе готово благоприятно урегулировать этот вопрос.

Когда я упомянул о том, что чехословацкая общественность вряд ли поймет, почему Чехословакия должна уступать такие чисто чешские территории, как Домажлицкий, Ческодубский и Йилемницкий районы для удовлетворения транспортных потребностей Германии, в то время как германское правительство не проявляет желания уступить хотя бы одну из пересекаемых чехословацких трасс, он заметил, что было бы неплохо сказать чехословацкой общественности чистую правду. На мой вопрос, в чем она заключается, собеседник ответил буквально следующее: «Wenn die Sache durch Waffen geregelt worden wäre, hätte es für die Tschechoslowakei weit ärger geendet. Es ist selbstverständlich, dass bei einer solchen Regelung, wie sie jetzt zwischen Deutschland und der Tschechoslowakei vorgenommen wird, der Staat, welcher die Mittel dazu hat, alle seine Interessen zu befriedigen trachtet» [1].

Когда речь зашла о том, является ли оккупационная линия этнографической согласно статистическим данным 1910 г., посланник фон Рихтгофен, очевидно по небрежности, показал мне документ с красным грифом «Geheime Reichssache» [2]. Этот документ — запись, сделанная 5 октября, о переговорах министра фон Риббентропа с послами Гендерсоном, Франсуа-Понсе и Аттолико об определении оккупационной линии. В последнем предложении этого документа упомянутые участники переговоров признали оккупационную линию этнографической. Произошло это так потому, что, принимая территорию, ограни-

ченную демаркационной линией, за единое целое, участники переговоров заявили, что на этой территории по состоянию на 1918 г. проживает более 50 процентов судетских немцев. Читая это предложение, я заметил, что оно содержит решение, которое нельзя сравнить не только с мюнхенским соглашением, но и с аргументами, которые приводил сам фон Рихтгофен, ссылаясь на порядок проведения плебисцита в Саарской области, о котором говорится в этом соглашении. (В соответствии с этим порядком большинство определяется по населенным пунктам или их группам, а не так, как это устанавливается в упомянутом предложении). На мой вопрос, почему эта запись не была зачитана на заседании международной комиссии, чтобы чехословацкая делегация могла узнать о ней, посланник фон Рихтгофен не сумел мне ответить. Когда я его потом попросил дать мне копию записи, он сказал, что для этого ему требуется согласие вышестоящих органов. Затем он отправился к заместителю статс-секретаря Верману, от которого пришел лишь через полчаса, и сообщил, что вышестоящие инстанции согласны предоставить мне копию.

В конце беседы посланник фон Рихтгофен упомянул о том, что теперь необходимо подписать протокол, в соответствии с которым доводится до сведения международной комиссии о чехословацко-германском соглашении о пограничной линии [3]. На это я заметил, что, может быть, не следовало бы представлять международной комиссии результат наших переговоров лишь как проект, к которому будет приложена запись о ходе переговоров. В ответ посланник фон Рихтгофен очень твердо заявил следующее: «Ich warne die tschechoslowakische Regierung nachdrücklichst, einen anderen Weg zur Internationalen Kommission zu wählen als den eines Protokolls, in dem einfach konstatiert wäre, dass die beiden Delegationen über die Festsetzung der deutsch-tschechoslowakischen Grenze nach der beigeschlossenen Karte übereingekommen sind» [4].

Гейдрих

Печат. по арх.

[1] «Если бы вопрос был урегулирован вооруженным путем, для Чехословакии все кончилось бы гораздо хуже. Само собой разумеется, что при такого рода решении, которое сейчас осуществляется между Германией и Чехословакией, государство, располагающее соответствующими средствами, стремится удовлетворить все свои интересы» (*нем.*).

[2] «Секретное дело рейха» (*нем.*).

[3] Постановлением пленарного заседания международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения от 13 октября 1938 г. было решено отказаться от плебисцита, предусмотренного мюнхенским соглашением. Последовавшее размежевание границ было проведено на основе «этнографического принципа» в ходе прямых двусторонних чехословацко-германских переговоров, результаты которых были одобрены участниками пленарного заседания международной комиссии 21 ноября. Международная комиссия по осуществлению мюнхенского соглашения продолжала и дальше свою деятельность, занимаясь вопросами прежде всего ликвидации имущества чехословацких граждан, возмещения убытков на отторгнутой территории и т. п., и прекратила свое существование после того, как гитлеровские войска 15 марта 1939 г. оккупировали остальную часть ЧСР.

[4] «Я настоятельно предупреждаю чехословацкое правительство, чтобы оно не искало иных путей в международную комиссию, кроме как с помощью протокола, в котором бы просто констатировалось, что обе делегации договорились об установлении германо-чехословацкой границы в соответствии с приложенными картами» (*нем.*).

253. Из письма полномочного представителя СССР в ЧСР народному комиссару иностранных дел СССР

17 ноября 1938 г.

[...] Ссылаясь на свои связи с судетскими немцами и через них с Германией демократического толка, Шкрах несколько раз уверял меня в том, что считает самым большим несчастьем капитуляцию Чехословакии именно потому, что гитлеровский режим в Германии является насквозь гнилым и не выдержал бы даже самой непродолжительной войны, хотя бы с одной только Чехословакией. Без всякого подсказа с моей стороны Шкрах делал тот вывод, что Чехословакия принесена в жертву именно потому, что все участники этой трагедии страшно боялись крушения гитлеровского режима, боялись погибнуть под развалинами этого колосса, боялись неизбежной революции, которая затронула бы тогда не только Францию, но и Англию, да и всю Европу. По сведениям Шкраха, Гитлер только для внешнего мира держит себя крикливо и гордо. В разговорах же с Чемберленом он якобы прямо поставил перед ним вопрос о том, что не только война будет обозначать близкую социальную революцию, но даже просто неуспех Гитлера поведет в конечном результате и в очень близком будущем к развалу национал-социалистской системы и к торжеству

большевизма в Европе. Это якобы совпадало с оценкой Чемберлена, и отсюда его усердие в деле спасения Гитлера и его режима. Шкрах уверен в том, что к такому же убеждению быстро была приведена и Франция, а также правящая верхушка в самой Чехословакии. Отсюда понятна и естественна измена Франции, а также несомненна и измена в Чехословакии. Кто прямой носитель этой измены и ее исполнитель, совершенно ясно в смысле социально-политических группировок. Это — аграрная партия, правая часть народных социалистов и, несомненно, кое-кто из руководства социал-демократической партии. Чисто фашистские группировки, вероятно, не принимали участия, поскольку не играли никакой роли и стояли в стороне от дел правительства. Шкрах не подозревает прямо Бенеша, но все остальное ближайшее окружение Бенеша находится у него под сильным подозрением. [...]

С товарищеским приветом

Полпред СССР в Чехословакии
С. Александровский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 81—82.

254. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР

20 ноября 1938 г.

Пайяр обратился с вопросом, как я смотрю на нынешнее международное положение и дальнейшее его развитие. Я ответил, что новое положение создано мюнхенским соглашением и мне казалось бы, что вопрос должен быть обращен нами к Англии и Франции — как они сами мыслят последствия этого соглашения. Пайяр тогда сказал, что он обратился ко мне не по поручению правительства, а от себя лично. Так как он считает себя сторонником коллективной безопасности, то он хотел бы знать, считаю ли я и теперь возможной политику коллективной безопасности. На это я сказал следующее.

Мы считаем мюнхенское соглашение международным несчастьем. Англии и Франции сейчас вряд ли удастся отступить от намеченной ими политики, которая сводится

к одностороннему удовлетворению требований всех трех агрессоров: Германии, Италии и Японии. Они будут предъявлять свои требования по очереди, и Англия и Франция будут им делать одну уступку за другой. Я полагаю, однако, что они дойдут до такой точки, когда народы Англии и Франции должны будут их остановить. Тогда, вероятно, придется вернуться на старый путь коллективной безопасности, ибо других путей для организации мира нет. Англия и Франция выйдут, конечно, сильно ослабленными из этой полосы, но все же и тогда еще потенциальные силы мира будут превышать потенциальные силы агрессии.

На вопрос Пайяра, считаю ли я возможным привлечение к такой политике коллективной безопасности также Польши и Румынии, я ответил, что в настоящий момент вряд ли это было бы возможным, в особенности в отношении Польши, ибо она, а в меньшей степени и Румыния относятся особо недоверчиво к политике Англии и Франции. Должны сперва объединиться великие державы, и когда они на деле покажут свою способность вести твердую и последовательную политику, то вокруг них начнут группироваться другие страны и будет обеспечена поддержка США. [...]

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 85—86.

255. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР

10 декабря 1938 г.

Германия не торопится с окончательным установлением статута Чехословакии и гарантией ее границ по следующим причинам:

1. Германия испытывает недоверие к намерениям Чехословакии в отношении Германии. Риббентроп неоднократно заявлял, что Чехословакия в удобный момент может вновь вернуться к политике, которую он называет «à la Benes». Сопровождавшие Риббентропа лица во время бесед были более откровенны и отмечали, что хотя Бенеша в Чехословакии уже нет, тем не менее ею руководят такие же люди, что и раньше, и они действуют теми же методами, что и их предшественники.

2. По моим данным, беседа короля Кароля с Гитлером не принесла удовлетворения. Кроме того, смерть Кодряну и его сообщников вызвала у Гитлера и его окружения резкую реакцию как против короля Кароля, так и против Румынии.

3. В Германии пока еще не представляют достаточно ясно, какую окончательную окраску приобретет венгерская политика и не следует ли Германии зарезервировать за собой возможность поддержать Венгрию как против Румынии, так и против Чехословакии.

В Германии думают также над тем, что было бы для ее политики наиболее выгодным и действенным. Если чехословацкие границы будут гарантированы и окончательно закреплены, то изменения в тактике и политике станут затруднительными. Поэтому Германия хочет на будущее зарезервировать за собой возможность разрабатывать политику в районе Центральной Европы по возможности еще и за счет Чехословакии, если это подойдет для ее комбинаций.

Относительно Франции считаю своим долгом обратить внимание на то, что на основе пропаганды и сообщений о том, что происходит в Чехии, Словакии и в Закарпатской Украине, здесь выработалось такое отношение к Чехословакии, словно она уже стала колонией Германии. Подобные настроения существуют также в Англии и в Америке. В связи с этим обращаю внимание на то, что Малькольм Дэвис, поддержкой которого в пользу Чехословакии мне удалось заручиться и который находится сейчас в Америке, где он беседовал с ответственными американскими деятелями, в своих сообщениях в Париж указывает, что в Америке интерес в вопросе оказания помощи Чехословакии значительно ослаб. [...]

В этих обстоятельствах самым решительным образом советую, чтобы чехословацкое правительство поторопилось с переговорами с Германией и Италией о гарантии чехословацких границ. Мы уже потеряли много времени, положение для нас ухудшилось и постоянно ухудшается. И теперь стало ясно: если в скором времени не будет организована гарантия чехословацких границ, то вся идея международных гарантий этих границ отпадет.

Когда 18 сентября в Лондоне родилась идея гарантии чехословацких границ, то это была идея индивидуальных гарантий, наиболее приемлемая для Чехословакии форма гарантий. С тех пор, однако, прошло много

времени и отношение к этому вопросу как в Англии, так и во Франции изменилось. Согласно моим данным, англичане теперь ни за что не предоставят индивидуальных гарантий. Следовательно, остаются только коллективные гарантии. Я понимаю все отрицательные стороны таких гарантий, но все же утверждаю, что, не имея большой цены с точки зрения юридической, они тем не менее имеют большой психологический и политический вес. Если мы не поспешим с получением этих гарантий, то я выражаю самые серьезные опасения относительно того, сможем ли мы вообще получить какие-либо гарантии в ближайшее время. Поэтому я считаю целесообразным добиваться хотя бы общей неквалифицированной гарантии, т. е. гарантии коллективной.

По моему мнению, недоверчивая Германия никаких других гарантий Чехословакии не даст. Без гарантий Германии не даст гарантий Италия, а без гарантий Италии не даст гарантий Англия. Само собой разумеется, что одна Франция гарантий не даст. Что из этого следует? Поскольку франко-чехословацкий договор до сих пор имеет юридическую силу, Франция будет обязана прийти на помощь Чехословакии в случае ее дальнейшего насильственного раздела. Чтобы еще раз не подвергнуться нажиму, какому Франция уже подвергалась в сентябре, она, вероятно, просто официально признает чехословацко-французский договор недействительным. Это произвело бы в Европе угнетающее впечатление, как если бы Чехословакию сочли погибшей. Чтобы этого не произошло, я настойчиво советую чехословацкому правительству поторопиться.

Осуский

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Das Abkommen von München 1938». Praha 1968, S. 330—332.

256. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

15 января 1939 г.

Французский посол Кулондр во время вчерашнего визита ко мне сообщил, что несколько дней назад он имел беседу со статс-секретарем бароном Вейцзекером, которого он, между прочим, в связи с упоминанием вопроса о гарантиях четырех великих держав Чехословакии спросил, как Германия представляет себе их осуществление,

По словам Кулондра, барон Вейцзекер очень сдержанно и явно неохотно ответил, что этот вопрос до сих пор не обсуждался, и заявил, что он и сам как следует не знает, действительно ли Чехословакия хочет гарантий четырех великих держав.

Я сказал французскому послу, что считаю гарантии четырех великих держав твердо согласованной частью мюнхенского соглашения и мне не известно, что мы со своей стороны заявили, что не хотим их. Относительно их реализации я заметил, что, по моему мнению, во время ожидаемого в скором времени визита нашего министра иностранных дел в Берлин, вероятнее всего, этот вопрос будет предметом переговоров со здешним министром иностранных дел.

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх.

257. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР

21 января 1939 г.

Посланник Александровский жалуется, что Вы избегаете разговоров с ним, а также на некоторые непристойные действия, такие, как прием атамана Попова господином министром Сидором и в министерстве иностранных дел.

Помимо того, намеки германской печати относительно нашего перехода на позиции антикоминтерна усилили здесь пессимизм. Поэтому Москва намерена отозвать Александровского. Решение об этом будет принято после его устного сообщения. Он будто бы должен прибыть в Москву в конце недели. Сразу же после берлинских переговоров [1] прошу сообщить мне, как вы представляете себе дальнейшие отношения с Москвой. Если нам придется выходить из границ корректного нейтралитета, разрыв будет неизбежным, и я буду вынужден уйти с поста. Я хотел бы, конечно, чтобы это произошло своевременно и в форме моей спонтанной просьбы об освобождении или ухода по собственному желанию. Все остальное я передам устно в Праге, куда приеду в конце месяца, используя прошлогоднее разрешение на приезд.

Снова усилился скептицизм по отношению к польской

политике. Переговоры с Германией будут носить экономический характер. Германия ищет здесь сырье, а для СССР также, по-видимому, удобно осуществлять осторожное экономическое сотрудничество.

Фирлингер

Печат. по арх. Опубл. в сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 595.

[1] Речь идет о переговорах министра иностранных дел Чехословакии Ф. Хвалковского с представителями фашистской Германии, состоявшихся 21 января 1939 г. (их содержание см. в док. № 260).

258. Письмо президиума правительства ЧСР в МИД ЧСР

25 января 1939 г.

Правительство на своем заседании 20 января с. г. приняло решение признать создание областной зарубежной организации германской национал-социалистской рабочей партии (NSDAP) в Чехословацкой республике. С юридической точки зрения для создания этой организации будет избрана форма, которая в дальнейшем будет предназначаться исключительно для ассоциаций высшей категории (чем существующие объединения) и при этом преимущественно для таких ассоциаций, целью которых является более широкое участие в общественной жизни и обсуждение вопросов и дел подобного рода.

Об этом уведомляются: министерство внутренних дел в Праге, министерство иностранных дел в Праге, министерство внутренних дел для словацкой земли в Братиславе и министерство внутренних дел для Закарпатской Украины в Хусте.

За председателя правительства
д-р *Ключина*

Печат. по арх.

259. Из письма временного поверенного в делах ЧСР во Франции в МИД ЧСР

7 февраля 1939 г.

Англо-германская декларация, подписанная 30 сентября в Мюнхене, вызвала во Франции удивление и определенное недоверие к английской внешней политике. Толкование, которое давали декларации некоторые газеты,

например «Фелькишер беобахтер», назвавшая ее неким пактом о ненападении, только усилило это недоверие. Поэтому 1 октября премьер-министр Чемберлен направил председателю французского правительства послание, в котором подчеркнул значение франко-английского сотрудничества и тесных связей между двумя государствами. На это послание председатель совета министров Даладье ответил 4 октября очень тепло, указав, что дружба обоих народов, еще больше укрепившаяся во время сентябрьского кризиса, является наиболее прочной гарантией мира.

4 октября председатель правительства сделал в парламенте заявление о мюнхенском соглашении. Рассказав о начале судетского кризиса и о попытках Чемберлена примирить стороны, он выступил в защиту французской политики в отношении Чехословакии. Даладье не выразил сожаления по поводу того, что принял приглашение прибыть в Мюнхен, и он убежден, что там был спасен мир. Жертву, которую принесла Чехословакия, он оценил следующими словами: «Действительно, мюнхенское соглашение сокращает территорию Чехословакии. Но Чехословацкая республика может в дальнейшем жить свободно, и мы ей в этом поможем. Заглянув в историю, мы увидим немного государств, которые ради сохранения мира принесли бы такие ощутимые жертвы. Чехи и словаки — народы мужественные. Мы знаем, что они с оружием в руках защищали бы целостность своей территории и, оказав отчаянное сопротивление, с честью пали бы. Однако их руководители — президент Бенеш, Годжа и ген. Сыровый — сознавали свою большую ответственность перед родиной и человечеством. Сообщая чешскому народу о принятии мюнхенского соглашения, ген. Сыровый указал, что считал своим долгом сохранить жизнь народа, чтобы вновь привести его к расцвету. Мы восхищены поразительной гордостью и удивительной отвагой, с которыми эта благородная страна прошла сквозь столь суровое испытание».

По просьбе правительства никаких дебатов о правительственном заявлении не состоялось, однако было решено, что представители отдельных парламентских групп выступят лишь с краткими заявлениями. Депутаты Габриэль Пери (коммунист) и Анри де Кериллис (независимый республиканец) в своих выступлениях резко критиковали мюнхенское соглашение и открыто упрекали

правительство в предательстве Чехословакии. Значительно более умеренной была критика Леона Блюма. В ходе голосования по вопросу о заявлении председателя правительства его партия (социалисты) также голосовала за правительство, так что в итоге заявление было одобрено 535 голосами против 75. Против голосовали все коммунисты (73 голоса), Анри де Кериллис и социалист Буе. В сенате правительственное заявление зачитал министр Шотан. Так как никто из сенаторов не высказал своих замечаний в связи с заявлением, голосования по нему не было. [...]

Поверенный в делах
Черный

Печат. по арх.

260. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР

8 февраля 1939 г.

Фирлингер, встреченный мною на обеде у Урби, сообщил мне следующее.

По приезде в Прагу Фирлингер поставил перед Хвалковским и «некоторыми своими друзьями» вопрос о возможности дальнейшего своего пребывания на посту посланника в Москве. И с той и с другой стороны Фирлингеру было указано, что объективных оснований для его ухода из Москвы не имеется. Особенно резко это было подчеркнуто друзьями Фирлингера, которые квалифицировали такой уход как «дезертирство». На возражения Фирлингера, что поставленный им вопрос является делом его «политической совести», он получил ответ, что преждевременно говорить об окончательной утрате Чехословакией независимости в области своей внешней политики. Силы национального сопротивления в стране еще не сломлены: сколько-нибудь благоприятная перемена международной ситуации может вновь вызвать эти силы к противодействию Германии. В результате своих переговоров в Праге Фирлингеру пришлось вернуться в Москву для продолжения своей работы.

По словам Фирлингера, Хвалковский подробно ознакомил его с требованиями, предъявленными ему Гитлером при последней встрече. Требования эти, по существу, представляют собой самый категорический «диктат». В основном содержание их сводится к следующему:

1. Правительство Чехословакии должно немедленно прекратить антигерманские выступления чехословацкой печати;

2. Чехословацкая армия должна быть сокращена — примерно на половину своего нынешнего состава;

3. Часть золотого запаса Чехословакии должна быть передана Германии — на том формальном основании, что к последней перешли некоторые территории Чехословакии;

4. Чехословацкое правительство обязано принять значительную часть чехословацких денег, обращающихся в Судетской области и подлежащих замене германской маркой; за эти деньги Чехословакия должна отпустить Германии соответствующее количество товаров своего производства;

5. В своей внешней политике Чехословакия обязана соблюдать позицию нейтралитета;

6. Чехословацкое правительство должно немедленно приступить к изгнанию евреев не только из государственных и общественных учреждений, но также из своей хозяйственной жизни. Гитлер буквально заявил Хвалковскому, что «евреи в Чехословакии должны быть истреблены» (ausgerottet). На вопрос Хвалковского, как можно провести такую меру, Гитлер ответил, что при желании средства всегда найдутся. Об этом должно позаботиться само чехословацкое правительство. Последнее обязано помнить, что Чехословакия находится в полной зависимости от Германии. Если будет нужно, Германия не остановится перед занятием новых чехословацких областей.

По словам Фирлингера, Хвалковский вернулся из Берлина не только ошеломленный оказанным ему приемом, но и проникнутый убеждением, что Чехословакии не остается ничего другого, кроме повиновения диктату Гитлера. Хвалковский уверен, в частности, что сотрудничество Берлина с Римом обеспечено на десятки лет вперед.

Фирлингер утверждает, что весьма многие и притом авторитетные политические деятели Чехословакии не разделяют капитулянтских выводов Хвалковского. Между прочим, независимую позицию сохраняют пока представители крупной промышленности Чехословакии. Громадко заявил Фирлингеру, что гарантирует дальнейшее бесперебойное выполнение советских заказов. Наблюде-

ние за их выполнением специально поручено генералу Гусареку, который вышел в отставку и принят на службу дирекцией Шкода.

В. Потемкин

Печат. по арх.

261. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР

8 февраля 1939 г.

Согласно сообщениям, исходящим из здешнего французского посольства, во время своей последней поездки в Рим Чемберлен поставил перед итальянским правительством вопрос о гарантии чехословацких границ. Итальянское правительство будто бы ответило ему, что в этом вопросе оно сможет определить свою позицию лишь после выполнения следующих трех условий:

1) когда будет урегулирован вопрос о внутреннем устройстве Чехословакии;

2) когда будет осуществлена нейтрализация Чехословакии в международном плане;

3) когда Чехословакия заключит с каждым лимитрофным государством пограничный договор, так как для гарантирования границ недостаточно лишь их обозначения на карте. Это последнее условие является всего лишь формальностью.

6 февраля здешнее французское посольство по указанию своего правительства вручило германскому министерству иностранных дел вербальную ноту, в которой, упомянув об этом демарше Великобритании в Риме, просит германское правительство определить свою позицию в вопросе гарантии границ Чехословакии в соответствии с мюнхенским соглашением.

Посланник
д-р *Мастный*

Печат. по арх.

262. Из обзора внешней политики Великобритании за 1938 г., подготовленного полномочным представителем СССР в Великобритании

25 февраля 1939 г.

[...] 4. *После Мюнхена.* «Политика умиротворения» неизбежно вызывает рост наглости и аппетитов у агрессоров. Это с особенной яркостью обнаружилось в англо-

германских отношениях после Мюнхена. Чемберлен, а вместе с ним большинство в правительственных кругах полагали, что Мюнхен, при всех своих недостатках, будет иметь один очень важный для них положительный результат, а именно: он на значительный промежуток времени «удовлетворит» Гитлера, поскольку речь идет о Западной Европе, и, таким образом, создаст базу для реализации «пакта четырех», являющегося давнишней мечтой премьер-министра. Руководящая консервативная верхушка охотно предоставляла Гитлеру «свободу рук» в Центральной, Юго-Восточной, Восточной Европе в обмен за известную стабилизацию «западной безопасности».

В английской (и французской) печати сразу же после Мюнхена началось усиленное муссирование слухов и сообщений о том, что теперь Гитлер пойдет на Восток и что его ближайшим крупным объектом является Украина. В общественных и политических кругах на все лады дискутировались те же самые предположения. Не подлежит сомнению, что целый ряд крупных деятелей (в том числе некоторые члены кабинета) прямо нашептывали Гитлеру эту восточную авантюру, обещая ему по крайней мере благожелательный нейтралитет со стороны «западных демократий». Однако Чемберлена и всех его сторонников ожидало большое разочарование. Гитлер, который всемерно избегает действительно большой войны и который прекрасно понимает, что всякая авантюра против Советской Украины неизбежно должна вызвать такую большую и безнадежную для него войну, обнаружил меньше всего желания идти на Восток (хотя до поры до времени он считал выгодным распространять подобного рода слухи). На самом деле Гитлер сразу же после Мюнхена начал нажим против Запада. Этот нажим носил весьма разнообразные формы: бешеные нападки на «демократию» со стороны немецкой прессы и лидеров национал-социализма; угрозы по адресу Англии в случае, если здесь к власти придут такие люди, как Черчилль, Иден, Дафф-Купер и др.; попытки «запугать» британское правительство и добиться от него замедления темпа вооружений; провозглашение программы морского строительства, рассчитанного на срыв англо-германского морского соглашения 1935 г.; чрезвычайное усиление торговой конкуренции с Англией на мировом рынке; бойкот выступления Чемберлена на обеде иностранной прессы в

Лондоне 13 декабря — все это и многое другое било в одну и ту же точку.

Германский фашизм после Мюнхена, несмотря на подписанную Гитлером и Чемберленом декларацию 30 сентября, систематически грозил Англии кулаком. Еврейские погромы, прокатившиеся по всей Германии в ноябре месяце, еще больше ухудшили отношения между обеими странами. Отставка Шахта, расцененная в Лондоне как усиление агрессивных и антибританских тенденций в германской политике, еще более сгустила атмосферу. А поддержка, которую Германия явно оказывала антифранцузским требованиям Италии, заставляла даже наиболее оптимистически настроенных представителей чемберленовских тенденций усомниться в возможности близкой реализации «умиротворения» Европы. Все эти факты и события не могли не остаться без влияния не только на широкое общественное мнение Великобритании, но также и на правительственные круги. Недаром кабинет вынужден был внести в парламент билль о более энергичной поддержке британских экспортеров в борьбе против германской конкуренции на мировом рынке. Недаром также сам Чемберлен несколько раз публично заявлял о своем «разочаровании» и о необходимости для Гитлера и Муссолини также сделать «свой взнос» в дело замирения Европы.

Тем не менее необходимо констатировать, что «политика умиротворения» по-прежнему остается основной линией Чемберлена и что в последнее время он проникся каким-то полумистическим убеждением в своей особой «избранности» для дела «умиротворения» человечества. Со слов целого ряда лиц, хорошо знающих премьера, мне известно, что он считает себя чем-то вроде человека, на которого возложена «божественная миссия» спасти род людской от войны. [...]

11. *Выводы.* Несмотря на отдельные зигзаги и колебания, вызываемые различными моментами конъюнктурного характера, общая линия британской внешней политики в течение всего 1938 г. оставалась неизменной — мир во что бы то ни стало, сделка с агрессорами за счет третьих стран. Несомненно, что в процессе реализации этой политики очень значительные круги руководящей верхушки убедились во все растущей трудности удовлетворять аппетиты Гитлера и Муссолини (в частности, например, Галифакс сейчас обнаруживает большой скепти-

цизм в отношении «политики умиротворения»), и отсюда, между прочим, вытекает сильный нажим на увеличение британских вооружений. Тем не менее в данной исторической обстановке, при наличии страха английской буржуазии перед «призраком коммунизма», а также ввиду глубокого худосочия лейбористской оппозиции, смертельно боящейся прихода к власти в столь трудный момент, есть все основания полагать, что линия Чемберлена (быть может, с теми или иными частичными модификациями) и дальше останется «генеральной линией» британской внешней политики.

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 207—209, 212.

263. Из отчетного доклада Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б)

10 марта 1939 г.

[...] Но война неумолима. Ее нельзя скрыть никакими покровами. Ибо никакими «осями», «треугольниками» и «антикоминтерновскими пактами» невозможно скрыть тот факт, что Япония захватила за это время громадную территорию Китая, Италия — Абиссинию, Германия — Австрию и Судетскую область, Германия и Италия вместе — Испанию,— все это вопреки интересам неагрессивных государств. Война так и осталась войной, военный блок агрессоров — военным блоком, а агрессоры — агрессорами.

Характерная черта новой империалистической войны состоит в том, что она не стала еще всеобщей, мировой войной. Войну ведут государства-агрессоры, всячески ущемляя интересы неагрессивных государств, прежде всего Англии, Франции, США, а последние пятятся назад и отступают, давая агрессорам уступку за уступкой.

Таким образом, на наших глазах происходит открытый передел мира и сфер влияния за счет интересов неагрессивных государств без каких-либо попыток отпора и даже при некотором попустительстве со стороны последних.

Невероятно, но факт.

Чем объяснить такой однобокий и странный характер новой империалистической войны?

Как могло случиться, что неагрессивные страны, располагающие громадными возможностями, так легко и без отпора отказались от своих позиций и своих обязательств в угоду агрессорам?

Не объясняется ли это слабостью неагрессивных государств? Конечно нет! Неагрессивные, демократические государства, взятые вместе, бесспорно сильнее фашистских государств и в экономическом и в военном отношении.

Чем же объяснить в таком случае систематические уступки этих государств агрессорам?

Это можно было бы объяснить, например, чувством боязни перед революцией, которая может разыграться, если неагрессивные государства вступят в войну, и война примет мировой характер. Буржуазные политики, конечно, знают, что первая мировая империалистическая война дала победу революции в одной из самых больших стран. Они боятся, что вторая мировая империалистическая война может повести также к победе революции в одной или в нескольких странах.

Но это сейчас не единственная и даже не главная причина. Главная причина состоит в отказе большинства неагрессивных стран и, прежде всего, Англии и Франции от политики коллективной безопасности, от политики коллективного отпора агрессорам, в переходе их на позицию невмешательства, на позицию «нейтралитета».

Формально политику невмешательства можно было бы охарактеризовать таким образом: «пусть каждая страна защищается от агрессоров, как хочет и как может, наше дело сторона, мы будем торговать и с агрессорами и с их жертвами». На деле, однако, политика невмешательства означает попустительство агрессии, развязывание войны,— следовательно, превращение ее в мировую войну. В политике невмешательства сквозит стремление, желание — не мешать агрессорам творить свое черное дело, не мешать, скажем, Японии впутаться в войну с Китаем, а еще лучше с Советским Союзом, не мешать, скажем, Германии увязнуть в европейских делах, впутаться в войну с Советским Союзом, дать всем участникам войны увязнуть глубоко в тину войны, поощрять их в этом втихомолку, дать им ослабить и истощить друг друга, а потом, когда они достаточно ослабнут,—

выступить на сцену со свежими силами, выступить, конечно, «в интересах мира», и продиктовать ослабевшим участникам войны свои условия.

И дешево и мило! [...]

Или, например, взять Германию. Уступили ей Австрию, несмотря на наличие обязательства защищать ее самостоятельность, уступили Судетскую область, бросили на произвол судьбы Чехословакию, нарушив все и всякие обязательства, а потом стали крикливо лгать в печати о «слабости русской армии», о «разложении русской авиации», о «беспорядках» в Советском Союзе, толкая немцев дальше на Восток, обещая им легкую добычу и приговаривая: вы только начните войну с большевиками, а дальше все пойдет хорошо. Нужно признать, что это тоже очень похоже на подталкивание, на поощрение агрессора. [...]

Еще более характерно, что некоторые политики и деятели прессы Европы и США, потеряв терпение в ожидании «похода на Советскую Украину», сами начинают разоблачать действительную подоплеку политики невмешательства. Они прямо говорят и пишут черным по белому, что немцы жестоко их «разочаровали», так как, вместо того чтобы двинуться дальше на Восток, против Советского Союза, они, видите ли, повернули на Запад и требуют себе колоний. Можно подумать, что немцам отдали районы Чехословакии, как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом, а немцы отказываются теперь платить по векселю, посылая их куда-то подальше.

Я далек от того, чтобы морализировать по поводу политики невмешательства, говорить об измене, о предательстве и т. п. Наивно читать мораль людям, не признающим человеческой морали. Политика есть политика, как говорят старые, прожженные буржуазные дипломаты. Необходимо, однако, заметить, что большая и опасная политическая игра, начатая сторонниками политики невмешательства, может окончиться для них серьезным провалом.

Таково действительное лицо господствующей ныне политики невмешательства.

Такова политическая обстановка в капиталистических странах. [...]

Печат. по изд.: «XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет». М., 1939, с. 12—14.

264. Из краткого отчета полномочного представительства СССР в Германии в НКИД СССР о политической жизни в Германии в 1938 г.

11 марта 1939 г.

[...] *Реализация мюнхенского соглашения.* Октябрь месяц прошел под знаком реализации мюнхенского соглашения и развития всех заложенных в нем для Германии возможностей. Уступчивость берлинской комиссии послов, целиком принимавшей все германские требования, дала Гитлеру возможность выйти за пределы мюнхенского соглашения и почти целиком реализовать годесбергскую программу. Не довольствуясь территориальными приобретениями, Берлин стал навязывать Чехословакии требования по линии экономической и внутренней политики, по обеспечению прав оставшегося в новых пределах немецкого меньшинства и т. п. Визит Хвалковского 13 октября дал Гитлеру возможность продиктовать Праге свои пожелания, клонившиеся к тому, чтобы Прага целиком пошла по пути согласования всех отраслей своей политики с пожеланиями Берлина.

Не ограничиваясь присоединением V зоны, что сделало излишним оговоренный в Мюнхене плебисцит, Берлин 21 ноября «договорился» с Прагой о присоединении ряда новых участков под видом коррективов улучшения транспортной связи. Из серии актов, оформивших закабаление Чехословакии, стоит отметить соглашение от 19 декабря об экстерриториальной зоне в Богемии для постройки немцами автострады Бреслау — Вена. Известно, какие изменения во внутренней (и внешней) политике провела Прага под нажимом Берлина [1]. Все эти уступки Праги до сих пор, однако, не считаются исчерпывающими, и Берлин продолжает постепенно выдвигать новые требования. Одним из моментов, могущим в любой момент быть использованным Берлином, является положение немцев в Чехословакии, каковые продолжают, по официальным разъяснениям Берлина, считаться под покровительством Германии и, по существу, являются государством в государстве. [...]

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 230—231.

[1] Правительство Берана, пришедшее к власти 1 декабря 1938 г., идя навстречу пожеланиям Германии и под ее давлением, проводило политику постепенной фашизации страны.

Правительство добилось принятия Национальным собранием 15 декабря так называемого закона о полномочиях, позволявшего ему принимать меры, обычно требующие согласия Национального собрания. На основе этого закона 27 декабря была распущена КПЧ в Чехии и Моравии. В основном против коммунистов было направлено соглашение о сотрудничестве между чехословацкой и германской полицией от 26 января 1939 г. Был принят и ряд других мер, постепенно ликвидирующих остатки буржуазно-демократического строя.

265. Совместное заявление правительств Германии и ЧСР [1]

15 марта 1939 г.

Фюрер и рейхсканцлер в присутствии рейхсминистра иностранных дел фон Риббентропа принял сегодня в Берлине президента Чехословакии д-ра Гаху и министра иностранных дел Чехословакии д-ра Хвалковского по их просьбе. Во время встречи состоялось откровенное обсуждение чрезвычайно серьезного положения, сложившегося на территории нынешнего чехословацкого государства в результате событий последних недель.

Обе стороны выразили единодушное убеждение, что целью всех их усилий должно быть обеспечение спокойствия, порядка и мира в этой части Центральной Европы. Президент Чехословакии заявил, что, стремясь к достижению этой цели, а также к окончательному установлению мира, он с полным доверием отдает судьбу чешского народа и страны в руки фюрера германского рейха.

Фюрер принял это заявление и сообщил о своем решении взять чешский народ под защиту германского рейха и обеспечить ему автономное развитие, соответствующее его самобытности.

* * *

Президент Чехословакии д-р Гаха и министр иностранных дел Чехословакии д-р Хвалковский приняли к сведению требования, выдвинутые германской стороной для проведения начатых военных акций. От имени своего правительства они заверили, что все мероприятия, необходимые для выполнения этих требований, будут проведены в кратчайший срок.

Правительство рейха требует:

1) чтобы вооруженные силы и отряды полиции оставались в казармах и сложили оружие;

2) чтобы были запрещены вылеты всех военных, транспортных и частных самолетов; чтобы военные самолеты были перемещены на гражданские аэродромы;

3) чтобы вся зенитная артиллерия и пулеметы были сняты с боевых установок и перемещены в казармы;

4) чтобы на аэродромах и их оборудовании не проводилось никаких изменений;

5) чтобы никоим образом не нарушался ход общественной жизни, а, напротив, была обеспечена дальнейшая работа всех учреждений, особенно железных дорог и почт, которые должны поступить в распоряжение прибывающего лица — представителя исполнительной власти;

6) чтобы не возникало никаких нарушений в хозяйственной жизни и особенно чтобы по-прежнему работали банки, торговые и промышленные предприятия;

7) чтобы сохранялась полная сдержанность при публичном обмене мнениями, будь то в печати, театре, по радио или в других сферах общественной жизни.

Части, оказывающие сопротивление, будут сразу же атакованы и уничтожены. Военные самолеты, которые покинут свои аэродромы, будут атакованы и сбиты. Аэродромы, которые будут проводить мероприятия оборонительного характера, подвергнутся бомбардировке.

Президент чехословацкого государства д-р Гаха и министр иностранных дел Чехословакии д-р Хвалковский приняли к сведению указанные в приведенном перечне требования, выдвинутые германской стороной в целях проведения начатой военной акции. От имени правительства они заверили, что немедленно дадут все необходимые указания, обеспечивающие выполнение этих требований.

Печат. по сб. «Mnichov v dokumentech», díl I. Praha 1958, str. 283—285.

[1] По приказу из Берлина 14 марта 1939 г. словацкий парламент проголосовал за отделение Словакии от чешских земель и создание самостоятельного словацкого государства, управление которым взяло в свои руки фашистское правительство во главе с Й. Тисо. В тот же день венгерские войска начали оккупацию Закарпатской Украины. Получив сведения о том, что Германия готовится нанести последний удар по Чехословакии, президент ЧСР Э. Гаха и министр иностранных дел Ф. Хвалковский решили выехать в Берлин, чтобы

выяснить обстановку путем личных переговоров с Гитлером. Гитлер принял их в 1 час ночи 15 марта, сообщил о решении оккупировать чешские земли и заставил подписать это заявление. Уже в тот же день германские войска начали оккупацию территории Чехии и Моравии, которые 16 марта 1939 г. были объявлены протекторатом Германии.

266. Призыв КПЧ к борьбе в защиту Чехословакии от фашистской агрессии

не ранее 15 марта 1939 г.

Чехословакия задушена разбойничьими руками германского фашизма. В эти минуты чешский народ лишился своей самостоятельности и растоптан оккупационной армией третьей империи. После актов агрессии против других народов Гитлер поднял свою кровавую руку на свободолюбивый, демократический, прогрессивный чешский народ, чтобы бросить его под кованый сапог жестокого нацистского господства.

За двадцать четыре часа перед лицом всего мира было завершено дело преступного заговора против Чехословакии. Пять месяцев назад, когда Гитлер с помощью западных держав получил право терзать территорию Чехословацкой республики, он заявлял, что с присоединением Судетской области к третьей империи разрешен спор между Германией и Чехословакией. Он лицемерно заявлял, что он не хочет иметь ни одного чеха в третьей империи. Когда же он добился изменения режима, подавления коммунистов, искоренения демократических устоев, он заявил, что тем самым выполнены условия хороших отношений между третьей империей и расчлененной Чехословакией. Все это был обман, безграничное лицемерие циничного грабителя. Поправ все свои обещания и восстановив при помощи своих агентов Словакию против республики, он теперь вторгается на чешскую территорию, чтобы завладеть богатой и прекрасной страной, чтобы превратить чешский народ в рабов.

За порабощение народов Чехословакии несет также вину и правящая коалиция, которая сделала невозможной оборону республики в полную силу и предательски капитулировала. Когда реакция захватила власть, она заявила, что полная капитуляция является единственным путем к спасению народа. Она преследовала коммунистов, которые вели беспощадную борьбу с реакцией, до-

казывая всему чешскому народу, что путь капитуляции ведет к гибели, что он ведет его к новой Белой Горе. Это предупреждение коммунистов подтвердилось. И сегодня, имея за собой страшный опыт, чешский народ и вся чешская нация ясно чувствует, что только единственный путь мог спасти его от этих ужасов, только единственный путь ведет и сейчас к спасению народа — путь сопротивления, отпора, борьбы!

Чешский народ должен оказать сопротивление страшной участи, которую готовит ему кровавый германский фашизм. Гитлер захватывает чешские города, но он никогда не будет в состоянии вырвать из сердца народа национальное самосознание, любовь и волю к свободе. Чешский народ нельзя сломить. Так же как неоднократно за свою историю он сумел сбросить чужеземное иго, так и ныне чешский народ всеми средствами будет сопротивляться угнетению и грабежу своей страны. Лицом к лицу с гитлеровскими завоевателями весь народ отвергнет изменников и трусов и сплотится в крепком единстве, которое он умел создавать, защищая свое национальное существование. Несокрушимое единство всех сил народа, гордый и твердый отпор — вот ответ на удары, которые ему нанесены. А рабочий класс, который уже столько раз стоял в первых рядах национальной обороны, снова станет несокрушимой опорой национального сопротивления.

Чешские трудящиеся должны бороться против гнета германского фашизма всеми средствами. Сопротивлением рабочих на заводах, сопротивлением крестьян против ограбления страны, сопротивлением против использования чешской промышленности в военных целях германского империализма, сопротивлением против жестокостей оккупантов, сопротивлением против зверств гестапо, сопротивлением против насилия над культурой, сопротивлением против германизации.

Своим твердым сопротивлением и отпором чешский народ будет подрывать оккупационную систему германского фашизма и закалится для того, чтобы, как и двадцать лет назад, встать на путь единодушного национального сопротивления, на путь борьбы, чтобы сбросить ярмо фашистского угнетения и полностью восстановить национальную свободу.

Чешский народ нельзя сокрушить тяжелыми ударами, нельзя лишить его веры в восстановление своей свободы. Он знает, что его оборонительная борьба против

фашизма является составной частью великой борьбы, которая ведется в мировом масштабе между силами свободы и силами фашистского насилия. Несмотря на все препятствия, чешский народ будет ощущать крепкую связь со всеми народами Европы и мира, которые так же, как он, стоят во фронте борьбы против фашизма и которые своим сплочением в могучий антифашистский союз народов нанесут окончательное поражение фашистскому варварству. Чешский народ должен стремиться к тому, чтобы в духе своих великих прогрессивных и демократических традиций он мог наиболее эффективно участвовать в национальном сопротивлении и в международной борьбе против фашизма, чтобы всеми силами содействовать победе свободы народов, победе своего святого дела.

В борьбе за свободу чешскому народу пусть послужат поддержкой те слова великой веры, которыми Ян Амос Коменский в тяжелые времена прошлого предсказывал славное и свободное национальное будущее: «Верю и я... что власть над делами своими снова к тебе вернется, о народ чешский!»

Мы, чешские коммунисты, сделавшие все для того, чтобы народ был спасен от нынешней участи, выступаем перед лицом народа и заявляем, что будем преданно и неустрашимо стоять в первых рядах национальной борьбы за полное восстановление свободы и самостоятельности.

Коммунистическая партия Чехословакии

Печат. по сб. «Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений», т. 3. М., 1978, с. 602—603.

267. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Польши в СССР

16 марта 1939 г.

Гжибовский пришел по поручению Бека установить контакт в связи с последними международными событиями, изложить позицию Польши и выяснить нашу. Гжибовский при этом сделал существенную оговорку, что полученная им инструкция была послана ему из Варшавы в ночь на 15-е, когда еще не было известно о превращении Чехии и Моравии в германские провинции, а по-

сему она базировалась на тогдашней осведомленности Варшавы, а именно на отделении Словакии при существовании чешского правительства. Возможно, что в свете новых событий польская позиция подлежит дальнейшей эволюции. Независимость Словакии, даже под протекторатом Берлина, не вызывает возражений со стороны Польши, которая заняла позицию благожелательного нейтралитета. Польшу, конечно, интересует карпатский участок, ибо она сохраняет свое стремление к присоединению этого участка к Венгрии и к установлению польско-венгерской границы. Это единственный пункт, в котором Польша может проявлять активность.

Гжибовский при этом сообщил мне о прослушанном сегодня французском радиовещании, которое передавало, будто генерал Прхало обратился в Будапешт в качестве представителя германского рейхсвера с требованием о немедленном приостановлении продвижения венгерских войск к Карпатской Украине, на что Будапешт ответил о технической невозможности выполнения этого требования. По сведениям Гжибовского, венгерские войска должны были вчера ночью дойти до польской границы, а румыны заняли интересующую их часть Карпатской Украины.

Я сказал послу, что публичное выступление Бека, а также поведение польской печати заставляют думать, что Польша не только заняла благожелательный нейтралитет в отношении провозглашения независимости Словакии, но даже приветствовала это событие как желательное и приятное Польше. Не может ли посол объяснить мне, что дает эта независимость Словакии Польше? Беку, вероятно, должно быть ясно, что никакой независимости Словакия иметь не будет и что хозяйничать там будут исключительно немцы. Гжибовский начал путано объяснять, что еще раньше, до сентябрьских событий, было очень сильно влияние Германии в Словакии и что она поддерживала тесный контакт с партией Глинки, что это влияние в последнее время еще более усилилось, но Польша предпочитает влияние открытое завуалированному.

Я выразил свое недоумение по поводу таких объяснений, указав, что если Германия, желая расчленения Чехословакии, установила контакт со словацкими сепаратистами, то это не означает еще влияния на Словакию или на словацкий народ, что, каково бы ни было это влияние,

оно не может идти в сравнение с установленным теперь непосредственным управлением Германией всей внутренней и внешней жизнью Чехословакии, а потому мне все же непонятно, почему Польшу радует это событие. Гжибовский должен был согласиться со мною, признав, что, собственно говоря, Польша должна считаться с совершившимся фактом и, желая сохранить симпатии словаков, она не может выступать против их независимости. Значит, Польша делает хорошую мину при плохой игре? — спросил я. Гжибовский ответил, что если это и так, то ведь официально об этом нельзя говорить. На мой вопрос, не проистекает ли радость Польши из того, что отделение Словакии облегчает переход Карпатской Украины к Венгрии, Гжибовский ответил, что, как Польша ни хочет общей границы с Венгрией, она не согласилась бы заплатить за это такою ценою, как отдача Словакии в руки Германии.

На мой вопрос, как, по мнению посла, Польша отнесется к последующим событиям поглощения Германией Чехии и Моравии, Гжибовский ответил, что ему это неизвестно, но он полагает, что Варшаве ясны последствия усиления Германии весьма ценным чешским оружием, а также золотом, хотя, с другой стороны, Германия будет ослаблена нарушением однородности ее населения. На мои дальнейшие вопросы Гжибовский решительно отрицал возможность какой-либо предварительной сделки между Польшей и Германией в связи с чешскими событиями. В доказательство он сослался на выступление Бека, который в случае сделки по крайней мере умолчал бы об отношениях с Чехословакией.

Я заявил Гжибовскому, что мы твердо стоим на позиции самоопределения народов, но что с этим принципом ничего общего не имеет провозглашение независимости Словакии при известных нам обстоятельствах. Мы всегда были также за добровольное объединение малых народов, в особенности таких родственных по языку, культуре и истории, как чешский и словацкий. Малым народам трудно отстаивать свою независимость, но гораздо легче это делать, когда они добровольно входят в более сильное государственное образование. Мы считали вполне естественным образование единого чехословацкого государства. Отпадение Словакии мы рассматриваем как полное уничтожение ее независимости и превращение ее в марионеточное государство, типа Маньчжоу-

Го. По существу мало что изменилось, ибо уже раньше Чехословакия, принимавшая приказы Берлина и приспособлявшая свою внутреннюю жизнь к этим приказам, не могла рассматриваться как самостоятельное государство. Изменение формы, однако, тоже много значит, и мы, подобно Польше, не можем, конечно, радоваться усилению мощи Германии.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в сб. «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны». М., 1971, с. 238—240.

268. Заявление посланника ЧСР в СССР, переданное в редакцию газеты «Известия»

18 марта 1939 г.

Ввиду трагических событий в Чехословакии я счел нужным сложить мои полномочия. Согласно моему убеждению, занятие германской армией чехословацкой территории осуществлено было путем грубейшего обмана и шантажа против существующего конституционного порядка и против истинной воли чехословацкого народа.

Печат. по газ. «Известия» № 64 (6834), 18 марта 1939 г.

269. Нота народного комиссара иностранных дел СССР послу Германии в СССР

18 марта 1939 г.

Господин посол,

Имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 16-го и ноты от 17-го сего месяца, извещающих Советское правительство о включении Чехии в состав Германской империи и об установлении над ней германского протектората.

Не считая возможным обойти молчанием означенные ноты и тем создать ложное впечатление о своем якобы безразличном отношении к чехословацким событиям, Советское правительство находит нужным в ответ на означенные ноты выразить свое действительное отношение к упомянутым событиям.

1. Приведенные во вступительной части германского указа в его обоснование и оправдание политико-исторические концепции и, в частности, указания на чехословацкую государственность как на очаг постоянных беспокойств и угрозы европейскому миру, на нежизнеспособность чехословацкого государства и на вытекавшую из этого необходимость особых забот для Германской империи не могут быть признаны правильными и отвечающими известным всему миру фактам. На самом деле из всех европейских государств после первой мировой войны Чехословацкая республика была одним из немногих государств, где были действительно обеспечены внутреннее спокойствие и внешняя миролюбивая политика.

2. Советскому правительству неизвестны конституции какого-либо государства, которые давали бы право главе государства без согласия своего народа отменить его самостоятельное государственное существование. Трудно допустить, чтобы какой-либо народ добровольно соглашался на уничтожение своей самостоятельности и свое включение в состав другого государства, а тем более такой народ, который сотни лет боролся за свою независимость и уже двадцать лет сохранял свое самостоятельное существование. Чехословацкий президент г. Гаха, подписывая берлинский акт от 15-го сего месяца, не имел на это никаких полномочий от своего народа и действовал в явном противоречии с параграфами 64 и 65 чехословацкой конституции и с волей своего народа. Вследствие этого означенный акт не может считаться имеющим законную силу.

3. Принцип самоопределения народов, на который нередко ссылается германское правительство, предполагает свободное волеизъявление народа, которое не может быть заменено подписью одного или двух лиц, какие бы высокие должности они ни занимали. В данном случае никакого волеизъявления чешского народа не было, хотя бы в форме таких плебисцитов, какие имели место, например, при определении судьбы Верхней Силезии и Саарской области.

4. При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа, оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными.

5. Вышеприведенные замечания относятся целиком и к изменению статута Словакии в духе подчинения последней Германской империи, не оправданному каким-либо волеизъявлением словацкого народа.

6. Действия германского правительства послужили сигналом к грубому вторжению венгерских войск в Карпатскую Русь и к нарушению элементарных прав ее населения.

7. Ввиду изложенного Советское правительство не может признать включение в состав Германской империи Чехии, а в той или иной форме также и Словакии правомерным и отвечающим общепризнанным нормам международного права и справедливости или принципу самоопределения народов.

8. По мнению Советского правительства, действия германского правительства не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов.

Имею честь просить Вас, господин посол, довести вышеизложенное до сведения вашего правительства и принять уверения в моем совершенном к Вам уважении.

Литвинов

Печат. по арх. Опубл. в газ. «Известия» № 66 (6836), 20 марта 1939 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой [1]

6 мая 1970 г.

Союз Советских Социалистических Республик и Чехословацкая Социалистическая Республика,

подтверждая верность целям и принципам Советско-Чехословацкого Договора о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве, заключенного 12 декабря 1943 года и продленного 27 ноября 1963 года, который сыграл историческую роль в развитии дружественных отношений между народами двух государств и заложил прочный фундамент для дальнейшего укрепления братской дружбы и всестороннего сотрудничества между ними,

будучи глубоко убежденными, что нерушимая дружба между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой, скрепленная в совместной борьбе против фашизма и получившая дальнейшее углубление в годы строительства социализма и коммунизма, а также братская взаимопомощь и всестороннее сотрудничество между ними, основанные на учении марксизма-ленинизма, незыблемых принципах социалистического интернационализма, отвечают коренным интересам народов обеих стран и всего социалистического содружества,

подтверждая, что поддержка, укрепление и защита социалистических завоеваний, достигнутых ценой героических усилий и самоотверженного труда каждого народа, является общим интернациональным долгом социалистических стран,

последовательно и неуклонно выступая за упрочение единства и сплоченности всех стран социалистического содружества, основанных на общности социального строя и конечных целей,

преисполненные решимости строго соблюдать обязательства, вытекающие из Варшавского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14 мая 1955 года,

констатируя, что экономическое сотрудничество между обоими государствами способствует их развитию, а также дальнейшему совершенствованию международного социалистического разделения труда и социалистической экономической интеграции в рамках Совета Экономической Взаимопомощи,

выражая твердое намерение содействовать делу упрочения мира и безопасности в Европе и во всем мире, противодействовать империализму, реваншизму и милитаризму,

руководствуясь целями и принципами, провозглашенными в Уставе Организации Объединенных Наций,

принимая во внимание достижения социалистического и коммунистического строительства в обеих странах, современное положение и перспективы всестороннего сотрудничества, а также изменения, происшедшие в Европе и во всем мире после заключения Договора от 12 декабря 1943 года,

договорились о нижеследующем:

Статья 1

Высокие Договаривающиеся Стороны в соответствии с принципами социалистического интернационализма будут и впредь укреплять вечную нерушимую дружбу между народами Союза Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республики, развивать всестороннее сотрудничество между обеими странами и оказывать друг другу братскую помощь и поддержку, основываясь на взаимном уважении государственного суверенитета и независимости, равноправии и невмешательстве во внутренние дела друг друга.

Статья 2

Высокие Договаривающиеся Стороны будут и в дальнейшем, исходя из принципов дружеской взаимопомощи и международного социалистического разделения труда, развивать и углублять взаимовыгодное двустороннее и многостороннее экономическое и научно-техническое сотрудничество с целью развития народного хозяйства, до-

стижения наиболее высокого научно-технического уровня, эффективности общественного производства и повышения материального благосостояния трудящихся своих стран.

Стороны будут способствовать дальнейшему развитию экономических связей и сотрудничества, социалистической экономической интеграции стран — членов Совета Экономической Взаимопомощи.

Статья 3

Высокие Договаривающиеся Стороны будут и дальше развивать и расширять сотрудничество между обеими странами в области науки и культуры, образования, литературы и искусства, печати, радио, кино, телевидения, здравоохранения, туризма, физической культуры и в других областях.

Статья 4

Высокие Договаривающиеся Стороны будут и впредь содействовать расширению сотрудничества и непосредственных связей между органами государственной власти и общественными организациями трудящихся с целью более глубокого взаимного ознакомления и сближения народов обоих государств.

Статья 5

Высокие Договаривающиеся Стороны, выражая непреклонную решимость идти по пути строительства социализма и коммунизма, будут предпринимать необходимые меры для защиты социалистических завоеваний народов, безопасности и независимости обеих стран, стремиться к развитию всесторонних отношений между государствами социалистического содружества и действовать в духе упрочения их единства, дружбы и братства.

Статья 6

Высокие Договаривающиеся Стороны исходят из того, что мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года было достигнуто под угрозой агрессивной войны и применения силы против Чехословакии, представляло собой составную часть преступного заговора гитлеровской Гер-

мании против мира и грубое нарушение основных норм международного права и что поэтому оно является с самого начала недействительным со всеми вытекающими из этого последствиями.

Статья 7

Высокие Договаривающиеся Стороны, последовательно проводя политику мирного сосуществования государств с различным общественным строем, будут прилагать все усилия для защиты международного мира и безопасности народов от посягательства агрессивных сил империализма и реакции, для ослабления международной напряженности, прекращения гонки вооружений и достижения всеобщего и полного разоружения, окончательной ликвидации колониализма во всех его формах и проявлениях, оказания поддержки странам, освободившимся от колониального господства и идущим по пути укрепления национальной независимости и суверенитета.

Статья 8

Высокие Договаривающиеся Стороны будут совместно добиваться улучшения обстановки и обеспечения мира в Европе, укрепления и развития сотрудничества между европейскими государствами, установления добрососедских отношений между ними и создания эффективной системы европейской безопасности на основе коллективных усилий всех европейских государств.

Статья 9

Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют, что одной из главных предпосылок обеспечения европейской безопасности является незыблемость государственных границ в Европе, сложившихся после второй мировой войны. Они выражают свою твердую решимость совместно с другими государствами — участниками Варшавского Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14 мая 1955 года и в соответствии с ним обеспечивать неприкосновенность границ государств — участников этого Договора и принимать все необходимые меры для недопущения агрессии со стороны любых сил милитаризма и реваншизма и отпора агрессору.

Статья 10

В случае, если одна из Высоких Договаривающихся Сторон подвергнется вооруженному нападению со стороны какого-либо государства или группы государств, то другая Договаривающаяся Сторона, рассматривая это как нападение и на нее, немедленно предоставит ей всяческую помощь, включая военную, а также окажет поддержку всеми находящимися в ее распоряжении средствами, в порядке осуществления права на индивидуальную или коллективную самооборону в соответствии со статьей 51 Устава Организации Объединенных Наций.

О мерах, принятых на основании настоящей статьи, Высокие Договаривающиеся Стороны незамедлительно известят Совет Безопасности Организации Объединенных Наций и будут действовать в соответствии с положениями Устава Организации Объединенных Наций.

Статья 11

Высокие Договаривающиеся Стороны будут информировать друг друга, консультироваться по всем важным международным вопросам, затрагивающим их интересы, и действовать исходя из общей позиции, согласованной в соответствии с интересами обоих государств.

Статья 12

Высокие Договаривающиеся Стороны заявляют, что их обязательства по действующим международным договорам не находятся в противоречии с положениями настоящего Договора.

Статья 13

Настоящий Договор подлежит ратификации и вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами, который будет произведен в Москве в кратчайший срок.

Статья 14

Договор заключается на срок в двадцать лет и будет автоматически продлеваться каждый раз на следующие пять лет, если ни одна из Высоких Договариваю-

щихся Сторон не денонсирует его путем извещения за двенадцать месяцев до истечения соответствующего срока.

Совершено в Праге 6 мая 1970 года в двух экземплярах, каждый на русском и чешском языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Союз Советских Социалистических Республик
Л. Брежнев
А. Косыгин

За Чехословацкую Социалистическую Республику
Г. Гусак
Л. Штроугал

Печат. по арх. Опубл. в «Сборнике действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами», вып. XXVI. М., 1973, с. 41—44.

[1] Ратифицирован Президиумом Верховного Совета СССР и Президентом ЧССР 1 июня 1970 г. Обмен ратификационными грамотами был произведен в Москве 9 июня 1970 г.

II. Договоренность о намерениях сторон [1]

не позднее 12 августа 1970 г.

1. Между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии имеется взаимопонимание относительно того, что заключаемый ими договор и соответствующие договоры Федеративной Республики Германии с другими социалистическими странами, в частности договоры с Германской Демократической Республикой (см. п. 2), Польской Народной Республикой и Чехословацкой Социалистической Республикой (см. п. 4), представляют собой единое целое.

2. Правительство Федеративной Республики Германии заявляет о своей готовности заключить с Правительством Германской Демократической Республики договор, который будет иметь общепринятую между государствами обязывающую силу, так же как и другие договоры, которые Федеративная Республика Германии и Германская Демократическая Республика заключают с третьими странами.

Соответственно оно намерено строить свои отношения с Германской Демократической Республикой на основе полного равноправия, отсутствия дискриминации, уважения независимости и самостоятельности каждого из обоих государств в делах, касающихся их внутренней компетенции, в их соответствующих границах.

Правительство Федеративной Республики Германии исходит из того, что на этой основе, согласно которой ни одно из двух государств не может представлять другое за границей или действовать от его имени, будут развиваться отношения Германской Демократической Республики и Федеративной Республики Германии с третьими странами.

3. Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Федеративной Республики Германии выражают готовность в процессе разрядки напряженности в Европе и в интересах улучшения отношений между европейскими государствами, в частности между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой, предпринять шаги, которые вытекают из их соответствующего положения, чтобы содействовать вступлению Федеративной Республики Германии и Германской Демократической Республики в Организацию Объединенных Наций и в ее специализированные учреждения.

4. Между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Федеративной Республики Германии имеется взаимопонимание о том, что вопросы, связанные с недействительностью мюнхенского соглашения, будут урегулированы в переговорах между Федеративной Республикой Германии и Чехословацкой Социалистической Республикой в приемлемой для обеих сторон форме.

5. Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Федеративной Республики Германии будут развивать и дальше экономические, научно-технические, культурные и иные связи между Союзом Советских Социалистических Республик и Федеративной Республикой Германии в интересах обеих сторон и упрочения мира в Европе.

6. Правительство Союза Советских Социалистических Республик и Правительство Федеративной Республики Германии приветствуют намерение созвать совещание по вопросам укрепления безопасности и развития

сотрудничества в Европе и будут делать все от них зависящее для подготовки и успешного проведения этого совещания.

Печат. по журн. «Международная жизнь», 1973, № 2, с. 156—157.

[1] Была выработана в ходе советско-западногерманских переговоров, предшествовавших заключению договора между СССР и ФРГ от 12 августа 1970 г.

III. Из выступления министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на пленарном заседании XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН

26 сентября 1972 г.

[...] Получают всеобщее признание и международно-правовое закрепление территориальные реальности, сложившиеся в Европе, на континенте, где взяли свое начало обе мировые войны. Вступление в силу известных договоров СССР и Польской Народной Республики с Федеративной Республикой Германии утверждает нерушимость европейских границ, в том числе границы между ГДР и ФРГ и западной границы Польши.

Заключение соглашения по Западному Берлину устраняет застарелый источник трений между государствами в самом центре Европы.

Расчистка европейской почвы от наследия войны должна быть завершена путем нормализации отношений между Германской Демократической Республикой и Федеративной Республикой Германии в соответствии с требованиями соблюдения суверенитета и независимости обоих государств, урегулирования отношений между Чехословакией и ФРГ на основе признания мюнхенского соглашения недействительным с самого начала. Переговоры об этом, как известно, ведутся, и хотелось бы выразить надежду, что они будут завершены положительным исходом. [...]

Печат. по изд.: *А. А. Громыко.* Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 249—250.

IV. Договор о взаимных отношениях между Чехословацкой Социалистической Республикой и Федеративной Республикой Германии [1]

11 декабря 1973 г.

Чехословацкая Социалистическая Республика и Федеративная Республика Германии,

наученные опытом истории, что поддержание мира требует гармонического сосуществования народов Европы,

преисполненные твердой решимости раз и навсегда покончить со злополучным прошлым в своих отношениях, прежде всего в связи со второй мировой войной, принесшей неизмеримые страдания европейским народам,

признавая, что мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года было навязано Чехословацкой Республике нацистским режимом под угрозой применения силы,

сознавая, что в обеих странах выросло новое поколение, которое имеет право на обеспеченное мирное будущее,

руководствуясь намерением создать прочные основы для развития добрососедских отношений,

стремясь укрепить мир и безопасность в Европе,

будучи убеждены в том, что мирное сотрудничество на основе целей и принципов Устава Организации Объединенных Наций отвечает чаяниям народов и интересам мира во всем мире,

договорились о следующем:

Статья I

Чехословацкая Социалистическая Республика и Федеративная Республика Германии считают мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года, имея в виду свои взаимные отношения в соответствии с настоящим договором, ничтожным.

Статья II

1. Настоящий договор не затрагивает правовых последствий, которые вытекают в отношении физических или юридических лиц из права, применявшегося в период с 30 сентября 1938 года до 9 мая 1945 года.

Исключением из этого являются последствия мероприятий, которые обе Договаривающиеся Стороны считают ничтожными ввиду их несовместимости с основными принципами справедливости.

2. Настоящий договор не затрагивает гражданства живущих и умерших лиц, вытекающего из правопорядка каждой из обеих Договаривающихся Сторон.

3. Настоящий договор своими заявлениями о мюнхенском соглашении не создает правовой основы для материальных претензий Чехословацкой Социалистической Республики и ее физических и юридических лиц.

Статья III

1. Чехословацкая Социалистическая Республика и Федеративная Республика Германии руководствуются в своих взаимных отношениях, а также в вопросах обеспечения безопасности в Европе и во всем мире, целями и принципами, закрепленными в Уставе Организации Объединенных Наций.

2. В соответствии с этим они будут согласно статьям 1 и 2 Устава Организации Объединенных Наций решать все свои споры исключительно мирными средствами и воздерживаться от угрозы силой или применения силы в вопросах, затрагивающих европейскую и международную безопасность, равно как и в своих взаимных отношениях.

Статья IV

1. Чехословацкая Социалистическая Республика и Федеративная Республика Германии в соответствии с вышеизложенными целями и принципами подтверждают нерушимость своих общих границ теперь и в будущем и взаимно обязуются всемерно уважать территориальную целостность обоих государств.

2. Они заявляют, что не имеют каких-либо территориальных претензий друг к другу и не будут выдвигать такие претензии и в будущем.

Статья V

1. Чехословацкая Социалистическая Республика и Федеративная Республика Германии предпримут дальнейшие шаги к широкому развитию своих взаимных отношений.

2. Они согласны в том, что расширение их сотрудничества как соседей в области экономики, науки, научно-технических связей, культуры, охраны окружающей среды, спорта, транспорта и других отношений отвечает интересам обеих Сторон.

Статья VI

Настоящий договор подлежит ратификации и вступит в силу в день обмена ратификационными грамотами, который будет произведен в Бонне.

В удостоверение чего уполномоченные Договаривающихся Сторон подписали настоящий договор.

Совершено в Праге 11 декабря 1973 г. в двух экземплярах, каждый на чешском и немецком языках, причем оба текста имеют одинаковую силу.

За Чехословацкую Социалистическую Республику
Л. Штроугал
Б. Хнеупек

За Федеративную Республику Германии
В. Брандт
В. Шеель

Печат. по арх. Опубл. в журн. «Международная жизнь», 1974, № 2, с. 154—155.

[1] Ратифицирован Председателем правительства ЧССР, исполнявшим обязанности Президента ЧССР, 15 июля 1974 г. и бундестагом ФРГ 10 июля 1974 г. Обмен ратификационными грамотами был произведен в Бонне 19 июля 1974 г.

V. Из речи члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Ереване при вручении Армянской ССР ордена Дружбы народов

19 января 1974 г.

[...] Позиции социализма в Европе не только все более надежно обеспечиваются в военном и политическом отношениях, но и закреплены юридически, в международно-правовом порядке, в целой системе договоров и соглашений. Последний в их ряду — договор между ЧССР и ФРГ, подписанный недавно в Праге. Заключение договора сделало возможным установление дипломатических отношений теперь уже между всеми европейскими странами социалистического содружества и ФРГ при

безоговорочном признании со стороны этого государства существующих в Европе границ.

Таким образом, на Европейском континенте фактически завершен продолжительный этап борьбы за урегулирование наиболее острых послевоенных проблем, которую вели Советский Союз и наши союзники. Но ЦК КПСС, Политбюро не ослабляют усилий по дальнейшей нормализации обстановки в Европе, созданию здесь устойчивой системы взаимоотношений на принципах мирного сосуществования социалистических и капиталистических государств. [...]

Печат. по изд.: *А. А. Громыко.* Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 324.

VI. Из выступления члена ЦК КПЧ, министра иностранных дел ЧССР Б. Хнеупека на заседании Федерального собрания ЧССР

15 июля 1974 г.

[...] Товарищи депутаты, основная цель договора между ЧССР и ФРГ — раз и навсегда покончить со злополучным прошлым и создать предпосылки для развития добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества.

В этой связи разрешите мне обратить ваше внимание на некоторые положения договора, который правительство выносит на ваше обсуждение, и на взаимосвязь этих положений.

Договаривающиеся стороны подтверждают в договоре, что будут руководствоваться целями и принципами Устава Организации Объединенных Наций, обязуются исключить угрозу силой или применение силы во взаимных отношениях в вопросах безопасности в Европе и во всем мире, а также решать все свои споры исключительно мирными средствами. Эти обязательства для обеих сторон вытекают из Устава ООН и других международно-правовых документов. Тем не менее их новое подтверждение повышает авторитет и уважение к основным принципам международного права в международных отношениях.

Несомненно, принципиальное значение имеет положение договора, подтверждающее нерушимость общих гра-

ниц договаривающихся сторон и неукоснительное уважение их территориальной целостности. Обе стороны заявляют, что не имеют по отношению друг к другу никаких территориальных притязаний и не будут их выдвигать и в дальнейшем. Подтверждение принципа нерушимости границ вместе с запрещением применения силы или угрозы ее применения имеет принципиальное значение не только с точки зрения двусторонних отношений, но и в плане более широком — в целях обеспечения мира и безопасности в Европе. Вот почему эти принципы должны стать основными элементами системы безопасности и сотрудничества в Европе. Ведь именно грубое нарушение их привело к мюнхенской трагедии и к развязыванию второй мировой войны. [...]

Уважаемые товарищи депутаты!

Все основные договоры, которые к настоящему времени заключили социалистические государства с ФРГ, решали наряду с другими свои собственные, специфические проблемы. К главным вопросам и положениям договора, заключенного Советским Союзом, относится обязательство нерушимости границ всех государств в Европе, включая границы по линии Одер — Нейсе, а также границы между ГДР и ФРГ. В договоре, заключенном Польской Народной Республикой, такое же значение имеет решение о польской западной границе. В договоре об основах отношений между ГДР и ФРГ это уважение независимости, самостоятельности и суверенитета ГДР, а также нерушимости границ между ними.

Договор о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ принципиально решает вопрос о так называемом мюнхенском соглашении, подтверждая его ничтожность. Так называемое мюнхенское соглашение нанесло Чехословакии неисчислимый моральный и материальный ущерб. Это так называемое соглашение было заключено прежде всего без Чехословакии и против ее воли. Его подписание обосновывали и оправдывали, утверждая, что это было единственным средством защитить Европу перед лицом угроз Гитлера, предотвратить войну и сохранить мир. Во имя такого мира чехи и словаки были изгнаны из родного дома. В результате его реализации были нарушены все принципы международного права, территориальная целостность, ликвидирована политическая независимость чехословацкого государства, созданы предпосылки для того, чтобы нацистская Германия и фашистская Италия

могли осуществить так называемый венский арбитраж, нанести еще один удар по Чехословакии. Они не предоставили Чехословакии гарантии даже тех границ, которые были навязаны нам в результате диктата. Судьба мюнхенской республики, таким образом, зависела от внешних факторов — от развития международного положения. Начиная с Мюнхена, оно развивалось не в направлении мира в Европе, а в соответствии с нацистской политикой агрессии от Мюнхена через оккупацию оставшейся части Чехословакии к нападению на Польшу, Францию, Англию, Югославию и развязыванию второй мировой войны. Таким образом, Мюнхен, в результате которого маленькую неизвестную страну где-то в Европе отдали на растерзание Гитлеру во имя сохранения мира, наоборот, еще ускорил развязывание второй мировой войны. Так история доказала, что Мюнхен, ставший синонимом предательства и принесения в жертву народов ради экспансионистских империалистических интересов, в конечном счете обернулся против его инициаторов. Вовсе не случайно Французский национальный комитет де Голля и новое правительство Италии еще во время войны считали необходимым торжественно отвергнуть мюнхенское соглашение и объявить его ничтожным. Мы никогда не забудем, что еще задолго до Мюнхена и после него, а также в те трагические дни Советский Союз, который в 1935 г. подписал с Чехословакией договор о взаимной помощи, предложил нам действенную военную помощь. Он действовал так, несмотря на содержащуюся в чехословацко-советском договоре оговорку, согласно которой помощь Советского Союза зависела от выполнения союзнических обязательств Францией. Руководители Советского Союза в дни мюнхенского кризиса заявили, что Советский Союз предоставит помощь Чехословакии независимо от Франции или Лиги наций, а Красная Армия, обладавшая достаточной силой и готовая выполнить это обязательство, стояла на границах.

Однако представители тогдашнего буржуазного правительства в своей внешней политике ориентировались только на Запад. И потому в решающий для чехословацкого государства и его народов момент классовая ослепленность привела к капитуляции, к отказу от единственно возможной помощи Советского Союза лишь потому, что эта помощь предоставлялась первым в мире государством рабочих и крестьян.

И останется историческим фактом, что именно Коммунистическая партия Чехословакии, единственная из всех чехословацких политических партий, сделала в сентябрьские дни 1938 г. все, что было в ее силах, чтобы воспрепятствовать капитуляции, чтобы заставить буржуазное правительство Чехословакии принять помощь Советского Союза.

После окончания второй мировой войны нюрнбергский трибунал подтвердил, что оккупация Чехословакии была намеренной и хорошо подготовленной акцией, игравшей значительную роль в экспансионистских планах нацистов. Развязывание второй мировой войны трибунал расценил как посягательство против мира, как преступление. Виновники развязывания ее были осуждены как военные преступники. Составной частью этого посягательства был и мюнхенский диктат от 29 сентября 1938 г., который был одним из важных актов на пути к мировому военному пожару.

Интересам мира и безопасности в Европе, а также укреплению тенденции к международному мирному сотрудничеству служит тот факт, что в договоре удалось в приемлемой для обеих сторон форме юридически закрепить ничтожность так называемого мюнхенского соглашения, одного из последних остатков второй мировой войны, и тем самым создать условия для развития мирных отношений с Федеративной Республикой Германии.

Подтверждение ничтожности так называемого мюнхенского соглашения, как и решение вопросов, вытекающих из ничтожности этого соглашения, содержится в третьей части преамбулы, а также в первой и второй статьях договора, составляющих с точки зрения изложения единое целое.

В этой части преамбулы подтверждается один из главных аргументов недействительности мюнхенского соглашения с самого начала, т. е. угроза силой, с помощью которой мюнхенское соглашение было навязано Чехословакии. Поэтому первая статья договора констатирует, что «Чехословацкая Социалистическая Республика и Федеративная Республика Германии считают мюнхенское соглашение от 29 сентября 1938 года, имея в виду свои взаимные отношения в соответствии с настоящим договором, ничтожным».

Принцип ничтожности договоров, заключенных под угрозой силы, логически вытекает из ясного запрещения

применения силы или угрозы силой, закрепленного в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций, которая гласит: «Все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения, как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Этот принцип находит свое конкретное развитие в статье 52 Венской конвенции о праве договоров, в которой сказано: «Договор является ничтожным, если его заключение является результатом угрозы силой или ее применения в нарушение принципов международного права, включенных в Устав Организации Объединенных Наций».

Более того, комиссия Организации Объединенных Наций по международному праву в комментарии к процитированной статье ясно заявила, что договор, заключенный под угрозой силы или ее применения, недействителен с самого начала. В этой связи она констатировала: «Договор, заключенный под угрозой силы или ее применения, в нарушение принципов Устава, должен быть охарактеризован как ничтожный, не допускающий никакого другого толкования. Запрещение угрозы силой или ее применения является интересом и заботой каждого государства. Важно, чтобы договор рассматривался недействительным с самого начала». [...]

Уважаемые товарищи депутаты!

В связи с обсуждением Договора о взаимных отношениях между Чехословацкой Социалистической Республикой и Федеративной Республикой Германии мы считаем необходимым остановиться еще на одной проблеме.

Неопровержимо доказано, что Гитлер использовал для вмешательства во внутренние дела Чехословакии судето-немецкую партию (Sudetendeutsche Partei), которая оказывала влияние на подавляющую часть немецкого меньшинства в Чехословакии. Эта партия отвергала все далеко идущие уступки чехословацкого правительства, однозначно давая понять, что заинтересована не в изменении положения немцев в Чехословакии, а только в ликвидации Чехословакии в соответствии с планами Гитлера. После Мюнхена в политическом штабе Генлейна был даже разработан план так называемого решения чешского вопроса путем оккупации Чехословакии, посте-

ценного устранения и ликвидации чехословацкого населения. После создания так называемого протектората судето-немецкие националисты и фашисты стали главной составной частью оккупационного аппарата нацистов, жертвой которого пало около 360 тыс. чехословацких граждан. Великие державы-победительницы, подписав Потсдамское соглашение, окончательно решили проблему немецкого меньшинства в 1945 г.

Однако при поддержке правящих кругов лидеры перемещенных судетских немцев пытались оживить надежды на ревизию итогов второй мировой войны. Руководство организаций судетских немцев и симпатизирующие им политические партии длительное время также торпедировали любые попытки к сближению и стремились создавать препятствия на пути переговоров между ЧССР и ФРГ в 1971—1973 гг.

В июле 1973 г. в Мюнхене на заседании так называемого совета судетских немцев и на общем собрании землячества судетских немцев была отвергнута даже формулировка ничтожности мюнхенского соглашения, как она закреплена в договоре между ЧССР и ФРГ, потому что якобы это соглашение как (цитирую) «имеющее силу было заключено в 1938 г., в результате чего судетская территория стала составной частью рейха».

Очевидно, в ФРГ имеются еще определенные силы (и не малые), которым уроки истории не пошли впрок и которые в течение всего процесса переговоров о заключении и ратификации договора подвергали его нападкам. Действия этих сил не только чинили препятствия на пути создания добрососедских отношений между ЧССР и ФРГ, но и находились в явном противоречии с общими усилиями европейских народов, направленными на создание атмосферы мира и сотрудничества.

Тем лучше мы понимаем и хотим вновь подчеркнуть, что чехословацкое правительство с уважением относится к усилиям тех сил в правительственных, экономических и других кругах ФРГ, которые исходят из реальности и проводят политику делового сотрудничества и добрососедства, способствуя тем самым созданию основ прочного мирного строительства на нашем континенте, отмеченном грозами обеих мировых войн.

Уважаемые товарищи депутаты! Договор о взаимных отношениях между ЧССР и ФРГ, который сегодня правительство выносит на ваше обсуждение, с тем чтобы вы

высказались за его принятие, имеет принципиальное политическое значение: его заключение завершает один из важных этапов наших отношений с нашим западным соседом. Он открывает путь к нормализации отношений, создает основу для развития взаимовыгодных связей между обеими странами и таким образом обеспечивает наши интересы и требования.

Тем самым мы ставим точку на нашем прошлом. Мы исправляем ошибки и грехи буржуазной республики. Останется историческим фактом то, что заслуга в этом важном деле принадлежит именно Коммунистической партии Чехословакии и ее нынешнему марксистско-ленинскому руководству.

В этом смысле мы воспринимаем договор как победу разума, победу реализма, хотя мы полностью отдаем себе отчет в том, что не можем вернуть жизнь тысячам чехов и словаков, которые стали жертвами нацистского произвола, этого прямого результата Мюнхена. [...]

Печат. по арх. Опубл. с сокращениями в газ. «Rudé právo», 16 září vence 1974.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Александровский С. С.— полномочный представитель СССР в ЧСР.

Альтенбург Г., фон — сотрудник МИД Германии.

Астахов Г. А.— советник полномочного представительства СССР в Германии.

Аттолико Б.— посол Италии в Германии.

Ашман Г.— заведующий отделом печати МИД Германии.

Бак Т.— Генеральный секретарь Коммунистической партии Канады.

Бакстер К.— сотрудник МИД Великобритании.

Бартелеми И.— видный французский юрист.

Барту Л.— министр иностранных дел Франции в феврале — октябре 1934 г.

Батлер Р.— парламентский заместитель министра иностранных дел Великобритании.

Бек Л.— начальник генерального штаба сухопутных войск Германии до августа 1938 г.

Бек Ю.— министр иностранных дел Польши.

Белеградек И.— председатель чехословацкого Петиционного комитета «Останемся верными».

Бенеш Э.— президент ЧСР с декабря 1935 г. по октябрь 1938 г.

Беран Р.— лидер аграрной партии Чехословакии, председатель правительства ЧСР с декабря 1938 г. по март 1939 г.

Беранже А.— председатель сенатской комиссии по иностранным делам парламента Франции.

Берджин Л.— министр транспорта Великобритании.

Бержери Г.— депутат парламента Франции.

Бивербрук У.— газетный магнат, деятель консервативной партии Великобритании.

Бисмарк О., фон — канцлер и министр иностранных дел Пруссии в 1862—1890 гг.

Бисмарк О., фон — сотрудник МИД Германии.

Блондель Ж.— советник посольства Франции в Италии.

Блюм Л.— премьер-министр Франции в марте — апреле 1938 г.

Боденшатц К.— немецкий генерал, адъютант Геринга.

Болдуин С.— лидер консервативной партии Великобритании; в 1935—1937 гг. премьер-министр Великобритании.

Бонкур — см. Поль-Бонкур.

Бонне Ж.— министр иностранных дел Франции в апреле — сентябре 1938 г.

Браухич В.— главнокомандующий сухопутными силами Германии с февраля 1938 г.

Буе А.— депутат парламента Франции.

Буллит У. — посол США во Франции.

Буттер — советник МИД ЧСР.

Вавречка Г. — министр пропаганды ЧСР.

Ванситтарт Р. — главный дипломатический советник при министре иностранных дел Великобритании.

Васильченко Н. Н. — военно-воздушный атташе СССР во Франции.

Вацлав Святой — чешский князь в 924—935 гг.

Вессерка Ф. — посланник ЧСР в Румынии.

Веджвуд Дж. — депутат парламента Великобритании от лейбористской партии.

Вейцзекер Э., фон — статс-секретарь МИД Германии с марта 1938 г.

Вельчек И., фон — посол Германии во Франции.

Верман Э. — заведующий политическим отделом и заместитель статс-секретаря МИД Германии.

Видеман Ф. — адъютант Гитлера, уполномоченный для неофициальных переговоров в Великобритании и США.

Виктор Эммануил III — король Италии.

Вильгельм II — император Германии и король Пруссии в 1888—1918 гг.

Вильсон Г. — главный советник правительства Великобритании по вопросам промышленности.

Ворошилов К. Е. — Маршал Советского Союза, народный комиссар обороны СССР.

Врбенский Б. — председатель Союза друзей СССР в Чехословакии.

Вуд К. — министр авиации Великобритании.

Вюйемен Ж. — генерал, начальник генерального штаба военно-воздушных сил Франции.

Галем, фон — сотрудник МИД Германии.

Галифакс Э., лорд — лорд-председатель Совета; с марта 1938 г. министр иностранных дел Великобритании.

Гамелен М. — генерал, начальник генерального штаба французской армии.

Гампл А. — председатель чехословацкой социал-демократической рабочей партии.

Гаха Э. — президент ЧСР с ноября 1938 г. по март 1939 г.

Геббельс И. — министр пропаганды Германии.

Геерен В., фон — посланник Германии в Югославии.

Гейдрих А. — постоянный представитель ЧСР в Лиге наций, чехословацкий представитель в подкомиссии «С» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения.

Гейнбург К. — советник политического отдела МИД Германии.

Гендерсон Н. — посол Великобритании в Германии.

Генке А. — советник миссии Германии в ЧСР.

Генлейн К. — лидер судето-немецкой партии, депутат Национального собрания ЧСР от судето-немецкой партии.

Георг VI — король Великобритании.

Геринг Г. — главнокомандующий военно-воздушными силами и министр авиации Германии.

Гесс Р. — заместитель Гитлера по национал-социалистской партии Германии, министр без портфеля в правительстве Германии.

Гессен П., фон — посредник Гитлера в Италии.

Гжибовский В. — посол Польши в СССР.

Гиммлер Г. — рейхсфюрер СС, начальник гитлеровской полиции.

Гиршфельд Ю. В.— советник полномочного представительства СССР во Франции.

Гитлер А.— рейхсканцлер Германии, лидер фашистской НСДАП.

Глинка А.— основатель и руководитель словацкой народной партии.

Годжа М.— председатель правительства ЧСР до сентября 1938 г.

Горнбостль Т.— заведующий политическим отделом канцелярии федерального канцлера Австрии.

Готвальд К.— Генеральный секретарь Коммунистической партии Чехословакии, депутат Национального собрания ЧСР от КПЧ.

Громадко В.— генеральный директор заводов «Шкода».

Гус Я. (1371—1415 гг.) — чешский мыслитель и идеолог чешской Реформации.

Гусак О.— чехословацкий генерал, генеральный директор заводов боеприпасов «Эксплозиа» в Семтине.

Гусарек К.— чехословацкий генерал, министр общественных работ ЧСР в октябре — ноябре 1938 г.; чехословацкий представитель в подкомиссии «А» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения.

Гусев Н. И.— военный комиссар Генерального штаба РККА.

Дайс М.— член палаты представителей конгресса США, председатель комиссии по расследованию антиамериканской деятельности.

Даладье Э.— председатель совета министров и министр национальной обороны Франции с апреля 1938 г.

Дараньи К.— премьер-министр Венгрии.

Дафф-Купер А.— военно-морской министр Великобритании.

Де ла Варр— политический деятель, лорд-хранитель печати Великобритании.

Дельбос И.— министр иностранных дел Франции до марта 1938 г.

Дерер И.— министр юстиции ЧСР до сентября 1938 г.

Джувара Р.— посланник Румынии в Германии.

Диас Х.— Генеральный секретарь Коммунистической партии Испании.

Дикгоф Х.— посол Германии в США.

Дирксен Г.— посол Германии в Великобритании.

Додд У.— посол США в Германии в 1933—1937 гг.

Долейш Ф.— секретарь Союза рабочих металлообрабатывающей промышленности ЧСР.

Дртина П.— личный секретарь президента ЧСР Э. Бенеша.

Дэвис Дж.— посол США в СССР до июня 1938 г.

Дэвис М.— председатель Исполнительного комитета Конференции по изучению международных проблем при Лиге наций.

Дэнн Дж.— советник государственного департамента США по политическим вопросам.

Ежек Ф.— депутат Национального собрания ЧСР от партии национального объединения.

Жанель— начальник канцелярии начальника генерального штаба французской армии М. Гамелена.

Жилка У.— депутат Национального собрания ЧСР от аграрной партии.

Зейс-Инкварт А. — министр внутренних дел и безопасности Австрии; с марта 1938 г. федеральный канцлер и министр обороны Австрии.

Ибаррури Д., псевдоним — Пасионария — член Политбюро, Секретарь ЦК Коммунистической партии Испании.

Иден А. — министр иностранных дел Великобритании до февраля 1938 г.

Имреди Б. — премьер-министр Венгрии.

Ина Я. — начальник канцелярии министра иностранных дел ЧСР.

Инграм М. — сотрудник МИД Великобритании.

Ионеску — генерал, начальник главного штаба румынской армии.

Каган С. Б. — советник полномочного представительства СССР в Великобритании.

Каганек Ф. — реакционный журналист, редактор органа чехословацкой аграрной партии газеты «Венков».

Кадоган А. — постоянный заместитель министра иностранных дел Великобритании.

Кайо Ж. — председатель финансовой комиссии сената Франции.

Калинин М. И. — Председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Камбон Р. — советник посольства Франции в Великобритании.

Канья К. — министр иностранных дел Венгрии.

Кароль II — король Румынии.

Кашуба — майор, помощник военного атташе СССР в ЧСР.

Кеннеди Дж. — посол США в Великобритании.

Кериллис А. де — депутат парламента Франции.

Керк А. — советник посольства США в СССР.

Киркпатрик И. — первый секретарь посольства Великобритании в Германии.

Климент Г. — депутат Национального собрания ЧСР от КПЧ.

Ключина — сотрудник президиума совета министров ЧСР.

Кодряну К. — руководитель румынской фашистской организации «Железная гвардия».

Коменский Я. (1592—1670 гг.) — чешский философ и педагог.

Комнен П. — министр иностранных дел Румынии.

Корбен Ш. — посол Франции в Великобритании.

Котятко И. — первый секретарь Союза друзей СССР в Чехословакии.

Крамарж К. — председатель чехословацкой партии национального объединения в 1935—1937 гг.

Кребс Г. — чехословацкий эмигрант, депутат рейхстага Германии, советник министерства внутренних дел Германии.

Крейчи Л. — начальник главного штаба чехословацкой армии.

Крно И. — заведующий политическим отделом МИД ЧСР.

Крофта К. — министр иностранных дел ЧСР до октября 1938 г.

Кулик Г. И. — начальник Артиллерийского управления РККА.

Кулондр Р. — посол Франции в СССР; с ноября 1938 г. посол Франции в Германии.

Кундт Э. — депутат Национального собрания ЧСР от судето-немецкой партии.

Купер А. — см. Дафф-Купер А.

Кюнцль-Изерский Р. — посланник ЧСР в Австрии.

Лаваль П.— депутат парламента Франции; с июня 1935 г. по январь 1936 г. председатель совета министров и министр иностранных дел Франции.

Лакруа В., де — посланник Франции в ЧСР.

Леже А.— генеральный секретарь МИД Франции.

Линдерут С.— Председатель Коммунистической партии Швеции.

Липский Ю.— посол Польши в Германии.

Лисицкий К.— советник миссии ЧСР в Великобритании.

Литвинов М. М.— народный комиссар иностранных дел СССР.

Ллойд Джордж Д.— видный политический и государственный деятель Великобритании.

Луганец-Орельский И. Т.— полномочный представитель СССР в Китае.

Майский И. М.— полномочный представитель СССР в Великобритании.

Макензен Г., фон — статс-секретарь МИД Германии до марта 1938 г.

Мандель Ж.— министр колоний Франции.

Масаржик Г.— сотрудник канцелярии министра иностранных дел; с октября 1938 г. по март 1939 г. заведующий канцелярней министра иностранных дел ЧСР.

Масарик Т. Г.— президент ЧСР в 1918—1935 гг.

Масарик Я.— посланник ЧСР в Великобритании.

Массигли Р.— директор политического департамента МИД Франции.

Мастный В.— посланник ЧСР в Германии.

Матейка В.— сотрудник политического отдела МИД ЧСР.

Махатый Е.— чехословацкий представитель в подкомиссии «В» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения.

Мейснер О.— начальник канцелярии рейхсканцлера Германии.

Мильеран А.— член сенатской комиссии по иностранным делам парламента Франции.

Мирон К.— патриарх, премьер-министр Румынии.

Модрачек Ф.— сенатор Национального собрания ЧСР от чехословацкой социал-демократической рабочей партии.

Молотов В. М.— Председатель Совета Народных Комиссаров СССР.

Монзи А.— министр труда Франции с августа 1938 г.

Мрштина В.— заведующий отделом министерства юстиции ЧСР.

Муссолини Б.— премьер-министр Италии, лидер итальянской фашистской партии.

Наджиар П.— посол Франции в СССР с февраля 1939 г.

Неезхлеб-Марха Д.— сенатор Национального собрания ЧСР от аграрной партии.

Нейрат К., фон — министр иностранных дел Германии до февраля 1938 г.

Ноэль Л.— посол Франции в Польше.

Ньютон Б.— посланник Великобритании в ЧСР.

Орт О.— советник МИД ЧСР.

Осуский Ш.— посланник ЧСР во Франции.

Пайяр Ж.— советник посольства Франции в СССР.

Пери Г.— депутат парламента Франции от коммунистической партии.

Пето Г.— член миссии Ренсимена.

Пешек И. — секретарь чехословацкого Петиционного комитета «Останемся верными».

Пик В. — Председатель Коммунистической партии Германии.

Поллит Г. — Генеральный секретарь Коммунистической партии Великобритании.

Поль-Бонкур Ж. — министр иностранных дел Франции в марте — апреле 1938 г.

Помаре Ш. — министр общественных работ Франции с августа 1938 г.

Понсе — см. Франсуа-Понсе.

Попов — атаман, один из руководителей украинского буржуазно-националистического движения.

Потемкин В. П. — первый заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

Прхала Л. — чехословацкий генерал, министр внутренних дел, финансов и транспорта в автономном правительстве Закарпатской Украины.

Рейно П. — министр юстиции Франции с апреля 1938 г.

Ренсимен В. — политический деятель Великобритании, один из лидеров либеральной партии, глава британской посреднической миссии в ЧСР.

Риббентроп И., фон — министр иностранных дел Германии с февраля 1938 г.

Рихтгофен Г., фон — германский представитель в подкомиссии «С» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения.

Розенберг А. — идеолог нацизма, руководитель внешнеполитического отдела национал-социалистской партии Германии.

Рузвельт Ф. — президент США.

Рыдз-Смиглы Э. — маршал, генеральный инспектор вооруженных сил Польши.

Саймон Дж. — министр финансов Великобритании.

Светлик Ф. — депутат Национального собрания ЧСР от чехословацкой народной партии.

Сидор К. — один из руководителей словацкой народной партии, министр без портфеля в правительстве ЧСР с декабря 1938 г. по март 1939 г.

Синклер А. — деятель либеральной партии Великобритании.

Славик Ю. — посланник ЧСР в Польше.

Смутный Я. — заведующий протокольным отделом МИД ЧСР.

Сосновский К. — генерал, инспектор вооруженных сил Польши.

Сталин И. В. — Генеральный секретарь ЦК ВКП(б).

Старец Й. — председатель Союза рабочих металлообрабатывающей промышленности ЧСР.

Стомоняков Б. С. — заместитель народного комиссара иностранных дел СССР.

Стоядинович М. — председатель правительства и министр иностранных дел Югославии.

Стршибрный И. — один из руководителей чехословацкой фашистской партии национальной лиги.

Стрэнг У. — заведующий отделом Центральной Европы МИД Великобритании.

Стуцкий В. — посланник Швейцарии во Франции.

Суриц Я. З. — полномочный представитель СССР во Франции.

Сыровый Я. — председатель правительства ЧСР с сентября по ноябрь 1938 г., министр национальной обороны ЧСР с сентября 1938 г. по март 1939 г.

Тисо Й. — один из руководителей словацкой народной пар-

тии Глинки; с октября 1938 г. до марта 1939 г. глава автономного правительства Словакии.

Титулеску Н.— министр иностранных дел Румынии в 1932—1936 гг.

Тольятти П., псевдоним — Эрколи — Генеральный секретарь Коммунистической партии Италии.

Торез М.— Генеральный секретарь Коммунистической партии Франции.

Трутбек — первый секретарь миссии Великобритании в ЧСР.

Уинтертон Э.— министр без портфеля в правительстве Великобритании.

Уманский К. А.— советник полномочного представительства СССР в США.

Урби А.— посланник Норвегии в СССР.

Уэллес С.— заместитель государственного секретаря США.

Фабрициус В.— посланник Германии в Румынии

Файфр Я.— генерал, командующий чехословацкими военно-воздушными силами.

Фиппс Э.— посол Великобритании во Франции.

Фирлингер З.— посланник ЧСР в СССР.

Фишер Й.— заместитель председателя чехословацкого Петиционного комитета «Останемся верными».

Франк К.— депутат Национального собрания ЧСР, один из лидеров судето-немецкой партии.

Франко Ф.— испанский генерал, поднявший в июле 1936 г. фашистский мятеж против республиканского правительства Испании.

Франзони Ф.— посланник Италии в ЧСР.

Франсуа-Понсе А. — посол Франции в Германии; с октября 1938 г. посол Франции в Италии.

Фрей О.— атташе посольства ЧСР в Великобритании.

Фрик В.— министр внутренних дел Германии.

Фрич В., фон — главнокомандующий сухопутными силами Германии до февраля 1938 г.

Хвалковский Ф.— посланник ЧСР в Италии; с октября 1938 г. министр иностранных дел ЧСР.

Хор С.— министр внутренних дел Великобритании.

Хор-Белиша Л.— военный министр Великобритании.

Хорти М.— регент Венгрии.

Хэлл К.— государственный секретарь США.

Чарльз Н.— советник посольства Великобритании в Италии.

Чемберлен Н.— премьер-министр Великобритании.

Чермак В.— заместитель заведующего политическим отделом МИД ЧСР.

Черный Ф.— советник миссии ЧСР во Франции.

Черчилль У.— депутат английского парламента, один из лидеров консервативной партии.

Чесяно Д.— посланник Румынии во Франции.

Чех Л.— министр здравоохранения, физкультуры и спорта ЧСР.

Чиано Г.— министр иностранных дел Италии.

Чилстон А.— посол Великобритании в СССР.

Шампетье Р., де — министр пенсионного обеспечения Франции.

Шапров М. С.— первый секретарь полномочного представительства СССР в ЧСР.

Шахт Я.— президент рейхсбанка Германии.

Шкрах В.— заведующий личным архивом бывшего президента ЧСР Т. Г. Масарика.

Шмидт Г.— министр иностранных дел Австрии до марта 1938 г.

Шмидт П.— сотрудник МИД Германии.

Шотан К.— председатель совета министров Франции до марта 1938 г.; с апреля 1938 г. заместитель председателя совета министров и министр координации Франции.

Шуберт М.— советник миссии ЧСР в Германии.

Шуленбург Ф., фон — посол Германии в СССР.

Шушниг К., фон — федеральный канцлер Австрии до марта 1938 г.

Эйзенлор Э.— посланник Германии в ЧСР.

Эллиот У.— министр по делам Шотландии в правительстве Великобритании.

Эмери Л.— политический и государственный деятель Великобритании, консерватор.

Эрколи — см. Тольятти.

Эрли С.— секретарь президента США Ф. Рузвельта.

Эррио Э.— председатель палаты депутатов парламента Франции.

Эттли К.— лидер лейбористской партии Великобритании.

Эштон-Гуэткин Ф.— советник МИД Великобритании, член миссии Рейсимена.

Юнг Р.— чехословацкий эмигрант, депутат рейхстага Германии.

Юран Й.— депутат Национального собрания ЧСР от КПЧ.

Яковлев В. Г.— второй секретарь полномочного представительства СССР в ЧСР.

Якш В.— один из руководителей немецкой социал-демократической рабочей партии ЧСР.

Янковский Т.— советник посольства Польши в СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие		3
Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на митинге советско-чехословацкой дружбы в Москве	*27 октября 1969 г.*	12
Из речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на митинге чехословацко-советской дружбы в Праге по случаю подписания Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и ЧССР	*6 мая 1970 г.*	—
Из доклада Генерального секретаря ЦК КПЧ Г. Гусака на торжественном заседании в Праге, посвященном 30-летию Победы над фашизмом и 30-летию освобождения Чехословакии	*7 мая 1975 г.*	13

* * *

1. Из речи депутата КПЧ К. Готвальда в палате депутатов Национального собрания ЧСР	*30 ноября 1937 г.*	15
2. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Германии в ЧСР	*9 декабря 1937 г.*	17
3. Из письма посланника ЧСР во Франции министру иностранных дел ЧСР	*11 декабря 1937 г.*	19
4. Из речи сенатора от КПЧ Й. Юрана в сенате Национального собрания ЧСР	*14 декабря 1937 г.*	20
5. Из письма полномочного представителя СССР во Франции народному комиссару иностранных дел СССР	*27 декабря 1937 г.*	22
6. Из письма руководства КПЧ всем партийным организациям о заседании ЦК КПЧ 11—12 декабря 1937 г.	*конец декабря 1937 г.*	23

7. Письмо посланника ЧСР в Австрии министру иностранных дел ЧСР . .	*16 февраля 1938 г.*	28
8. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР	*16 февраля 1938 г.*	29
9. Из письма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР	*23 февраля 1938 г.*	32
10. Из письма посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР	*24 февраля 1938 г.*	—
11. Из письма временного поверенного в делах СССР в Германии в НКИД СССР	*26 февраля 1938 г.*	34
12. Из письма посланника ЧСР во Франции министру иностранных дел ЧСР	*4 марта 1938 г.*	38
13. Из письма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР	*8 марта 1938 г.*	41
14. Запись телефонного разговора посланника ЧСР в Германии с министром иностранных дел ЧСР . . .	*12 марта 1938 г.*	43
15. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР . . .	*12 марта 1938 г.*	44
16. Запись беседы посланника ЧСР в Великобритании с министром иностранных дел Великобритании . . .	*12 марта 1938 г.*	46
17. Запись сотрудника политического отдела МИД ЧСР о телефонных разговорах с посланником Германии в ЧСР	*12 марта 1938 г.*	49
18. Письмо временного поверенного в делах СССР в ЧСР народному комиссару иностранных дел СССР . .	*15 марта 1938 г.*	—
19. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР . . .	*15 марта 1938 г.*	52
20. Из телеграммы посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР	*15 марта 1938 г.*	54
21. Листовка КПЧ «Твердость! Решимость! Единство!»	*15 марта 1938 г.*	—
22. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР . .	*16 марта 1938 г.*	57
23. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР	*17 марта 1938 г.*	—
24. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным представителям СССР в Великобритании, Франции, ЧСР и США	*17 марта 1938 г.*	58
25. Заявление народного комиссара иностранных дел СССР М. М. Литвинова представителям печати . . .	*17 марта 1938 г.*	59

26. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в ЧСР народному комиссару иностранных дел СССР . .	*17 марта 1938 г.*	61
27. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР	*18 марта 1938 г.*	—
28. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции	*20 марта 1938 г.*	62
29. Письмо участников манифестации трудящихся г. Кладно полномочному представителю СССР в ЧСР . . .	*20 марта 1938 г.*	—
30. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР . . .	*21 марта 1938 г.*	63
31. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР	*22 марта 1938 г.*	67
32. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР	*24 марта 1938 г.*	68
33. Нота министра иностранных дел Великобритании полномочному представителю СССР в Великобритании	*24 марта 1938 г.*	70
34. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссии ЧСР во Франции	*26 марта 1938 г.*	71
35. Из письма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР	*26 марта 1938 г.*	72
36. Нота миссии ЧСР в СССР в НКИД СССР	*27 марта 1938 г.*	74
37. Из письма временного поверенного в делах СССР в Германии народному комиссару иностранных дел СССР	*27 марта 1938 г.*	75
38. Из записи беседы главы советской военной делегации в ЧСР с начальником главного штаба чехословацкой армии	*28 марта 1938 г.*	76
39. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР . . .	*29 марта 1938 г.*	77
40. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР	*1 апреля 1938 г.*	—
41. Из письма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции	*4 апреля 1938 г.*	80
42. Письмо Центрального комитета Союза друзей СССР в Чехословакии министру иностранных дел ЧСР . . .	*15 апреля 1938 г.*	83

43. Из письма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Китае . . . . . *17 апреля 1938 г.* 84
44. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *19 апреля 1938 г.* 85
45. Из телеграммы посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР . . . . . *23 апреля 1938 г.* 87
46. Из доклада Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского р-на г. Москвы о международном положении . . . . . *26 апреля 1938 г.* 88
47. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР . . . *27 апреля 1938 г.* 89
48. Из телеграммы посланника ЧСР в Великобритании министру иностранных дел ЧСР . . . . . *28 апреля 1938 г.* 91
49. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР . . . . . *29 апреля 1938 г.* —
50. «Майская клятва», зачитанная на первомайских манифестациях КПЧ *1 мая 1938 г.* 92
51. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Великобритании . . . . . *4 мая 1938 г.* 93
52. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *5 мая 1938 г.* 94
53. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии в НКИД СССР . . . . . *6 мая 1938 г.* 95
54. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *10 мая 1938 г.* 96
55. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . *11 мая 1938 г.* 98
56. Из письма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР . . *13 мая 1938 г.* 99
57. Из телеграммы народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы . . . . . *14 мая 1938 г.* 100
58. Из телеграммы постоянного делегата ЧСР в Лиге наций в МИД ЧСР *15 мая 1938 г.* 102
59. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с президентом ЧСР . . . . . *18 мая 1938 г.* 103

60. Из речи Генерального секретаря КПЧ К. Готвальда на предвыборном собрании КПЧ в Праге-Либне . . . *18 мая 1938 г.* 108
61. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *19 мая 1938 г.* 112
62. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *19 мая 1938 г.* 113
63. Телеграмма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *21 мая 1938 г.* 116
64. Заявление КПЧ, опубликованное в газете «Руде право» . . . . . *21 мая 1938 г.* 117
65. Из телеграммы посланника ЧСР во Франции министру иностранных дел ЧСР . . . . . *22 мая 1938 г.* 118
66. Из записи беседы заведующего политическим отделом МИД ЧСР с посланником Германии в ЧСР . . . . *25 мая 1938 г.* 120
67. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР . . . *25 мая 1938 г.* 121
68. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР . . *25 мая 1938 г.* 124
69. Из заявления чехословацкой профсоюзной делегации, посетившей СССР в связи с первомайскими торжествами . . . . . *28 мая 1938 г.* 125
70. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР . . . . . *30 мая 1938 г.* —
71. Телеграмма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *2 июня 1938 г.* 131
72. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР временному поверенному в делах СССР во Франции . . . . . *5 июня 1938 г.* 132
73. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *7 июня 1938 г.* —
74. Из письма посланника ЧСР во Франции президенту ЧСР . . . . . *8 июня 1938 г.* 134
75. Из сообщения Тржебичского районного управления президиуму Брненского земского управления . . . . *8 июня 1938 г.* 135
76. Из телеграммы министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в странах Европы, в Турции и США . . . *12 июня 1938 г.* 136
77. Запись телефонного разговора начальника канцелярии министра иностранных дел ЧСР с посланником ЧСР в Германии . . . . . *17 июня 1938 г.* 138
78. Из письма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *18 июня 1938 г.* 139

79. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР — *25 июня 1938 г.* — 141
80. Письмо посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . — *25 июня 1938 г.* — 142
81. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР — *27 июня 1938 г.* — 145
82. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . — *15 июля 1938 г.* — 147
83. Из письма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . — *21 июля 1938 г.* — 148
84. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланнику ЧСР во Франции . . . . . — *21 июля 1938 г.* — 149
85. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . — *22 июля 1938 г.* — 150
86. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланнику ЧСР в Великобритании . . . . . — *26 июля 1938 г.* — 151
87. Из письма полномочного представителя СССР во Франции народному комиссару иностранных дел СССР — *27 июля 1938 г.* — 152
88. Запись беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с начальником канцелярии министра иностранных дел ЧСР . . . . . — *28 июля 1938 г.* — 157
89. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР . . . . . — *2 августа 1938 г.* — 158
90. Заявление депутатов КПЧ в Национальном собрании ЧСР . . . . . — *2 августа 1938 г.* — 159
91. Письмо посланника ЧСР в Германии министру иностранных дел ЧСР . . — *4 августа 1938 г.* — 163
92. Призыв и клятва участников манифестации в г. Немецки Брод . . . — *7 августа 1938 г.* — 164
93. Из записи беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с президентом ЧСР . . . . . — *16 августа 1938 г.* — 165
94. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . — *17 августа 1938 г.* — 171
95. Резолюция Союза рабочих металлообрабатывающей промышленности района Прага-Смихов, направленная президенту ЧСР . . . . . — *20 августа 1938 г.* — 172
96. Из донесения полицейского управления г. Либерец в министерство внутренних дел ЧСР . . . . . — *21 августа 1938 г.* — 173
97. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочным

представителям СССР в ЧСР и Германии . . . . . *22 августа 1938 г.* 174
98. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с министрами иностранных дел Румынии и Югославии . . . . *24 августа 1938 г.* 175
99. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *24 августа 1938 г.* 176
100. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР во Франции и Великобритании . . . . . *25 августа 1938 г.* 178
101. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании народному комиссару иностранных дел СССР . . . . . *26 августа 1938 г.* 179
102. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *27 августа 1938 г.* 181
103. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *29 августа 1938 г.* —
104. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР . . . . *29 августа 1938 г.* 182
105. Из телеграммы полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . *29 августа 1938 г.* 183
106. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *31 августа 1938 г.* 184
107. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР . . . . . *1 сентября 1938 г.* 185
108. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР *2 сентября 1938 г.* 187
109. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР . . . . . *3 сентября 1938 г.* 188
110. Из телеграммы полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР . . . . . *3 сентября 1938 г.* 189
111. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *3 сентября 1938 г.* 190
112. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании заместителю народного комиссара иностранных дел СССР . . . . . *5 сентября 1938 г.* —
113. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР . . . . . *5 сентября 1938 г.* 192

114. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в Великобритании, Франции и СССР . . . *6 сентября 1938 г.* 194
115. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *7 сентября 1938 г.* 195
116. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланникам ЧСР во Франции и Великобритании . . . *7 сентября 1938 г.* 196
117. Из записи беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Великобритании в СССР . . . . . *8 сентября 1938 г.* 197
118. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . *8 сентября 1938 г.* 198
119. Из речи Генерального секретаря КПЧ К. Готвальда на манифестации жителей Праги на Славянском острове . . . . . *9 сентября 1938 г.* 200
120. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР . . . . . *10 сентября 1938 г.* 204
121. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР *11 сентября 1938 г.* 205
122. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы . . . . . *11 сентября 1938 г.* 207
123. Письмо посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *13 сентября 1938 г.* 209
124. Запись беседы временного поверенного в делах СССР в Германии с послом Франции в Германии . . . *13 сентября 1938 г.* 210
125. Телеграмма посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР . . . *14 сентября 1938 г.* 211
126. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Италии в НКИД СССР . . . . . *14 сентября 1938 г.* 212
127. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы . . . . . *15 сентября 1938 г.* 213
128. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *15 сентября 1938 г.* 215
129. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР народному комиссару иностранных дел СССР, в Женеву . . . . . *15 сентября 1938 г.* 216
130. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Германии в НКИД СССР . . . . . *15 сентября 1938 г.* —

131. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в Великобритании и Франции . . . . . *16 сентября 1938 г.* 217
132. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *16 сентября 1938 г.* 219
133. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *16 сентября 1938 г.* 220
134. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *17 сентября 1938 г.* —
135. Из письма посланника ЧСР во Франции президенту ЧСР . . . . *17 сентября 1938 г.* 221
136. Запись беседы заведующего политическим отделом МИД ЧСР с временным поверенным в делах Германии в ЧСР . . . . . *17 сентября 1938 г.* 225
137. Письмо временного поверенного в делах ЧСР в Германии в МИД ЧСР *18 сентября 1938 г.* 226
138. Заявление правительств Великобритании и Франции правительству ЧСР . . . . . *19 сентября 1938 г.* 228
139. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР . . . . . *19 сентября 1938 г.* 230
140. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР . . . . . *19 сентября 1938 г.* 231
141. Телеграмма посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР . . . *19 сентября 1938 г.* 233
142. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *19 сентября 1938 г.* 234
143. Из телеграммы посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *19 сентября 1938 г.* 235
144. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *19 сентября 1938 г.* 236
145. Письмо Союза друзей СССР в Чехословакии президенту ЧСР . . . *19 сентября 1938 г.* —
146. Заявление депутата КПЧ К. Готвальда в постоянном комитете Национального собрания ЧСР . . . *19 сентября 1938 г.* 237
147. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР . . . . . *20 сентября 1938 г.* 239
148. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР . . . . . *20 сентября 1938 г.* 240
149. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *20 сентября 1938 г.* —
150. Нота правительства ЧСР правительствам Великобритании и Франции *20 сентября 1938 г.* 241

151.	Из телеграммы полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР	*21 сентября 1938 г.*	244
152.	Нота правительства Великобритании правительству ЧСР	*21 сентября 1938 г.*	—
153.	Запись беседы президента ЧСР с посланниками Франции и Великобритании в ЧСР	*21 сентября 1938 г.*	245
154.	Телеграмма министра иностранных дел ЧСР миссиям ЧСР в Великобритании и Франции	*21 сентября 1938 г.*	246
155.	Запись заведующего протокольным отделом МИД ЧСР о телефонном разговоре с атташе миссии ЧСР в Великобритании	*21 сентября 1938 г.*	247
156.	Телеграмма министра иностранных дел ЧСР всем миссиям ЧСР за границей, консульству в Дублине и постоянному делегату ЧСР в Лиге наций	*21 сентября 1938 г.*	—
157.	Из протокольной записи о выступлении председателя правительства на чрезвычайном заседании правительства ЧСР	*21 сентября 1938 г*	249
158.	Нота правительства ЧСР правительствам Великобритании и Франции	*21 сентября 1938 г.*	250
159.	Из выступления министра иностранных дел ЧСР К. Крофты перед представителями печати	*21 сентября 1938 г.*	251
160.	Запись беседы начальника канцелярии министра иностранных дел ЧСР с полномочным представителем СССР в ЧСР	*21 сентября 1938 г.*	252
161.	Обращение КПЧ к гражданам Чехословакии	*не позднее 21 сентября 1938 г.*	253
162.	Директива народного комиссара обороны СССР Военному совету Киевского особого военного округа	*21 сентября 1938 г.*	254
163.	Из речи председателя советской делегации М. М. Литвинова на пленарном заседании Ассамблеи Лиги наций	*21 сентября 1938 г.*	256
164.	Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР	*22 сентября 1938 г.*	262
165.	Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР	*22 сентября 1938 г.*	263
166.	Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР	*22 сентября 1938 г.*	265

167. Резолюция участников манифестации граждан Брно, направленная полномочному представителю СССР в ЧСР . . . . . *22 сентября 1938 г.* 265
168. Заявление Петиционного комитета «Останемся верными» президенту ЧСР . . . . . *22 сентября 1938 г.* 266
169. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *22 сентября 1938 г.* 267
170. Телеграмма посланника ЧСР во Франции президенту ЧСР . . . . *22 сентября 1938 г.* —
171. Призыв Коммунистической партии Чехословакии к защите республики *22 сентября 1938 г.* 268
172. Заявление Советского правительства правительству Польши . . . . *23 сентября 1938 г.* 269
173. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР *23 сентября 1938 г.* —
174. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Польши в СССР . . . . . *23 сентября 1938 г.* 271
175. Речь председателя советской делегации М. М. Литвинова на заседании 6-й политической комиссии Лиги наций . . . . . *23 сентября 1938 г.* —
176. Из протокольной записи о чрезвычайном заседании правительства ЧСР . . . . . *23 сентября 1938 г.* 275
177. Телеграмма народного комиссара иностранных дел СССР в НКИД СССР, из Женевы . . . . . *23 сентября 1938 г.* 278
178. Запись заведующего политическим отделом МИД ЧСР о визите посланника Великобритании в ЧСР *23 сентября 1938 г.* 280
179. Запись заведующего политическим отделом МИД ЧСР о визите посланника Франции в ЧСР . . . . *23 сентября 1938 г.* —
180. Запись беседы заведующего протокольным отделом МИД ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР *23 сентября 1938 г.* 281
181. Из телеграммы посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР . . *24 сентября 1938 г.* 284
182. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . *24 сентября 1938 г.* —
183. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланникам ЧСР во Франции, Великобритании и СССР *24 сентября 1938 г.* 286

184. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР . . . . . *24 сентября 1938 г.* 287
185. Резолюция городского совета Клатовы, направленная президенту ЧСР *24 сентября 1938 г.* 288
186. Текст годесбергского меморандума, направленный премьер-министром Великобритании посланнику ЧСР в Великобритании . . . . . *25 сентября 1938 г.* —
187. Нота посланника ЧСР в Великобритании премьер-министру Великобритании . . . . . *25 сентября 1938 г.* 291
188. Телеграмма Народного комиссариата обороны СССР военно-воздушному атташе СССР во Франции . . *25 сентября 1938 г.* 293
189. Из телеграммы посланника ЧСР в Великобритании в МИД ЧСР . . . *26 сентября 1938 г.* 294
190. Нота посланника ЧСР в Великобритании министру иностранных дел Великобритании . . . . . *26 сентября 1938 г.* 295
191. Телеграмма министра иностранных дел ЧСР посланнику ЧСР в Великобритании . . . . . *26 сентября 1938 г.* 296
192. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *26 сентября 1938 г.* 298
193. Из телеграммы временного поверенного в делах СССР в США в НКИД СССР . . . . . *26 сентября 1938 г.* —
194. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР . . . . . *27 сентября 1938 г.* 300
195. Письмо правительства Великобритании правительству ЧСР . . . . *27 сентября 1938 г.* 301
196. Обращение КПЧ к народам всего мира . . . . . *27 сентября 1938 г.* 302
197. Письмо правительства ЧСР правительству Великобритании . . . . *28 сентября 1938 г.* 304
198. Заявление правительства США правительству СССР . . . . . *28 сентября 1938 г.* 307
199. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в НКИД СССР . . . . . *28 сентября 1938 г.* 308
200. Телеграмма полномочного представителя СССР во Франции в НКИД СССР . . . . . *28 сентября 1938 г.* 309
201. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . *28 сентября 1938 г.* 310
202. Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *28 сентября 1938 г.* —

203.	Заявление правительства СССР правительству США	*28 сентября 1938 г.*	310
204.	Докладная народного комиссара обороны СССР в Политбюро ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров СССР	*28 сентября 1938 г.*	312
205.	Директива Генерального штаба РККА Военным советам округов . .	*28 сентября 1938 г.*	314
206.	Директива народного комиссара обороны СССР Военному совету Белорусского особого военного округа	*29 сентября 1938 г.*	—
207.	Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР	*29 сентября 1938 г.*	316
208.	Из записи телефонного разговора председателя правительства ЧСР с начальником главного штаба чехословацкой армии	*29 сентября 1938 г.*	—
209.	Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР	*29 сентября 1938 г.*	319
210.	Телеграмма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР	*29 сентября 1938 г.*	321
211.	Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР	*29 сентября 1938 г.*	322
212.	Письмо посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР . .	*29 сентября 1938 г.*	323
213.	Из письма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР	*29 сентября 1938 г.*	326
214.	Заявление правительства Великобритании правительству ЧСР . . .	*29 сентября 1938 г.*	327
215.	Запись телефонного разговора заведующего протокольным отделом МИД ЧСР с посланником Великобритании в ЧСР	*29 сентября 1938 г.*	328
216.	Соглашение, заключенное Германией, Великобританией, Францией и Италией в Мюнхене	*29 сентября 1938 г.*	329
217.	Запись начальника канцелярии министра иностранных дел ЧСР о передаче текста мюнхенского соглашения правительству ЧСР	*30 сентября 1938 г.*	332
218.	Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР	*30 сентября 1938 г.*	334
219.	Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР	*30 сентября 1938 г.*	—
220.	Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР	*30 сентября 1938 г.*	335

221. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . *30 сентября 1938 г.* 335
222. Телеграмма временного поверенного в делах СССР в США в НКИД СССР . . . . . *30 сентября 1938 г.* 336
223. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *1 октября 1938 г.* 337
224. Заявление Коммунистической партии Чехословакии . . . . . *1 октября 1938 г.* 338
225. Из телеграммы полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР . . . . . *1 октября 1938 г.* 340
226. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *1 октября 1938 г.* —
227. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *1 октября 1938 г.* 341
228. Телеграмма полномочного представителя СССР в Великобритании в НКИД СССР . . . . . *2 октября 1938 г.* 342
229. Сообщение ТАСС . . . . . *2 октября 1938 г.* 344
230. Телеграмма посланника ЧСР в СССР в МИД ЧСР . . . . . *3 октября 1938 г.* 345
231. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР *3 октября 1938 г.* —
232. Сообщение ТАСС . . . . . *4 октября 1938 г.* 346
233. Телеграмма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *5 октября 1938 г.* 347
234. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *6 октября 1938 г.* 348
235. Воззвание представителей коммунистических партий Франции, Великобритании, Испании, Чехословакии, США, Германии, Италии, Бельгии, Швейцарии, Швеции, Канады, Голландии . . . . . *9 октября 1938 г.* 354
236. Из речи депутата КПЧ К. Готвальда в постоянном комитете Национального собрания ЧСР . . . . . *11 октября 1938 г.* 359
237. Заявление для печати полномочного представителя СССР в Великобритании . . . . . *11 октября 1938 г.* 364
238. Из письма министерства юстиции ЧСР министерству иностранных дел ЧСР . . . . . *11 октября 1938 г.* 365
239. Запись беседы министра иностранных дел ЧСР с посланником Германии в ЧСР . . . . . *12 октября 1938 г.* 366
240. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Франции в СССР . . . . . *16 октября 1938 г.* 367

241. Телеграмма заместителя народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в ЧСР	*15 октября 1938 г.*	368
242. Из письма народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР в Великобритании	*17 октября 1938 г.*	369
243. Запись министра иностранных дел ЧСР о его выступлении перед лидерами правительственных партий . .	*18 октября 1938 г.*	370
244. Письмо народного комиссара иностранных дел СССР полномочному представителю СССР во Франции	*19 октября 1938 г.*	375
245. Запись беседы полномочного представителя СССР в ЧСР с министром иностранных дел ЧСР	*22 октября 1938 г.*	—
246. Из письма посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР	*1 ноября 1938 г.*	380
247. Из доклада Председателя Совета Народных Комиссаров СССР В. М Молотова на торжественном заседании, посвященном 21-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции	*6 ноября 1938 г.*	385
248. Из письма полномочного представителя СССР во Франции народному комиссару иностранных дел СССР	*11 ноября 1938 г.*	389
249. Из письма временного поверенного в делах СССР в США народному комиссару иностранных дел СССР	*11 ноября 1938 г.*	392
250. Телеграмма полномочного представителя СССР в ЧСР в НКИД СССР	*14 ноября 1938 г.*	394
251. Запись бесед делегата ЧСР в подкомиссии «С» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения с делегатом Германии в этой подкомиссии	*15 ноября 1938 г.*	395
252. Запись беседы делегата ЧСР в подкомиссии «С» международной комиссии по осуществлению мюнхенского соглашения с делегатом Германии в этой подкомиссии	*16 ноября 1938 г.*	399
253. Из письма полномочного представителя СССР в ЧСР народному комиссару иностранных дел СССР . .	*17 ноября 1938 г.*	402
254. Из записи беседы народного комиссара иностранных дел СССР с временным поверенным в делах Франции в СССР	*20 ноября 1938 г.*	403
255. Из письма посланника ЧСР во Франции в МИД ЧСР	*10 декабря 1938 г.*	404

256. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *15 января 1939 г.* 406
257. Телеграмма посланника ЧСР в СССР министру иностранных дел ЧСР . . . . . *21 января 1939 г.* 407
258. Письмо президиума правительства ЧСР в МИД ЧСР . . . . . *25 января 1939 г.* 408
259. Из письма временного поверенного в делах ЧСР во Франции в МИД ЧСР . . . . . *7 февраля 1939 г.* —
260. Запись беседы заместителя народного комиссара иностранных дел СССР с посланником ЧСР в СССР *8 февраля 1939 г.* 410
261. Письмо посланника ЧСР в Германии в МИД ЧСР . . . . . *8 февраля 1939 г.* 412
262. Из обзора внешней политики Великобритании за 1938 г., подготовленного полномочным представителем СССР в Великобритании . . . . *25 февраля 1939 г.* —
263. Из отчетного доклада Генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина на XVIII съезде ВКП(б) . . *10 марта 1939 г.* 415
264. Из краткого отчета полномочного представительства СССР в Германии в НКИД СССР о политической жизни в Германии в 1938 г. . . . *11 марта 1939 г.* 418
265. Совместное заявление правительств Германии и ЧСР . . . . . *15 марта 1939 г.* 419
266. Призыв КПЧ к борьбе в защиту Чехословакии от фашистской агрессии *не ранее 15 марта 1939 г.* 421
267. Запись беседы народного комиссара иностранных дел СССР с послом Польши в СССР . . . . . *16 марта 1939 г.* 423
268. Заявление посланника ЧСР в СССР, переданное в редакцию газеты «Известия» . . . . . *18 марта 1939 г.* 426
269. Нота народного комиссара иностранных дел СССР послу Германии в СССР . . . . . *18 марта 1939 г.* —

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой Социалистической Республикой . . . . . *6 мая 1970 г.* 429
II. Договоренность о намерениях сторон . . . . . *не позднее 12 августа 1970 г.* 434

III. Из выступления министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на пленарном заседании XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН . . . *26 сентября 1972 г.* 436

IV. Договор о взаимных отношениях между Чехословацкой Социалистической Республикой и Федеративной Республикой Германии . . . . . *11 декабря 1973 г.* 437

V. Из речи члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Ереване при вручении Армянской ССР ордена Дружбы народов . . . . . *19 января 1974 г.* 439

VI. Из выступления члена ЦК КПЧ, министра иностранных дел ЧССР Б. Хнеупека на заседании Федерального собрания ЧССР . . . . *15 июля 1974 г.* 440

Указатель имен 447

ДОКУМЕНТЫ
ПО ИСТОРИИ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА
1937—1939

Заведующий редакцией *А. В. Никольский*
Редактор *Н. С. Алентьева*
Младший редактор *Н. С. Коблякова*
Художник *Ю. С. Муравьев*
Художественный редактор *Е. А. Андрусенко*
Технический редактор *М. И. Токменина*

ИБ № 2714
Сдано в набор 11.06.79. Подписано в печать 27.07.79. Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Услови. печ. л. 24,78. Учетно-изд. л. 25,26. Тираж 90 тыс. экз. Заказ 4039. Цена 1 р. 10 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.